

фантастика

Ян Кошкарев

Край

16+

Ян Кошкарев

Край

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42394007

SelfPub; 2019

Аннотация

Мечтатель-ученый пытается разгадать устройство мира, окруженного бесконечно высокой стеной, которую называют Краем. Но Край только дразнится и совсем не торопится раскрывать тайны. В довесок жизнь подкидывает целый ворох проблем, которые приходится решать, постоянно отвлекаясь от работы – секта краепоклонников требует немедленно прекратить эксперименты, бывший друг мстит за дела минувших дней, дочь влюблена в школьного учителя, и вот-вот уйдет жена. И когда жить становится совсем невмоготу, из глубин подсознания приходят твари...

Содержание

ГЛАВА I. Вкус победы	4
ГЛАВА II. Шторм неизвестности	40
ГЛАВА III. Сладкий краенит	74
ГЛАВА IV. Урок математики	120
ГЛАВА V. Краенитовая пыль	159
ГЛАВА VI. Развитие и процветание	198
ГЛАВА VII. Практика запоя	240
ГЛАВА VIII. Обстоятельства преодолимой силы	282
ГЛАВА IX. Временные трудности	328
ГЛАВА X. Мед и ложка	361
ГЛАВА XI. Основы пожаротушения	400
ГЛАВА XII. Укус змеи	438
ГЛАВА XIII. Твари	486

ГЛАВА I. Вкус победы

1.

Сначала закончилась Лоскутовка, а через двести метров исчезла дорога.

Микроавтобус здорово трясло. У Тальберга разболелся пресс, навечно замурованный в глубинах жировых складок. «Если болит, значит, существует», подумал оптимистично, улыбнулся Сане и хотел пошутить по этому поводу, однако в памяти не к месту всплыл вчерашний разговор с Лизкой.

Под ложечкой неприятно засосало, и настроение разом испортилось. Тальберг помрачнел и уткнулся в установку невидящим взором, прокручивая в мыслях слова, которые вчера наговорил сгоряча. Обидно, но не смог даже вспомнить, из-за чего сыр-бор разгорелся.

Микроавтобус трясся и угрожал рассыпаться. Вместе с ним мелко тряслась и временами недовольно позванивала установка, прикрученная болтами к раме на полу.

– Чуть помедленней, – попросил Тальберг, опасаясь, что опять в недрах оборудования отвалится невзрачный контакт и уйдет неделя на выяснение, почему «эта красная электронная скотина светит, но не греет».

Водитель с пониманием кивнул и поехал медленней, но

стало только хуже. Оказалось, часть мелких выбоин на скорости пролеталась незамеченной, а теперь каждая ямка превращалась в луна-парковый аттракцион, от которого внутренним органам в животе становилось тесно и неуютно, и они норовили выпрыгнуть наружу.

В щелях микроавтобуса свистел ветер, и казалось намного холоднее, чем было в действительности. Тальберг замерз. Он мерз всегда, и это его свойство стало в институте притчей во языцех – он не снимал куртку до самого июля, когда из-за пота находиться в уюте верхней одежды не представлялось возможным по гигиеническим причинам.

Лаборант Саня дрожал в тонкой осенней курточке и улыбался с романтической мечтательностью во взгляде. Вряд ли его хорошее настроение имело отношение к цели поездки. Он часто сосуществовал в двух местах одновременно – тело тряслось в микроавтобусе, а мысли витали в приятных воспоминаниях из жизни за пределами института.

У противоположной стены сидел Семенов с карикатурно сосредоточенным выражением лица, и невозможно было всерьез воспринимать его сдвинутые грозные брови и наморщенный лоб. Он глядел серыми немигающими глазами на установку, словно ей не доверял и ожидал от нее подвоха. Если бы она превратилась в трехглавого удава, подумал Тальберг, Семенов бы тут же задушил все три шеи голыми руками, нисколько не удивившись такому магическому происшествию.

– Александр Николаевич, – сказал Тальберг, – чего тебе в теплой конуре своей не сидится?

Семенов оторвал суровый взгляд от установки и прохрипел в ответ:

– Опять эта штука загорится, а тушить некому. Будете гляделками хлопать, как в прошлом ноябре. Мне потом за убытки по пожарам отчитываться, а эта ваша хреновина стоит дороже парохода, – он на секунду задумался, вспомнил увиденную накануне в бухгалтерской книге цифру и уточнил: – Два парохода и один плавучий зоопарк в придачу.

– Сегодня мы огнетушитель взяли, – попытался оправдаться Тальберг. – Не дети малые, сами сможем...

Семенов не удостоил ответом, снисходительным видом давая понять, насколько невысоко оценивает способности всяких тальбергов в пожаротушении. Дальше ехали молча.

Когда стало казаться, что тряска будет длиться вечно, машина остановилась. Тальберг выдохнул, расслабился и открыл заднюю дверцу, впустив морозный воздух. На негнущихся ногах выползли наружу и теперь приседали и притопывали для согрева, попутно оглядывая местность.

Перед ними привычной стеной возвышался Край, верх которого терялся в высоте. Никто не доказал факт существования верхнего конца, но исходя из конечности всего существующего, полагалось, что он есть, просто недостижим на текущем этапе развития человечества.

На первый взгляд, Край казался абсолютно черным внут-

ри с наружной поверхностью, словно отлитой из темного матового стекла. По мере подъема он светлел и приобретал цвет неба, визуально сливаясь с ним приблизительно на двухсотметровой высоте. Если стоять на земле и долго вглядываться в черноту, можно заметить, как в глубине идут гигантские волны и происходит нечто, пониманию недоступное.

Человек, впервые оказавшийся у Края, легко мог впасть в гипнотическое состояние от созерцания размеренного движения громадных световых пятен по ту сторону поверхности. Ходят слухи, что существует секта краепоклонников, днями напролет сидящих в позе лотоса напротив стены и часами глядящих в одну точку с целью постичь великую тайну бытия.

Любому человеку с детсадовского возраста известно, что Край бесконечен и замкнут в окружность. Если идти вдоль него в одну сторону, теоретически можно обойти весь мир и вернуться в исходную точку. Находились смельчаки, пытавшиеся совершить кругосветное путешествие, но никому не удавалось проделать полный круг. На путешественников сваливалась невообразимая череда неприятностей, вынуждая отказаться от затеи и финишировать на старте. Глохли двигатели машин, рвались ремни на брюках, люди спотыкались на каждом камне, дрались, впадали в истерику, теряли сознание и гибли. В конце концов, на время нахождения у Края установили ограничение в двенадцать часов, а дежур-

ные патрули начали отлавливать сумасшедших, не оставлявших попыток стать первыми людьми, обошедшими весь мир.

Что находится по ту сторону стены, ни в одном учебнике прочитать нельзя. Никто не знает, но все, кому не лень, гадают и строят гипотезы, подтвердить или опровергнуть которые невозможно. Край сверхпрочен, и ни разу не удавалось отделить от него хотя бы кусочек, не говоря о том, чтобы проделать полноценное отверстие. До сегодняшнего дня.

Размявшись, Саня полез в микроавтобус и открутил крепежные винты, втроем вытащили установку и с двумя перерывами на перекур дотянули до Края. Тальберг нашел ровный участок, на котором и расположили оборудование.

– Тяжелая хреновина, – Семенов положил ладонь на сердце и переводил дыхание, – а с виду и не скажешь. Маленькая такая...

– Аккумуляторы, – пояснил Саня, отвечавший за перезарядку и замену этих самых аккумуляторов и неоднократно получавший нагоняй за то, что забывал это делать вовремя.

Он выставил горизонтальность по встроенному пузырьковому уровню, и на том подготовительные работы завершились.

– Включаю!

Семенов встал в двух шагах от установки, взял посподручнее огнетушитель и приготовился срывать пломбу и выдергивать чеку в соответствии с инструкцией. Тальберг окочневшими пальцами нащупал кнопку питания и нажал.

Первые секунды ничего не происходило. Саня разочарованно пробормотал «опять перегорело», но установка словно услышала и назло ему заработала. Зажегся индикатор, и послышался едва уловимый гул.

– Замерзла, – догадался Тальберг. – Пусть прогреется.

Семенов стоял с огнетушителем, норовившим выскользнуть из неудобных перчаток. Установка не совершала попыток к самовоспламенению, но Александр Николаевич продолжал испытывать к ней недоверие, расценивая прилежную работу как отвлекающий маневр для усыпления бдительности.

Тальберг провел ладонью по шершавому корпусу и отметил приятный нагрев.

– Приступаем ко второй фазе.

Он снял защитную крышку с конусной рабочей части, повернул ручку мощности и приложил ухо к кожуху, будто хотел услышать, как по цепям бегают электроны и топчут несуществующими ногами.

На острие конуса на мгновение возник тонкий фиолетовый луч и исчез. Тальберг знал, что тот перешел в невидимый участок спектра, но продолжает существовать и может замечательно прожечь насквозь, а то и вовсе отрезать палец, если им по неосторожности провести перед конусом. Тальберг дошел до среднего положения на шкале мощности и решил, что этого достаточно.

– Подавай!

Саня принялся вращать маховики, и установка медленно поползла по направляющим к стене.

– Стоп!

Острые остановилось в сантиметре от поверхности Края.

Тальберг затаил дыхание. Над ухом тяжело дышал Саня. Семенов опустил огнетушитель и уставился на точку, куда указывал конус.

Секунды тянулись, словно засахарившийся мед, но видимых изменений не происходило. У Тальберга снова нехорошо засосало под ложечкой. Ему захотелось вскочить и пнуть ногой этот издевающийся над ним кусок металла, который он столько лет собирал и пересобирал, что видел схемы во сне.

В стене появилась темная точка величиной в спичечную головку.

– Работает, – радостный Семенов проникся важностью момента и позабыл про огнетушитель.

– Нужно разрез сделать, – сказал Тальберг.

Саня кивнул и покрутил маховик вертикального перемещения. Конус небольшими рывками пополз вверх.

– Да не торопись ты так! Не спеши, вращай равномернее, прожигать не успеает.

Саня старался, но на морозе дрожали руки, и маховик нет-нет да и подрагивал. В конце концов, приноровился крутить с такой скоростью, чтобы луч резал без разрывов. Выходило по сантиметру в минуту.

Решили остановиться и выключили установку во избежание перегрева. Тальберг снял перчатку и провел пальцами по щели. Вопреки подсознательному ожиданию ожога стена окатывала свежестью. Все, включая малых детей, знали, что Край всегда холоден и имеет невероятную теплоемкость и аномально низкую теплопроводность.

– Глубину бы измерить, – Тальберг сообразил, что они не взяли измерительных инструментов. – Хотя бы приблизительно.

Саня заглянул в щель с фонариком.

– Темно, – сказал он с разочарованием.

– Нужно тонкое... лист бумаги, карточку какую-нибудь, – пробормотал Тальберг. Он посетовал, что накануне выложил рулетку из кармана и забыл на верстаке в лаборатории. Все, включая Семенова, принялись изучать недра курток, но как назло ничего подходящего не попадалось – даже завалящего магазинного чека, которые обычно пачками скапливаются по карманам, потому что руки не доходят выбросить.

Глупо получалось. Установка заработала, а о простой линейке не подумали, наверное, подсознательно не ожидали, что в этот раз выйдет. После пятнадцати лет неудач взяло и назло всему получилось.

Семенов предложил приехать завтра, вооружившись необходимой измерительной техникой, но это означало мучиться от любопытства целую ночь, а Тальберг и так вечерами по три часа ворочался, прежде чем заснуть.

– Водительские права? – выкрикнул Саня.

– Точно!

Позвали водителя, но тот наотрез отказался жертвовать документами ради науки. А вдруг застрянут? Принуждать не стали – вдруг действительно застрянут.

Когда почти смирились, что результаты эксперимента станут известны через сутки, водитель убежал в кабину и вернулся, размахивая желтым листком, как флагом.

– Маршрутный лист! Для науки не жалко.

Грязный от солидола кусок бумаги аккуратно сложили четверо и тонкую полосу с трудом всунули в прорезь. Тальберг пальцем зажал лист в месте выхода из стены и извлек импровизированный глубиномер наружу.

– Сантиметров десять, – прикинул он и почувствовал необыкновенную гордость. Хотелось произнести чушь вроде «С победой, друзья! Это великий день для всех, здесь собравшихся, и для мировой науки в целом», но он сдержался и сухо сказал:

– Для первого раза неплохо.

Встала дилемма, что делать дальше: уезжать и заполнять протоколы испытаний или сделать еще разрез?

– А если отрезать небольшой кусок? – предложил Саня. – В НИИ от удивления задохнутся, когда мы привезем с собой ТАКОЕ!

Тальбергу идея понравилась, и он стал прикидывать, как бы побыстрее и проще вырезать из гладкой отвесной стены

кусок.

– Так, ставим параллельно горизонту под тридцать градусов, режем вниз сантиметров десять. Отступаем на пятнадцать влево и повторяем симметрично. Затем делаем два горизонтальных реза – сверху и снизу...

Для иллюстрации он водил пальцем по поверхности Края. Саня уловил идею и прикинул время:

– Два по десять, еще два – по пятнадцать, итого пятьдесят. По минуте на сантиметр да плюс четыре перерыва... Получается около часа!

Тальберг с сомнением посмотрел на часы. Время позволяло, но не хотелось простудиться, хотя мысль показать всем этим «секретникам» настоящий отрезанный от Края кусок показалась привлекательной, и он сдался:

– Режь!

Пока Саня с воодушевлением резал, остальные поочередно грелись в микроавтобусе. Семенов пришел к выводу, что установка гореть не собирается, и оставил в покое огнетушитель.

Приковылял заскучавший водитель. Посмотрел, как Саня крутит маховики, не выдержал и решил поговорить о жизни.

– Слышали, говорят, военное положение завтра введут? – забросил он удочку.

– Врут, – резко ответил Тальберг, менее всего желавший разговаривать о политике. Водитель намек не понял.

– Честное слово, у меня брат в столице на членовозе тру-

дится...

– Где? – по молодости удивился Саня, но взгляд от острия конуса не оторвал.

– Этих... членов всяких государственных служб возит.

– А-а-а... – протянул лаборант разочарованно. Реальность оказалась скучнее его воображения.

– Вот брат и говорит, что везет к нам важную шишку. Он не дурак, сам напросился и оформил, как командировку. На полгода едут, не меньше.

– Какая шишка?

– Да этот, вылетело... На «тэ» начинается... – водитель сосредоточено думал, перебирая фамилии на «Т». – Котов! Точно!

– По крайней мере, «Т» там есть, – заметил Семенов.

Тальберг напряг память и вспомнил: Котов числился генеральным инспектором. Его все знали или как минимум о нем слышали, но не могли сказать ничего конкретного, зато поговаривали, что его побаивается и уважает Сам (при этих словах указательный палец говорящего обычно непроизвольно начинал показывать вверх), но Тальберг в слухи предпочитал не верить. Кто кого боится, его заботило мало.

– Пусть приезжает. Переживем, – разрешил он.

Разговор не клеился. Разочарованный водитель вернулся в кабину.

Зачем к ним ехал генеральный инспектор, не составляло загадки. Лоскутовка появилась как научный городок при

большом научно-исследовательском институте по изучению Края, но вскоре стало окончательно ясно, что практической отдачи от фундаментальных исследований нет. Поэтому институт вместо Края давно трудился над оборонкой, а во всем НИИ один Тальберг со своей группой продолжал биться головой о черную стену, пока остальные занимались «серьезным делом» и сдавали на ночь отчеты в институтский сейф под расписку.

Тальберг поежился. Ему захотелось в тепло, где можно укрыться толстым одеялом и подремать часок. Он почувствовал легкую зависть к лаборанту, увлекшемуся работой и не замечающему холода.

– Есть! – объявил Саня.

На землю упал кусок, по форме напоминающий двускатную крышу игрушечного домика. Только черный цвет и внушительный вес говорили, что это отнюдь не игрушка.

Тальберг поднял отрез и покрутил в руках, разглядывая грани, исчерченные полосками из-за неравномерного движения луча.

– Как материал назовем?

Раньше обходились словосочетанием «вещество Края».

– Знаю! – закричал Саня. – Краенит!

«Почему бы и нет», подумал Тальберг и отдал кусок лаборанту.

– Отнеси в машину и будем собираться.

– Эдак можно за несколько проходов насквозь просвер-

лить, – сказал Семенов, пребывавший в задумчивости.

– Совершенно верно, – подтвердил Тальберг. – Конечной целью экспериментов является возможность узнать, что на той сто...

Он замолчал на полуслове. Свежевырезанное углубление затянулось на глазах. Возникшая всеобщая эйфория сменилась легким разочарованием.

– Ты, блин, издеваешься? – не сдержался Тальберг и употребил ряд ненаучных терминов, чтобы подчеркнуть крайнюю степень негодования.

Через минуту на стене исчезли последние следы их полуторачасовых манипуляций. Семенов провел ладонью – гладко.

Подошел нервничающий водитель, не знающий, как научных работников культурно отвлечь от излюбленной науки.

– Солнце через два часа гаснет, – сказал он. – В темноте вести не хочу, на такой дороге недолго и на камень въехать, а мне еще до гаража добираться.

– Собираемся, – махнул Тальберг.

Установку собрали, перенесли в микроавтобус и закрепили на транспортировочной раме.

2.

Вернувшись в НИИ, втроем с Семеновым, оставшимся на добровольных началах, затащили установку в лабораторию

на второй этаж. Тальберг отпустил Саню, завернул краенит в тряпку и положил на шкаф, затем закрыл все помещения и сдал ключи на вахте. Об удачном эксперименте решили объявить завтра, потому что проголодались, а из-за испытаний прозевали обед.

После Края всегда хочется есть. Как подозревал Тальберг, Край высасывает энергию из всего живого и именно поэтому вдоль стены не растет трава и не бегают живность. К сожалению, он не настолько разобрался в биологии, чтобы подтвердить свои предположения с помощью экспериментов, и не представлял, как эта проверка будет выглядеть на практике. Наверное, придется заставлять добровольцев гулять каждое утро вдоль Края и считать количество съеденных тарелок с супом. Вероятно, они начнут усиленно питаться просто потому, что любая прогулка улучшает аппетит.

Он вышел на крыльцо института и выдохнул облачко пара, размечтавшись об открывающихся перспективах использования краенита. Он не мог оставаться на месте, когда думал или мечтал. Он нуждался в любом виде деятельности – клацать шариковой авторучкой, гнуть вилки, рубить деревья, класть шпалы, короче, что угодно, но только не стоять и ждать.

Решил идти пешком. Шагал широко и уверенно, как на параде, благо, длинные ноги позволяли преодолевать любые препятствия. От движения согрелся и перестал ощущать холодный вечерний воздух. Пока шел, в голове крутилось «Ни-

кто не верил, а мы сделали» и в мыслях появлялся Мухин, с открытым ртом глядящий на кусок краенита в лабораторном пакете и щиплющий себя за все места, чтобы проснуться.

Тальберг срезал через парк, и дорога заняла четверть часа на крейсерской скорости. На подходе к дому еще с противоположного конца двора заметил у второго подъезда грузовой автомобиль с крытым кузовом, из которого двое рабочих разгружали простенькую мебель. Мухин сбежал из воображения вместе с краенитом и открытым ртом. Карьерист и бесталанный неудачник.

Посреди двора стоял коричневый металлический стол. За ним горластые мужики играли в домино. Тальберга всегда удивляло, с каким упорством они просиживали штаны за игрой в домино в любое время года и в любую непогоду. Когда бы он ни выходил во двор, хотя бы три человека обязательно сидели на рассыпающихся деревянных скамейках и били костями. Безработные? А если работают, какой у них график?

Он подошел к разгоряченным доминошникам, с которыми обычно предпочитал здороваться издалека.

– День добрый, господа-товарищи!

– Здорово, коли не шутишь.

Он пожал мужикам руки. В нос ударили пары спиртов и резкий, хорошо выдержанный запах пота. Тальберга покорило. Обходя всех по кругу, он едва не врезался в фонарный столб, на котором висел листок с заголовком «Информационный бюллетень». У листка отсутствовал низ, оторванный

чьей-то грязной рукой.

– К нам переезжают? – кивнул на грузовик.

Ему ответил бородач с большим круглым лицом, о котором Тальберг было известно только то, что зовут его Анатолий Костылев:

– Да хрен его знает, с полчаса как приехали. Мужик с галстуком там за главного, видать, важный хмырь из центра. Клещ и Пепел неделю на мели, разгрузать подрядились.

– Ясно, – Тальберг перешел к самой сложной части общения с заядлыми доминошниками – попытке уйти невредимым: – Пойду, пожалуй. У меня дел по горло.

– Да какие там у тебя дела? Куда тебе идти? Садись с нами! Мы тебе место здесь найдем, – бородач похлопал по скамейке подле себя. – Партийку для души.

Тальберг пожалел, что дал волю любопытству. Он мысленно чертыхался, проклиная доминошников.

– Домино не люблю.

– Посидишь за компанию, расскажешь новости с научного фронта, ты ж вроде в институте обитаешь?

– Мужики, мне вправду идти надо!

– Не спеши, успеешь, – Анатолий почесал бороду громадной пятерней. – Последнее предупреждение, а то можем и обидеться!

– Мне взаправду нужно домой, – сказал Тальберг.

Под недовольное ворчанье он направился к первому подъезду. Он шел вдоль дома и наблюдал, как грузчики, одного

из которых, по-видимому, звали Клещом, а второго – Пеплом, через откинутый борт спускают с кузова серебристый холодильник с огромным мотором-компрессором, завязанным тряпкой, чтобы не болтался.

– Аккуратно, еще аккуратней, – командовал стоявший наверху, пока его товарищ в кепке-пирожке с большими раскрасневшимися ушами принимал груз внизу.

Ввиду худобы, принимающий испытывал трудности с удержанием на весу тяжестей. К тому же у холодильника постоянно открывалась дверца.

– Уронишь – прибую, – предупредил напарник. – За бой сам расплачиваться будешь.

– Если такой умный, иди и внизу стой.

– Пепел, не зли меня! Я слезу, ты уползешь!

Когда Тальберг проходил между грузовиком и домом, его окликнули:

– Димка! Ты?!

Пахнуло полузабытым студенческим прошлым. Тальберг узнал голос, не оборачиваясь.

– Точно! Димка! – невысокий лысеющий мужчина приветственно расставил руки.

Платон Талаев стоял прямо, словно аршин проглотил, и смотрел кристально голубыми глазами, по которым сходили с ума девушки всех курсов. За пятнадцать лет лицо стало круглее и солиднее, но в качестве компенсации лоб перерезали волны глубоких морщин. Идеально выглаженный

галстук с черно-белым узором и костюм-тройка прятались под расстегнутой курткой с аккуратной меховой подкладкой. Платон и в студенческие времена не признавал другой одежды, кроме брюк с приталенным пиджаком, и с готовностью потратил бы на хороший галстук последние деньги, даже если их едва хватало на еду.

Тальберг, напротив, не носил галстук, считая его самым бессмысленным предметом на свете. Он мог годами ходить в одном свитере, пока в нем не образовывались нескромных размеров дыры, но и тогда не решался выбросить вещь, с которой сроднился.

Они пожали руки. Тальберг неудачно схватился, и крепкая талаевская ладонь больно сдавила пальцы.

– Не ожидал тебя тут встретить, – сказал Платон.

Спинным мозгом чувствовалась неискренность в его словах. Наверняка заранее навел справки о соседях.

– Спортом занимаешься? – спросил он.

– Редко, – признался Тальберг. – Раз в год для сердца.

Он чувствовал неловкость, возникающую, когда видишь одноклассника или однокурсника через десяток-другой лет и не знаешь, о чем поговорить с уже чужим человеком. Остается обменяться дежурными вопросами «Как ты? Где ты?» и разбежаться по своим делам.

– Я здесь по работе, – сказал Платон, – поживу на ведомственной квартире, а там видно будет. Демидовича знаешь?

– Какого Демидовича?

– Котова.

Вспомнился рассказ водителя.

– Так это вы инспектировать приехали?

– Вроде того.

Тальберг искал повод сбежать от неловкого разговора.

– Ну, я... – он открыл рот, пытаясь сообщить, что спешит, но Платон бесцеремонно перебил:

– Пойдем к тебе в гости!

Тальберг растерялся. Ему хотелось прийти домой, поесть и отползти на диван, где вздремнуть часок-другой в полной тишине. Перспектива весь вечер развлекать Платона не радовала.

– Один холодильник остался, это недолго, – ошибочно истолковал его замешательство Платон. – Ребята занесут и пойдем. Буквально три минуты подожди, мигом организуем.

И он побежал в подъезд, чтобы проконтролировать Клеща и Пепла.

Тальберг остался на улице у красно-коричневой скамейки с оторванной спинкой. Увлеченность мыслями о краените прошла, и вернулось ощущение холода. Ожидать пришлось дольше, чем три минуты, и он перестал чувствовать пальцы на ногах. Мысленно проклинал Платона с его холодильником и бесцеремонностью и нервно поглядывал на часы – вот-вот отключалось солнце.

Наконец Платон вышел с грузчиками, расплатился и отпустил водителя грузовика.

– Пошли. Показывай дорогу!

3.

Платон шел следом и размышлял о том, что Тальберг не изменился. Такой же неразговорчивый, стеснительный, замкнутый, скованный в движениях и, как следствие, неконкурентоспособный. Его достоинства хороши по отдельности, но не приносят эффекта в сумме.

Платон смотрел в широкую сутулую спину Тальберга, пока тот неторопливо поднимался на третий этаж, держась за поручень и тяжело дыша. «Сдал старик, забросил спорт», мысленно позлорадствовал Платон, с легкостью преодолевая короткие лестничные пролеты.

Они встретили спускавшуюся навстречу немолодую женщину в ярко-красной вязаной шапке и с увесистой сумкой в клеточку. Платон отметил, что она склонна к полноте и неумна в косметике, особенно в румянах. Но более всего поражала невероятно высокая и пышная прическа, состоящая из бесконечного количества завитушек, соединенных в огромный улей. Прически, в которых при необходимости мог спрятаться отряд из трех солдат, помимо смеха вызывали у Платона любопытство – как теоретически можно соорудить из волос подобные конструкции?

– Здравсьте, Зоя Павловна, – нахмурился Тальберг.

– Здравствуйте, Дмитрий, – холодно ответила женщина. –

Хочу напомнить, что вы не явились на последнее собрание жильцов. Две неявки подряд!

– Обещаю исправиться. У меня завал на работе, не успеваю.

– Если бы вы присутствовали на совещаниях, – перебила Зоя Павловна, – вы бы знали, что у нашего всеми уважаемого Антона Павловича юбилей – сорок четыре года! Мы решили собрать посильную сумму, чтобы...

– С каких пор сорок четыре года стало юбилеем? – удивился Тальберг, попутно пытаясь вспомнить, кто такой Антон Павлович и почему он всеми уважаемый.

– Мы единогласно постановили собрать посильную сумму, чтобы сделать достойный подарок, – настойчиво повторила Зоя Павловна с металлом в голосе. Тальберг решил не перечить и принялся искать по карманам куртки сумму, тянущую на посильную.

– Здравствуйте, я ваш новый сосед из двадцать второй квартиры, – Платон воспользовался паузой, чтобы представиться.

– Каждую среду в шесть часов вечера у четвертого подъезда, – объявила Зоя Павловна с непробиваемым выражением лица, отобрала деньги на юбилей и продолжила спуск по лестнице.

На пороге Тальберг долго прошупывал карманы в поисках ключа, потом открыл обшарпанную дверь и пропустил Платона вперед.

– Проходи!

Платон вошел, вытер ноги о коврик и прежде, чем разул-ся, услышал Лизкин голос. Сердце екнуло, а мозг дважды радостно повторил «Лизка-елизка». Он не сдержался и неза-метно для Тальберга улыбнулся, склонившись над ботинка-ми.

– Дим, куда ты пропал? Я уже волноваться начала...

Лизка не ожидала гостей, поэтому выскочила из кухни в коротком синем халате, придерживая замотанные в полотен-це волосы. Увидела, что Тальберг пришел не один, и смути-лась:

– Ой, а я не готова. Дима, предупредил бы...

Она узнала гостя и окончательно растерялась.

– Лизок! – Платон весело расставил руки. – Иди сюда, об-нимать тебя буду! Столько лет не виделись!

Он приобнял обмякшую Лизку, придерживающую распа-хивающийся халат в районе груди, и поцеловал ее в щеку.

– Смотрю, ты хорошеешь с каждым днем! – сказал он, что-бы окончательно ее смутить.

Лизка смутилась, покраснела, затем побледнела, но взяла себя в руки и смущенно улыбнулась:

– Раздевайся, Дима покажет, куда вещи повесить, – она запахнула посильнее халат. – Проходите на кухню, а я пере-оденусь во что-нибудь более подходящее.

– Ты и так хорошо выглядишь.

Она ушла в комнату. Платон с удовлетворением посмот-

рел ей вслед, оценив оголенные ноги, заманчиво белеющие из-под халата. Тальберг с мрачным лицом взял у него куртку и повесил на свободный крючок.

Прошли на кухню. В коридоре Платон задел тумбочку, словно нарочно стоявшую так, чтобы мешать проходу. От удара на столешнице затрясся позолоченный сувенирный божок, то ли подаренный по какому-то случаю, то ли привезенный из отпуска. Платон рефлекторно подхватил падающую статуэтку и вернул на место.

– Осторожней, – сказал Тальберг. – У нас тут надо под ноги смотреть.

На кухне Платон провел взглядом по скромному интерьеру, состоявшему из старой газовой плиты, трех навесных шкафчиков с облезшими дверцами и одинокого стола, укрытого полиэстеровой скатертью, собравшейся в некрасивые складки на углах. Под столом прятались четыре добротных табурета. Ровно настолько скромно, насколько он и ожидал от Тальберга, не стремившегося ни к роскоши, ни к порядку.

Тальберг вытащил стулья, и Платон сел спиной к стене, чтобы иметь наибольший обзор. В глубине квартиры зашумел фен.

– Надолго к нам?

– Год минимум, а дальше видно будет, – беззаботно ответил Платон. – Зависит от ситуации. Хотят финансирование вашего НИИ увеличить, но перед вливанием средств нужно провести ревизию распределения расходов по сегодняшне-

му дню.

– Под Кольцова роете? – спросил Тальберг напрямую.

– Специально не роем, но если накопаем, достанется и ему. Без обиняков, больно у вас район депрессивный, поэтому необходимо разработать и внедрить программу по развитию локальной экономики региона в целом, – пояснил Платон казенными фразами.

– Ну-ну. Попробуйте.

Из комнаты вернулась Лизка, сменившая полотенце и халат на простенькое платье, и засуетилась у плиты. Пока она готовила ужин из того, что оказалось в холодильнике, Платону не удавалось рассмотреть ее лицо, но длинные волосы, доходящие до пояса, сводили с ума, как в прошлом.

Он отметил, что за прошедшие годы Лизка ничуть не потеряла в привлекательности, только формы стали круглее и уютней, но это была та самая маленькая Лиза. Он неприкрыто смотрел на нее, нисколько не заботясь, не заметит ли Тальберг его полный вожделения взгляд.

Наконец, она поставила перед ними две тарелки с парующей кашей и яичницей. Тальберг принес из кладовки банку маринованных огурцов и открыл ее так, чтобы не испортить крышку.

– Садись с нами, – попросил Платон Лизку.

– Постою, – сказала она. – Я ужинала перед вашим приходом.

Он с аппетитом приступил к трапезе, потому что из-за пе-

реезда за весь день не довелось перекусить. Тальберг вяло ковырял вилкой в тарелке.

Сначала ели молча. Когда первый голод прошел, Лизка принялась расспрашивать о семье и работе.

– Женился, развелся. Не сошлись характерами – она красный автомобиль хотела, а я только на черный соглашался, – подшучивал Платон. – Детьми не обзавелись. Оно и к лучшему, делить не пришлось.

– Сестру проведаль? – спросила Лизка.

– Нет, к Вере не заходил. Она предлагала у них пожить, но не хочется стеснять своим присутствием. Тем более что квартиру ведомственную предоставляют, а я, как холостяк, имею определенные потребности... – и он подмигнул едва заметно покрасневшей Лизке.

Потом он рассказал, что работа у него интересная, зарплата – тоже. Одно плохо, вся жизнь проходит в разъездах и нигде обжиться не получается, копить деньги не на что, поэтому тратит их на нечасто выпадающий отпуск. Но после Лоскутовки ему обещали повышение и постоянное место в столице. И вообще, Платон – перспективный специалист по экономической безопасности, которых в стране раз-два и обчелся.

Лизка слушала с любопытством и улыбалась. Он раззадоривался и говорил без умолку. Тальберг сидел молча, ел один за другим огурцы и выстраивал огуречные хвостики в ряд за тарелкой.

Посреди рассказа, как Платона едва не облапошили на секретном объекте в позапрошлом году, когда он почти пропустил лишний пункт в смете, зазвенел звонок.

– Ольга пришла, – сообщила Лизка. – Надо устроить ей нагоняй за прогулки допоздна.

– Пусть гуляет, – сказал Тальберг. – Возраст такой.

– Хорошо, только уроки кто за нее делать будет? Ты? – возмутилась Лизка, и Платон заметил, что ее глаза в гневе стали еще более зелеными и оттого прекрасными. – У нее и так за прошлую четверть оценки по всем предметам сползли. Кроме математики, потому что там с самого начала сплошные проблемы.

Лизка вышла из кухни. Из коридора донесся приглушенный разговор, из которого не получалось разобрать ни слова, но бурная интонация подсказывала, что попытка прочитать воспитательную речь натолкнулась на активное сопротивление со стороны Ольги.

– Иди в комнату, завтра продолжим, – донеслось из коридора, и на кухне появилась Лизка. – Поговори с ней, как отец! Она меня игнорирует!

– Думаю, уже поздно, – ответил Тальберг. – Через пару лет сама перебесится.

– Иногда твои подходы к воспитанию меня просто поражают!

Он пожал плечами.

– Пойду, пожалуй, – Платону стало неловко от присут-

ствия на чужой ссоре.

– Не обращай внимания, посиди еще, – попросила Лизка. – Хочешь, добавки насыплю.

– Время позднее, надо вещи разложить, постель приготовить...

Он ушел. Тальберг остался сидеть на кухне и глядеть через окно на фонарный столб, освещающий играющих в домино мужиков.

В ту ночь Тальберг долго не мог заснуть. У него то замерзали ноги, то становилось жарко, то ныли колени. Он ворочался в попытках отыскать положение, при котором количество мешающих частей тела сводилось бы к минимуму.

Поворачивался на левый бок, ему сдавливало грудь, и он задыхался. Тогда ложился на правый бок лицом к Лизкиному затылку, и становилось еще хуже, потому что отовсюду начинали лезть совсем уж нехорошие мысли.

Он любил Лизку, но сомневался в обратном. Особенно сегодня, когда видел, какими глазами на нее смотрел Платон.

Захотелось пить. Сел и долго шуршал под кроватью ногой в поисках тапочек.

– Чего тебе не спится? – сонным голосом спросила Лизка, не оборачиваясь.

– Жажда мучит, во рту пересохло.

– Ы-ы... ты чаник... кух... – пробормотала она и снова захрапела.

Тальберг отыскал второй растоптанный тапок, сунул в него ногу и пошел на кухню. Свет включать не стал, чтобы не щуриться, как крот. Долго не мог на ощупь найти на плите чайник, а когда нашел, с разочарованием обнаружил, что воды в нем почти нет. Он попробовал выпить через носик остаток со дна, но на первом же глотке в рот попали отколовшиеся кусочки накипи.

Он с отвращением выплюнул их в умывальник. Проходя мимо Ольгиной комнаты, услышал тихий ритмичный шум, словно толпа маленьких гномов яростно забивала микроскопические гвозди миниатюрными молоточками. Осторожно приоткрыл дверь и увидел спину Ольги, сидящей под ночником у окна и мерно покачивающейся в такт агрессивной музыке, пробивающейся сквозь наушники. На коленях у нее лежала раскрытая книга.

Тальберг взглянул на настенные часы – два часа ночи! – и открыл рот, чтобы устроить нагоняй за чтение в темноте и несоблюдение режима сна, но передумал и на цыпочках вернулся в спальню.

Лизка во сне повернулась к нему лицом. Полумрак скрыл появляющиеся морщинки, и она выглядела на пять лет моложе.

Ему захотелось ее поцеловать. Он наклонился и уткнулся губами в щеку.

– Ум-м-мм... колешься... Опять не побрился, – промычала Лизка и снова отвернулась к стене.

Он лег к ней спиной, сунул руку под подушку и заснул.

4.

Позвонила Лизка и напомнила купить продукты после работы. Картофель, яйца, масло, хлеб. Тальберг записал точное количество и вес, потому что без списка в магазины не ходил.

Он отличался плохой памятью и записывал на листочки все, а потом эти клочки скапливались на комод, в карманах, на холодильнике. Проблему вызывала необходимость в нужный момент найти правильную записку.

Саня захихикал и посоветовал завести бумажку со списком бумажек.

Забегал Мухин, предупредил, что на шестнадцать ноль-ноль объявлен сбор по всему персоналу НИИ в главном зале. Явка обязательна.

– Надеюсь, надолго не затянется, – Тальберг сообразил, что не успеет в магазин, если заседание продлится долго.

– Насколько надо, настолько и затянется, – отрубил Мухин, – вопрос государственной важности.

– У нас все государственной важности. Она уже в печенках сидит.

– Не вздумай эту крамолу при других вслух сказать, – предупредил Павел Владимирович и покачал пальцем, словно Тальберг был маленьким ребенком из младшей ясельной

группы и еще не знал, что такое хорошо и что такое плохо.

Время до трех ушло на заполнение отчета об испытании установки, но Тальбергу постоянно мешали. Едва он приступил к новому абзацу, непременно кто-то заходил на чай, как бы мимоходом.

Слух о краените мгновенно разлетелся по институту. Профессора находились в состоянии легкой возбужденности. С Тальбергом здоровались те, кто последние пятнадцать лет игнорировал или вовсе не догадывался о его существовании. Даже Самойлов (второй зять директора, бывший на год старше самого Кольцова), выбирающий под свою группу все денежные темы и поэтому свысока смотрящий на бесплодные фундаментальные научные мучения Тальберга, зашел на чай и долго тарасился на кусок краенита, постукивая по нему пальцем и повторяя «интересненько», «замечательно-невероятно» и «кто бы мог подумать». Затем пожал руку с плохо скрываемой завистью, граничащей с ненавистью:

– Поздравляю, коллега! Надеюсь в скором будущем получить образец для исследований в моей группе.

Тальберг пообещал, зная, что краенит поделят и без его участия.

– Думаю, наше сотрудничество окажется плодотворным, – кивнул на прощание Самойлов и ушел.

Тальберг записал на бумажке «краенит – самойлову» и вложил в журнал вместо закладки.

Окончательно стало понятно, что звездный час настал, ко-

гда сам Кольцов зашел в обеденный перерыв, чтобы лично полюбоваться на пресловутый кусок Края.

– Не ожидал, что этот день придет, – признался он. – Точнее, не думал, что он наступит при моей жизни.

– Благодарю за оптимизм и веру в наши начинания.

Кольцова можно понять.

Пятнадцать лет Тальберг возился со своей идеей, менял схемы и подбирал частоты без видимых результатов, пригодных для демонстрации финансовой инспекции. Он сам периодически впадал в депрессию и отчаяние и едва подавлял желание взять тему по оборонке, как у всех. Он жил с постоянным осознанием, что в НИИ Края его группа существует лишь потому, что на весь институт он единственный человек, хоть как-то специализирующийся на Крае.

Финансирование упало до неприлично низких цифр и практически прекратилось. От шести сотрудников в результате сокращений, именуемых оптимизациями, остался один Тальберг. Спустя год работы в одиночку он потребовал или ликвидировать группу, или расширить штат хотя бы завалющим лаборантом. Кольцов подумал и согласился.

– Ты в курсе, что краенит на учете и должен выдаваться под роспись другим лабораториям по утвержденной квоте?

Тальберг был не в курсе, но и не удивился. Он ожидал подобного.

– Надо вырезать побольше кусков, чтобы на всех хватило.

– Само собой, конечно, – сказал Кольцов и снова повто-

рил: – Говорю же, согласно квоте и в утвержденном порядке.

Тальберг не сомневался, что первой в этом порядке окажется группа Самойлова.

В половину четвертого отложил недописанный отчет и вместе с Саней отправился в главный зал.

Численность персонала НИИ не впечатляла – после полного сбора часть кресел пустовала. Помещение строилось из расчета на прием гостей и проведение симпозиумов, но переход на оборонку снизил количество мероприятий до нуля.

Тальберг огляделся. Из-за кафедры возвышался скачущий Кольцов, за его спиной стояли составленные в ряд два стола. По правую руку от него сидел Мухин с каменным лицом, а по левую – товарищ в гражданском, на лбу которого читалось, что он из органов.

Люди неторопливо стягивались, рассаживались по креслам. Каждый пришедший обходил присутствующих, приветствовал и интересовался, зачем их собрали.

Никто ничего не знал наверняка, поэтому пересказывали слухи. Самый неприятный сводился к тому, что могли сократить зарплаты за счет премий. Кольцов не раз передавал новости из столицы, что ситуация в стране нестабильная и придется ужаться. Непонятно только, оставят ли всех на местах, но снизят оплату, или сократят штат, но сохранят зарплату тем, кто останется. Смущали оба варианта.

Наличие в президиуме товарища из органов позволяло усомниться, что их собрали поговорить о грядущем сокра-

щении.

Тальберг выбрал место возле Шмидта, найдя его в зале без труда – тот сидел в эпицентре круга из пустых сидений невозмутимым видом, будто ничего не замечал.

– О, Димитрий, – обрадовался Карл, – давно вас ждать для чай, как здесь говорить. Вы знаете, я вчера получить новый группа, то есть партия. Иметься любопытный экземпляры, вы обязательно должен посмотреть.

Тальберг улыбнулся и пообещал зайти.

Ровно в четыре зал закрыли, и наступила тишина. Кольцов вцепился двумя руками в кафедру, прочистил горло и громко зачитал с бумажки, завершая каждое предложение театральной паузой.

– Благодарю вас, коллеги, что нашли время собраться в этом зале. Вы знаете, политическая ситуация в мире не отличается стабильностью. Наше государство оказалось под моральным и физическим давлением враждебных нам правительств, фактически принуждающих нас к военным действиям, но нам удастся избегать провокаций...

«Опять за старое», подумал Тальберг, из-за подобного пафоса не слушающий радио и не смотрящий телевизор. Он с любопытством взглянул на Шмидта, чтобы оценить реакцию. Реакция отсутствовала – ни один мускул не шевельнулся на лице, будто сказанное Кольцовым не имело к Карлу отношения.

– ...Мир сотрясается от катаклизмов, терроризма и же-

стокости. Но мы не поддаемся и не сдаемся, направляя наши силы на укрепление всеобщего счастья, веря, что за нами – правда, и какие бы подлости не замыслили правительства других государств, мы убеждены, народы мира не хотят войны...

У Тальберга отключился слух. Он смотрел на Кольцова, но не слышал. В паузах между предложениями директор отрывал взгляд от бумажки, оценивая правильность реакции зала на провозглашаемые сентенции.

Он говорил и говорил обязательную идеологическую часть, но Тальберг, хорошо изучивший несменного директора за пятнадцать лет, знал, что Кольцов безразличен к прочитанному. От него требовали – он беспрекословно выполнял. Его ценили и продолжали держать в должности.

Товарищ из органов смотрел на Шмидта, видимо, заранее проинформированный о его гражданстве. Тальберг почувствовал, что часть внимания, предназначенного Карлу, распространилась и на него. Он поймал нахмуренный взгляд, опустил взор и уставился на наручные часы. Секундная стрелка лениво переползала между черточками.

Через полчаса поток политинформации о ситуации в мире иссяк. Кольцов оторвался от бумажки, сделал паузу и еще громче, чем прежде, прочитал резюме, ради которого их и согнали в общий зал:

– В связи с вышесказанным, в порядке исполнения секретной резолюции номер триста-двадцать-один дробь вз,

пункт три распоряжением по институту номер шестнадцать дробь один от сегодняшнего числа, распоряжаюсь произвести ряд мероприятий по повышению внутренней и внешней безопасности. Первое. Институт переводится в военный режим работы и передается под усиленную охрану. Сотрудники НИИ должны быть ознакомлены под роспись о личной ответственности за нераспространение внутренней информации всех уровней секретности. Второе. Каждый третий четверг месяца организовать проведение общих занятий по гражданской обороне и правилам действий при возникновении чрезвычайных ситуаций.

Прокатился шорох недовольства. Кольцов поднял глаза, и зал затих.

– Третье. Проводить ежеквартально военные сборы для поддержания штатного персонала в надлежащей физической форме.

Семидесятилетний Карлушкин, сидевший в том же ряду, что и Шмидт, пощупал руку в месте, где когда-то располагался бицепс.

– Четвертое. Для охраны порядка организовать добровольные отряды с проведением дежурств в соответствии с установленным графиком.

«Опять эти графики», с досадой подумал Тальберг.

На этом пункты закончились, и Кольцов перешел к заключению:

– Контроль за выполнением распоряжения возложить на

заместителя директора по научной работе Мухина Павла Владимировича. Оперативное руководство осуществляет начальником службы внутренней безопасности Безуглым Валентином Денисовичем.

Человек в штатском привстал, чтобы рассмотрели и запомнили на будущее.

– На этом наше собрание подошло к концу, руководители групп получают копии распоряжения для ознакомления. Всем спасибо за внимание, – Кольцов сгреб бумажки с кафедры, развернулся и ушел.

Присутствующие расходились в подавленном настроении. Шмидт почувствовал зависшее в воздухе напряжение и спросил:

– Плохо понимать официальный язык. Сказать, это быть какая-то проблема?

Тальберг отмахнулся.

– Переживем. У нас обычно суровость законов компенсируется необязательностью исполнения.

– Иногда я сильно удивляться, – произнес Шмидт с серьезным лицом, – как вы тут жить...

ГЛАВА II. Шторм неизвестности

5.

На субботу запланировали официальную демонстрацию. Тальбергу этот цирк напоминал свадьбу – всем весело и радостно, кроме молодоженов и их родителей. Женихом, очевидно, был он сам, а невестой? Установка?

Кольцов неделю изводил Тальберга, чтобы тот написал речь.

Тальберг ненавидел торжественные речи. В списке его персональных кошмаров первое место занимала фраза «А теперь, Дима, твоя очередь говорить тост», после чего требовалось выдать пару красивых выражений, за которые не грех выпить. Мысли бросались врассыпную, и то, что получалось выдавить, звучало коротко и скучно: «За здоровье» или «За любовь». Если и за первое, и за второе уже пили, ситуация становилась и вовсе катастрофической.

Через три дня творческих мучений он отдал Кольцову клочок бумаги с набором косноязычных фраз о том, «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Директор пробежался по каракулям и процедил сквозь зубы:

– Иди, начищай до блеска свою установку, за тебя напишем. Ты хоть прочитай по-человечески, – попросил он.

Тальберг пообещал. Читать громко и с выражением он умел. Главное, полностью абстрагироваться от текста и ориентироваться на знаки препинания, и любая чушь звучала пафосно. Отсутствие необходимости думать упрощало жизнь, но требовало определенных навыков по игнорированию действительности.

Он почистил зубы, умыл лицо. Посмотрел в зеркало и решил не бриться. Много чести.

Лизка выгладила единственную парадную рубашку и повесила на дверцу шкафа. Она не вымолвила ни слова, но Тальберг отчетливо ощутил лучи холода, излучаемые Лизкиной спиной.

– Лиза... – попытался он.

– Чего тебе?

– Что опять не так?

– Все хорошо, просто замечательно, – сказала она таким тоном, чтобы даже тугому на намеки Тальбергу стало понятно – все плохо.

По-видимому, ему полагалось сделать что-то правильное и хорошее, отчего Лизка сменила бы гнев на милость. Особая трудность заключалась в том, чтобы догадаться самостоятельно, чем недовольны тараканы в Лизкиной голове. С другой стороны, именно сегодня не хотелось разгадывать ребусы, поэтому Тальберг сдался и отложил выяснение отношений «на потом».

Обуваясь, заметил, что правый каблук напрочь стерся, но

решил, что внимания не обратят – верх-то хороший.

У входа в НИИ собирался народ. Директор бродил по крыльцу и ежесекундно поглядывал на вечно спешащие «командирские» часы. Расслабился только, когда увидел Тальберга.

– Бегом, давай, Дима, вся ответственность на тебе, – прокричал Кольцов, чем ничуть не облегчил ситуацию.

Подручные рабочие, которых в другое время не допросишься, вынесли на улицу свежеевыкрашенную установку и закрепили на транспортировочной раме микроавтобуса.

Около получаса ждали Демидовича. Когда к крыльцу подъехал долгожданный черный автомобиль с тонировкой и без номеров, Кольцов подобострастно подбежал к дверце. Ему что-то сказали через приспущенное стекло, он дал отмашку, и вся кавалькада из автобусов направилась к Краю.

Поездка обошлась без тряски, и казалось, они едут в неправильном направлении, и когда дверь откроется, станет понятно, что приехали в столицу, а не на задворки Лоскутовки. Отсутствие болтанки объяснялось просто – за последние две недели три десятка людей в оранжевых робах, размахивая лопатами денно и ночью, с горем пополам уложили асфальт до самого Края. Клали поверх снега, не ожидая практической пользы от дороги. Приедут, похлопают, командированные журналисты отошлют в газеты безграмотные статьи, и через два дня мир напрочь забудет о краените, НИИ и непонятной установке.

Если бы эти деньги не пустили на ненужную дорогу, прикинул Тальберг, ему бы хватило на переоборудование лаборатории.

Чем дальше ехали, тем сильнее он мандражировал. Мог случиться визит-эффект, когда демонстрируемый агрегат внезапно перестает функционировать в самый ответственный момент перед десятками людей и чиновников с длинными галстуками, заправленными в штаны. Обычно, виноват оказывается слабо закрученный винтик или отвалившийся контакт. Если подобное случится, Кольцов добьется его торжественных похорон тут же под Краем, чтобы гости не зря тащились в парадных костюмах в такую даль.

Всю неделю они с Саней гоняли установку в хвост и в гриву, добиваясь, чтобы каждый пуск проходил удачно, но возможность публичного провала оставалась.

Тальберг замерз. Перед ответственными событиями его морозило и трясло. Единственным действенным способом на время избавиться от озноба – сходить в кусты по-маленькому – он воспользоваться не мог.

По новой дороге доехали быстро. Народ высыпал из автобусов и разбрелся по местности, разглядывая неуютный пустынный ландшафт, на котором отказывалась расти трава. Семенова оставили сидеть в машине, чтобы он со своим огнетушителем не портил людям настроения, наводя на нехорошие мысли, что эта штукавина может загореться.

Тальберг открутил винты, и установку потащили к Краю

на заранее подготовленную заасфальтированную площадку перед стеной.

– Могли бы стену оформить, – прошептал подошедший Кольцов, пока рабочие размещали оборудование на отведенном пятачке, – полное отсутствие культуры проведения мероприятий!

– Как оформить? – опешил Тальберг.

– Не знаю, транспарант повесить, место реза краской обозначить...

– Адгезия чуть выше нуля и почти абсолютная упругость, – Тальберг по стеклянным глазам директора догадался, что тот ничего не понимает, и пояснил: – Ни покрасить, ни приклеить, ни гвоздь забить! В нее плюнуть толком нельзя – отскочит!

– Да? – Кольцов с недоверием посмотрел на Тальберга, пытаясь определить, не шутит ли тот.

Он не догадывался, что Саня после очередного неудачного запуска установки в сердцах плюнул в Край и получил плевков обратно. Получилось одновременно и смешно, и обидно. Тальберг никогда в жизни так не хохотал.

Из автомобиля вылез Демидович – грузный, с бледным опухшим рыхлым лицом. При ходьбе он покачивался, отчего казалось, что вот-вот упадет на очередном шаге. В левой руке он держал меховую шапку. Распухшей правой пятерней зачесывал развевающиеся седые волосы, открывая высокий бугристый лоб, переходящий в огромный приплюснутый нос

с широкими ноздрями.

Охранник семенил позади с предусмотрительно протянутыми руками, пытаясь предугадать траекторию возможного падения Демидовича, чтобы подхватить в полете.

Вслед за ними, замыкая шествие, шел Платон, которого Тальбергу сейчас менее всего хотелось видеть. Платон нес плащ, вероятно принадлежащий Котову.

Кольцов при виде начальства прекратил раздавать ценные указания и побежал к Демидовичу, виляя невидимым хвостом и надеясь «под шумок» выбить дополнительное финансирование по программе изучения и применения краенита.

– Какая у тебя потрясающая трехдневная щетина, – сказал Платон Тальбергу. – Всегда удивлялся, как ты ее доби- ваешься.

– Сама растет, если не трогать.

Платон провел свободной рукой по до блеска выбритой щеке и продолжал, будто не заметил сарказма:

– Смотрю, ты герой дня. Установку интересную придумал. Молодец, не ожидал от тебя, – он выдержал театральную паузу для усиления эффекта и с притворным удивлением хлопнул себя по лбу, будто только что вспомнил: – Да что я говорю? Я и семнадцать лет назад не ожидал. А ты сделал.

Тальберг посмотрел ему в лицо. Платон глядел кристально чистыми глазами, от которых веяло нездоровым холодом. Рот улыбался, но во взгляде читалась ненависть. Саня оторвался от установки и с любопытством уставился на них в

попытке догадаться, о чем разговор.

– Правильно я сделал, – сказал Тальберг. – И сейчас бы все повторил.

– Странная у тебя правильность, – Платона задело за живое. – Я годами помнил, мучился. И чем дольше думал, тем меньше виделось правильного. Что может быть справедливого в том, чтобы в одно мгновение потерять двух людей, которых считал самыми близкими?

Он развернулся и твердым шагом направился к Демидовичу.

– Что он имел в виду? – не выдержал Саня.

– Да ну его! – отмахнулся Тальберг, давая понять, что не хочет обсуждать. – Включай на прогрев.

Подошел Кольцов, поинтересовался, как идет процесс. Удовлетворенно кивнул и мимоходом сообщил, что Тальбергу речь не доверит и от имени института выступит самостоятельно, мол, субординация и уровень мероприятия требуют. Тальберг сразу сообразил, что Кольцов решил засветиться перед центром и создать впечатление, что установка разрабатывалась при его активном участии и под непосредственным руководством. На деле же, Николай Константинович понятия не имел, как она работает, и пять последних лет уговаривал перейти на другую тему.

Однако Тальберг почувствовал облегчение, избавившись от необходимости выступать на публике – ради такого стоило пожертвовать лаврами победителя.

Люди бродили по площадке и расставляли штативы. Какой-то деятельный парень с папкой сновал по местности, оказываясь одновременно в разных местах. Он отвечал за организацию мероприятия – рассаживал высоких гостей, распределял прочих зевак по секторам, размещал фотографов. Подойдя к установке, он прищурился и оценил картинку. Два сгорбившихся человека, по его мнению, плохо вписывались в кадр, поэтому он спросил:

– Вы не могли бы отойти от этой штуки, чтобы вид не загоразивался?

– Нет, – разозлился Тальберг. – Она без нас не включится.

– Жаль, – парень не заметил явного недружелюбия и побежал дальше упорядочивать нестройные ряды присутствующих.

– Установка прогрелась, – сообщил Саня, глядя на индикатор термодатчика, установленного неделю назад для надежности.

Тальберг доложил Кольцову, что можно приступать. Пришлось подождать, пока организатор подаст сигнал взмахом флажка.

Директор поприветствовал присутствующих. Затем в микрофон вцепился Демидович и с нечленораздельной стариковской дикцией провозгласил очередную победу отечественной науки.

Перешли к демонстрационной части программы. Саня выставил мощность на треть и принялся крутить маховики

привычными движениями, за неделю отработанными до автоматизма. Черная точка на поверхности стены появилась мгновенно. Линия реза получалась четкой, с ровными краями.

Пока Саня резал, Тальберг стоял рядом, готовый прийти на выручку, если мероприятие пойдет не по плану. От них требовалось сделать небольшой рез в десяток сантиметров для получения символического кусочка краенита. Не морозить же высоких гостей час на открытом воздухе!

Демидович стоял с полузакрытыми глазами и покачивался с шапкой в руке. Тальберг подозревал, что Котов спит стоя и не падает только потому, что охранник поддерживает его сзади.

Фотографы поочередно подходили поближе и делали снимки работающей установки. Вскоре кусочек краенита вывалился из Края.

Демонстрация закончилась, присутствующие захлопали. Саня перевел ручку мощности в ноль, но выключать не стал и, на всякий случай, оставил в режиме прогрева. Тальберг облегченно вздохнул. Свою часть они выполнили, пришло время переходить к официозу и поздравлениям. Саня шепнул, что пойдет покурить, и ретировался за автобусы.

Кольцов взял бумажку, для солидности вложенную в красную папку. Тальберг встал в двух шагах от него. Камеры защелкали, директор приступил к чтению:

– Уважаемые присутствующие! Мы собрались здесь, что-

бы стать свидетелями впечатляющей победы человека над тайнами природы, когда что-то, вчера считавшееся невозможным, становится реальным...

Тут произошло нечто, протоколом не предусмотренное. В толпе образовалось непонятное шевеление. Зеваки одновременно начали перешептываться, и в воздухе повис низкочастотный гул, ежесекундно прибавляющий в громкости. Внимание цеплялось за еле видимое движение в массовке. Нарушалась торжественность атмосферы, и Кольцов это почувствовал – паузы в его речи попадались чаще и становились длиннее.

Тальберг не сразу выявил причину оживленности. Люди в задних рядах оглядывались и показывали куда-то пальцами. Он ворочал головой в попытках понять, что происходит, но из-за толпы не мог ничего разглядеть и чувствовал себя обделенным. Он и в НИИ вечно узнавал новости в последнюю очередь, причем от Сани, хотя по субординации должен был его информировать.

– Бежит! – удалось разобрать отдельные возгласы. – Прямо сюда!

Кто бежит? Тальберг привстал на цыпочки в попытках рассмотреть причину массового оживления. Кольцова не слушали, и он перестал читать.

Шум становился громче, напряжение нарастало. В толпе раздался женский визг, в рядах присутствующих показалась прореха, через которую в круг влетел... ослепительно белый

заяц.

Он мчался к Тальбергу, опешившему от неожиданности и не успевшему отреагировать. Ушастая молния пересекла пространство между выступающими и наблюдающими и на всей скорости врезалась в установку, отозвавшуюся жалобным металлическим звоном.

Тальберг сглотнул и посмотрел на лежащее у ног пушистое тело, понимая, что случился конфуз.

В задних рядах засмеялись. Толпа гудела, щелкали фотоаппараты. Растерявшийся Тальберг продолжал стоять истуканом. Оглядываясь по сторонам, он заметил довольное лицо улыбающегося Платона.

«Не мог же он зайца притащить? А вдруг? – мелькнула мысль. – Нет. Ерунда какая-то, люди в сорок лет так уже не развлекаются».

– На охотника и зверь бежит, – натужно пошутили в задних рядах, и гости захохотали.

– Из него шкварок можно нажарить, – посыпались шутки со всех сторон. – Еще и на воротник останется.

Стиснув зубы, Кольцов тайком прошептал Тальбергу:

– Отнеси куда-нибудь!

Покрасневший Тальберг наклонился, поднял за уши мягкое теплое тело и в раздумьях пошел к автомобилям. Пятнадцать метров под пристальным вниманием десятков людей, отпускающих шуточки, показались бесконечными.

За автобусом стоял Саня и задумчиво курил, пропустив

заячий перформанс. Заинтригованный неожиданным оживлением, он хотел разузнать у Тальберга, откуда шум, но заметил зайца и сильно удивился, едва не выронив сигарету.

– Это что?

Тальберг сунул ему в руки тушку и буркнул:

– Охотничий трофей. Делай с ним, что хочешь. Можешь в пакет положить, чтобы никто не увидел.

Он вернулся на место. Остаток мероприятия получился коротким и скомканным, потому что директора уже не слушали. Гости перешептывались и обсуждали зайца. Установка и Край ушли на второй план.

– Что это было? – спросил Кольцов, когда все закончилось и толпа расплылась по автомобилям и автобусам.

Тальберг предположил, что высокочастотный звук или излучение от установки могли привлечь животное. Но он не биолог и точнее не скажет, так как не знает диапазон частот у заячьих ушей.

Подошел Платон.

– Кажется, я догадался, почему заяц прибежал, – изрек он с серьезным лицом. – Он решил, что ты для него нору сделал.

– Иди в... – ответил Тальберг, порядком подуставший от шуток.

– Посмотрим, куда заяц тебя заведет, – Платон отсалютовал и ушел вслед за Демидовичем.

В понедельник каждая собака в институте знала подробности инцидента с зайцем. Новогодние снежинки, украшавшие стенд в фойе и провисевшие три месяца из-за банальной лени, наконец, исчезли. На их местах появились бумажные заячьи силуэты с длинными ушами. Тальберг шутку оценил ухмылкой, сорвал самый большой экземпляр с особенно нахальной мордой и скатал в шар.

– Ты куда тушку дел? – спросил у Сани.

– Какую тушку? – не понял тот. – А-а, эту... У меня есть знакомый таксидермист, он за месяц из нее чучело сделает, от живого не отличите, зуб даю. Причем абсолютно бесплатно, по дружбе. У него вообще талант. Когда к нему в гости прихожу, он такие вещи показывает, прямо не веришь, что у них мотки проволоки внутри. На прошлой неделе он с собакой возился, один мужик заказал в память...

– Что ты с чучелом делать собрался? – перебил Тальберг, не вдохновленный историями из жизни таксидермистов.

– Не знаю. Сюда принесу, поставим, как трофей, – предложил Саня. – Ни у кого нет, а у нас будет.

– Не хочется мне иметь эту штуку в лаборатории.

Не успели договорить, как зазвонил телефон и голос Натальи сообщил, что Кольцов вызывает к себе. Срочно.

Пришлось оставить на хозяйстве Саню и отправиться «на ковер». В приемной Наталья не дала присесть и отправила в кабинет, сказав, что Николай Константинович ждет и рас-

порядился принять без промедления.

– Добрый день, – деланно обрадовался Кольцов, привстал и пожал руку двумя ладонями, чтобы подчеркнуть, насколько он счастлив. – Присаживайся.

Тальберг сел. Директор с места в карьер перешел к делу:

– Дима, хочу поговорить о вопросах дальнейших перспектив, касательно твоей... хм... установки или как ты ее называешь. На нашем внутреннем научном совете при участии Мухина мы пришли к выводу, что работу следует проводить по двум направлениям. Во-первых, изучение самого вещества Края...

– Краенита, – поправил Тальберг автоматически.

– Пусть будет краенит, – согласился Кольцов, – бывают названия и хуже. Так вот, изучение свойств и разработка вариантов применения краенита. Этим займется группа Самойлова. Во-вторых, повышение производительности установки для увеличения добычи. Сколько, говоришь, глубина реза?

– Одиннадцать с половиной сантиметров, – Тальберг по приезду в НИИ измерил линейкой отметку на маршрутном листе.

– А скорость?

– Около сантиметра в минуту.

– Вот и замечательно, – обрадовался Кольцов. – Хотелось бы на первом этапе увеличить глубину реза в два раза. А там и скоростью займемся.

– Не так быстро, – усомнился Тальберг. – Надо мощность

повысить.

– В два-то раза ты сможешь, – легкомысленно произнес Кольцов. – Мы в тебя верим.

– В квадрате надо брать, мощность луча падает квадратично расстоянию, то есть в четыре раза, – поправил Тальберг. – Плюс нужна улучшенная система охлаждения на сжиженных инертных газах.

Кольцов скривился, словно в конце большого кулька вкусных семечек ему попала одна прогорклая и все испортила.

– Технические мелочи. Привлечешь Назарова, он на холодильниках за двадцать лет поднаторел и с радостью тебе поможет, – отмахнулся Кольцов. – Я к тому веду, что ты возглавишь группу по повышению мощности установки. Задача-минимум – получение рабочего прототипа промышленной конфигурации с последующей наладкой серийного производства.

– Где мои аккумуляторы, полгода назад заказанные? – пошел в наступление Тальберг, чувствуя, что настал подходящий момент для плетения веревок из начальства. Если сейчас не поставить вопрос ребром, потом не допросишься.

– С ними пока прокол, – признал Кольцов. – Но не по нашей вине. Почитай.

Он отыскал в папке с корреспонденцией письмо и передал Тальбергу, чтобы тот зачитал вслух бледный текст на желтой бумаге.

– Директору Лоскутовского НИИ по вопросам изучения

Края Кольцову Н. К. Уважаемый Николай Константинович. Настоящим уведомляем вас, что в такое сложное время, когда страну колбасит непредсказуемый шторм неизвестности...

Тальберг замолчал и про себя перечитал строку два раза, желая убедиться, что ничего не перепутал. Поглядел на Кольцова. Тот понимающе кивнул, мол, все правильно, дальше давай.

– ...непредсказуемый шторм неизвестности, в соответствии с политикой минимизации рисков и с учетом наличия имеющейся задолженности по другим договорам, ранее заключенным с вашим институтом, мы не можем выполнить поставки до получения авансового платежа в полном объеме. С уважением, директор ЗАО «СпецНаучЭнергия» Агеев А. А.

– Видишь? – восторжествовал Кольцов, причем причина радости осталась загадкой, так как ничего оптимистичного Тальберг в письме не нашел. – Но не волнуйся. Мы обязательно вопросы с предоплатой устраним в кратчайшие сроки. Ты, кстати, на досуге посиди, подумай хорошенько, что тебе для работы надо, составь списочек. Мы внимательно изучим и покумекаем, как твои проблемы решить оптимальным образом.

Знаем, плавали, оптимизация путем профанации.

– Сильно не переживай, нам пообещали увеличить финансирование по твоей работе со следующего месяца, –

Кольцов словно прочитал мысли. – У тебя будет полноценная группа с полным обеспечением.

– С улицы наберете? – с недоверием спросил Тальберг.

– Что ты! – возмутился директор. – На такую важную тему кого попало ставить нельзя. Пройдем по другим лабораториям, пощиплем-поскубем – человек там, человек тут.

– Отдадут, кого не жалко, – Тальберг представил, как «щиплют» Самойлова, а тот кричит «Сроки! Жесточайшие сроки! Если у меня не хватит людей, не смогу ничего предоставить к концу квартала! Сами отдуваться будете!»

– Карты в руки, лично выберешь, кто тебе подходит, не маленькие дети, разберемся. Никто не уйдет обиженный. Сколько тебе человек в группу надо?

– Семь, – ответил Тальберг, не задумываясь.

– Почему семь? – полюбопытствовал Кольцов.

– Число хорошее.

– Ну и ладно, – беспечно согласился директор и прикинул: – Ты и Адуев – уже двое, остается найти еще пятерых. За недельку подберем, оформим приказом по институту, и в бой. Я подписал распоряжение, чтобы твою группу освободили от военных сборов и занятий по ГО.

Тальберг сидел, сцепив руки в замок и похрустывая пальцами. Он упорно продолжал не верить в происходящее. Как-то зазвонит будильник, он проснется, и Кольцов превратится в привычный крейсер, палящий во все стороны из пушек бронебойными снарядами «Финансирование оптимизи-

ругают, но вы держитесь!», «Урезайте до минимума!» и «Я вам из своего кармана оплачивать не собираюсь!»

Часть мелких расходных материалов покупалась сотрудниками именно за свои деньги, потому что получение через снабжение заурядного простого карандаша сопровождалось немыслимой кучей бумажек, на заполнение которых здоровья не хватит. Тальберг подозревал, это один из нехитрых способов сокращения расходов.

Он не удержался:

– С чего такая щедрость?

– Как с чего? – Кольцов возмутился так, будто Тальберг нашел клад и сам не понял. – Твоя работа представляет огромный интерес. Причем не теоретический, а самый что ни на есть практический. Из центра обратились, на высшем уровне!

– Какой такой интерес? – изумился Тальберг, гадая, на что может сгодиться бесполезный краенит.

– Что значит «какой»? – Кольцов испытывал раздражение от Тальберговой глупости и неумения смотреть в перспективу. – Материал с потрясающей прочностью, превышающей известные нам пределы! Из него можно нарезать тонких пластинок, и при толщине картона они смогут выдерживать прямое попадание пуль и снарядов.

– Опять оборонка... – разочарованно протянул Тальберг. Все стало ясно.

– Ты тут пацифизмом сильно не размахивай, – одернул

Кольцов. – Можешь утешать себя, что краенит будет защищать жизни, а не отбирать. И вообще, если научишься добывать в больших количествах, подумаем и о гражданском применении. У тебя есть дополнительный стимул работать усерднее.

– Дать вам волю, вы бы из него пуль понаделали, – слабо пошутил Тальберг.

– Пули из краенита делать невыгодно, – отрубил Кольцов, и стало ясно, что такой вариант тоже прорабатывался, возможно, самым первым.

– Я пошел.

– Иди-иди. И не забудь список составить на материальное обеспечение, – напомнил директор вдогонку.

В приемной Наталья бросила на Тальберга вопросительный взгляд. Он выглядел растерянно, ошарашенный новостями и манной небесной, нагадано свалившейся на голову. Он не понимал, в помещении жарко или у него отключились нужные рецепторы. Захотелось воды, будто вечность не пил.

– Все хорошо? – спросила Наталья, заваривая кофе Кольцову.

– Наверное, да, – произнес Тальберг и на негнущихся ногах поковылял в лабораторию.

7.

Демидович дал два дня выходных на новоселье. Платон

воспользовался свободой и отправился на прогулку. Безветренную погоду дополняло не по-зимнему теплое солнце, поэтому он расстегнул куртку, стоя возле подъезда и размышляя, куда пойти.

Внимание привлекли мужики, забивающие козла за одиноким столом. От громких ударов костяшками о железную столешницу с деревьев слетали вороны и встревоженно кружили над двором. Платон решил познакомиться с соседями.

Он подошел к доминошникам, представился и каждому пожал руку, надеясь не запомнить протереть дома ладони спиртом. Мужики называли имена, но он не их не запомнил, сознавая тщетность усилий.

Платон объяснил, что он их новый сосед и некоторое время будет жить на ведомственной квартире во втором подъезде.

– Живи на здоровье, – разрешил один из них, с огромной бородой, пользующийся наибольшим авторитетом. – Мы про тебя и так знаем, Клещ с Пеплом барахло твое разгружали.

– Козла забьешь? – предложили Платону.

Платон хотел отказаться, но сообразил, что рискует испортить отношения с новыми знакомыми, и согласился в надежде, что пытка надолго не затянется.

На четвертой или пятой партии он осознал, что игра может тянуться вечно. Игралось скучно, он привык к шахматам, а на домино смотрел с брезгливостью, дополняющейся тем, что полустертые кости липли к пальцам, и, беря оче-

редную костяшку, он пытался скрыть отвращение.

– А Димку вы знаете? – спросил для поддержания разговора.

– Какого?

– Который из седьмой квартиры.

Мужики задумались, не забывая бить костями. Лицо одного из них, плюгавенького и на протяжении всей партии сидевшего молча, внезапно просветлело, и он воскликнул:

– Тальберг?

– Точно! – обрадовался Платон. – Он самый.

Димку Тальберга знали все.

– Есть такой, – бородач сосредоточенно разглядывал выпавшее домино. – А что надобно-то?

– Да так. Мы с ним по молодости вместе квартиру снимали, а до этого в один класс...

– Рыба! – перебил его громкий голос одного из игравших. Платон вздрогнул и поморщился, недовольный, что ему не дали договорить.

Когда гул стих и началось очередное перемешивание костей, он как бы невзначай продолжил:

– Вот, думаю, узнаю, как он здесь живет.

– Как живет? – проронил бородатый. – Нормально. На работу ходит. С работы ходит. Ведет примерный образ жизни, не пьет, не курит, в карты не играет, видать, хочет помереть здоровым.

Мужики захохотали.

«Тальберг такой», подумал Платон и вспомнил студенческие годы, когда они вместе бегали по утрам в соседнюю школу подтягиваться на турниках. Платон тогда увлекся спортом и записался в кружок по борьбе, да и сейчас не упускал возможности посетить спортивный зал.

Но от правильности Тальберга тошнило. Не человек, а книжный червь-переросток. Подсознательно хотелось его споить, заставить играть в карты на раздевание, заманить в женское общежитие института иностранных языков к безотказной Насте с вьющимися волосами... в разных местах. Тогда бы он стал похож на нормального человека.

Платон осознал, как эти годы его выводил из себя Тальберг. Он со злостью ударил костяшкой, едва не оглохнув от грохота.

«Чтоб ты сдох», подумал он, почувствовав, как зашиб ладонь о металлическую столешницу.

– А с женщинами у него как? – неожиданно для самого себя спросил Платон и тут исправился: – В смысле, с бабами.

– С бабами? Хрен его знает. Жена у него есть. Вот он с ней, наверное, каждый четный вторник при выключенном свете того-этого, – бородач ярко изобразил на пальцах, как выглядит «того-этого».

Мужики снова захохотали.

– Да ну его, твоего Тальберга, – сказал бородач. – Люди, оторвавшиеся от коллектива, нас не интересуют.

Платон понял две вещи. Во-первых, Тальберга здесь не

жаловали. А во-вторых, он правильно сделал, что согласился «забить козла».

С другой стороны, попытка апельсинами в форме домино все не заканчивалась. Мужики Платону были неприятны, шутки их – однообразны, но и выглядеть белой вороной не хотелось.

– Постой, – опомнился кто-то. – Сегодня ж пятница.

– Точно!

– У меня сюрприз по случаю полочки, – объявил сидевший напротив мужик с красными ушами, торчавшими из-под кепки-пирожка. Платон узнал в нем грузчика, разгрузившего его вещи.

– Показуй, че у тебя, не томи, – загалдели присутствующие.

Мужик достал из сумки бутылку с красным содержимым и пафосно объявил:

– От Михалыча! Четыре бутылки!

Платон поморщился от кислотной расцветки. Доминошники одобрительно загудели, а маленький лысенький старичок, сидевший по правую сторону от Платона, пояснил:

– Гадость, конечно, зато вкус и цвет каждый раз новый. Привносит в жизнь разнообразие, так сказать.

– Как говорит Михалыч... Забыл, блин, как он говорит.

– Диверсификация!

– Понахватался умных слов в своем институте. Зарыл в науке талант.

Из воздуха материализовались пластиковые стаканчики. Платон обнаружил, что из закуски у них только рукав, и в очередной раз огорчился, что не остался дома. Но ситуация требовала решения, и он прикинул убытки.

– Вот, – он выложил купюру, – надо кого-то за закусью послать.

По всеобщему бурному восторгу Платон понял, что угадал с общественными настроениями и заработал десяток очков на личный счет. Тощий схватил деньги и рысцой побежал за дальний край дома, откуда вернулся с одноразовым пакетом.

Когда красная жидкость перекечевала в посуду, Платон поднял стаканчик и гадливо приблизил к носу. Запах неожиданно оказался приятным с тонкими цветочными нотками.

– Шибет на раз, – предупредил дедуля в черной вязаной шапке из-под Платоновой подмышки. – Зато без похмелья.

«Хоть одна хорошая новость», подумал Платон.

– За новоселье! – провозгласил бородач. – И за новосела!

Выпили, и Платон незамедлительно почувствовал, что означает «шибет на раз».

Дальнейшие события в его памяти отложились весьма сумбурно. Когда он вспоминал о них впоследствии, ему становилось стыдно. Он помнил, что таинственная настойка неизвестного Михалыча не заканчивалась – они выпивали за здоровье, и стаканы наполнялись снова.

Платон старался закусьевать, но уже на третьей забыл, как

его зовут. Он знал только, что милые люди, сидящие рядом, самые лучшие люди на свете, и готов был их целовать взапас «на брудершафт». Даже если придется играть в домино вечность и под скабрзные шуточкн.

Он запомннл, что бородаатого зовут Костылев, но другие клнчат его Костылем. Особенно мнл и прнятен оаказался старнчок, сндевншнй у Платона под мышкой. Платон почему-то решнл, что его зовут Лука.

– Человек – все может... лншь бы захотел... – повторял Лука, н все немедленно за это пнлн, потому человек – звучнт гордо, а когда гордые лудн друг друга уважают, онн не могут за это не выпнть.

Обсуднлн роль лнчности в нсторнн, переругалнсь, помнрнлнсь, зауважалн друг друга еше сильнее н, в конце концов, перешлн к обсуааждению баб.

– Глядн – какой я? Лысый... А отчего? От этнх вот самых разных баб... – говорнл Лука н, сннав шапку, гордо демонстрнровал лыснну.

– Не скажн! – запротестовал Платон. – Бабы бнвают разные. Некоторые очень даже хорошн! – он для убеднтельностн вытннул перед собой руку н растопырнл пальцы, словно держал два огромных апельснна нлн небольшие дынн, – такне, просто ух! И глаза зеленые! Жаль, что замужем, я бы ее прнмо щас...

– В женнне душа долнаа быть, – выдал красноухнй в кепке, которого, кажется, звалн Пеплом.

– И тело, – добавил Платон, вспомнив белые Лизкины ноги.

– Это тоже, конечно, – согласился Пепел, и они выпили за женщин два раза – за прекрасное тело и за чуткую душу.

Платон потерялся во времени и пространстве. Вся видимая часть Вселенной состояла из белого кружка на дне одноразового стаканчика. Когда он почти перешел на автопилот, неожиданно вспомнился Тальберг.

– А Тальберг гнида, – заявил он и икнул.

– Конечно, г-гнида, – запинаясь, подтвердил тощий. – Если такой прекрасный человек, как ты, говорит, что он гнида, значит, так оно и есть, оно не может не быть.

– Я его сожру.

– Сожрешь.

– Я у него Лизку уведу.

– Конечно, уведешь... А куда?

– Тут главное не куда, а у кого! – с трудом поднял указательный палец Платон и так, с задраным пальцем, и завалился на скамейке, едва не нырнув под стол. Перед тем, как окончательно забыться в неприятном алкогольном сне, он нащупал у ног прочную деревянную палку и в обнимку с ней заснул.

– Готов, – констатировал тощий и одним профессиональным глотком допил настойку из осиротевшего стакана Платона. – Чтоб зазря не пропала. Кто помнит, из какой он квартиры?

– Клещ с Пеплом ему холодильник тянули, – вспомнил Костыль.

– Так они уже «в мясо», – ответил тощий. – Рядышком отдыхают.

– Не беда, – Костылев почесал живот. – Организуем по высшему разряду.

8.

Они учились в одном классе в Лоскутовке. После выпуска отправились пытаться счастья в столичных вузах: Тальберг поступил на кафедру прикладной физики, а Платон пошел по экономической стезе.

В общежитии жить не захотели. Тальберг переживал, что в шумной общаге не сможет сосредоточиться, а Платон ненавидел графики и распорядки. Он хотел приходить и уходить не по часам, а в любое время дня и ночи. Университеты находились рядом, поэтому решили снимать квартиру на двоих, деля оплату поровну.

Стипендии не хватало, приходилось подрабатывать, перетаскивая мебель на переездах – стулья, холодильники, журнальные столики, буфеты и серванты. Однажды довелось переправлять старинный трехстворчатый шкаф с богатой резьбой и огромными ножками. Он не помещался в лифт, но хозяин наотрез отказался разбирать, опасаясь, что антиквариат рассыплется, поэтому деревянного монстра с восьмого эта-

жа тасили на горбу, зарабатывая синяки и ушибы.

По ночам разгружали вагоны – за них платили больше всего. Тальберг перетаскивал мешки быстро, стараясь поскорее закончить. Платон за ним не поспевал, но деньги делили поровну.

Однажды ночью довелось выгребать бетон, вылившийся из опалубки и образовавший внушительную горку на дне ямы. Поначалу дело продвигалось довольно споро. Они резво махали лопатами, набрасывая серую массу в корыто, но время шло, и работать становилось тяжелее – бетон отвердевал на глазах. Последние куски долбили арматурой.

После интенсивной работы не оставалось сил, и Тальберг отсыпался на занятиях, укоряя себя за невнимательность и утешаясь финансовой независимостью.

Платон учился играючи. Он соображал на ходу и никогда не сидел за книгами, запоминая необходимый материал на лекциях. Тальбергу повезло меньше – он корпел над учебниками, перечитывая каждую страницу раз за разом до полного просветления, и выполнял все до единого упражнения.

Учеба ему давалась с трудом, но он получал удовольствие, докапываясь до мелочей и ставя преподавателей вопросами в тупик.

Будучи немалого роста, Тальберг после каждого занятия подходил к очередному лектору и настойчиво, глядя сверху вниз, просил объяснить, почему тут нужно применять минус, а здесь – плюс. Слабые духом профессора, привыкшие,

что студенты обычно дремлют на лекциях и вмиг исчезают после звонка, заметив издалека Тальберга, норовили сбегать.

Преподаватель по электротехнике не выдержал и выставил экзамен досрочно, чтобы его не видеть, но и это не помогло. У Тальберга накопились вопросы, и он не успокоился, пока их не задал.

– Бросай это гиблое дело, – говорил Платон, проутюживая брюки для вечерних прогулок. – Пойдем, проветримся, а то сдохнешь тут со своими тетрадками.

Тальберг, у которого от усердного учения порой давило в висках, откладывал справочники в сторону, и они шли гулять по проспекту, высматривая сидящих на скамейках студенток с целью развлечься легким флиртом. На ведущих ролях выступал Платон. Из-за врожденной стеснительности Тальбергу обычно доставалась «менее красивая подруга», но он не жаловался, понимая, что в одиночку ему не светит и этого.

Однажды весной встретили двух девушек на скамейке у памятника. Платон с ходу ворвался в беседу с одной из заранее заготовленных шуток. Слово за слово разговорились. Оказалось, что они собирались в кинотеатр на новый фильм, но опоздали и ждали следующего сеанса.

– Поход в кино можно отложить, – сказал Платон и предложил прогуляться в кафе. Девушки согласились.

Платон выбрал Алину, хохотавшую почти над всем, что

он говорил, и забирающую всеобщее внимание на себя.

Тальберг шел возле Лизки, обмениваясь с ней обрывками фраз. Она не отличалась общительностью, и он втрескался в нее скоропостижно и бесповоротно. Красота Алины казалась пластмассовой и вычурной, а Лизка выглядела просто и естественно – имелось в ней что-то, отчего подмывало схватить ее в охапку и унести в пещеру для защиты от диких животных.

В кафе просидели полтора часа. Тальберг поедал глазами Лизку, сидевшую напротив. Его манили ямочки на щеках, проявляющиеся, когда она улыбалась. Ему нравилась фигура, аккуратная девичья грудь, он восхищался длинными светлыми волосами, собранными в тугий узел. Но Лизка, к досаде Тальберга, смотрела не на него, а на Алину и Платона, рассказывавшего анекдоты и отчаянно отпускавшего шутки в попытках произвести впечатление. В конце дня обменялись телефонами и расстались. Тальберг выяснил, что Лизка местная и учится в педагогическом.

Прошло пять или шесть недель, на протяжении которых Тальберг пыхтел над курсовой работой, вспоминал о той прогулке, но не осмеливался позвонить по оставленному телефону. За это время они с Платоном пару раз выходили прогуляться, но ни Алину, ни Лизку не встречали, хотя Тальберг силился разглядеть ее фигурку.

Дальше случилось страшное. Когда Тальберг сидел дома поздно вечером и ломал мозг в попытках объяснить физиче-

ский смысл кривой на графике, пришел Платон. Но не один.

– Смотри, кого я встретил, – он показал на улыбающуюся Лизку.

– Привет, – поздоровалась она, стоя на пороге комнаты, и тут же исчезла, увлеченная крепкой рукой Платона на кухню пить чай.

Тальберг почувствовал, как внутри упал кирпич, и эхо от падения отдало в череп неприятным звоном. «Опоздал, дурак», – подумал он.

Платон и Лизка проговорили на кухне до самого утра, пока он ворочался в комнате на кровати и безуспешно тщился заснуть, обзывая себя тупицей, дегенератом и неудачником.

Полгода он просиживал над учебниками, пытаясь полностью отрешиться от происходящего, не отрывая от книг слезящихся глаз и доводя себя до иступления. Платон перестал звать на прогулки, всерьез увлекшись Лизкой. Они проводили вместе дни напролет, не замечая Тальберга, являвшегося чем-то вроде мебели, по чистой случайности, занимающей пространство подле них.

Иногда Платон просил погулять часок, чтобы побыть наедине с Лизкой. Тальберг покорно гулял в одиночестве, с расстройства съедая по три мороженых за раз и сидя с кислым лицом на скамейке перед домом в ожидании, когда в окне их съемной квартиры загорится свет.

– Слушай, Дим, а давай ты заведешь себе девушку, и мы будем дружить парами, – как-то предложил Платон. Таль-

Берг уклончиво ответил, что в этом семестре у него гора предметов и он не успевает с рефератами.

– Как хочешь, – беззаботно сказал Платон.

Раз в неделю Лизка оставалась ночевать. Утром она в длинной платоновой футболке приходила на кухню ставить чайник, и Тальбергу приходилось смотреть на нее, сходя с ума от невозможности обладать. От этих мыслей становилось стыдно, и он пытался прогнать прочь неприличные видения.

Иногда, когда Платон убегал по неотложным делам, Тальберг оставался наедине с Лизкой, и ему приходилось с ней общаться, изображая обычную дружескую беседу. Самое неприятное заключалось в том, что, они с Лизкой идеально подходили друг другу – читали одинаковые книги, смотрели те же фильмы, сходились в музыкальных пристрастиях.

Оставаясь в одиночестве, Тальберг от бессилия бил кулаком шкаф. Однажды не рассчитал силы, и дверца слетела с петель.

В октябре идиллия скоропостижно скончалась. Платон пришел злой, с порога швырнул ботинки в стену прихожей, и Тальберг вмиг догадался, что тому причиной Лизка.

– Сука! Ненавижу!

Платон рухнул плашмя на кровать, не раздеваясь.

– Что случилось? – не выдержал Тальберг.

– Залетела от какого-то хмыря, – коротко сказал Платон. –

Ненавижу!

Он лежал и, чертыхаясь, смотрел в потолок, и Тальберг понял, что больше ничего от него не добьется.

Через окно увидел Лизку, сидевшую в слезах на скамейке у дома, и ощутил смешанное чувство, состоящее из разочарования и радости. Объявил, что идет за хлебом, и выбежал на улицу, торопясь, пока Лизка не сбежала.

Она сидела с мокрыми глазами и тихо всхлипывала, закутавшись в тонкий плащ. Он присел рядом, чувствуя неловкость от собственной смелости.

– Уйди, – она вытирала пальцами слезы.

– Не уйду, – он понял, что в самом деле не тронется с места, пока не выскажется.

– И так тошно. Не доставай еще и ты.

Он подсел ближе. Она отвернула лицо, пряча красные глаза. Ветер трепал выбившийся из-под резинки пучок волос.

– Ты мне нравишься, – сказал он. – Всегда нравилась.

Честно-честно.

– Дурак, – она расплакалась вдвое сильнее. – И друг твой дурак.

– Ну и пусть, – согласился он.

– Ты ничего не знаешь... – начала она, но он не дал договорить:

– Знаю, Платон рассказал.

Он приобнял Лизку. Она слабо дернулась, пытаясь вырваться, но потом уткнулась в его грудь и разрыдалась. Он чувствовал, как под рукой дрожит ее спина.

На той же неделе подали заявление на регистрацию. В ноябре без всякой свадьбы расписались, не пригласив никого. Лизка не стала менять фамилию и оставила девичью – Башкова. Тальберг не возражал.

Через семь месяцев родилась Ольга.

ГЛАВА III. Сладкий краенит

9.

Саня завел два будильника – он где-то слышал, что так легче просыпаться. Сначала звонит первый, ты смотришь на часы и радуешься дополнительному часу сна. На втором нужно обязательно вставать. Жаль, не нашлось третьего, но тут надо меру знать, потому что несложно перепутать последний будильник с предпоследним.

Он решил полежать в полудреме с закрытыми глазами. Важно соблюдать осторожность, иначе легко утратить чувство времени и снова заснуть. Случалось и такое.

Бабушка уже проснулась и тарахтела посудой на кухне, будто вовсе не ложилась. По ночам ей не спится, кости ноют, поэтому она бродит по квартире и ищет себе занятие. Слышит она плоховато, и ей кажется, что она жарит котлеты тихо. Но это далеко от правды, и Саня часто просыпался от шума без всяких будильников. Часам к девяти утра кости успокаиваются, и она дремлет в одиночестве.

Когда бабушка суетится по хозяйству, спать совсем не хочется. Пока что-то делают по дому, не покидает мысль, что кощунственно отсыпаться, в то время как кто-то трудится. Саня понял, что лежит без удовольствия, и выполз из кроватки.

ти. До зажигания солнца оставалось двадцать минут.

– Проснулся? – в комнату зашла бабушка. – Не разбудила?

– Нормально, – отмахнулся он, – все равно пора вставать.

Наскоро умылся, символически окропив лицо из таза с запасом воды на случай очередного отключения и вытерся полотенцем.

В кресле-кровати спала Лера, спрятав кулачки под подушку и укрывшись с головой. Саня рывком смахнул одеяло.

– М-м-м, – недовольно промычала она, пытаюсь вернуть одеяло на место, но он не сдавался.

– Просыпайся.

– Не хочу, – пробубнила Лера, не открывая глаз. – Спать хочу.

– А садик?

– Дома останусь. С бабушкой.

– Не останешься, у бабушки и без тебя дел хватает. Пойдем, из-за тебя на работу опоздаю, – он прибегнул к самому вескому аргументу.

– Ты тоже можешь не ходить, – разрешила она. – Вместе дома останемся.

– Ну уж нет!

Он перекинул Леру через плечо и потащил на горшок. Она для виду посопротивлялась, но рефлекс сработал – зажурчало.

– Умываться, – скомандовал Саня.

Она с недовольным видом прошагала в ванную, словно

делала большое одолжение, за которое полагается компенсация в одно мороженое и две больших конфеты. Донесся плеск, потом последовала тишина – Лера с закрытыми глазами тщательно вытирала полотенцем сухое лицо, которое за-была помыть. Пришлось умывать ее повторно, несмотря на яростные возмущения.

Далее перешли к самому сложному – переодеванию. Лера воевала с горой из колготок и трусов, но упорно проигрывала битву, засыпая через секунду после очередного крика «Лера! Не спать!»

В конце концов, Саня увидел, что, если дело пойдет и дальше в том же темпе, он без шуток опоздает на работу. Он взял ситуацию под личный контроль, и вскоре Лера напоминала многослойную капусту.

– Неудобно. У меня щиплет и колет.

– Где?

– Везде.

– Так не бывает, чтобы везде и щипало, и кололо, – возразил Саня. – Иди обуваться.

– Есть хочу.

– В садике поешь.

– Не хочу в садике. Сейчас хочу, – заупиралась она.

Он нашел полузасохший кусок хлеба. Она схватила варежкой, откусила два раза и недовольно скривилась.

– Не хочу. Хочу зайца.

Саня бросился искать игрушку, без которой Лера из дому

не выходила. Заяц нашелся за спинкой кровати.

Пока Лера в полной боевой готовности сидела в коридоре на стуле, Саня впопыхах оделся сам. Наконец, вышли на улицу. Солнце зажглось и ярко отражалось от свежесвыпавшего снега. Лера прищурилась.

– У меня глаза болят от солнца, – сказала она, застряв на пороге.

– Тогда закрой их, а я тебя поведу, – предложил Саня. – Я вместо тебя смотреть буду.

– Не хочу, чтобы ты вместо меня смотрел, я же так ничего не увижу.

– Ты определись как-нибудь.

Лера обреченно шагнула в сугроб. Они вышли на дорогу и побрели к детскому садику по наезженной автомобилями колее. За ночь выпал снег и засыпал натоптанные тропинки. Хотя по календарю зима закончилась, она не сдавалась. Самое неприятное, что снег растает, а у Сани толком и обуви подходящей нет, чтобы ходить по воде, не промочив ног. Подошвы по сто раз клееные-переклеенные. У Леры хотя бы ярко-желтые резиновые сапоги есть. Она их обожает – ее хлебом не корми, дай по лужам поскакать.

– Сколько надо ходить в садик до выходного? – спросила она.

– Пять дней. Вместе с сегодняшним.

– Так долго, – опять вздохнула она. – Я думала, меньше.

– Сегодня понедельник! Выходной вчера был!

– Теперь всегда так будет? – расстроилась Лера. – Пять дней подряд в садик ходить?!

– Да, до пенсии,

– Тогда хочу на пенсию.

– Туда таких маленьких не берут. И тех, кто букву эр не выговаривает, тоже.

Лера обиделась, надулась и до самого садика шла, не проронив ни звука. Наконец, перестала дуться и спросила:

– Ты меня вечером заберешь?

– Буду на работе допоздна, не успею. За тобой бабушка придет.

– Не хочу, – надулась она по второму кругу.

– Лера! Хотя немножко помолчи, пожалуйста!

Она обиделась окончательно и молчала до самой детсадовской калитки.

– Папа с мамой насовсем умерли? – спросила она, когда Саня снимал с нее сапоги.

– Да, – сказал он, не поднимая глаз, – насовсем.

– Жалко, я им такую красивую открытку на новый год нарисовала.

Он промолчал.

Отец всю сознательную жизнь мечтал купить автомобиль и копил на него годами, откладывая с каждой полочки. Машины еще не существовало, но он ежеквартально покупал журнал «Автолюбитель» и читал вечерами, представляя, что когда-то советы из рубрики «Письма наших читателей» ста-

нут актуальными и для него. Отец записался на водительские курсы, сдал экзамены и получил права, чтобы быть полностью подготовленным к появлению в их жизни автомобиля.

Настал тот час, когда накоплений хватало на машину, но поехать за ней решили в областной центр – выбор шире и цены ниже. Рассчитывали туда добраться на автобусе, а назад пригнать транспорт своим ходом.

На сотом километре после выезда из центра на свежеприобретенном автомобиле отец не справился с управлением при повышенной туманности, и они с матерью на всей скорости врезались в грузовик-длинномер. Смерть наступила до приезда «скорой».

– Забери меня вечером, – снова заканючила Лера, пока Саня последовательно снимал с нее верхние слои одежды и развешивал на крючках в шкафчике с табличкой «Адуева Лера».

– Не могу обещать, работы невпроворот.

– Без работы никак?

– Никак. Нужно деньги зарабатывать, чтобы еду покупать, обувь, куклы...

Последний аргумент ее убедил. Она поцеловала Саню в щеку и нахмурилась.

– От тебя опять дымом пахнет!

– Со следующей недели брошу курить, – пообещал он.

Лера ускочила в группу, таща за уши игрушечного зайца.

За два дня согласовали состав группы по увеличению добычи краенита и оформили приказ по НИИ. По графику новобранцы к работе приступали со следующей недели. Самойлов обрадовался, что его людей не тронули, и на радостях делился первыми результатами исследований по краениту.

– Интересная штука, – говорил он, сидя в тесном кабинете Тальберга с кружкой дешевого чая, предназначенного исключительно для гостей. – Когда мы раньше исследовали Край на месте, ничего не получалось. Брали кислоты, щелочи, растворители, обрабатывали – все впустую! Однажды появились пузыри, мы обрадовались, думали, реакция пошла, приготовились шампанское распивать и друг другу премии выписывать...

Самойлов сделал глоток и скривился. По поводу чая ничего не сказал, но больше к нему не притронулся.

– Место реакции очистили, но изменений не выявили. Такая же гладкая и чистая поверхность. Вообще стерильно, под микроскопом смотрели. Получается, реакции не было.

– Постой, – спохватился Тальберг, озаренный внезапной мыслью. – Когда мы краенит вырезаем, стена через час полностью восстанавливается. Но мы изрядные куски режем, поэтому восстановление идет дольше, а у вас повреждения пустяковые – пока вы Край очищали, он уже регенерировал.

– Точно! – Самойлов отодвинул от себя кружку. – Дима,

ты гений! Нужно в записях поискать, чем в тот раз обрабатывали.

– Подозреваю, когда краенит отделяется от Края, у него пропадает восстановительная способность, – предположил Тальберг.

– Знаешь, – задумался Самойлов, – с теоретической точки зрения, это замечательно и позволит разобраться с химическими свойствами краенита. Но с практической стороны, ухудшается применимость материала из-за большей уязвимости.

Тальбергу неожиданно захотелось, чтобы эксперименты провалились, а материал признали непригодным для оборонки по причине ненадежности и напрочь забросили. Ревность? Раньше он считал краенит персональной гордостью, чем-то родным, на что прочие смотрели с опаской, а теперь самойловы топят его в своих пробирках с кислотами и щелочами.

– Засиделся я у тебя, – Самойлову не терпелось вернуться в лабораторию и возобновить эксперименты.

– Мне тоже работать надо. Кольцов поставил задачу – увеличить глубину реза. Второй день сижу, не знаю, с какого конца браться.

– Слушай, – Самойлов остановился с поднятым пальцем. – У Харламова в оптической лаборатории прошлой весной представили безлинзовый концентратор на электромагнитных полях. Думаю, через Кольцова легко заполучишь,

тем более, у них их несколько.

Тальберг понял, идея хорошая и может сработать.

– А чай у тебя паршивый, – напоследок бросил Самойлов. – Я зеленый люблю.

Тальберг не стал откладывать в долгий ящик и тут же позвонил Кольцову, который, видимо, прямо в эту минуту обедал дома. Он часто ездил в обеденный перерыв домой.

– Чего тебе? – спросил жующий голос в трубке. – До конца обеда подождать не мог?

– Мог, наверное. Попозже перезвоню.

– Ладно, уже испортил аппетит. Валяй, что у тебя стряслось, – смилостивился Кольцов.

Тальберг рассказал про оптический концентратор. Директор пообещал посодействовать.

Через полчаса пришел угрюмый Харламов, без единого слова сунул маленький, но поразительно тяжелый картонный коробок и даже не заставил нигде расписаться. Тальберг прочитал выписанные на боку синей ручкой цифры диапазона энергий с коэффициентами концентраций и остался доволен.

Оптический концентратор представлял собой маленький пластиковый цилиндр с боковыми креплениями, через которые выходили провода питания и регулировки. Инструкций Харламов не оставил, а при воспоминании его недовольного лица желание что-либо у него спрашивать пропадало начисто.

Тальберг перебрал пальцами контакты, пытаясь догадаться об их предназначении. Главное, не подать питание вместо регулирующего напряжения – электроника сторит безвозвратно. К счастью, на клеммах стояли отметки с указанием вольтжа, и задача показалась посильной.

Вернулся с обеда Саня и сразу же потянулся к коробку:

– Что это?

– Безлинзовый оптический концентратор на электромагнитных полях.

– Харламовский? – спросил Саня к досаде Тальберга, в очередной раз убедившегося в своей хронической неосведомленности касательно происходящего в институте.

– Харламовский.

– Сам отдал? – удивился Саня.

– Через Кольцова. Мы же нынче в приоритете.

Идея использования концентратора была одновременно гениальна и проста. Он позволял без увеличения энергетических затрат сделать луч установки тоньше, при этом площадь пятна уменьшалась, и снижались потери на единицу глубины реза. Чтобы добиться двукратного прироста по глубине, нужно было уменьшить диаметр луча всего в полтора раза. На установке стояла сходная система, сделанная Тальбергом самостоятельно, но получить луч тоньше полутора миллиметра он не смог, сколько не бился, а с харламовским концентратором появлялась надежда на резкий скачок производительности без дополнительных исследований и разра-

боток.

– Сможешь подключить?

Саня покрутил провода:

– Элементарно. Блок питания стандартный, регулятор найдем, на крайний случай, откуда-нибудь открутим.

– Подключай, а я пойду покурю. У тебя сигаретка есть?

– Вы же не курите!

– Захотелось, – признался Тальберг. – Последний раз в десятом классе было. Нас тогда еще географичка гоняла.

Он вышел в коридор и вспомнил, что курить полагается у форточки в туалете. Под потолком шумела система вентиляции, образующая единую сеть по всему институту, но подвели ее только к вытяжным шкафам, каковых в лаборатории Тальберга насчитывалось два, ни один из которых не включался за ненадобностью.

Он не захотел идти в туалет и решил пока воздержаться от перекура, поэтому спрятал взятую у Сани сигарету в нагрудный карман и, убрав руки за спину, пошел прогулочным шагом к окну в конце коридора, по пути представляя, как завтра огорошит Кольцова досрочным выполнением задания.

– Дмитрий Борисович!

Тальберг вздрогнул.

Рядом стоял стеклодув Михалыч с небольшой сумкой. Он давно мог отдыхать на пенсии, но продолжал ходить на работу, удовлетворяясь символической оплатой. Из-за низкого, почти карликового роста он глядел на всех снизу вверх,

шурясь на правый глаз, в то время как левый сильно косил, и Тальберг затруднялся определить, куда Михалыч смотрит.

По институту ходили шутки, что стеклодуву однажды открылась великая тайна Края, и с тех пор у него шарики не совпадают с роликами. Шутки-шутками, но странностей у Михалыча хватало. Порой никто не понимал, что он говорит, а изъяснялся он исключительно короткими репликами из двух или трех слов. Иногда он останавливался посреди улицы и мог простоять час, размахивая руками и мешая прохожим. Порой одиноко бродил по коридорам института и рисовал мелом черточки у каждой двери, а у некоторых – даже две. Тальберг испытывал неловкость при общении с ним, старался ограничиться приветствием и проскочить мимо. Он, грешным делом, подозревал, что стеклодув надышался ядовитыми испарениями, выдувая очередную реторту. Самойлов однажды назвал Михалыча безумным стекольщиком. Технически это было неверно, но прижилось в институте.

А еще Тальберг знал, что Михалыч в свободное от работы время делает наливки и настойки, пользующиеся известной популярностью как среди рядовых сотрудников, так и руководства НИИ, и лично видал у Кольцова в минибаре пластиковую бутылку с надписью фломастером «Мих.» и пририсованными пятью звездочками для юмора. В бутылке отсутствовала треть.

Тальберг пить не любил и к спиртному испытывал полное

равнодушие, разве что на праздники выпивал бокал белого вина, не оказывавшего при его весе никакого эффекта. Кроме того, настойки Михалыча отличались яркой цветовой палитрой, включающей странные неаппетитные цвета – зеленый, синий или желтый. Возможно, причина крылась в дальтонизме стеклодува, но оставалось загадкой, как он на практике добивается таких расцветок. Состав держался в секрете.

– Заказ принес, – Михалыч потряс звенящей сумкой. Надо признать, работу он выполнял качественно.

Тальберг вспомнил, что две недели назад и впрямь размещал небольшой заказик на реторты, желая поэкспериментировать с краенитом. Когда материалом занялся Самойлов и шансы обнаружить что-то самостоятельно раньше химиков упали до нуля, экспериментаторский зуд пропал на корню.

Он потянулся за сумкой.

– Расписаться, – потребовал Михалыч.

Тальберг с трудом отыскал в кармане ручку и поставил роспись в накладной. Михалыч отдал склянки, скалясь редкими зубами:

– Белые уши! – и изобразил двумя скрюченными пальцами зайца.

Тальберг вернулся в лабораторию и швырнул на полку сумку, отозвавшуюся обиженным звоном. Саня сидел у паяльной станции и сажал на плату резисторный регулятор, тыча паяльником в оранжевую канифоль.

– Через полчаса будет готово, – объявил он, не оглядыва-

ясь.

Подходящего блока питания не нашлось, и пришлось перепаявать старый, поэтому подготовка концентратора заняла несколько больше времени, чем предполагалось изначально.

Наконец, худо-бедно закрепили чудо-агрегат на временном штативе. Защитный кожух сняли, иначе новый блок не влезал. Так как установка и концентратор стояли независимо, нельзя было передвигать луч с помощью маховиков.

– Проверим принципиальную работоспособность, с красотой и функциональностью разберемся позже, – решил Тальберг.

Саня достал из холодильника пригоршню кусочков поглощающего тепло краенита, из-за которого даже выключенный холодильник продолжал холодить.

Тальберг выбрал кусочек поменьше, в полсантиметра толщиной и закрепил на траектории луча.

– Сначала протестируем, работает ли оно.

Тальберг включил установку в штатном режиме. В краените появилось отверстие, через которое проглядывала стена напротив.

– Замечательно! Момент истины.

Саня перекрепил тестовый образец повыше. Тальберг подал питание на оптический концентратор. На корпусе загорелся зеленый индикатор, но ни звуков, ни вибрации, подсказывающих, что эта штукавина включилась, не последовала.

ло.

Не происходило ровным счетом ничего.

– Регулятор, – подсказал Саня.

– Точно!

Тальберг покрутил ручку. Сначала медленно, затем быстрее. Дошел до крайнего положения, соответствующего максимальному уровню концентрации. Тишина и спокойствие. Повращал в обе стороны на случай, если что-то заело.

Кусочек краенита, зажатый в штативе, не реагировал на манипуляции.

– Сломалось? – предположил Саня.

Тальберг решил проверить, работает ли установка в принципе. Взял кусок газеты, в который Лизка завернула завтрак, и поднес к краениту. Бумага ярко вспыхнула и мгновенно сгорела. Он едва успел убрать руку, чтобы не обжечься.

Помещение заполнил запах гари. Саня пошел открывать форточку.

– Ничего не понимаю, – почесал затылок Тальберг.

Установка гудела, концентратор подмигивал зеленым диодом, но с краенитом решительно ничего не происходило.

– Хороший был план, – расстроился Саня.

– М-да... – огорченный Тальберг выключил оборудование.

Остаток дня он просидел, раскачиваясь и силясь отгадать, почему это чудо инженерной мысли отказалось работать. Хотел наведаться к Харламову, но вспомнил, с каким мрачным

видом тот передавал концентратор, и передумал.

– Я пошел! – прокричал Саня из лаборатории. – Уже опаздываю!

– До завтра. Я еще посижу.

Хлопнула дверь.

Тальберг продолжил сидеть, уставившись в стену. Ничего не придумав, он обратился к схемам и справочникам. От безысходности откопал в куче хлама пыльную презентационную брошюрку по оптическим концентраторам и тоже полистал, но ожидаемо ничего полезного не нашел – не для того брошюрки пишутся. Погасло солнце, Тальберг включил свет и продолжил медитировать, уставившись невидящим взором на прошлогодний календарь.

В задумчивости схватил кружку с чаем, оставшимся от Самойлова, и машинально сделал глоток.

– Тьфу! Гадость какая!

Пошел к умывальнику, вылил чай в раковину и принялся мыть кружку. В результате ремонта на кране перепутались цвета на вентилях, поэтому Тальберг регулярно промахивался и включал холодную воду вместо горячей. В этот раз произошло то же самое. Он повернул красный водопроводный кран, но вода пошла ледяная.

Он не выдержал, взял отвертку и переставил вентили.

– Давно мог сделать, – подумал он и замер от пришедшей мысли. – А что если...

Забытая чашка осталась возле умывальника. Он поменял

местами полярность на питании оптического концентратора.

– Попробуем снова. Если и сейчас не получится, не знаю, что и делать.

Установка заработала. На краените появилось маленькое отверстие, куда меньшего диаметра, чем первое, полученное в штатном режиме.

– Ай да Тальберг, ай да сукин сын!

Настройка резко улучшилась. Хотелось петь и танцевать, но ни со слухом и ни с хореографией не ладилось, поэтому он ограничился пятикратным повторением «Ай да сукин сын!», выключил установку и вынул из штатива кусок краенита с двумя отверстиями.

Итак, они перепутали полярность питания и вместо фокусирования луча концентратор... рассеивал? Но куда же энергия шла, какое-то воздействие осуществлялось. Тогда почему они ничего не заметили?

Он покрутил краенит, присмотрелся повнимательнее. Внешний вид не изменился, но на ощупь ощущения отличались. Не с первой попытки понял, но через мгновение дошло: кусок стал теплым и шершавым.

– Интересно...

У Тальберга появилась гипотеза. Он бросил опытный образец на кусок доски, лежавший на лабораторном верстаке, взял гвоздь и одним ударом молотка загнал в краенит по самую шляпку. Вот и ответ: в результате облучения по большой площади краенит потерял прочность по всему объему.

Плоскогубцами выдернул гвоздь. Отверстий стало три, и расположились они в ряд с шагом в сантиметр.

Ему пришла безумная мысль. Если с помощью облучения они лишили краенит экзотических свойств, значит можно... Тальберг не сдержался и лизнул кусок, воображая, как забавно, должно быть, он выглядит со стороны.

Вкус показался сладковатым без специфических оттенков, будто несладкий сахар. Он прислушался к внутренним ощущениям, но ничего нового или необычного не почувствовал.

– На сегодня хватит, – он бросил краенит в кучку к остальным кускам, надеясь, что тот не ядовит.

Повесил халат в шкаф, натянул куртку, проверил, выключены ли электроприборы. На секунду замешкался, нащупывая по карманам ключи, погасил свет и прикрыл дверь, но запереть на замок не успел, краем глаза заметив, как в лаборатории мелькнул синий огонек.

На верстаке лежал образец, который они мучили половину дня, и светился мягким голубым светом. Он взял его, поднес к глазам, чтобы рассмотреть получше, но свечение тут же пропало. Положил на место, свечение вернулось. Снова взял, снова погасло.

Кажется, очередная загадка.

Тальберг почувствовал, что с него достаточно тайн и вопросов. Он прицепил краенит за одно из отверстий на связку ключей и ушел домой.

Конь и Саня дружили с пятого класса. Сейчас виделись не в пример реже, но время от времени собирались, чтобы культурно отметить важное событие.

И такое событие настало – Виталик Конев пригласил на день рождения. Договорились встретиться в семь вечера возле маленького круглосуточного магазинчика на углу. Саня пришел первым и стоял у входа, переживая, чтобы не опоздали Лева и Митька Однорогов с общим подарком, купленным вскладчину.

Волновался зря, собрались быстро. Вскоре и Конь подкатил с подругой – Леськой Зайцевой, не выходявшей из дому без маленького черного рюкзака с черепом на цепочке. Саня сперва постоянно пялился на огромные «тоннели» в ее ушах, магнитом притягивавшие взгляд, а потом привык и перестал замечать.

Конь пришел в ослепительно белых кроссовках, выделявшихся на контрасте с остальной одеждой в черных тонах, за исключением яркого светлого шарфа.

– Леськин подарок, – пояснил Виталик, – она говорит, шарф должен под туфли подходить.

Надо признать, ему чрезвычайно шло. Саня немного позавидовал, но кроссовки никогда бы носить не стал – в них сильно потели ноги.

Зашли в магазин и разбрелись вдоль полок в раздумьях, что бы такое прикупить. Лева взял вафельный торт.

– Фигня, – сказал Митька Однорогов. – Большая конфета.

– Сам ты фигня, – обиделся Лева. – Зато держать удобно без всяких тарелок.

Купили небольшой бисквитный торт с шоколадной глазурью и вишнями. Сладкого никто не хотел, но день рождения без торта – моветон. Саня на полке с мелочевкой нашел маленькую праздничную свечу.

Митька схватил коньяк.

– Дорого, – поморщился Лева, – и гадость редкостная.

– Сам ты гадость, – обиделся Митька Однорогов.

В конце концов, Конь выбрал две бутылки сладкого десертного вина:

– Вы знаете, как оно хорошо идет в прохладную погоду? Лучше любого коньяка!

Возражать не стали, хотя Саня вино не любил, особенно сухое. От него случалась изжога.

Напоследок на кассе захватили комплект бумажных тарелок с пластиковыми ложками и пачку одноразовых стаканчиков. На выходе из магазина долго стояли и чесали затылки, куда бы пойти, чтобы употребить. В разгар раздумий Саня вспомнил:

– А подарок?

Лева раскрыл пакет, Митька Однорогов вынул из него новенький мяч, перевязанный золотистой лентой с бантиком,

и пластиковый сувенирный кубок «Лучшему другу» и протянул Коню.

– Поздравляем от нас всех!

При выборе подарка руководствовались тем, что Конев с детства играл в футбол, пропуская уроки, и с трудом закончил школу, не интересуясь ничем, кроме физкультуры. Он числился в местной команде, но хвастал летним переводом в высшую лигу – якобы дядя, живущий в столице, обещал замолвить слово. Саня к футболу относился с равнодушием и не понимал, в чем интерес наблюдать, как потные мужики за аномально большие деньги бегают с шариком по полю.

По этому поводу он разработал теорию, а точнее две. Во-первых, спорт замечательно заменял гладиаторские бои – суть та же, но гуманнее, трупов меньше. А во-вторых, когда человек ничего не добился и похвалиться ему в жизни нечем, он начинает гордиться чужими достижениями – например, победой футбольной сборной своей страны, культурой, историей, в общем, всем тем, в чем нет ни капли его заслуги. Есть, конечно, очень небольшое количество людей, интересующихся непосредственно футболом, а не шумом вокруг него.

Конь под единогласное одобрение предложил пойти в парк и, пока они брели по улице, подкалывая друг друга шуточками, погасло солнце и включились фонари. Едва вечером темнело, как становилось холодно, поэтому в пустынном парке из живых существ были лишь коты и собаки. Изредка

кто-то проходил по центральной аллее, сокращая путь.

Выбрали скамейку на одном из «аппендиксов», чтобы никто не потревожил. Рядом стоял одинокий фонарь и создавал необходимый праздничный настрой, который только может быть ночью в пустом весеннем парке. Составлявшие сидение доски отсутствовали, и Конь уселся на спинку скамейки.

Саня зажег свечку и воткнул в торт. Виталик, не вставая, загадал желание и задул огонек под нестройное хоровое пение.

– Кто разрежет? – спросил Саня.

Вызвалась Олеся, и тут они вспомнили, что нет ножа.

– Пластиковой вилкой, – предложил Митька Однорогов.

– Фигня, – возразил Лева. – Ложкой на порядок удобнее.

Манипулируя гнушимися вилкой и ложкой, разделили многострадальный торт на части, при этом кусок, доставшийся Коню, оказался раза в два больше остальных.

– Потому что Конь – именинник? – поинтересовался Лева.

– Это потому, что я торт не ем, – пояснила Олеся.

– Фигуру блюдешь?

– Не твое левячье дело.

Разложили бисквит по тарелкам и приступили к праздничной трапезе. Бумажная посуда гнулась на весу, чем сильно усложняла задачу. У Митьки Однорогова половина куска упала на землю, и он по этому поводу расстроился, потому

что вымазал кремом парадные штаны, надеваемые только по особым случаям. Саня не сомневался, что Однорогов будет жениться в этих же штанах. Хотя с такой фамилией, наверное, лучше вообще не жениться.

Открыли бутылку и стали пить из горла, включая Олесю. Одноразовые стаканы негодились, только зря покупали. Конь не соврал – в холодную погоду десертное вино идет хорошо.

– Тут где-то качели есть, – вспомнила Олеся, распивавшая наравне со всеми, но не закусывавшая. Ей стало веселее всех, и она полезла через кусты искать в темноте качели.

– Не заблудись, – бросил Конь ей вслед. – Если нападет маньяк, кричи.

С того края, куда ушла Леська, раздался ритмичный скрип.

– Нашла, – удовлетворенно отметил Конь и открыл вторую бутылку.

Саня слизывал крем, пил вино и ничего не говорил. Он и без разговоров получал удовольствие, несмотря на соскальзывающий с тарелки торт и замерзающие ноги.

– Давайте куда-нибудь рванем! – предложил Лева.

– Спать? – съехидничал Митька Однорогов.

«Кстати, подумал Саня, а почему мы Митьку всегда по имени-фамилии называем?»

– Да, нет, – скривился Лева. – Вы не поняли. Я имел в виду взять летом отпуск, собраться и рвануть куда подальше...

– На природу?

– Мелко. В другую страну.

Саня подумал, что с его зарплатой только по другим странам и ездить. Да и кто будет с сестрой сидеть и за бабушкой присматривать? Конечно, Лера на путешествие согласилась бы с радостью – она на поезде любит кататься и по зоопаркам с удовольствием походила бы.

Вторая бутылка подбиралась к середине. Когда в затылке зашумело и разогрелась кровь, Лева вытащил из сумки мяч, развязал бантик и предложил:

– Обновим?

Конь отказался, он на тренировке набегался. Саня тоже не захотел играть. На скамейке сиделось так уютно, что не хватало сил и воли пошевелиться. Не хотелось портить момент.

Лева с Митькой Однороговым, распасовывая новый мяч, побежали трусцой на центральную аллею.

– Слышь, – Саня боролся с неловкостью. – Не займешь до полочки? Финансы поют романсы. На работе обещали премию дать и зарплату повысить, но когда это будет. Верну обязательно, ты же знаешь.

Конь сделал большой глоток из бутылки.

– Не, не могу. У нас с Леськой на следующей неделе год, как встречаемся, я ей на подарок собираю.

– Понятно, – расстроился Саня, жалея, что затеял этот разговор.

Еще полбутылки выпили молча, слушая скрип качелей.

«Не стошнит ее, столько качаться», – подумал Саня.

– Есть предложение, как поправить финансовое положение, – неожиданно сказал Конь. – По новостям треплются, что вы какой-то краенит делаете.

– Да. Но не делаем, а из Края вырезаем.

– Пофигу, – отмахнулся Конь. – Если бы ты достал немного этого краенита, я бы помог толкнуть. Я нужных людей знаю, они за такую штуку неплохо заплатят, им много не надо.

– Вряд ли мне его дадут, – усомнился Саня.

– Не проси. Так возьми.

Украсть краенит? Саня задумался. С одной стороны, на исчезновение маленького кусочка внимания, скорее всего, не обратят. От института не убудет, а Тальберг, если и заметит пропажу, не сдаст, хотя и очень рассердится, так что риски минимальны. Но воровать не хотелось, он потом будет себя пилить и мучиться угрызением совести. Да и непонятно, куда эти куски уйдут и где всплывут. Если Кольцов узнает, что объект исследования непостижимым образом оказался за пределами института, тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы вычислить, кто вынес добро из НИИ, нарушив режим секретности. И по головке не погладят.

– Зачем кому-то нужен краенит? – спросил Саня. – С ним же ничего сделать нельзя.

– Зачем кому-то нужно золото? – ответил Конь вопросом на вопрос. – Штука бесполезная, но при этом страшно до-

рогая. Я Леське цепочку хочу купить, ты бы видел ценник! Сам в шоке.

Саня не успел даже ничего подумать, как увидел, что к ним бегут Лева с Митькой Однороговым.

– Сматываемся! – прокричали они на ходу, хватая на лету сумки.

Конь без лишних вопросов вскочил и побежал в заросли, держа недопитую бутылку. Саня, чуть замешкавшись, ринулся за ними, едва не споткнувшись о скамейку.

В паре десятков метров за кустами, переползая через которые Саня заработал болезненную царапину, находилась детская площадка с качелями, на одной из которых беззаботно каталась Олеся.

– Бегом, – Конь схватил ее за запястье и потянул за собой. – Вопросы потом.

Леся ничуть не удивилась и полетела за Конем, развеваясь позади, словно летучий змей.

Бежали молча, не понимая, зачем и куда. После торта и вина бежалось плохо, и Саня боялся, что что-нибудь из съеденного или выпитого может высыпаться из него прямо на бегу. Наконец, Лева остановился, как вкопанный, и прохрипел, задыхаясь:

– Хватит, сдаюсь.

Остановились, стали в полукруг, чтобы отдышаться.

– Это что сейчас было? – спросил Конь, привыкший бегать на тренировках и поэтому почти не сбивший дыхания.

Выяснилось, что Лева и Митька Однорогов гоняли мяч по пустой аллее, а в это время через парк шел какой-то мужик. Лева не заметил и подал мяч со всей дури, но так как ноги у него росли из задницы не только в прямом, но и в переносном смысле, попал мячом прохожему аккурат в лицо.

– А он что?

– Он закричал, мы убежали.

– А мяч где? – спросил Конь.

– В парке забыли, – виновато сказал Лева. – Ты бы слышал, как он кричал!

– Мяч кричал? – не понял Саня.

– Мужик, конечно. Как может мяч кричать?

Возвращаться не стали, утешились тем, что остался кубок – какой-никакой, а подарок. Страх прошел, и начали шутить, припоминая, кто как бежал, хотя подарок было безумно жалко. С расстройства допили вино из бутылки и разошлись по домам.

Когда Саня с закрывающимися глазами добрался домой, все спали. Тихо, чтобы не разбудить бабушку с Лерой, разделся в прихожей, силясь аккуратно развешивать вещи на крючки. Он поминутно что-то задевал, как бывает, когда стараешься не шуметь и проявляешь излишнее усердие. Когда ставил на полку сапоги, заметил, что на Лериных ботинках почти оторвалась подошва, а напротив большого пальца образовалась дырка – нога окончательно выросла из старой обуви.

«Нужно новые покупать», подумал он. И занять, как на- зло, не получилось.

12.

Лизка, когда это зрелище увидела, была в шоке и долго не могла поверить, что такую радость можно заработать от удара мячом, прихваченным Тальбергом в качестве улики. Точнее, как доказательство произошедшего и компенсацию за испорченные внешний вид с настроением.

Так и предстал перед Лизкой – с расплывающимся глазом, держа под мышкой трофей и довольно улыбаясь, хотя буквально только что ему хотелось рвать и метать. Он разглядел в ситуации юмористическую сторону, и настроение немного улучшилось.

Лизка суетливо достала из морозилки кусок свинины в кульке и наказала приложить к глазу. Он покорно сидел, держа в одной руке новый мяч, а в другой – холодный мерзкий куль, приятно подмораживающий щеку.

– Это ж как так? – светился в глазах у Лизки немой вопрос.

Ну да, ему под сорок, научный работник, физик, уважаемый, можно сказать, человек. И вдруг с таким синяком.

Морщась от боли, он поведал, как решил привычно сократить дорогу через парк, как шел в задумчивости по главной аллее, как получил мячом и как виновники происшествия

скрылись, с перепугу бросив орудие преступления на месте самого преступления.

– Дима, – выговаривала ему Лизка, – все у тебя не слава богу. Обязательно найдешь приключение на задницу. Любопытно, что для этого тебе и делать ничего не приходится.

Тальберг обиделся и заметил, что в этой ситуации он не виноват и такое могло произойти с каждым.

– Но с каждым-то не случилось, а только почему-то именно с тобой, – ответила Лизка.

Он промолчал. Он был всего лишь обычным человеком, не имеющим возможности противиться воле случая. Половина лица полностью потеряла чувствительность, а вместе с ней и левая рука, держащая куль.

– Покажи! – потребовала Лизка.

Он убрал мясо и повернулся к ней ушибленной стороной.

– Ну как? – спросил жалостливо, пытаясь представить, сколько за следующую неделю придется выслушать в институте плоских шуток с намеками, что надо меньше пить, хотя всем в НИИ известно, что он ведет трезвый образ жизни и никогда не выпивает, даже по праздникам.

– Плохо, – объявила Лизка.

– Очень? – распереживался Тальберг.

– К зеркалу лучше не подходи, чтобы не расстраиваться.

Она из жалости поцеловала в здоровую щеку, ласково провела ладонью по щетине и приказала приложить мясо снова, пока разогревается ужин.

Из комнаты пришла Ольга, чтобы попить воды. Увидела сидящего на табурете Тальберга с расплывшейся щекой и сняла наушники, впечатленная открывшимся видом.

– Пап, ты подрался?

– Хочешь мячик? – предложил он вместо ответа. – Новенький, только тряпочкой протереть. Жениху своему подарить, он обрадуется.

Ольга с недоверием покосилась на пыльный шар.

– Да ну тебя, – отмахнулась она. – Нет у меня жениха.

– Угу, – буркнул он. – По вечерам с кем допоздна по дворам гуляешь?

– С подругами.

– Видал я издали твою подругу на прошлой неделе. Особо не всматривался, но, кажется, она бреется.

Ольга смутилась, взяла брезгливо мяч двумя пальцами и ушла в ванную смывать пыль.

На следующий день Тальберг пришел в институт, прикрывая левую половину лица, на которой расплылся огромных размеров синяк – замороженное мясо не помогло. Чтобы никого не встретить по пути, вышел из дому на полчаса раньше и пошел пешком через злополучный парк. Приостановился на месте вчерашнего преступления, огляделся по сторонам, словно надеялся разглядеть, кто ему вчера засадил мячом. Ожидая, никого и ничего не заметил.

Саня, увидев лицо Тальберга, сначала сильно удивился, затем побледнел, а напоследок расхохотался.

– Посмейся еще, – обиделся Тальберг, укоризненно глядя уцелевшим глазом на весь спектр Саниных эмоций. – Заявление на выдачу премии отзову.

– Сейчас сосредоточусь, – Саня едва сдерживался. – Я обязательно смогу.

К счастью, он не стал расспрашивать, что это и откуда взялось.

Тальберг приступил к работе, но с заплывшим глазом почему-то не работалось. Он ощущал себя пиратом, раненным в бою при неудачной попытке взять торговое судно на бордаж. Для полноты ощущений только костыля не хватало.

Рассказал Сане, как вычислил вчера причину их неудач с оптическим концентратором и каким простым оказалось решение проблемы. О голубом свечении говорить пока не стал, до конца не переварив поступающую информацию – не нравилось ему, когда новости сыпались непрерывным потоком. Он как привык работать по принципу «тише едешь – дальше будешь». В противном случае, новые сведения не успевали укладываться в аккуратные штабельки среди извилин.

– Чем сегодня занимаемся? – спросил Саня.

– Не знаю, – Тальбергу сейчас ничего не хотелось. – По-режь на части последний кусок краенита для Самойлова.

– С концентратором не могу, пока мы его на одну раму с установкой не смонтируем.

– Режь по старинке, – разрешил Тальберг и откинулся на стуле, как бы между прочим прикрыв ладонью проблемную

сторону лица.

Он смотрел на Саню, разрезающего краенит на одинаковые сантиметровые кубики, чтобы Самойлову было удобнее макать их в пробирки. В месте реза луч разрушал межатомные связи и краенит превращался в пыль, тонкой, едва заметной струйкой падающую на предусмотрительно подложенную бумажку. С бумажки пыль пересыпалась в коробочку и тоже бралась под учет.

Зрелище завораживало неторопливостью, и Тальберг быстро впал в полугипнотическое состояние, обычно возникающее, когда наблюдаешь, как в чужих руках спорится дело. Саня уже приловчился к маховикам, и линия реза получалась идеальной.

Тальберг подумал, что для промышленного использования нужно автоматизировать процесс передвижения луча, чтобы только кнопочки нажимать – «вкл.» и «выкл.» Тогда с установкой любой дурак справится.

Едва задремал, как на улице возник гам, будто кто-то под крики возмущенных граждан лез за деньгами вне очереди. Он проигнорировал мешающие звуки, но шум не прекращался и становился громче и назойливей. Не выдержал, пошел к ближайшему окну и убедился, что оно закрыто, хотя и нуждалось в замене разохшейся рамы, из-за которой зимой дуло сквозь щели.

Тальберг выглянул на улицу и увидел причину шума. Через дорогу от них стояли люди с плакатами, обращенны-

ми к институту. Со времен молодости зрение у Тальберга несколько упало, но он без труда прочитал надписи: «Прочь от Края грязные руки» и «Не лезьте к святому». Люди со злобными лицами вразнобой выкрикивали неразборчивые лозунги, по тону походившие на проклятия. Демонстрация явно предназначалась для института.

– Что за цирк?

– Ага, – подошел Саня, – добрались-таки.

Не успел Тальберг расспросить, кто «они» и куда добрались, как из приемной позвонила Наталья и сообщила, что вызывает Кольцов.

– Срочно, – повторила она таким тоном, что стало понятно – случилось что-то нехорошее.

Директор выглядел взъерошенным и от возбуждения яростно колотил чайной ложкой по кружке с кофе.

– Ты уже видел? – спросил он с порога.

– Это? – Тальберг показал на окно, откуда исходил шум, хотя и не такой громкий, как в лаборатории. Администрация позаботилась о себе и заменила деревянные рамы на пластиковые.

– Это! – Кольцов бросил ему газету.

Тальберг посмотрел на первую страницу – он никогда не покупал газет и старался их не читать для сохранности аппетита. Передовицу украшала фотография с официальной демонстрации установки. Он узнал свою спину, попавшую в кадр рядом с Кольцовым, толкающим речь с таким широко

открытым ртом, что можно было пересчитать зубы.

– Неудачное фото, – согласился Тальберг. – Я вообще не поместился, одна только филейная часть виднеется.

– Да причем тут фотография? – скривился Кольцов. – Ты заголовки почитай.

Почитал. «Покушение на святое!», «Покарает их длань Господня» и «Грешники из НИИ».

– Не понимаю. Кто грешники?

– Ты, конечно, – сказал Кольцов. – Они не знают тебя по фамилии, потому что ее нигде не написали, зато везде есть мое лицо, – добавил он горестно.

Директор увидел непонимающее лицо Тальберга, догадался, что тот, как обычно, не в курсе событий, и пояснил, что краепоклонники и примкнувшие к ним индивидуумы возбудились от новостей о возможности порезать Край на куски и решили, что деятельность института по получению краенита нарушает структуру мироздания и является богохульной по природе, потому что «не человеком создано – не человеку разрушать». Образовалось целое общественное движение, требующее от НИИ «прекратить рушить опоры, на которых держится мир, пока их не настигла кара господня». Теперь со всей страны сюда съезжаются озабоченные высокодуховные граждане, чтобы донести гражданскую позицию до руководства института и добиться сворачивания работ по Краю.

– Короче говоря, – заключил Кольцов, – ты своей уста-

новкой оскорбил чувства верующих. А ты знаешь, как они оскорбляться умеют, им только повод дай.

– И что делать? – спросил Тальберг, почесывая затылок. Ему и в воображении не привиделось бы, что дело обернется подобным образом.

– Радоваться, что на фотографии только твой зад попал.

– Мы столько лет над Краем издевались, и все молчали... Почему сейчас?

– Измывались, но поделать ничего не могли, – пояснил Кольцов, – и это служило доказательством божественной природы Края, поэтому всех устраивало. А тут ты пришел и давай наглым образом на куски резать! Того и гляди, самого Бога ухватишь за бороду. Если у него борода есть, конечно.

– Может он бреется? – задумчиво предположил Тальберг.

Гаяя, как дальше будет развиваться ситуация, робко спросил:

– Свернем исследования?

– Нет, – фыркнул Кольцов. – **ПООБЕЩАЕМ** свернуть исследования.

– А дальше?

– Потом будем работать, как работали, но делать вид, что не работаем, как работали, а работать по-другому, чтобы никто не догадался, – директор окончательно запутался. – В общем, соблюдаем режим секретности и не высываемся. Работу с массами организуем на нужном уровне. Я обо всем договорюсь.

– Работать, как работали, – обрадовался Тальберг.

Кольцов напоследок дал напутствие:

– Среди этих товарищей могут быть агрессивные. Кто знает, какие у них в башке тараканы резвятся. Прыгнет такой на тебя из-за угла с ножом – и мигом узнаешь, есть ли загробная жизнь или нет. Мне Безуглый охрану круглосуточную организовал, а тебя пока, вроде бы, никто не знает, поэтому просто будь осторожен.

Тальберг пообещал соблюдать осторожность, хотя слабо представлял, как именно это должно выглядеть – ходить и с подозрением озираться по сторонам?

– Синяк откуда? – не выдержал директор. – Не от этих?.. – он показал на окно.

– Нет, – успокоил Тальберг. – Бытовая травма, за диван ногой зацепился.

– Бывает, – согласился Кольцов. – Но ты постарайся обходить мебель аккуратней.

Остаток рабочего дня Тальберг провел в своем закутке – составил в ряд три стула и лег спать, предварительно проинструктировав Саню не кантовать и при пожаре выносить первым.

– Приказ понял, – в шутку отдал честь Саня и отправился дальше нарезать краенит ломтиками. – Михалыч, кстати, приходил, – прокричал он из лаборатории.

– Чего хотел?

– Да какую-то склянку по ошибке вчера вам передал, за-

братъ хотел.

– Пусть хоть все забирает.

Поворочавшись с полчаса, Тальберг заснул, но спалось плохо. Стулья давили в спину, хотя лег по науке – чтобы первый стык пришелся на шею, а второй – под поясницу.

Радости от сна не получилось. Снился Платон, стоящий на опустевшей улице через дорогу от института, где до этого краепоклонники водили возмущенные хороводы с плакатами. Он вызывающим взглядом смотрел в окно их лаборатории и поглаживал белого зайца, невозмутимо сидевшего у него на руках и не совершавшего попыток вырваться. Заяц водил дрожащей мордочкой, тыкался носом в рукав пиджака и шевелил ушами, интенсивно жуя травяную жвачку. Платон улыбался и недобро подмигивал Тальбергу.

Затем на пустой дороге появилась смеющаяся Лизка в зеленом дождевике. Она беззаботно пошла к Платону, пританцовывая на ходу и используя неизвестно откуда взявшийся зонт вместо трости. «Стой, остановись! Не подходи к нему!» кричал Тальберг, но она не слышала и продолжала идти к довольному Платону.

– Я закончил! – громко отрапортовал Саня.

Тальберг проснулся и с облегчением выдохнул, мол, приносится же такая ерунда. От сна разболелись глаза, словно на них кто-то давил изнутри пальцами. «Не стоило дремать, только хуже стало», подумал он.

– Свободен! – разрешил он, и Саня исчез.

Тальберг, прихрамывая, доковылял до стола, где в коробке стройными рядами лежали маленькие кубики краенита, словно куски экзотического черного сахара-рафинада. На их прохладной поверхности прозрачными капельками оседал конденсат из воздуха.

– Все-таки молодец Саня, – сказал Тальберг и аккуратно переставил коробок в шкаф на полку к банке, в которой хранилась вся пыль.

«Краенита маловато, вроде бы больше казалось», подумал он, но отвлекся, задумавшись о нехорошей тенденции: заяц, Платон, краепоклонники, мяч в харю... А дальше что? Кирпичом по затылку?

13.

Тальберг вспомнил об обещании Шмидту и решил провести его резиденцию. Он питал слабость к беседам с Карлом и время от времени заглядывал к нему «на огонек».

Герпетологическая лаборатория располагалась в правом крыле здания, куда случайно не забредешь – проход осуществлялся по отдельному коридору через второй этаж, после чего следовало спуститься в подвал и пару минут попетлять по мелким коридорчикам, которые Тальберг иначе как «катакомбы» не называл.

– Добрый день, Димитрий! – обрадовался Шмидт, оторвался от писанины и снял очки в круглой оправе. Он вел

записи в толстых тетрадах чернильной ручкой и сетовал, что культура каллиграфии в современном мире утрачена, между тем как выведение чернилами завитушек оказывает плодотворное успокаивающее действие. Каждую тетрадь он пронумеровал и подписал «Karl Petterson Schmidt».

Тальберг рассматривал привычки Шмидта как милые и безвредные чудачества, но созерцание появляющихся маленьких крючковатых заграничных буковок действительно умиротворяло.

– Я заниматься сбор яда. Чрезвычайно интересный процесс.

Шмидт выучил язык достаточно хорошо и без проблем изъяснялся на любую тему. Произношение ему не давалось, но он не стремился совершенствовать языковые познания, полагая напрасной тратой времени, идущей в ущерб полезной работе.

Тальберг с ходу лег на кушетку, будто пришел на сеанс к психотерапевту. Чего греха таить, так оно и было. Ему нравилось лежать и беседовать со Шмидтом, сохранявшим непробиваемое спокойствие и порой дававшим мудрые советы. Тальберг заражался умиротворением и успокаивался.

– Димитрий, я чувствую, ты... не ф настроений.

– Есть такое дело.

– Проблемы с работа?

– С работой как раз довольно неплохо.

Шмидт переехал в институт три года назад. Будучи у се-

бя на родине знаменитым герпетологом, он посвящал жизнь изучению змей и содержал в пристройке к дому большую коллекцию аспидов, рептилий и амфибий со всего земного круга. Однажды он заметил, что продуцирование ядов у подопытных при переезде менялось. Он не сразу уделил должное внимание открытому эффекту, посчитав, что так аспиды реагируют на смену обстановки.

Шмидт вел чрезвычайно подробные записи, и вскоре стало ясно, что закономерность необычайно устойчива и соблюдается для всех видов, независимо от условий обитания. Исключив влияние среды, он возил змей по тем местам, откуда их брал, и отмечал восстановление ядовыделения к прежнему уровню.

Составив более-менее подробную карту, Шмидт отыскал единственный фактор, влияющий на этот процесс, – расстояние от Края.

От полученного заключения загорелся идеей перенести лабораторию поближе к Краю, насколько возможно. В результате длительных переговоров с Лоскутовским НИИ Карлу выделили несколько помещений в институте. Он заполнил их террариумами различных конструкций и обеспечил тропический климат.

В прессе данный факт преподали в качестве примера международного сотрудничества и символа налаживающихся отношений, а затем про Шмидта забыли – денег он не требовал, расходы оплачивал самостоятельно и фактически ор-

ганизовал на территории института маленькую автономию, куда сотрудники боялись заходить из-за опасения за свою жизнь. Не забывала только внутренняя служба безопасности, видя в нем агента вероятного противника, которого можно перевербовать, но дальнейшее наблюдение показало, что герр Шмидт помешан на аспидах, с ними не расстанется и ни в какую политику лезть категорически не желает. Спит тоже на кушетке подле своих террариумов.

Тальберг к змеям относился с равнодушием – он не боялся, но и не разделял одержимость Шмидта всевозможными ползающими носителями яда. Впрочем, наличие большого количества декорированных разнообразными растениями, камнями и песком террариумов создавало приятный контраст с остальными помещениями института. Саня называл это место змеятником.

– С работой хорошо, – Тальберг глядел в потолок и потел от жаркого влажного воздуха.

– Тогда что плохо?

Тальберг задумался. Правильно сформулированная проблема – половина решения, но иногда даже сформулировать не получается. А бывает, и вовсе не хочется.

– Элизабет? – предположил Карл.

– Да, она самая, – Тальберг сосредоточился на неровностях штукатурки на потолке.

Шмидт тактично замолчал, записывая наблюдения в особо пухлую тетрадь в ожидании продолжения. Но не дождал-

ся и решил подхватить разговор сам:

– Хотеть просить, – от волнения у него исчезли оставшиеся грамматические конструкции. – Пыль... Совсем мало...

– Краенитовую пыль? Зачем?

– Опыт нужный со змеи. Отсюда далеко до die Kante, но я хотеть пыль здесь.

– Запросто.

Тальберг полежал на кушетке, раздумывая, поделиться ли с Карлом проблемами или просто походить вдоль террариумов, пока Шмидт будет рассказывать, какой чудесный экземпляр прислали накануне из-за границы. Тальберг естественно ничего не понимал и не запоминал, для него эти существа выглядели в определенной степени одинаково, но ему нравилось восхищение, с которым Шмидт относился к питомцам, словно это были милые котики, а не смертоносные гадины.

– У тебя семья есть? – Тальберг осознал, что ни разу интересовался семейным положением Карла, увлеченный собственными проблемами.

– Есть. Жена и два сына.

– Не скучаешь по ним? Как они без тебя?

– Скучать. Я им письма писать. Раз ф гот домой ездить.

Следующий гот хочу навсегда вернуться.

Тальберг признался:

– Я бы так не смог.

Шмидт пожал плечами, словно ничего необычного в этом

не находил. Его окружали террариумы со змеями, и он полностью удовлетворялся их компанией.

Тальберг вздохнул и решил-таки поделиться с Карлом свежими измышлениями.

– Хорошо, когда все ясно. Вроде бы жизнь складывается, семья есть, разработки увенчались успехом, а удовлетворения нет. Посмотришь повнимательнее и понимаешь, на деле все не так хорошо, как звучит. Ухлопал на работу пятнадцать лет, а теперь какие-то люди стоят с плакатами, из которых следует, что ты бесчувственная бездуховная скотина, посягнувшая на святое, и должен гореть в огне, но чем дольше думаю, тем меньше уверен в их неправоте. Мне хотелось узнать, что за Краем, а я-то ни на волосок не стал ближе к цели.

Шмидт молча слушал, перестав писать.

– Сижу и думаю, а ведь действительно, чего я там забыл? – продолжал Тальберг. – Найду я пустоту, и все – смысл жизни потерян. Нельзя же гордиться, что жизнь потратил на поиск пустого места. Но и этого я пока не добился! Вот взяли краенит добывать, а у меня ощущение, что мы ломаем Край, а кто-то чинит и ругается, не поймет, что происходит, а мы настойчиво продолжаем кромсать. Мы просто мелкие вредители.

– Кризис средний возраст, – уверенно заявил Шмидт. – Я иметь такой.

– Наверное. И как с ним бороться?

– Зачем? Он проходить, если не сопротивляться. А если сопротивляться... – Карл развел руками.

– Не знаю, – горестно вздохнул Тальберг. – Ладно бы, стихи мечтал писать, а стал сантехником. Тогда можно было бы сказать, потратил жизнь впустую и упустил возможности, а теперь хочу наверстать упущенное и совершить несбывшееся. Но я ведь занимаюсь именно тем, чем с детства мечтал, а радости нет, словно ты головой в стену стучал, а тебе окошко приоткрыли, чтобы посмотреть, кто там такой упрямый, а преграда как стояла, так и стоит.

– Нужно продолжать. Если долго бить головой, любой забор обязательно упасть.

– А можно сотрясение получить, – возразил Тальберг. – Было бы видно, что стена чуть-чуть, но поддается, тогда бы я знал – процесс идет, хоть и медленно, а так складывается впечатление топтания на месте.

– Стена – такой аналогия или иметь в виду die Kante? – уточнил запутавшийся Шмидт, грызя дужку очков.

Тальберг за три года выучил, что «ди канте» значит Край.

– Неважно, – сказал он. – В моем случае одно и то же.

– Причем тут Элизабет?

Тальберг подумал. Действительно, причем?

– С ней, как с этой стеной, получается, – наконец нашелся он.

– В нее стучать, а она не открываться? – удивился Карл.

– Ты сейчас описал точнее некуда. Я б не смог лучше, если

б захотел.

Шмидт сидел польщенный, но продолжал не понимать и ожидал дальнейших пояснений.

– Я же тебе рассказывал, как мы поженились?

Карл кивнул. В тот день привезли молодых оливковых бумслангов, один из которых сумел улизнуть при пересаживании в террариум. Шмидт искал его по всему помещению, надев специальный костюм с большими сапогами и толстыми перчатками. Тальберг тогда пришел и по обыкновению лег на кушетку, чтобы поведать историей из юности, удивляясь, почему это Карл в полном облачении ползает по полу.

– С тех пор раздумываю, правильно ли я поступил, – признался Тальберг.

– Поздно думать. Тогда рассуждать надо, сейчас надо жить.

– Да знаю я, – скривился Тальберг. – Только не получается. Ссоримся по каким-то пустякам. Не так посмотрел, не то сказал, а сам и говорить-то не хотел, понимал, что ерунду ляпнуть можешь и она расстроится, а все равно не удержался. Зачем говорил? Проблем мало?

Шмидту эти терзания показались незнакомыми и малопонятными.

– Мучает меня вопрос, – продолжал Тальберг. – Вдруг она считает, что я женился на ней из жалости? Или еще хуже, это она вышла за меня от безысходности? А теперь терпит. Ходит, мучается, ненавидит, молчит, а сама думает... – Таль-

берг не смог представить, о чем может думать Лизка, и в принципе не представлял мыслительный процесс в женской голове. – Что-то явно нехорошее. С таким видом можно думать только о плохом. А по ночам снится, как я ее теряю и она уходит, потому что я неудачник.

– Поговорить с ней не пробовал? – спросил Шмидт почти без акцента.

– Пробовал. Говорит, все в порядке. У нее всегда все в порядке.

– Это же карашо? Да?

– Это еще хуже! Надо видеть лицо, с каким она это проносит!

Шмидт задумался о загадочности женской природы, покрутил в руках дужку очков и глубокомысленно изрек:

– Со змеями гораздо проще.

Тальберг подумал и согласился, что со змеями действительно проще, и они замолчали, обдумывая эту глубокую мысль.

ГЛАВА IV. Урок математики

14.

В расписании наметилось «окно», и Тоцкий решил пере- сидеть урок в учительской в компании двух мягких кресел. Кресла были старые, с протертой обивкой, но от этого не ме- нее удобные. В углу возвышалась установленная поверх тум- бы пальма и создавала иллюзию внезапного потепления. Фо- тообои с синим небом на всю стену дополняли впечатление.

Тоцкому нравилось смотреть на экзотическое дерево и во- ображать себя в отпуске далеко отсюда, в краю, где нет зи- мы и восемнадцать градусов тепла считаются нестерпимым заморозком.

Увы, любимое кресло напротив входа занял Иван Ивано- вич – учитель истории и права. Тоцкий плюхнулся на второе, у двери. Он ненавидел сидеть спиной к входящим, когда кто угодно мог неприметно подкрасться сзади.

Иван Иванович смотрел на пальму, перестукивая пальца- ми по деревянному подлокотнику.

– Здравствуйте, – поздоровался Тоцкий в надежде, что исто- рику не захочется поговорить.

Зря надеялся.

– Осваиваетесь? – спросил Иван Иванович.

– Понемногу.

Тоцкий три года назад окончил институт, но не мог найти вменяемую работу. Остаться на кафедре не вышло. Он хотел, но группа оказалась сильной, и он не выдержал конкуренции – выбрали Антона Коробкина.

Еще до выпуска Тоцкий ходил по объявлениям в поисках вакансий, но звезды не складывались. Обязательно что-то не нравилось – или условия труда, или зарплата. Да и потребность в математиках как-то не впечатляла.

Глядя в его честные глаза выпускника математического факультета института, очередной работодатель первым делом интересовался опытом работы. Тоцкий отвечал известной формулой «откуда взяться опыту, если никто на работу не берет». Замкнутый круг.

В ответ проводящие собеседование обычно пожимали плечами и сообщали, что ищут человека, готового сходу приступить к обязанностям. Сроки горят, минута простоя стоит сумасшедших денег, а тратить время на обучение новичков ни у кого нет ни средств, ни желания.

Тогда он интересовался, откуда возьмутся специалисты, если их не учить. Ему отвечали, что обучением пусть занимаются специализированные учебные заведения.

– Вот он я! – он одной рукой показывал на грудь, а второй размахивал дипломом, понимая, что на этой вакансии ему ничего не светит.

Приходилось регулярно подрабатывать по мелочам, на-

пример, таскать кирпичи на стройке. Такая работа носила сезонный характер и не обеспечивала нормального существования в том виде, в каком его представлял Тоцкий. Чтобы отпуск выглядел отдыхом, с теплом, зелеными пальмами и синим небом, а не на грядках у тети Светы в беспомощных попытках отвоевать картошку у сорняков и жуков. Ему с трудом хватало на минимальное удовлетворение потребностей. Голодать не приходилось, но перезанимать, чтобы переотдать, случалось на регулярной основе.

Ему предложили поработать учителем математики в средней школе. В его представлении это было последним местом, где бы он хотел оказаться. Как назло, наступило затишье, и с подработкой случился полный швах.

От безысходности Тоцкий согласился на должность школьного учителя. Пройденный в институте курс педагогики и психологии посчитали достаточным для работы со старшеклассниками.

Впоследствии другие преподаватели поведали, что до него на этом месте никто долго не задерживался, а сам кабинет проклят ныне покойным Степан Анатольевичем при выходе на пенсию. Постоянная необходимость искать очередного «математика» вызвала у директора хроническую боль в области поясницы. Одна учительница ушла в декретный отпуск. Второй рассчитался и переехал в деревню, чтобы пасти коз и продавать молоко. Третий сломал ногу и, пока ее лечил, решил стать писателем.

Тоцкий утешался временностью работы. Он не собирался задерживаться в школе дольше одного учебного года, и мысленно представлял, как подает заявление на расчет, а директор, беря листок дрожащими пальцами, теряет сознание, окончательно уверяясь в существовании проклятия.

На первых занятиях он боролся со смущением. Непривычное ощущение, когда три десятка детей смотрят, как ты машешь руками перед доской, пытаешься объяснить никому не нужную теорему Виета, о которой забывают ровно в ту секунду, как узнают.

От природы Тоцкий считал себя человеком стеснительным. Мысль о публичных выступлениях вызывала в нем легкое недомогание – комок подступал к горлу, сердце падало в пятки, а язык непослушно заплетался. Дети – тоже публика, и на первых порах ему казалось, сейчас кто-то встанет, ткнет в него пальцем и скажет: «Учитель-то ненастоящий».

– Привыкайте, – Иван Иванович не переставал раздражающе стучать по подлокотникам. – Работа с детьми требует самоотдачи. Я бы сказал, самопожертвования.

Тоцкий промолчал о своих соображениях по поводу самопожертвования, самоотдачи и педагогики в целом.

– Вы совсем юны, и не в полной мере представляете суть профессии. Сколько знаний можно передать, если по-настоящему любить свое дело...

Иван Иванович многозначительно умолк. Тоцкий закрыл глаза в попытке расслабиться. Сидя у самой двери, он без

труда различал в наступившей тишине голос из коридора, возвещавший о принципах мироустройства.

По соседству с учительской располагался класс географии, где Нина Егоровна рассказывала про горы и моря. Ее громогласный голос прятался низкорослом теле, и любой школьник мог посмотреть на нее свысока в буквальном смысле. С моральной точки зрения Нина Егоровна смело могла задавить харизмой любого десятиклассника – ее уважали и побаивались за суровый, но справедливый нрав.

Дверь в кабинет географии во время занятий не закрывалась. По мнению Нины Егоровны, это способствовало притоку свежего воздуха в класс – ей казалось, что в помещении жарко и душно, хотя половина школьников сидела в куртках и дрожала. Через открытую дверь в коридор проникала лекция для пятиклассников. Проходили тему «Солнце»:

– Это главное небесное тело, сложный шарообразный объект, в котором происходят многостадийные процессы. В настоящее время ученые предполагают, что сложные периодические химические реакции, о которых вы узнаете в старших классах, приводят к тому, что солнце загорается и гаснет через фиксированные временные промежутки.

– День и ночь, – крикнул кто-то из детей. – Сутки!

– Правильно, Алексей, но не обязательно об этом кричать, – пожурела Нина Егоровна. – Кроме смены дня и ночи, солнце участвует в круговом движении вдоль Края. В результате чего мы получаем... что, Алексей?

– Год?

– Да. Мы получаем год со сменой сезонов. Когда солнце находится у той части Края, где живем мы, у нас наступает лето. А у противоположной стороны мирового круга?

– Зима! – прокричали хором несколько голосов.

– Правильно, а в промежуточных положениях – соответственно весна и осень.

– Нина Егоровна, можно вопрос?

– Да, Сытина.

– Почему солнце движется? Кто его двигает?

– Хм... – Нина Егоровна сделала паузу, соображая, как ответить, чтобы пятиклассники поняли. – Представьте, что есть емкость в форме цилиндра. Дно этой банки – наш мировой круг, на поверхности которого мы живем. Стенки – это Край. Теперь, возьмем шарик, бросим внутрь и начнем совершать вращательные движения. Шарик, который у нас вместо солнца, станет вращаться по спирали. Если мы хорошо раскрутим и оставим банку в покое, наш шар будет кататься по стенкам, постепенно опускаясь.

– Значит, солнце когда-то рухнет на землю?

– Да, Сытина.

– Какой ужас!

– Не переживайте, в обморок падать не надо! Солнце снижается очень медленно и упадет на земной круг через три миллиарда лет. Свойства Края позволяют поддерживать скорость солнца, полностью возвращая ему его же тепловую

энергию.

– Нина Егоровна!

– Ира, подробности тебе расскажут в седьмом классе в курсе физики. Сейчас вам и этого хватит.

Тоцкий в институте дружил с физиком Кириллом, который на студенческой попойке выпил с десяток рюмок коньяка, перешел в состояние «надо срочно поговорить за жизнь» и начал жаловаться:

– Фигня, эта наша физика. Никто ничего не знает. Умные, думают, докопались до истины... Олухи! – Кирилл выпил еще рюмку. – Пытаюсь посчитать скорость солнца, с которой ему надо двигаться, чтобы не рухнуть. Как ни считаю, получается, что за час несколько годовых оборотов должно происходить. Ерунда какая-то. Профессору нашему на кафедре показывал, тому, с бородкой такой седой... Он говорит, не лезь туда, в чем не разбираешься. А ты объясни, если грамотный! Объясни! Бороду отрастил, так поделись мудростью! Они говорят, дескать, это из-за притяжения Края, но никто опытным путем не зафиксировал, чтобы Край что-то притягивал.

И пил коньяк снова, и снова, и снова. Впоследствии он забросил физику и ушел на завод сварщиком. Сказал, наука – это не его, он для нее слишком умный, поэтому может с горя спиться, это расстроит маму, а он не хочет расстраивать маму, потому что с мамой все понятно, а с физикой непонятно совсем ничего. Еще он поклялся никогда не отращивать

бороду.

Тоцкому надоела география. Он захотел отвлечься от голосов и подумать о хорошем. Вместо этого вспоминалась Ольга Барашкова из одиннадцатого «Б» – более взрослая версия любопытной Иры Сытиной.

Она сидела на первой парте и смотрела преданными щечными глазами, выводя Тоцкого из душевного равновесия. Стоя у доски и рассказывая новую тему, он старался глядеть не на Барашкову, а на задние ряды, где полулежал хронически невысыпающийся Ковалев, который не блистал в математике, но неизменно выигрывал шахматные соревнования в городе и области и поэтому считался предметом гордости школы. За медали Ковалеву многое прощалось. Не может же человек быть талантлив одновременно во всем.

Барашкова не сдавалась, осуществляя ковровые бомбардировки новыми вопросами. Тоцкий сбивчиво отвечал, но Ольга не сбавляла натиск. Казалось бы, с такой тягой к знаниям она должна возглавлять ряды отличников, но контрольные работы демонстрировали патологическую несовместимость Барашковой и математики.

От очередного вопроса Тоцкий нервничал и вскипал. Практического результата от повторяющихся объяснений не наблюдалось, а постоянные паузы и отступления сбивали с мысли. Он путался, забывая, на чем его перебили, и по конспекту восстанавливал нить рассуждений.

Точно! Тоцкий вспомнил, что хотел подготовить конспек-

ты к занятиям на следующую неделю. Мысленно попрощался с пальмами и побрел в свой кабинет под блуждающие по школьным коридорам объяснения Нины Егоровны о принципах формирования климата, исходя из особенностей солнечного движения.

15.

Саня натянул единственную нормальную пару обуви, до блеска ее начистил и поправил перед выходом обтрепавшийся ремень на вечно сползающих штанах.

Тальберг по случаю премирования разрешил уйти из института пораньше, чем Саня и воспользовался, испарившись из лаборатории и забыв на радостях попрощаться.

Выйдя на крыльцо НИИ, вдохнул теплый воздух. Окончательно и бесповоротно наступила весна. На клумбах пробивалась зеленая трава.

Времени в запасе оставалось с лихвой, и он решил прогуляться, радуясь хорошей погоде и ласково поглаживая премию в кармане. От избытка хорошего настроения хотелось сотворить что-то по-доброму безумное и жизнерадостное, но вместо этого пришлось около часа скучать на скамейке и нежиться на солнце, поглядывая через забор на здание школы.

Зазвонил звонок с урока. Из главного входа посыпались дети, тараканами разбегаясь в разные стороны. Саня прогу-

лочным шагом отправился к калитке, ведущей на школьный двор.

Мимо пробежали девчонки с пакетами и мальчишки с пузатыми ранцами, с любопытством поглядывая на Саню, старательно делающего вид, что их не замечает и стоит здесь по важной причине.

В окружении стайки подруг из школы вышла Ольга в синей куртке с капюшоном. Она улыбалась, на ходу поправляя прическу и держа в зубах резинку для волос. Ей что-то говорили, она кивала в ответ. До Сани донеслись взрывы хохота. Если где-то раздавался смех, ему казалось, что смеются над ним. Фрейд сказал бы «Комплексы!»

Вся эта группка двинулась к калитке. У Сани от волнения пересохло во рту. Приблизительно на половине пути, Ольга его заметила, быстро попрощалась с подругами и, отделившись от коллектива, направилась к нему.

– Привет! – он не знал, куда спрятать руки.

– Привет! Ты почему не на работе?

– Таль... – он запнулся. – Твой отец отпустил пораньше.

– Везет, а меня он вчера заставил спать лечь в одиннадцать.

– Изверг.

Ольга выглядела гораздо взрослее своих шестнадцати лет. Во всяком случае, она чувствовала себя намного более раскованной в общении с Саней, чем он с ней. Не будучи силен в контактах с девушками, он легко краснел даже от случай-

ного взгляда.

Ольга ни в одной черточке на лице не походила на Тальберга. Он крупный и сутуловатый, она маленькая и стройная, хотя и с колючим характером. Саня смотрел в ее глаза и думал, убьет ли его Дмитрий Борисович, если узнает, как он вечерами гуляет с его дочерью.

– Куда пойдём? – спросила она.

– Куда захочешь. В кино, кафе, зоопарк, – перечислял он, пересчитывая пальцами премию в кармане. «Не забыть на ботинки Лере оставить», – подумал он.

– Сложный выбор, – она прикусила губу, словно растерялась от перечисленных возможностей. – Пойдем, покажу тебе одно место. До жути уютное.

Он не рискнул представить, как выглядит это «до жути уютно».

Идти пришлось три квартала, в те края, где Саня отродясь не бывал и о существовании которых не догадывался. Ольга брела рядом, засунув руки в карманы куртки. При каждом шаге на рюкзачке подскакивал брелок в виде маленького пирожка, на румяной корочке которого миниатюрные изюминки выложились словами: "СЪЕШЬ МЕНЯ".

Они завернули в один из дворов, и Ольга повела к входу дальнего подъезда. Приблизившись к металлической двери, Саня заметил вывеску «Карма», имитирующую рукописный текст. Он не сразу разглядел, что название просто написано от руки мелом на куске черной доски.

Ольга смело нырнула в дымку. Он вошел следом. Дверь захлопнулась, и солнечный свет отрезало, словно ножом. Сания на мгновение замер, потом пошел за Ольгой, опасаясь отстать или споткнуться в недружелюбной темноте обо что-то неожиданное, вроде дохлого кота. Постепенно глаза привыкли к недостатку освещения, и он смог различить, что они идут по лабиринту из узких коридоров. За одним из поворотов на Саню из темноты взглянуло собственное лицо, и он не сразу сообразил, что на стене висит небольшое зеркало.

– Мы точно сюда хотим? – спросил он.

– Да. Увидишь, здесь уютно, – ответила она, не оборачиваясь и не снижая скорости.

Коридор закончился, и они оказались в слабоосвещенном помещении со стенами и потолком под черный бархат. Час постоянного посетителя еще не пробил, поэтому большинство деревянных столиков пустовали, разделенные тканевыми перегородками с загадочными иероглифами. В воздухе висел туго запутанный клубок ароматов, из которого с трудом вычленились отдельные запахи.

На ум приходило единственное слово для описания этого заведения – нора.

Ольга решительно прорвалась сквозь облако и заняла место возле недалеко от барной стойки, где они и уселись напротив друг друга. Посреди стола стояла большая гусеница из синего пластика, разделенная вдоль прорезью для салфеток. Глаза ее пронзительно смотрели на Саню. Ему стало «до

жути неуютно», и он развернул ее к стене, подальше от греха.

– Дим, привет! – позвала Ольга, повернувшись к барной стойке.

Парень с серьгой в левом ухе, переливающий разноцветные жидкости из одних емкостей в другие, махнул в ответ.

– Что-нибудь для души! – попросила она.

Парень кивнул.

«Хотелось бы знать, – подумал Саня, – как она оказалась в таком месте. Судя по всему, она завсегдатай этого заведения».

– Наш сосед по подъезду, – пояснила Ольга шепотом, – пускает сюда, хотя мне нет восемнадцати.

– Тебе и семнадцати-то нету.

– Не занудствуй, – сказала она беззаботно. – Через месяц-другой будет.

Саня нервничал и гадал, что им притащат для души и хватит ли у него денег. Парень с серьгой приволок тарелку с порезанными на дольки апельсинами, но, видимо, это еще не было гвоздем программы.

– Как день прошел? – спросил Саня, пряча неуверенность, вызванную непривычной обстановкой.

– Скучно, – пожала она плечами. – Контрольные за четверть по всем предметам, со следующей недели весенние каникулы. Фигня, короче. А как папка? Достает? – она оживилась.

– Да не. Не особенно. Хотя в последнее время он нервный

какой-то. Думаю, это из-за... – тут ему пришла мысль, что вовсе не стоит говорить о краепоклонниках, чтобы не нервировать Ольгу.

– Из-за чего? – она посмотрела на него с искренним любопытством.

– ...из-за проблем с общественными движениями, – выдохнул он, гордясь свежевыведуманным эвфемизмом.

– Это ты про чокнутых с плакатами?

Зря волновался, подумал он, ее такой ерундой не прошибешь. Ответить он не успел, потому что официант поставил перед ними нечто, идентифицированное Саней как кальян.

– Я курить бросаю, – он недоверчиво покосился на поблескивающий в полумраке прибор.

– Да не беспокойся, попробуй. Он слабенький, фруктовый.

«Да хоть и фруктовый», хотел сказать Саня, но решил не портить отдых и расслабиться. Пропадать, так с музыкой.

– Глубоко затягивайся и медленно выдыхай, – проинструктировала Ольга.

Он поднес ко рту мундштук, затянулся – это оказалось труднее, чем ему представлялось – и неспешно выдохнул, выпуская клубы пара. Он узнал вкус, но не смог распознать фрукт.

– Интересные ощущения, – признал он. – Что это?

– Ананас.

Утром я курил табак, подумал он, вечером курю ананас, а

в полночь превращуь в тыкву.

– Закусывай апельсином. Натощак может стать нехорошо, – посоветовала Ольга. Он послушно скушал дольку, оказавшуюся такой кислой, что едва не поперхнулся. Затянулся еще, уже смелее, и заключил, что эта штука ему определенно нравится.

– Надеюсь, он ничего не подсыпал, – Ольга отобрала у него мундштук. – Иначе будет, как в прошлый раз.

– А что случилось в прошлый раз? – разволновался Саня.

– Ничего криминального, – успокоила она. – Почти.

Он хотел заволноваться после слова «почти», но у него не вышло. Ему стало хорошо и спокойно. Его заполнила приятная легкость и ветреность, и он раскачивался на диванчике в такт спокойной умиротворенной музыке, которую до того не замечал.

– Мне здесь нравится, – он растянулся в улыбке.

Она улыбнулась в ответ. Сами собой закрывались глаза. В норе становилось люднее, приходили посетители и рассаживались по углам. Делалось шумнее, и до Сани долетали отдельные куски чужих бесед, проскальзывающие сквозь занавески, изображавшие перегородки. Разговоры перемешивались, запутывались в дымном облаке, блуждали под потолком и иногда наталкивались на Санины уши...

«...а я ему твержу, что он дурак, но он же не слушает и продолжает лезть, морда кирпичом. Я, кричит, не уйду, пока своего не добыюсь...», – возмутился женский голос.

«...никогда не курил финики? – бормотал кто-то тихо, будто из-под стола, – у меня целое ведро вяленых фиников, тетка прислала. Говорит, нужно каждый день кушать по три штуки, и тогда проживешь сто лет... Прошлым летом она с той же инструкцией два ведра крыжовника привезла, но я крыжовник не курю...»

«...ты бы видел, как она жрет! Смотреть противно. Честно, апельсиновое варенье жрет прямо из банки. Пальцы в варенье, физиономия в варенье, по полу варенье, шесть лет человеку, в этом году в школу идти, а она...»

«...пробовал новую настойку от Михалыча? – ворвался бас, – ту, которая черная. Цвет-то странный, но идет отлично. Вот те крест, не вру – мягкая, песней в желудок стелется и в жбан дает с первой рюмки. В жизни никогда лучшего не пробовал, клянусь. У него такой отродясь не получалось...»

«...а если курить арбуз, то... лучше не надо курить арбуз, Истинно тебе говорю, я от него до фига писаю и почки болят. Или это кушать его не надо?» – продолжал голос из-под стола.

«...ей девяносто лет. Представляешь? Я не могу. Я о таких цифрах задумываться боюсь. И, представь, она полезла на антресоли пыль протирать и упала. Пока падала, снесла полку с тарелками. Вдребезги... Нет, это не она, а тарелки вдребезги. Ей-то ничего, в ее возрасте терять нечего...»

Голосов стало слишком много, и они слились в один непрерывный гул. У Сани закружилась голова, и он открыл

глаза. Верх и низ вернулись на свои места, а ноги снова встали на пол, на тело навалилась тяжесть, и он немного сполз, так что столешница оказалась на уровне переносицы.

Страшно захотелось есть. Он был готов съесть, что угодно, даже несъедобное. Хотя бы этот стол, у которого можно откусить край и ощутить вкус шоколадного бисквита. И если он откусит со своей стороны, станет таким маленьким, что может пройти под столом и отыскать человека с финиками и крыжовниками, а если Ольга съест кусочек со своего края, то незамедлительно вырастет до потолка и не сможет никогда выйти из этой «норы». Если только не съест такой же кусок с другого края.

Саню нафантазированная картина развеселила, и он вознамерился рассказать об этом Ольге, но во рту пересохло, будто песка наелся.

– Хорошо, правда? – спросила она, заметив, как Саня смотрит на нее и пытается что-то просигнализировать глазами. – Время идет незаметно, оно то скачет, то прыгает, как на палке-скакалке, – она захихикала, – палке-скапалке... сопалке-копалке... Какие слова смешные. Если долго повторять любое слово, оно обязательно становится уморительным и будто теряет смысл. Трынть! – и слово само по себе, а смысл сам по себе. Постой, если все слова порвутся, тогда можно разговаривать разучиться, – рассуждала она с озабоченным видом. И тут же захихикала.

Саня взглянул на запястье, чтобы узнать который час, но

стрелкигнулись и болтались, а сами часы выглядели так, будто растаяли и пытались стечь по руке. Он оставил попытки вычислить время и закрывающимися глазами уставился на Ольгу.

Какой очаровательный носик, подумал он, маленький, с двумя милыми дырочками и острым кончиком, который захотелось откусить или, как минимум, облизать. Аккуратные пальчики, сжимающие мундштук, длинные ресницы, закрывающиеся при каждой затяжке, и колечки дыма, поднимающиеся к бархатному потолку. Ему вздумалось приобнять ее, стиснуть маленькую фигурку изо всех сил и впиться в аккуратные, не испорченные яркой помадой, губы. Он резко пересел к ней и обхватил ее за плечи, пытаясь выглядеть как можно мужественней и уверенней.

– Не надо, Саша, – с нее мигом слетела вся веселость и беззаботность. Она стала смертельно серьезной.

– Почему? – не понял он.

– Не хочется. Сейчас не хочется.

– А потом захочется?

Она не ответила, но он ощутил торчащие в стороны иголки, как у ежика. Почему так сложно? Не то сказал, не так взглянул, не вовремя сделал. Какая-то дурацкая игра, в которой правила известны приблизительно и ладья может походить буквой Г только потому, что у нее настроение сегодня такое.

У Сани улетучился настрой, и захотелось сходить ку-

да-нибудь буквой Г, но, если честно, он не представлял, как это. Вся приподнятость духа и веселость испарились, словно их и не было вовсе.

– Пора уходить, – сказал он мрачно и убрал руку.

Парень с серьгой принес счет. Саня отсчитал купюры и вложил в черную книжечку.

Ольга надела куртку, накинула капюшон и молча последовала к выходу по знакомому коридору, уже не такому темному из-за толстых свечей на маленьких полочках по углам. Они вынырнули из «норы» на свежий бодрящий воздух, в одно мгновение выдувший остатки наваждения.

– Пойду домой, пока отец не хватился, – она глядела куда-то в сторону.

– Я тебя проведу, – предложил Саня.

Он попытался взять ее за руку, но она мягко пресекла попытку и спрятала кулаки в карман куртки, сказав, что на улице холодно. Он не поверил.

Так они и шли в молчании, пока он подыскивал тему для разговоров. Как назло, на ум не приходили ни шутка, ни анекдот, ни интересное событие, только пустота, во мраке которой маршировал игрушечный заяц-барабанщик. Ему вспомнилась где-то услышанная фраза, что с хорошим человеком и помолчать приятно, но фраза показалась ему обидной – до ужаса хотелось что-то сказать, а молчание казалось ужасно неловким.

Медленно идя по плохо освещенной улице, они дошли до

перекрестка у дома Тальберга. Саня размышлял, стоит ли ему попытаться поцеловать Ольгу или момент неподходящий. Ему и хотелось это сделать, и было боязно. Он не знал, как она это воспримет.

Они остановились. Он взял ее за руку. Она посмотрела него грустными глазами, отчего ему стало не по себе. Сейчас или никогда, загадал он, начав мысленный отсчет. Раз, два...

– Саша, – неожиданно сказала она, видимо, догадавшись о его намерениях. – Не обижайся, но думаю, у нас ничего не получится.

– Почему? – спросил он. Внутри что-то ухнуло во внезапно образовавшуюся пустоту. Он почувствовал, как глупо выглядит с мыслями о поцелуе.

– Ты хороший, милый...

За «хорошим» и «милым» слышалось жирное «но», и оно незамедлительно последовало.

– Но я так не могу, – сказала она. – Я думала, что... я не знаю... Я... я хочу... Не... не... Мы не...

Она запнулась и не смогла договорить. Развернулась и, не попрощавшись, быстро зашагала без оглядки, почти побежала, к дому, придерживая за лямки маленький рюкзак с тетрадками.

«Такой хороший день и так отвратительно закончился», – подумал Саня, отрешенно глядя ей вслед и не зная, что делать дальше. Он стоял, пока она не скрылась в подъезде, потом сплюнул на землю и процедил «Да пошла она, эта Ба-

рашкова!»), но не потому, что хотел так сказать, а потому что от переполнявших эмоций ничего лучше не придумывалось.

Затем развернулся и побрел домой с надеждой, что у бабушки получится дать ладу с Лерой и его не ожидает конец света в отдельно взятой квартире.

16.

За окном наступала весна. Почти весь снег растаял. Только под самой стеной подсобного помещения, где хранились лопаты, тяпки и прочие грабли, высилась грязно-белая куча, исправно образующаяся на этом месте каждую зиму – туда сгребали снег после расчистки дорожек. Куча пряталась от солнца за стеной и могла пролежать неделю, пока тепло не доконает ее окончательно.

Приблизительно посередине поцарапанной классной доски пролегла граница между тенью и солнечным светом из окна. Приходилось постоянно щуриться, чтобы разглядеть текст в контрастном освещении.

– Не видно ни хрена, – пожаловались с задних рядов.

– Без разговоров, Косолапов, – повысил голос Тоцкий, безошибочно угадывая источник возмущений по небогатому лексикону. – Еще подобное скажешь – выгоню взашей из класса!

– Так не видно ж ни хрена! – возмутился Косолапов, искренне недоумевая, в чем он провинился.

– Егор! Последнее предупреждение.

Косолапов промычал что-то невнятное.

– Записываем тему занятия. Определенные интегралы.

Старшеклассники сидели сонные и лениво переписывали с доски за Тоцким, игнорируя его потуги объяснить отличие определенных интегралов от неопределенных. Скрипел мел и сыпался белым порошком на рукав. Не хотелось ничего ни говорить, ни объяснять, но и бросить совесть не позволяла.

Пухлый шахматист Ковалев неприкрыто клевал носом на задней парте. Тоцкий пытался игнорировать шум, но храп сильно отвлекал, и пришлось крикнуть:

– Ковалев!

Ковалев встрепенулся, похлопал глазами и заверил, что ничуть не думал спать и внимательно слушает, и снова захрапел громче прежнего.

Тоцкий перешел к демонстрации расчета определенных интегралов на конкретных примерах. Он стер с доски выкладки. Раздался разочарованный вздох.

– Опять переписать не успел...

В классе шла собственная внутренняя жизнь, активизированная потеплением и приходом весны. Едва Тоцкий поворачивался к доске, как за спиной возникало тихое размеренное шуршание передаваемых записок и перешептывание, перемежаемое вздохами.

Он периодически оборачивался к классу. Класс замолкал. Невинные лица с отсутствующими взглядами тарасились на

Тоцкого, имитируя интерес к происходящему у доски. Один Ковалев в открытую спал, запрокинув голову и приоткрыв рот, из которого тонкой струйкой вытекала слюна.

Тоцкий с горем пополам добил новую тему.

– Теперь напишем маленькую проверочную работу, – объявил он под недовольный гул. – Достаньте по двойному листку, подпишите фамилию на лицевой стороне. Заданий будет всего три, вариантов два. Приступаем.

Когда зазвонил звонок, массовый вздох облегчения и разочарования прокатился по классу. Школьники зашумели, передавая листочки и жалуясь на нехватку времени для решения задач.

Тоцкий поднял руку.

– Запишите домашнее задание!

– Сергей Сергеевич, – разнылся Косолапов, – нам и так до хрена задают по другим предметам.

– Вот и отлично. Если зададут немного больше, хуже уже не станет. Тем более, что лично ты домашнее задание никогда не выполняешь.

Тоцкий продиктовал номера упражнений из задачника, отпустил класс и, дождавшись, когда последний школьник покинет помещение, присел за учительский стол.

По расписанию занятия на сегодня закончились. Впереди проверка контрольных.

Он подтянул к себе стопку двойных листочков с закорючками и тяжело вздохнул, когда приятное солнечное тепло кос-

нулось лица. Невыносимо, но надо пересилить врожденную лень, иначе станет совсем неспособным. Он смирился с неизбежным и углубился в поиск ошибок.

Вершину стопки венчала работа Ковалева, сидевшего до победного конца и сдавшего контрольную последним. Трояк. Если бы Ковалев не дремал на уроках и самую малость усилий уделял учебе, стал бы отличником – ему на одной интуиции удавалось подобрать правильный ответ к задаче, перед которой пасовали круглые пятерочки.

Далее Марьянова, Кобылина, Перепелкина, Косолапов... Тоцкий черкал красной пастой, механически дописывал «плюс сд» к неопределенным интегралам, размышляя о том, что разосланные резюме остаются без ответа, что учитель из далекой Лоскутовки никому не нужен и обречен до конца дней прозябать на копеечной зарплате, что...

...то, что находилось на следующем листке, не содержало интегралов и не имело отношения к математике.

Наши волны к берегу катятся,
Набираясь у ветра радости,
Не за смелость свою поплатимся,
А за отсутствие храбрости.

Ветер дует сильнее к берегу,
Направляет он волны соленые,
Чтобы мы друг в друга поверили,

Чтобы мы остались не сломлены.

Ветер гонит зеленые волны,
Что одна на другую похожи,
Мы с тобою стоим безмолвно,
Я люблю тебя, милый Сережа.

В третьей строфе рифма из дактилической перешла в женскую, и впечатление портилось, но оправданием тому являлась необходимость срифмовать последнюю строчку с именем. «Как оно сюда попало?», Тоцкий перевернул листок в поисках автора. Ожидаемо подпись отсутствовала.

Постучали. Он сначала отшвырнул стихи, потом затолкал их под локоть, будто преступник на месте преступления.

– Входите.

Показалась Ольга Барашкова. Ее маленькая аккуратная фигурка мялась на пороге. Она уставилась на Тоцкого, прикусив губу.

– Чего тебе?

– Извините, Сергей Сергеевич. Я, кажется, листики перепутала и проверочную работу по ошибке не сдала.

– Клади в стопку к остальным, – Тоцкий снова уткнулся в контрольные.

Ольга подошла к нему, неуверенно положила листок и продолжила стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы не находили... – она пробежалась взглядом по пар-

там, – я тут...

– Еще что-то? – поднял голову Тоцкий.

– Нет, это все, – обреченно выдохнула она и нетвердым шагом вышла из класса, оглядываясь, словно что-то забыла или потеряла.

Едва за ней закрылась дверь, он взял ее листок и сверил почерк. Без сомнений, писалось одним человеком.

Тоцкий проверил работу и признал, что с математикой у Барашковой дела обстоят на порядок хуже стихов. Он подчеркнул красным цветом ошибки. Получалось максимум на троечку. Ручка, покачиваясь, зависла над бумагой.

Он еще раз перечитал стихотворение. Поставил четверку с минусом и вложил в листок с работой.

17.

Саня приволок чучело зайца, как и обещал. Чтобы достать, засунул в большой пакет и перемотал липкой лентой, стараясь не повредить по пути к институту. Как назло, день выдался ветреный, и пакет норовил вырваться из рук. На охране потребовали показать содержимое, посмотрели на торчащие уши, поулыбались и с шутками пропустили.

– Заяц получился, как живой, – согласился Тальберг, глядя чучелу в черные глаза. – Но я просил не приносить его сюда.

– Дмитрий Борисович, – обиделся Саня. – Это же память.

– Кольцов увидит и покажет нам с тобой такую «память», что и без зайца долго не забудешь, – проворчал Тальберг для проформы. Чучело ему понравилось.

У Сани улучшилось настроение. Он последние дни бродил по лаборатории с видом живого трупа и отказывался обедать, ссылаясь на внезапное несварение.

Тальберг попытался ненавязчиво разузнать, все ли в порядке, но Саня отвечал, что лучше не бывает и беспокоиться не о чем.

– Ты мою жену напоминаешь, – сказал Тальберг, отчаявшись выпытать причину внезапной хандры.

– Почему? – обиделся Саня.

– У нее тоже всегда все хорошо, а на самой лица нет.

Саня не придумал, как отреагировать, и просто промолчал, – чучело непостижимым образом улучшало настроение и на корню пресекало желание обижаться. Он долго бегал с ним по лаборатории, пытаясь подобрать такое место, где бы оно смотрелось наиболее выигранно, но везде что-то мешало – то зайца видно не было, то он стоять не хотел, то ракурс оказывался неудачным.

– Что ты носишься с ним, как дурень со ступой, – не выдержал Тальберг. – Поставь на полку среди справочников, и пусть стоит, пыль собирает.

Саня поставил, но половину книг пришлось переставить в книжный шкаф.

– Ему отдельную подставку надо, – посетовал он. – Но и

так смотрится неплохо.

– Угу, – подтвердил Тальберг. – Теперь у нас есть чучело зайца-суицидника, и мы будем им гордиться.

– Надо ему имя придумать. Такой зверь не может оставаться безымянным.

– Зайценит?

– Я серьезно, – отмахнулся Саня. – Пусть будет Олег.

– Почему Олег?

– Имя хорошее.

– Аргумент, – согласился Тальберг. – У нас в группе именно по этому принципу семь человек будет.

Он посмотрел на радостного Саню и посоветовал:

– Ты еще у своего таксидермиста табличку закажи, болтиками прикрутишь к подставке. А на ней надпись «Заяц Олег», дата смерти и приписка «погиб, пожертвовав жизнью ради науки».

Саня на шутку решил не реагировать, отметив, однако, что для визуальной завершенности таблички и впрямь не хватает.

Тальберг погрузился в недра новой установки, которую они начали собирать после торжественной демонстрации старой. Часть деталей осталась еще со сборки первого экземпляра, а остальные заказывали в институтской мастерской по чертежам.

Тальберг выбрался из металлического скелета установки, достал чертежные принадлежности и погрузился в расчеты,

на ходу внося корректировки в старые размеры. Укололся циркулем и зашипел проклятия, засунув палец в рот.

– Спирт в аптечке, я на раскопки, – сообщил Саня, надевая куртку потеплее. За окном ветер гнул деревья.

«Раскопками» называли добычу краенита, продолжавшуюся, несмотря на официальное заявление Кольцова в местной газете о приостановке работ по Краю. Краепоклонники не поверили и продолжали стоять с плакатами, но уже не каждый день, а дважды в неделю по графику – во вторник и четверг.

Во избежание возможного инцидента занимались усиленной конспирацией – Безуглый для поездок выделял охранника, отвечающего за сопровождение «раскопок». Установку загружали в автобус тайком ото всех во внутреннем дворе, куда доступ осуществлялся по пропускам.

Микроавтобус сперва катался кругами по городу и лишь затем отправлялся к Краю, причем место добычи постоянно менялось. Иной раз ездили по часу окольными путями, чтобы остаться незамеченными. Помогала конспирации и мгновенная регенерация стены. На каменистом грунте не оставалось следов от протекторов, и доказать факт добычи становилось проблематично.

Охранник попался щуплый и неопытный и озирался по сторонам, воображая, должно быть, что краепоклонники – это толпа людей с обезумевшими лицами и вытянутыми перед собой растопыренными пятернями, которые бредут, во-

лоча ноги, с целью растерзать на части любого, покусившегося на святое.

Саня выдал ему огнетушитель, чтобы занять дрожащие руки.

– Спокойно, у нас все продумано, – успокаивал он, но без особого успеха.

Он посмотрел в испуганные глаза охранника и осознал – тот боится не краепоклонников, а самого Края, что намного хуже. Оставалось надеяться, что добыча пройдет без эксцессов.

Доехали относительно быстро. Саня возился с установкой, вырезая куски и складывая их в специальный контейнер. Охранник бродил по территории, косился на темное стекло Края и не решался подойти поближе.

Саня честно выполнял норму. Руки сами вели луч, пока он думал об Ольге.

Он не понимал, почему ему постоянно не везет с противоположным полом, хотя с этим конкретным случаем дело обстояло гораздо хуже – это же не какая-то абстрактная девушка, до которой ему нет забот. С тоски он даже стал меньше есть, еда плохо лезла в горло и застревала где-то в пищеводе, не доходя до желудка.

Он решил отвлечься от горестных раздумий и сосредоточится на работе. Отрезал пять больших кусков, делая перерывы для снятия напряжения с кистей. Несмотря на попытки бросить курить, руки доставали из кармана пачку и вытя-

гивали сигарету. «Дурацкая и затратная привычка!», подумал он, но продолжал дымить.

Охранник стоял возле микроавтобуса и с настороженностью наблюдал за действиями Сани издали, видимо опасаясь подвергнуться пагубному влиянию Края.

Саня посмотрел в контейнер и решил ограничиться еще одним куском. Когда луч замкнул контур и очередная «двухскатная крыша» упала на землю, он не выключил установку, а продолжил рез в надежде, что охранник ничего не заметит.

Несмотря на прохладу из-за сильного ветра, неожиданно вспотел, а рука затряслась. «Должно быть, от усталости», подумал он. Маленький кусочек вырезался вечно. Казалось, время идет медленно и проходят не минуты, а часы, и вот вот охранник опомнится и, поборов нерешительность, подойдет и спросит, почему так долго.

Умом Саня понимал абсурдность страхов. Посторонний человек понятия не имел, сколько именно длится работа, когда они заканчиваются и сколько кусков в результате получится.

Тонкая длинная призма упала на землю. Саня нагнулся и, поднимая краешек, незаметно сунул в карман куртки маленький кусок.

И тут же увидел идущего к нему охранника.

– Черт, – процедил сквозь зубы, чувствуя, как кровь прилила к щекам и нервно задергались пальцы правой руки.

Охранник приблизился и, потирая окоченевшие ладони,

спросил:

– Это надолго? Ноги мерзнут.

Саня облегченно выдохнул, кровь отлила от лица.

– Мы закончили, загружаемся, – объявил он, пытаясь казаться беззаботным и понимая, что чем сильнее стараешься, тем подозрительнее выглядишь. Краенит слегка оттягивал карман, но Сане казалось, что слишком заметно, поэтому он, как бы невзначай, придерживал карман рукой.

Назад возвращались прежним путем, запутывая следы. Саня с тревогой ощущал камень, неприятно холодивший сквозь подкладку куртки.

18.

– Раздаю контрольные, чтобы вы полюбовались на ошибки, – объявил Тоцкий и начал зачитывать фамилии. – Капустин, Емельяненко, Ковалев, Сорокина...

Листочки передавались по рядам, и до Тоцкого с парт долетали звуки радости или огорчения, в зависимости от полученных оценок.

– Опять тройка, меня мать прибьет!

– У меня хуже – двойка. И прибивать будет батя.

– Барашкова, – объявил Тоцкий и передал листок Ольге, сидевшей на первой парте. – Косолапов, Онищенко, – продолжал он объявлять фамилии с листочков, – Марьянова, Кобылина...

Ольга раскрыла контрольную и уставилась на четверку с минусом. Радость от полученной оценки быстро сменилась смущением. Она заметила вложенный лист со стихотворением, в котором Тоцкий исправил ошибки и поставил четыре с плюсом. Краска бросилась ей в лицо. Она закрыла свою работу, пока никто не усмотрел, и положила на край парты, сунув для надежности под дневник.

Тоцкий испытал удовлетворение и, удерживая серьезный вид, раздал оставшиеся листочки.

– Посмотрели на оценки? Теперь отложите работы в сторону, переходим к новой теме.

На протяжении всего урока Барашкова молчала, чего еще ни разу не бывало. Она не тарасилась на Тоцкого выпученными глазами в обычной манере, не перебивала сотней глупых вопросов, на которые он не успевал давать ответы. Остаток урока она, не отрываясь, смотрела в тетрадь.

Прозвенел звонок, и школьники разбежались, причем Барашкова была в первых рядах – она выбежала из класса, едва не сбив по пути Косолапова, сидевшего у самой двери и привыкшего сбегать впереди всех.

Закончились уроки. Тоцкий сел за учительский стол и замер, вытянув шею и высматривая в окно, как школьники сыплются из школы и разбегаются по домам – кто стремглав, кто медленно, прогулочным шагом, пиная ранец и общаясь с друзьями. Как выходила Барашкова, он не заметил, и неожиданно испытал разочарование, не увидев среди дру-

гих школьников ее мелкую аккуратную фигурку на крыльце.

«Вот прицепилась, прямо наваждение какое-то», – подумал Тоцкий и потряс головой, чтобы прогнать ненужную рефлексию. Он попытался сосредоточиться на проверке контрольных одиннадцатого «А», но мысли не хотели концентрироваться на интегралах и производных, а вместо этого норовили ускакать куда-то вдаль, где тепло, солнечно и растут пальмы.

Он словил себя на том, что в шестой раз читает одну и ту же работу Светки Сердюковой и не может выловить ошибки и поставить оценку. В наличии ошибок у Сердюковой он ни секунды не сомневался, и никогда такого не бывало, чтобы она что-нибудь не перепутала: плюс – с минусом, деление – с умножением, а геометрию – с алгеброй.

«Да что ж такое-то?» – подумал он. Закрыв контрольные, сложил в аккуратную стопочку и сунул в пакет, чтобы проверить дома за чашкой кофе.

Тоцкий запер кабинет, поздоровался в коридоре с Зоей Павловной, преподававшей домоводство и рисование. Он знал, школьники между собой кличут ее по первым буквам имени-отчества – ЗоПа. Да что дети – он сам мысленно только так ее и называл, испытывая к ней ярко выраженную неприязнь. Зоя Павловна пренебреженно считала своим долгом влезть в любую щель и высказать авторитетное мнение, с которым обязательно требовалось считаться.

– Здравсьте, – он ощущал желание стать невидимой кро-

шечной букашкой, на которую Зоя Павловна не обратит внимания, и пытался вспомнить, не совершил ли чего предосудительного.

– Здравствуйте, – угрожающе ответила она на приветствие и взглянула так, словно припоминала, что бы такого нехорошего сказать.

Тоцкий опустил взор и ринулся на улицу, передвигаясь вдоль стены, пока Зоя Павловна не нашла повод прицепиться.

Он пробрался к выходу и вышел на крыльцо, держа в руках пакет с контрольными – раньше он ходил с большим коричневым портфелем, но как-то он увидел себя в зеркале и подумал, что так и до нашивок на локтях недалеко, и портфель забросил на антресоли. Он не оставлял попыток распрощаться с карьерой школьного учителя и продолжал рассылать резюме, хотя и безрезультатно.

– Сергей Сергеевич! – позвал голос.

У крыльца стояла Барашкова, держась за лямки декоративного рюкзака, в который нельзя сложить больше трех тетрадок за раз.

– Что тебе? – вздохнул Тоцкий, оглядываясь по сторонам, нет ли кого поблизости.

– Сергей Сергеевич... – Ольга замялась.

– Ну, Барашкова, говори, не томи. Мне еще дома ваши контрольные проверять, а у вас такая ерунда написана.

– Я как раз по этому поводу. Расскажу по пути.

Они пошли к калитке. Тоцкий подумал, что со стороны они выглядят подозрительно. Ничего предосудительного в этом теоретически не было, но чувствовал он себя отвратительно.

Он шел рядом с Барашковой, раскачивая на ходу пакетом и постоянно оглядываясь, словно выслеживал, не подглядывает ли кто за ними. Он взглянул на здание школы, и взгляд зацепился за одно из окон, откуда на ними наблюдала Зоя Павловна. Ее прищуренные острые глазки буравили их спины. Тоцкий вздрогнул.

«Да что ж за день такой!» – подумал он, представляя, что Зоя Павловна успеет себе надумать. Вряд ли что-то хорошее. По отношению ко всем у нее действовала строгая презумпция виновности, в соответствии с которой единственным непогрешимым человеком на земле являлась только она сама. Остальное человечество погрязло в разврате и страдало от недостатков, в избавлении от которых и заключалось ее призвание. Она искренне верила, что делает чрезвычайно необходимое и важное дело, сообщая обо всем куда надо. Самые отвратительные, неприятные, грубые и невежественные люди из тех, что встречались Тоцкому, почему-то норовили учить всех нравственности, сами ничуть ею не обладая.

До калитки шли молча.

– Говори, Барашкова, что у тебя, – он смирился с грядущей лекцией от Зои Павловны.

– Я... У меня... – Ольга продолжала покусывать губу, и

он распереживался, что еще немного, и прокусит насквозь. – У меня с математикой проблемы.

– Я заметил. Хотя домашние задания у тебя почему-то получаются неплохо.

– Это папа, – сказала Ольга. – Он в институте работает и эти интегралы одной левой...

– Пусть и позанимается с тобой, если так хорошо разбирается.

– Он работой занят, – пояснила Ольга. – Решить все может, а объяснить, почему и как, терпения не хватает – он сразу нервничает.

«Не удивительно», подумал Тоцкий, которого подобное ощущение не покидало на каждом уроке любого класса на любой теме. Правильно говорит Иван Иванович, тут нужно вырабатывать в себе терпение в огромных количествах, чтобы не сорваться и не заорать «Что же вы никак не поймете элементарных вещей!»

Они продолжали идти. Так как рабочий день еще не закончился, прохожие на улицах встречались редко, что не могло не радовать.

То тут, то там пробивалась зеленая травка, и в воздухе пахло настоящей весной, которую разносил прохладный, но уже не ледяной, весенний ветер.

– Не могли бы вы позаниматься со мной дополнительно? – тихо попросила Ольга, отводя глаза. Она почти шептала, и Тоцкий едва расслышал.

– Барашкова. Говоря начистоту, не уверен, что тебе помогут дополнительные занятия. Не твое оно. Тебе куда-нибудь на филфак надо, склонность наблюдается и способности имеются.

Ольга смутилась, вспомнив о стихотворении, вложенном в контрольную работу, но сдаваться не собиралась:

– Я в университет поступать хочу. Один из вступительных экзаменов – математика.

– Тогда тебе, Барашкова, поможет только чудо, – Тоцкий почувствовал, что перегнул палку с категоричностью. Как сказал бы Иван Иванович, непедагогично пресекать на корню стремления учеников.

– Сергей Сергеевич, – взмолилась Ольга, чуть не плача. – Это же не бесплатно. Заплачу, сколько нужно.

«Деньги бы не помешали, – подумал Тоцкий, – но на занятиях с Барашковой сильно не разбогатеешь».

Она на ходу умудрялась смотреть таким жалобным взглядом, что он сдался и из жалости согласился.

– Хорошо, давай попробуем, но результат гарантировать не могу. Заниматься будем в школе после уроков, – он вспомнил Зою Павловну. Она обязательно их выследит и начнет задавать мерзкие вопросы, на которые не хотелось бы отвечать. – Нет, лучше у меня на дому.

Ольга снова уверенно посмотрела в глаза Тоцкому, осознавшему, что им манипулируют, причем успешно. Жалобность и неуверенность в одночасье пропали без следа.

– Спасибо, Сергей Сергеевич!

Слишком тонкая ручка глубоко врезалась в пальцы, и Тоцкий приостановился, беря пакет поудобнее. Ольга с блестящими от радости зрачками уставилась на него, и он впервые осознал, что у Барашковой зеленые глаза, причем радужка выглядела полупрозрачной, отчего казалось, что она смотрит насквозь.

– Можно личный вопрос? – не сдержал он любопытства.

– Конечно, – разрешила она.

– Кто этот Сережа из стихотворения?

Она замялась и покрылась румянцем.

– Мальчик с соседнего двора. Он, кстати, тоже математикой увлекается.

ГЛАВА V. Краенитовая пыль

19.

Платон слюнявил палец и с чувством, с толком, с расстановкой листал отчеты из бесполезной кипы бумаг, сваленной в углу. Его уже тошнило копаться в косноязычных документах, изобилующих ошибками. Умные образованные люди оказались не в состоянии совладать даже с падежами и писали несусветную чушь.

На вторую половину дня планировалась встреча с Лужиным, последние двенадцать лет бессменно возглавлявшим администрацию Лоскутовского района. Он принадлежал к поколению Демидовича, поэтому Платон иллюзий касательно плодотворного сотрудничества не питал. По его мнению, Лужин изрядно засиделся.

– Не смотри на возраст, старая гвардия еще покажет, где раки зимуют, – не соглашался Демидович. – Что ж ты, не зная человека, отправляешь в утиль?

– Что хорошего он за двенадцать лет сделал для региона?

– Посмотрел бы я на тебя на его месте. А еще ты не понимаешь значение лояльности.

По радио передавали музыку вперемешку с выпусками новостей. Мелодии поднимали настроение и придавали бод-

рости, побуждая постукивать в такт карандашом, а вот громкий самоуверенный голос диктора сбивал с мысли. На шестой провальной попытке прочитать одну паршивую страницу Платон не выдержал и выключил приемник.

Он безрезультатно порывался сосредоточиться на ускользающих цифрах, тарасился на бумажки, тщетно силясь заставить шестеренки в мозгу вращаться быстрее.

Дни последовательно сменяли друг друга, а он ни на шаг не приблизился к Тальбергу и, что самое неприятное, отчаялся угадать верное направление для дальнейших раскопок. В поисках доступа к прямому управлению в НИИ месяц корпел над циферками, но, исключая всякие мелочи, не выяснил ровным счетом ничего.

С отчетами по группе Тальберга ситуация обстояла еще хуже. По всему выходило, что он святой и работает не столько ради финансового благополучия, сколько для собственного удовольствия. Хобби у человека, так сказать. Более того, расходы на группу за последние годы только снижались.

Не ткнешь пальцем и в отсутствие результатов – вот она, пресловутая установка, гудит, пыхтит, краенит дольками нарезает. Платона раздражало собственное бессилие. Фантазия исчерпалась, мысли протухли, хотелось выплеснуть негатив и устроить отчетам аутодафе в лучших традициях забугорной инквизиции.

В приемной поднялся шум. Нетрезвый голос тщился что-то громко объяснить Валентине, а она не сдавалась и грозно

просила покинуть помещение до появления охраны. Платон решил прийти на выручку и выглянул в приемную.

Над Валентиной нависал мужик в кепке-пирожке и покачивался, словно моряк после двухгодичной кругосветной экспедиции. Платон распознал знакомые оттопыренные уши цвета недозрелой малины.

Владелец кепки обернулся на звук и расплылся в улыбке. Пахло перегаром.

– Иваныч! Ты? – обрадовался Васька Пепел, заметив Платона.

Платон вмиг его признал, но не желал афишировать знакомство с подозрительными субъектами сомнительного социального статуса. Валентина удивленно приподняла крашеную бровь и с вопрошающим видом уставилась на Платона, словно тот вытащил из дырявой шляпы кролика или сделал сальто через себя с приземлением в шпагат.

– Здравствуйте, – Платон заговорил холодным официальным тоном, будто имел сомнительное счастье лицезреть Пепла впервые в жизни. – Какова причина вашего визита?

Васька проигнорировал интонации и намеки и продолжал, как ни в чем не бывало:

– Иваныч, помоги, а? Эта злая тетка... – он ткнул большим пальцем за спину, туда, где вскипала выведенная из себя Валентина, – ...вот эта тетка не хочет пускать к Демидычу!

Он победоносно вытаращился на Платона, будто Валенти-

на совершила что-то несусветно противозаконное, осмелившись не пустить к генеральному инспектору подозрительно-го мужика с красными ушами и черным, протертым до дыр пакетом с неизвестным содержимым.

– Иван Демидович принимает по записи, – сказал Платон.

– Пусть эта мадам в своих бумажках полистает, – не сдавался Пепел.

– Уже просмотрела, – твердила Валентина тоном буфетчицы на раздатке. – Пусто! Можете лично убедиться!

– Тогда сама ему сообщи, что пришли от Михалыча! – не унимался Пепел.

– Не буду я ему ничего говорить!

– Он тебя уволит. Скажу, что ты меня непустила, нехорошая женщина! Злая, и на людей бросаешься.

Они вдвоем уставились на Платона, выступившего в роли арбитра, принимающего окончательное решение. Платон покосился на Пепла и велел Валентине:

– Доложи.

Нетвердыми движениями она набрала номер по быстрой кнопке и произнесла в трубку с осторожностью человека, ступающего по тропинке сада с ядовитыми змеями:

– Иван Демидович, прошу прощения. К вам пришел мужчина и настаивает, что с ним назначена встреча. Говорит, от какого-то Михалыча... Да, хорошо. Я поняла.

Она положила трубку и рассеянно посмотрела сначала на Платона, а затем на Пепла.

– Иван Демидович ждет, – ее голос дрогнул. – Проходите сюда.

Пепел расплылся в улыбке.

– А я чего говорил! Ждет он! Ждет, а ты не верила!

Он в развалку потопал к кабинету Демидовича, позвякивая на ходу пакетом. Платон кивнул Валентине и вернулся к себе, гадая, зачем Демидовичу общаться с алкашом-бездельником.

Интересно увидеть собственными глазами таинственного Михалыча, известного, кажется, каждой собаке.

Платон подошел к окну. С высоты четвертого этажа виднелась крыша лоскутовского НИИ, в одной из лабораторий которого копошился со своей установкой Тальберг – угрюмый, неспособный взглянуть дальше собственного носа и настолько мелкий и ничтожный, что даже не получается навесить на него завалящего нецелевого использования средств.

– Врешь, не возьмешь. Был бы человек, а статья найдется.

Заглянула Валентина и с порога объявила:

– Платон Иванович, вас Иван Демидович вызывает.

Платон переложил потрепанный отчет со следом от кофе из одной стопки в другую, пытаясь сообразить, что Котов от него хочет и какую из бумажек взять с собой.

– Говорил, зачем? – спросил он.

– Нет. Просто позвонил и сказал: «Пусть Талаев зайдет».

– Как у него с настроением?

– Нормально, – пожала плечами Валентина. – Он с приез-

да в Лоскутовку необычно спокойный.

Платон сгреб скопом текущие документы в папку с тесемками и засунул под мышку.

– Платоша, – обрадовался Демидович, едва завидев Платона. – Закрой кабинет.

Теряясь в догадках, Платон запер дверь на защелку. Демидович по необъяснимой причине светился от радости, и Платон не мог вспомнить, когда видел его в таком возбужденном и жизнерадостном состоянии. Платон сел и положил перед собой папку с текучкой.

Демидович проигнорировал его действия и, судя по всему, звал отнюдь не по рабочему вопросу.

– Глянь, какой мне презент принесли! – Котов жестом фокусника материализовал из воздуха безымянную бутылку и передал Платону.

«Догадываюсь, кто эту ерунду притащил», смекнул Платон, принимая из рук Котова «презент». Очередная настойка от Михалыча имела не ярко красный цвет, а самый натуральный черный. Он покрутил бутылку, внутри поднялась маленькая буря с серебристыми отсветами, словно от графитовой пыли. Выглядело абсолютно несъедобно, и Платон решил не пить эту гадость ни при каких обстоятельствах.

– Ты так сосредоточенно не разглядывай, – обиделся Демидович. – На внешний вид не смотри, это второстепенное.

Платон мысленно не согласился, но вслух возражать не стал. Он перестал терзать бутылку и вернул Котову.

– Самое главное, ты не знаешь, как она пьется.

К сожалению, Платон имел опыт распития настоек от Михалыча. Как ему тогда поведали, идет мягко, но «шибет на раз».

Когда толпа доминошников не смогла вспомнить, где он живет, он проснулся дома у Костылева с мыслью «Кто я? Где я?». Сперва решил, что находится в вытрезвителе и уже приготовился требовать руководство, но вскоре сообразил, что это просто чужая квартира, хотя и убогая. Выцветшие обои пузырились, угрожая съехать на пол. Лакированная мебель родом из прошлого века нагнетала суицидную тоску, от которой немедленно хотелось повеситься. Особенно выводил из себя сервиз, забитый пыльными фарфоровыми петушками и рыбками, целесообразность принципиального существования которых для Платона оставалась загадкой с детства, когда его заставляли вытирать их тряпкой по часу кряду. С тех пор к декоративным сервизам у него выработалась стойкая аллергия.

Он попробовал встать. Мужики не соврали, голова кружилась, но не болела. В теле ощущалась слабость, и он понял, что нужно срочно выпить кофе, чтобы прийти в какое-то подобие формы. У дармоедов-доминошников каждый день выходной, а Демидович не гнушается работать и по субботам, и по воскресеньям.

В комнату вошла молодая женщина рубенсовских форм, и выяснилось, что это жена Костылева, оказавшаяся по сов-

местительству гостеприимной хозяйкой. Она сварила в маленькой закопченной турке такой замечательный бодрящий кофе, что Платон тут бы на ней женился, если бы она уже не была замужем. По воле рока нравящиеся ему женщины всегда оказывались замужем, причем за всякими недостойными посредственностями, не заслуживающими такого счастья. И имя у нее было сказочное – Василиса.

– Премудрая? – уточнил Платон. – Или Прекрасная?

– Оглянись и догадайся, жила бы премудрая в этом... – она кивнула на отклеивающиеся обои, – ...и с этим... – она показала на окно, откуда слышался хохот Костылева, забивающего козла во дворе.

– Тогда Прекрасная, – заключил Платон.

Василиса, хотя и была «при теле», выглядела раза в два моложе мужа и, по крайней мере, внешне, годилась ему в дочери. Он терялся в догадках, каким образом она связалась с бородатым Костылевым.

– Прошу этого козла хоть что-то по дому сделать, а он только в домино свое с утра до вечера играет, – разошлась Василиса. – Антресоль скоро рухнет, а он и не почешется, пока на него не упадет.

Она решила, что Платону не обязательно знать обо всех проблемах в ее личной жизни и перевела разговор:

– Ты-то с ними как оказался?

– Хороший вопрос. Пытался познакомиться с соседями, и как-то так получилось...

– Известно, как получилось, – сказала Василиса строго. – Оно всегда одинаково получается, если связываться с кем попало. Чтоб он сдох, алкаш проклятый, и у самого жизни нет, и других спаивает...

Она мыла посуду, тихо поругивая мужа и его друзей-доминошников, а Платон пил кофе, смотрел на нее и думал, что Василиса из той породы женщин, к которым тянется всякий антисоциальный элемент, особенно в состоянии «некондиции». Они теряют волю и идут к ней на запах, как теленок – к корове, чтобы припасть лицом к необъятным грудям. А она их жалеет, не отказывает и с гордостью несет крест женщины, «отдавшей ему лучшие годы жизни», будто изначально не догадывалась, к чему это приведет.

– Женат? – спросила Василиса.

– Разведен.

– Бросил?

– Ушла. Не сошлась со мной характером.

Разговор не клеился. Платон допил чашку, попрощался и отправился в свою ведомственную квартиру, чтобы сменить помятый костюм на более пристойный.

С тех пор Платон дал зарок не пить ничего, гордо предъявляемого со словами «от Михалыча».

– ...ты не представляешь, как пьется... – повторил Демидович, очевидно вспоминая последний опыт употребления.

– Почему же? Догадываюсь.

– Ерунда, – перебил Котов, – пока именно эту не попро-

буешь, не прочувствуешь всю прелесть.

– Это обязательно? – с кислым выражением спросил Платон. – Я не обедал, а натошак идет плохо.

– Как хочешь, а я пятьдесят грамм пригублю.

Демидович отковырял пробку, наполнил откуда-то взявшийся граненый стакан, посмотрел на Платона, выдохнул и одним мастерским залпом опрокинул. «Совсем плох стал», подумал Платон.

С Котовым и ранее случались приступы неконтролируемого потребления алкоголя, когда его приходилось прятать в закрытом пансионате до полного выздоровления. Пока приводили в чувство после очередного запоя, его обязанности исполнял Платон. Отсутствие генерального инспектора обычно объяснялось просто: «Работает с документами». Говорить о «проблемах со здоровьем» Демидович запретил, сообщив, что «здоровье у него еще о-го-го и не надо вводить людей в заблуждение».

Он от наслаждения закатил глаза и изобразил блаженство. Платону захотелось сделать глоток и лично убедиться, насколько все хорошо. Впрочем, Котов с тем же выражением счастья пил любой отвратительный самогон.

Он открыл глаза, закупорил бутылку и поставил перед собой.

– Думаешь, очередной шмурдяк? – он поучающе ткнул в потолок указательным пальцем. – А на деле, это выход из кризиса для депрессивного региона.

Платон скептически взглянул на стекляшку с черным содержимым.

– Всех спаивать будем в рамках борьбы с депрессией? – предположил он.

– Да ну тебя! – отмахнулся Демидович. – С этим тут и без нас успешно справляются. Я же не совсем выживший из ума старикашка-алкоголик, как ты полагаешь.

– Я так не считаю, – поспешно заверил Платон.

– Да знаю я тебя, как облупленного, – скривился Демидович. – Потерпи, мне недолго осталось. Будешь сам рулить.

Платон почувствовал, как краснеет, хотя раньше за собой такого ни разу не замечал – обычно ему удавалось скрывать эмоции. Демидович притворился, что не заметил, и продолжал:

– Выглядит, как обычная настойка, но представь, если наладить серийное производство в нормальной таре! Спрос будет, гарантирую. Чего я только в жизни не пил, но оно рядом не лежало. Попробуешь – поймешь.

Платон выслушивал Демидовича с кислым видом. Так трезвый человек в общественном месте терпит откровения подвыпившего мужика с соседнего сиденья – уйти нельзя, потому что зажат возле окна, и сидишь, киваешь в ожидании скорой остановки.

– Если наладить массовое производство, этой продукцией заполним каждую полку в стране. И оно не залежится! Спрос будет колоссальный – покупать станут и трезвенники,

и язвенники, – продолжал рассказывать Демидович, туманным взором вглядываясь в светлое будущее процветающей Лоскутовки. – И главное – ни следа похмелья. Можно пить не только в пятницу, но и в любой другой день недели, а с утра со свежей головой идти на работу, не опасаясь грозного начальника. Да и начальник, наверняка, накануне принял пять капель с зарубежными партнерами из дружественных стран.

«Надеюсь, столицу не перенесут в Лоскутовку», – подумал Платон, глядя на разошедшегося Демидовича, которого понесло на такие галеры, что Платон всерьез испугался, не придется ли сдавать Котова на принудительное лечение по случаю очередного приступа «белой горячки», как случилось ранее. Тогда взволнованной его отсутствием общественности сообщили, что Демидович лег на плановую операцию для выполнения коронарного шунтирования, и два месяца в пресс-релизах сухо сообщалось, что у пациента аппетит хороший, сам он идет на поправку, а швы затянулись и почти не видны.

– Правильно проведя рекламную компанию, мы станем не только лидером национального производства, но и локомотивом экономики в целом, организовав экспорт в другие страны. Не знаю, из чего ее Михалыч делает, но, кроме него, никто не владеет секретом, а мы никому и не скажем, – Демидович подмигнул. – Когда эти олухи подсядут на наше черное золото, мы сможем всему миру диктовать условия.

«Тронулся-таки умом, старикашка», – подумал Платон. Его воображение отказывалось представлять заграничные очереди за пойлом от Михалыча.

– Вино и коньяки – детский лепет по сравнению с нашим продуктом. Всякий попробовавший подсядет на иглу... то есть на бутылку, – исправился Демидович, – мы будем диктовать наши условия, а они будут исполнять, как миленькие. Все будут выполнять, как миленькие, – заело Демидовича. – Как миленькие будут...

Он погас, и Платон разволновался, не случилось ли чего, но Котов опять «включился» плеснул еще стаканчик и опрокинул его не менее профессионально, чем предыдущий. У него словно щелкнуло в черепушке – какой-то невидимый миру переключатель – и Демидович из полоумного мечтателя превратился в генерального инспектора с деловой хваткой.

– Необходимо продумать стратегию и определить порядок дальнейших действий, составить бизнес-план, как ты умеешь. План представим в центр на согласование, но ждать ответа не станем. Пока они будут возиться с цифрами и бюджетами, начнем производство и покажем первые результаты, а победителей, как известно, не судят. Хотя, нет! – перебил себя Демидович и заговорщицки подмигнул Платону. – Фигу этому центру, мы и сами с усами. Организуем частное предприятие! Ты же хотел себе свечной заводик на пенсии? Пусть утрется!

– Надо найти производственные мощности, разработать технологию серийного производства, закупить оборудование, настроить линию, – принялся перечислять Платон занудным голосом. – Не так-то просто, если правильно понимаю...

– Весь административный ресурс тебе в руки. Сроку тебе полтора месяца.

– Мало. Не менее полугода, если контракты и поставки осуществлять напрямую без тендеров. Одно проектирование на месяц затянется.

– Полтора месяца! – повторил Демидович генеральским голосом и нахмурил брови. – Это же не госзаказ, а частная лавочка. С твоими навыками можно и в неделю уложиться. Наладь для начала производство небольших партий, а расширяться будем после. Не справишься, уволю, – поставил он ультиматум. – Бутылку с собой забери, как наглядное пособие.

– Понятно, – Платон испытывал гамму противоречивых чувств.

Он понял, что аудиенция закончена и пора приступать к цивилизованному захвату мира, живописно обрисованному Демидовичем в ярких радужных красках.

Платон взял папку с бутылкой и отправился к выходу. На половине пути обернулся и спросил:

– Где Михалыча искать?

– В НИИ Края, конечно, – ответил Демидович, словно

удивляясь неосведомленности зама, обычно находящегося в курсе происходящего.

– Конечно, – пробормотал Платон, – ну где же он может обитать? Здесь все дороги ведут в НИИ...

20.

Несчастный случай в НИИ произошел в десять часов утра. Точнее, не совсем несчастный случай, скорее чрезвычайное происшествие, которых в НИИ ни разу до того не бывало.

Утром на работу вышли новые члены группы – угрюмый Семен Плотников, постоянно сыплющий шутками и прибаутками Виктор Моржов и молодая доверчивая Устрицына Анастасия Михайловна, над которой неустанно подшучивал Виктор. Она ему верила и не сразу соображала, что он шутит, а когда догадывалась, говорила «Витя, ты дурак?»

Настя представляла несомненную ценность – она пришла напрямую из группы Харламова и поэтому разбиралась в тонкостях работы безлинзового оптического концентратора на электромагнитных полях, который функционировал из рук вон плохо, несмотря на ранее достигнутый успех. Тальберг подозревал, что ему отдали далеко не лучший экземпляр, и надеялся решить бесконечные проблемы со стабильностью через привлечение Устрицыной, числившейся ведущим специалистом в группе.

Комплектом прилагались братья Трофимовы – близнецы, работавшие в паре, но при этом безостановочно дискутировавшие по каждой мелочи – пить чай с сахаром или без, ехать домой или идти пешком, ставить выпрямитель на диодах или так обойдется. Несмотря на кажущуюся контр-продуктивность постоянных споров, работали они на удивление эффективно, и Тальберг взял их в группу без раздумий. Парадоксально, но они писали совместную научную работу, имея противоположные взгляды на рассматриваемую проблему и поражая этим Тальберга.

От обилия новых лиц он растерялся и не мог придумать, чем загрузить орду новобранцев. Он привык заниматься исследованиями последовательно, собственными руками и мозгами проделывая каждую операцию, этап за этапом, а тут для пущей эффективности использования человеческого ресурса требовалось правильно распараллелить работу между шестью людьми.

– Ой, какой милый зайчик, – говорила Устрицына, которой Саня демонстрировал чучело.

Тальберг взял себя в руки, напрягся и спустя полчаса натужных раздумий сочинил каждому занятие. Выдавая задания, принимаемые с почтительным молчанием, он испытал приятное ощущение. Непродолжительный самоанализ показал, что оно складывается из упоения властью и чувства собственной важности. Тальберг решил не поддаваться искушению, пока не снесло «крышу». Разве что самую малость, в

компенсацию за пятнадцать лет бесправия.

– Что мне делать? – спросил Саня.

– Назначаю тебя замом, – добродушно сказал Тальберг. – Будешь осуществлять оперативный контроль над всем этим... – он запнулся, подбирая слово поудачнее, – ... в общем, над этим всем.

Он устал за пятнадцать лет непрерывной борьбы с Краем. Не хотелось ничем заниматься – мечты сводились к желанию от души выспаться. На днях вспомнил, что приблизительно через месяц по графику подходит отпуск, и теперь вел обратный отсчет в настольном календаре, надеясь, что Кольцов выделит недельку на отдых.

Тальберг тайком накопил небольшую сумму, на которую собирался свозить Лизку на море. Она ходила мрачнее тучи, хотя Тальбергу просто могло показаться – у него напрочь отсутствовал не обнаруженный наукой орган, ответственный за понимание намеков, и он затруднялся угадать, куда нынче дует ветер. Последние года три они почти не общались, потому что тем для разговоров не находилось – каждый день походил на предыдущий, как братья Трофимовы – друг на друга. Отличалась только погода за окном.

Он пошел в закуток, отгороженный от остальной части лаборатории тонкой, но все-таки стенкой, рассчитывая посидеть в одиночестве, пока Саня проводит экскурсию для вновь прибывших.

Тальберг бросил на верстак связку ключей с брелоком из

краенита и посмотрел на три дырочки, раздумывая, сообщить ли кому про свечение. Он довольно легко вычислил условие его возникновения – достаточно поднести обработанный краенит к необработанному, чтобы появилось голубоватое сияние, яркость которого была, по-видимому, прямо пропорциональна общей массе кусков и обратно пропорциональна расстоянию между ними. Но это предположение нуждалось в практической проверке – он не сказал о нем даже Сане.

Едва группа разбрелась по лаборатории, знакомясь с новыми технологиями и листая записи Тальберга со схемами установки, из коридора донесся шум, будто кто-то сдавал на нормативы по кроссу, не выходя из здания. Следом закричали и зарычали, и игнорировать происходящее стало невозможно.

– Да что такое? Тигров завезли?

Тальберг выглянул в коридор. Ничего не увидел, зато услышал крики и вопли с лестничной клетки. Получалось, это странное и непонятное творилось на другом этаже.

Он вышел на лестницу и прислушался, определяя источник шума. Движимые любопытством остальные члены группы неорганизованным строем отправились за ним следом.

– Кажется, сверху шумят.

Тальберг обернулся, увидел Плотникова и оценивающе посмотрел на его коренастую фигуру.

– Пошли, – скомандовал ему Тальберг, чувствуя смутную

тревогу. Доносящиеся звуки ничего хорошего не предвещали. – Остальным вернуться в лабораторию.

Расстроенная группа поддержки осталась на лестничной клетке. Сгоравший от любопытства Саня посмотрел на Тальберга с обидой – в кои-то веки в институте случилось что-то интересное, а его отправляют в скучную лабораторию.

– Всем вернуться на рабочие места, – повторил Тальберг. – Немедленно.

Поднявшись этажом выше, они с Семеном увидели толпу в дальней стороне коридора. Явно что-то происходило. Тальберг поспешил к ним, на ходу пытаясь определить, что же случилось.

Подбежав вплотную, заметил Самойлова, окруженного собственными сотрудниками. К удивлению Тальберга, в руках Самойлов держал огромный нож.

С лезвия капала кровь.

– Осторожней, – закричал кто-то. – Не приближайтесь!

Самойлов кружился на месте, подскакивая на полусогнутых ногах и не давая никому подойти со спины. Он совершал пугающие резкие выпады. На лице застыл оскал, словно он спустился на несколько пролетов по эволюционной лестнице, поближе к предкам. Выпученные глаза светились ненавистью. Он заметил подошедшего Тальберга, но ничто в хищном взгляде не выдало узнавания, разве что рык стал громче.

Это существо мало напоминало прежнего вежливого и самовлюбленного Самойлова.

– Что с ним? – удивился Тальберг.

– Не знаем, – ответили, не оборачиваясь. – С ума сошел.

Вон, Володина порезал.

Тальберг обратил внимание на мужчину с правой рукой, перемотанной тряпкой. Володина трясло, на лбу проступил пот. Сквозь ткань проступали красные пятна и большими каплями падали на пол.

Тальберг услышал шум и, обернувшись, увидел бегущий к ним отряд из пяти человек во главе с Безуглым.

– Разойдись!

Прижались к стене, пропуская вперед охрану.

Самойлов не собирался сдаваться без боя и крутился на месте, размахивая ножом, не давая подступиться. На каждом взмахе он издавал животный рык.

Тальберг удивился произошедшей перемене. Позавчера Самойлов заходил к нему на чай – чайные пакетики он предусмотрительно принес с собой – и попросил краенитовой пыли. Оказалось, с ней работать удобнее из-за большей удельной площади поверхности. Выглядел он вменяемым, радостным, в работе наметился явный сдвиг и краенит худо-бедно вступал в реакции. Тальберг, будучи физиком, ничего из химических терминов не запомнил.

Охранники взяли Самойлова в кольцо, оттеснив других сотрудников.

– Всем держаться подальше! – командовал Безуглый. – Еще лучше разойтись по рабочим местам!

Разумеется, расходиться никто не стал.

– Что с ним?

– Да ч-черт его знает, – Володин запинаясь от волнения. – Работали как обычно. А потом его «переклинило», он обзвездил и начал на всех нападать. Кричал «Не дам отобрать у меня тему». Какую тему? Я едва увернулся, только по руке схлопотал.

Безуглый смотрел на Самойлова и оценивал степень его пригодности для ведения переговоров.

– Прошу успокоиться и положить оружие, – попробовал скомандовать он тихим, но уверенным голосом, изначально сомневаясь в адекватности существа с ножом. Вся надежда оставалась на успокаивающие интонации, предназначенные для демонстрации дружелюбного настроения и оказывающие убаюкивающее действие.

Самойлов сфокусировался на лице Безуглого. Это стоило ему огромных усилий.

– Первая... – проговорил он с трудом.

Рядом с Тальбергом зашептались.

– Что он сказал?

– Первая, вроде бы...

– Кто первая? Что первая?

– Откуда мне знать? Если интересно, сам у него спроси.

Он тебе расскажет с подробностями.

Безуглый тем же уверенным голосом повторил требование, расценивая попытку Самойлова говорить, как желание

идти на контакт.

– ...невозможность... – прошептал Самойлов, но так тихо, что Тальберг не столько услышал, сколько прочитал по губам.

– Успокойтесь, – продолжал Безуглый, игнорируя несвязную речь обезумевшего. – Мы окажем помощь, остыньте. Никто не собирается причинять вам вред. Никто не желает вам ничего плохого.

Пока Безуглый повторял успокоительную мантру, отвлекая внимание на себя, один из помощников рискнул незаметно зайти безумцу со спины. Ему почти удалось это сделать, но Самойлов почувствовал угрозу – похоже, сработал вновь приобретенный звериный инстинкт – и резко развернулся, заревев, словно раненое животное.

Безуглый не растерялся и тотчас набросился на открывшуюся спину, пытаясь заломить руки и обездвижить противника. Слабый с виду научный работник оказался на удивление силен и успешно сопротивлялся, неистово размахивая холодным оружием, так что все едва успевали уворачиваться. Самойлов нелепо изогнулся и всадил нож в ногу Безуглого. Тот взвыл от боли и слегка ослабил хватку.

На помощь ему бросились остальные охранники, пытаясь выбить оружие из рук царапающегося Самойлова.

Тальберг наблюдал за происходящим в состоянии оцепенения, не понимая, как такое могло случиться с коллегой, еще недавно бывшим нормальным адекватным человеком.

– Бей! – крикнул кто-то.

Безуглый собрал оставшиеся силы и с размаху зарядил кулаком по затылку Самойлова. Тот сложился на пол без сознания. Один из охранников отбил в сторону нож.

– Кто это? – спросил Валентин Денисович, потирая ушибленные руки и тяжело дыша. Из раны на ноге текла кровь, и на полу образовалась лужа.

– Самойлов, – сказал Володин. – Зять Кольцова.

– Хм... Однако, – Безуглый прикинул возможные последствия, проистекающие из полученного знания. – Пусть кто-нибудь «скорую» вызовет. Найдите бинты и жгуты, пока я сознание не потерял.

Кто-то из присутствующих побежал за аптечкой. Тальберг послал Плотникова за «скорой», а сам склонился над бесчувственным телом Самойлова.

– Что с ним будет? – спросил он.

– Пусть медики выяснят и диагноз поставят, – Безуглый тяжело дышал. – Расследование разберется.

Принесли аптечку и стул, усадили на него раненого и пытались поочередно наложить жгут для приостановки кровотечения до приезда «скорой».

Пока возились с Безуглым, Тальберг вернулся в лабораторию, беспокоясь, чтобы не взяли свидетелем и не заставили давать показания. Саня с обидой смотрел на него, понимая, что пропустил самое интересное.

«Так это не закончится», – подумал Тальберг.

Гордиев узел развязался сам. Кольцов доложил о происшествии Демидовичу. Котов немедленно вызвал Платона и, к его огромной радости, поручил взять НИИ под личный контроль.

Платон едва сдерживался, чтобы не расплыться в улыбке. «Врешь, Тальберг, не уйдешь», – повторял он мысленно. Хотелось спеть что-то из новенького, из молодежного, глупого, но задорного.

– Возьми ситуацию в руки, разберись, как следует, – напутствовал Демидович. – Распустились, понимаешь, с ножами по коридорам бегают и друг друга среди бела дня режут. И ладно бы малахольный лаборант, а то ведь сам зять Кольцова...

Платон кивал в знак согласия. Да, распустились в НИИ, но мы их возьмем уверенной рукой за горло, как умеем, не зря же нас сюда направили.

– За пределы института никакой огласки, – напоследок дал указание Демидович. – Все живы, относительно здоровы, пусть молчат в тряпочку под подписку о неразглашении.

Платон пообещал обойтись без огласки, прекрасно догадываясь, что система распространения слухов работает всюю, и скоро младшей уборщице в каждой школе будет известно о происшествии от родственников знакомых, чьи

приятели проходили мимо мужика, слышавшего от Сереги, как тот звонил другу, рассказавшему ему из первых рук.

В Лоскутовке действовал принцип большой деревни, когда невозможно ничего утаить, чтобы оно не стало в искаженном виде достоянием широкой общественности.

– На тебя составят приказ о назначении временно исполняющим обязанности первого заместителя директора НИИ, – инструктировал Демидович. – Формально будешь под Кольцовым, а неформально – наоборот. Задача понятна?

– Так точно, – коротко отвечал Платон, мысленно потирал руки в предвкушении и готовился приступить к новым обязанностям.

– Ты про мое предыдущее задание тоже не забывай, – напомнил Демидович. – Кольцов поможет. Я с ним вскользь переговорил, он согласен предоставить техническую базу института.

– Ясно, – Платон нахмурился от необходимости совмещать оба поручения.

– С Михалычем заодно познакомишься, – добавил Котов, с любовью поглядывая на стоящий в углу коробок с жидким черным содержимым.

Выйдя от Демидовича, Платон не стал откладывать дело в долгий ящик, схватил портфель с засевшими в печенках институтскими справками и на служебном автомобиле укатил в НИИ.

Как и предполагалось, новость о происшествии уже рас-

пространилась среди жителей и гостей города. Толпа краепоклонников стояла напротив здания с новыми плакатами и агрессивно выкрикивала лозунги в окна института.

– Безумие постигнет каждого, кто возомнит себя равным творцу! – кричал самый старый из них с длинными грязными косичками на бороде. – Не останутся без кары дела греховные! Не разрушай дом, в котором живешь! Не пили сук, на котором сидишь!

От краепоклонников исходил пренеприятнейший запах многодневной немытости. По задумке, это символизировало стремление к естественности, близость к природе, нестяжательство, самоограничение и другие красивые слова, не вызывающие ничего, кроме сотрясения воздуха.

Платон поморщился. Общественные движения и организации досаждали беспощадной бессмысленностью, но он прекрасно знал: нельзя прибегать к силе для разгона – они этим питаются. Тут нужно или постоянно что-то обещать, или последовательно игнорировать в надежде на самостоятельное рассасывание.

Кольцов встретил Платона на пороге приемной. Директора проинформировали о нововведениях в управлении института, и теперь в его глазах читались одновременно испуг, тоска и желание угодить руководству.

– Входите, проходите, заходите, посмотрите, – суетился Кольцов, показывая Платону его новый кабинет, в котором еще утром сидел ничего не подозревающий Мухин. – Разме-

щайтесь здесь. Мебель, включая шкаф, в вашем полном распоряжении. Если мало, все достанем. Обращайтесь, не стесняйтесь...

Слова сыпались из Кольцова нескончаемым потоком.

Платон изображал суровость нового начальника, добиваясь, чтобы директор в его присутствии ощущал себя максимально дискомфортно. Для достижения указанного эффекта Платон воспользовался самым простым и очевидным способом – выслушивал молча с таким каменным лицом, что Кольцов запинаясь и теряясь, не видя ответной реакции.

Ознакомительная экскурсия продолжалась.

– Это наша секретарь Наталья. Она тоже в вашем распоряжении.

Она оценивающе взглянула на них поверх очков и продолжила сосредоточенно подпиливать пилочкой ногти.

Платон сохранял многозначительное молчание. Кольцов краснел и бледнел от количества событий, за утро свалившихся на его седеющую голову. Он нервно хватался за мочку уха и поглаживал переносицу.

– А где ваш бешеный? – наконец спросил Платон, решив, что директор достиг нужного уровня нервозности.

– Самойлов? В больнице под успокоительными лежит. Приходит иногда в сознание, но продолжает проявлять агрессию, – Кольцов поник и с вселенской грустью в голосе добавил: – Наш лучший специалист, столько тем мог одновременно вести. Надеюсь, его смогут вылечить.

– Это интересно, – сказал Платон, которому было совершенно неинтересно. Мало ли отчего люди с ума сходят, пусть и лучшие специалисты. – Тяжелые условия для работы?

– Очень, – грустно согласился Кольцов. – До умопомрачения. Но у нас есть спецпитание. Хорошее.

– Молоко? – предположил Платон.

– Кефир. Молоко в наших условиях мгновенно скисает. Молокозавод однажды намеревался с нами заключить договор на производство кефира... – Кольцов замолчал, и конец истории завис в воздухе, словно гамма с несыгранной последней нотой.

– И? – не выдержал Платон.

– Что «и»?

– Договор заключили?

– Нет, конечно. В министерстве обороны не одобрили и подняли нас на смех. Сказали, что так мы и до мясоперерабатывающего комбината докатиться можем, – Кольцов запнулся. – Поэтому запрос на сотрудничество с мясокомбинатом мы решили им не посылать, хотя у нас как раз чисто случайно находились в разработке многообещающие темы касательно искусственной оболочки для колбас.

– Случайно?

– Абсолютно, – заверил директор. – Такое иногда случается. Побочные продукты исследований.

– Смотрю, вы активно ищете способы заработать, – закинул удочку Платон.

– Зато у нас полная самоокупаемость, – не без гордости отметил Кольцов.

– Я видел отчеты. Я, кстати, их с собой прихватил, – Платон махнул портфелем для демонстрации. Портфель возмущенно булькнул.

Вспомнил поручение Демидовича и понял, что готовый на аферы Кольцов – именно тот человек, который нужен. Но для виду требовалось заняться происшествием.

– Что с ранеными?

– С кем? – растерялся Кольцов от быстрой смены темы. – А-а, с ранеными... Хорошо. Швы наложены, больничный выписан. В качестве компенсации выдадим премию. Премия у нас хорошая.

– Деньгами, надеюсь, – пошутил Платон.

– Иногда и деньгами, – ответил рассеянно директор.

Зашли в бывший кабинет Мухина. Платон оглядел новое рабочее место. На столе лежали вещи предыдущего хозяина – потрепанные картонные папки с тесемками, бумаги в пухлых скоросшивателях, увесистый телефонный справочник и два телефона цвета серого шифера – с кнопками и без. По деревянной линейке ползала муха и всячески привлекала к себе внимание, мечтая, чтобы за ней побегали со свернутой газетой.

– Что с Самойловым? – спросил Платон.

– Да кто же его знает, не понятно ничего. Внезапное помешательство без всякой видимой причины. Ходил себе че-

ловек, трудился, постигал тайны природы, а потом – р-раз – и он уже с ножом бегаёт. Переработался, видать. У нас в соседнем доме почтальон один работал, тоже вежливый такой, тихий, мухи не обидит, всегда здоровался, на балконе цветочки разводил. А потом – р-раз...

– Убил кого-то? – предположил Платон.

– Да ну что вы! Типун вам на язык! – возмутился Кольцов. – Пытался, конечно, но не успел, прямо в почтовом отделении задержали. Чужая душа – потемки. Смотришь на человека, а он тебе улыбается во все тридцать два, а сам думает, какая же ты гнида. И ведь ему в черепушку не заглянешь, чтоб узнать, что в его башке творится.

– Это может быть связано с работой Самойлова?

– Конечно. Они же химики, у них всякое может быть. И ещё химреактивы эти... Но вы не волнуйтесь, уже подписан приказ о создании комиссии для проведения внутреннего расследования. Люди компетентные, соберут пробы, сделают анализы.

– А внешнее расследование?

– Милиция? – лицо директора приобрело такой вид, словно у него случилась внезапная зубная боль. – Демидович обещал замять. Это одно из условий... – он сглотнул, – ...вашего пребывания здесь.

– Понятно.

Платон уселся в когда-то хорошее, но теперь порядком потрепанное кресло. Левый подлокотник шатался, а спинка

удручающе скрипела при попытке пошевелиться. В целом, особых признаков роскоши не наблюдалось.

«Могло быть и хуже», – подумал Платон и разложил пыльные папки по стопкам, чтобы расчистить рабочее пространство.

– Смотрю, понемногу осваиваетесь. Когда будете готовы, я вам ознакомительную экскурсию проведу, – пообещал напоследок Кольцов и исчез.

Платон покрутился на кресле, открыл засаленный телефонный справочник с наполовину оторванной обложкой. На желтой странице для заметок предыдущий владелец выписал самые важные телефоны по институту, но в них давно не заглядывали – странички от сырости слиплись и не желали отделяться одна от другой.

Он выглянул в приемную, где Наталья продолжала пилить ногти.

– Есть у вас тут такой... Михалыч? – он замялся, представив, сколько во всем НИИ может быть михалычей и как среди них вычислить искомого.

– Имеется, – вальяжно ответила она, поглядев на него поверх очков. – Вот так и сразу?

– В смысле?

Наталья снисходительно взглянула на него еще раз, на мгновение прекратив мучить ногти.

– Исключительно рабочий вопрос, – уточнил Платон, догадавшись, что его записали в пьяницы.

Она пожала плечами, мол, дело ваше, мы здесь не для осуждения слабостей сильных мира сего.

– Вы к нему пойдете или вам сюда вызвать?

22.

Без всякого стука в кабинет вошел то ли карлик, то ли гном. Он на ходу вытирал грязные ладони о потрепанный синий фартук, натянутый поверх красной рубахи с короткими рукавами. На обнаженных руках темнели следы многочисленных ожогов и ран, с успехом заменявшие татуировки. Огромные глаза карлика пугающе глядели в разные стороны, а длинные седые волосы торчали дыбом, колоритно довершая клиническую картину городского сумасшедшего.

Платон вопросительно посмотрел на гостя с надеждой, что это не какой-то маньяк с улицы, чудным образом сумевший пройти через институтскую охрану.

– Что вам надо? – спросил он встревоженно.

– Я. Есть. Михалыч, – пробасил карлик низким голосом, после каждого слова вставляя увесистые паузы.

В противовес Кольцову Михалыч вовсе не отличался разговорчивостью, скорее наоборот, информацию из него доводилось вытаскивать клещами по слову за раз, причем сами слова краткостью походили на загоняемые в доску гвозди.

– Вот оно как, – удивился Платон внезапному ходячему сюрреализму, представшему на пороге.

– Звали, – то ли спросил, то ли уведомил Михалыч.

– Да, – ответил Платон, не зная, как действовать дальше.

Общаясь с кем-либо, он предпочитал иметь на этого человека хотя бы скромное досье, чтобы располагать возможностью манипулировать. Кого-то припугнуть, кому-то посулить награду – метод кнута и пряника столетиями доказывал свою действенность. Причем, что интересно, кнут стимулировал лучше, дешевле и прямее, хотя и не так приятно для самого объекта стимуляции.

Платон понятия не имел, чем побуждать к сотрудничеству Михалыча, и у него наступила растерянность. Любопытно, у него есть имя и фамилия, или он с рождения с одним отчеством ходит?

Наконец, он извлек из портфеля настойку.

– Ваше?

Михалыч резко протянул руку, сильным движением схватил бутылку и приблизил вплотную к правому глазу. Почудилось, что Михалыч ее обнюхал, словно пес.

– Моя.

Платон со второй попытки вырвал бутылку из цепких пальцев-крючков стеклодува, не спешившего ее выпускать.

– Нужно много, – прокричал он громко и отчетливо, словно говорил с глухим или иностранцем.

– Пять? – уточнил Михалыч.

– Сотни, тысячи, – Платон широко расставил руки, будто хотел охватить это невообразимое количество вообража-

емых бутылок. – Миллионы!

– Не могу.

– Мы поможем, – пояснил Платон, – сырье найдем, людей привлечем, техникой обеспечим. Нужно наладить массовое производство, понимаете?

– Понимаю.

И Михалыч снова замолчал, будто ему мучительно сложно говорить, так невыносимо, что его карликовых сил хватало не более чем на три слова. Платон внутренне выругался, предчувствуя, что разговор в подобном ключе будет тянуться вечно.

– Дайте, пожалуйста, список сырья, необходимого для приготовления настойки. Вы же можете?

Платон ожидал встречного вопроса «А зачем мне это надо?», но Михалыч без затей сказал:

– Хорошо.

Слишком легко, подумал Платон. Так не бывает.

– Нужен полный рецепт, – уточнил он.

– Хорошо.

Правый глаз Михалыча, до того скакавший без остановки, замер и уставился на муху, продолжавшую храбро бегать по столу, несмотря на то, что Платон уже безуспешно пытался от нее избавиться перед приходом стеклодува.

– Пожалуйста, – повторил Платон, не веря своему счастью, – запишите и принесите рецепт.

Михалыч вроде бы понял, кивнул и задом попятился из

кабинета.

Едва Платон успел по телефону заказать Наталье кофе и положить на место трубку, как дверь снова без стука открылась, и стеклодув опять появился на пороге, держа в руках промасленный листок в клеточку с оборванным уголком.

– Вот.

«Как-то слишком быстро», подумал Платон, осторожно взял бумажку двумя пальцами и прочитал каракули, по недоразумению заменявшие Михалычу буквы. Видно, ему не часто доводилось писать. Платон прищурился и с подсказками разобрал верхние строчки.

Надо признаться, что часть позиций в рецепте настойки удивили, и он решил, что, если дело выгорит, полный состав указывать на этикетке не следует.

– И из этого всего... – он показал на список, – получается это? – он указал на еще не спрятанную в портфель настойку.

– Ага.

– Любопытно, – Платон с неудовольствием заметил, что говорит такими же короткими рублеными фразами, как и стеклодув. – Это можно вычеркнуть или заменить?

Михалыч посмотрел на пункт, куда указывал палец Платона.

– Никак невозможно!

– Плохо, – заключил Платон и отпустил Михалыча, по нахлынувшей усталости чувствуя, как выматывает общение с этим странным человеком.

К счастью, пришла Наталья и принесла на подносе кофе. Когда ставила чашечку на стол, Платон оценил мастерски удаленные кутикулы и идеальную форму свежеекрашенных в нежно-голубой цвет ногтей.

Он положил перед собой лист с рецептом, просмотрел список ингредиентов, мысленно прикидывая, где и у кого можно приобрести компоненты. По всему выходила не самая простая задача, в которой еще требовалось решить вопрос финансирования.

Пугал и сам автор этого безобразия – Михалыч. Таилось в нем что-то жуткое и несуразное, отчего общаться с ним хотелось, как можно, меньше, но получалось, что первое время придется держать его на роли главного технолога. Странной казалась та легкость, с какой Михалыч поделился рецептом со случайным человеком, пусть и руководителем. Не довелось прибегнуть ни к кнуту, ни к прянику, и оставалась непонятной выгода для самого стеклодува.

Но главный вывод заключался в том, что наливку невозможно произвести вне института.

Следующие дни Платон потратил на вхождение в курс дел по НИИ. Кольцов, как и обещал, провел экскурсию по всем этажам, представляя руководителей и вкратце описывая работы, закрепленные за группами. Платону с его экономическим образованием половина произносимых терминов казалась бессмысленной, но он предпочитал руководствоваться принципом «молчи – за умного сойдешь» и делал вид, что

внимательно слушает, время от времени вежливо кивая. Сотрудники смотрели на нового человека из руководства с безразличием или настороженностью, к чему Платон привык за годы в инспекции и относился равнодушно.

В действительности его интересовала только группа Тальберга, но Кольцов представил ее последней, когда они побывали во всех прочих закутках и лабораториях.

К удивлению Платона, кроме главного корпуса в состав института входило довольно большое число вспомогательных зданий и сооружений, о существовании которых он догадывался, но недооценивал серьезность масштабов.

– Наша группа по получению краенита, – сообщил директор перед тем, как открыть дверь. – У нас на нее большие планы.

Платон, прочитал на табличке «рук. Тальберг Д. Б.» и сказал:

– У нас тоже.

Кольцов вежливо постучал и вошел. Для него последние три дня составляли сплошную полосу стресса, и он, периодически поглядывая в зеркало, заметил, что седеет и лысеет еще быстрее, чем обычно. Сопровождая по кабинетам Платона, он переживал, чтобы в очередной лаборатории не оказалось какого-то непотребства, на которое в обычные времена никто и внимания не обращал, например, игра в карты в обеденный перерыв или несанкционированное празднование дня рождения. Кольцов через Мухина попросил ра-

ботников обедать в специально отведенных местах, а не как обычно, чтобы не портить научную атмосферу крошками и битой скорлупой, лежащими подле электронных внутренностей очередного агрегата.

Убедившись, что все в порядке, Кольцов выдохнул с облегчением, пропустил вперед Платона и продолжил представлять сотрудников:

– Руководитель группы – Тальберг Дмитрий Борисович. Один из лучших специалистов в физике Края.

Тальберг стоял возле установки и объяснял Устрицыной, чего они хотят добиться от ее оптического концентратора. Рыжеволосая Настя слушала внимательно и подтвердила то, о чем Тальберг и так догадывался, – тот экземпляр, что отдал им Харламов, относился к первому поколению и от подобной реализации они год как отказались, не сумев добиться устойчивой работы. Но и те концентраторы, которыми они всей группой занимались в последнее время, были не совсем пригодны для их нужд, и потребуются разработка новой модели под конкретную установку. Радовало, что окончательное световое пятно, по расчетам Устрицыной, не превысит десятой части миллиметра.

Услышав голос Кольцова, Тальберг замолчал, поднял глаза и неприятно удивился, заметив Платона.

– Как же, знаем, помним, скорбим... – съязвил Платон. – Видели недавно, как он капкан для зайцев презентовал.

– Небольшое досадное происшествие, не предусмотрен-

ное программой, – тарактел Кольцов. – Место добычи краенита теперь превентивно ограждается сеткой, но повторных инцидентов пока не случилось, так что мы склонны расценивать тот случай, как единичный эпизод, о котором стараемся не вспоминать.

– Не похоже, что стараетесь, – Платон показал на зайца. – Напротив, напоминает гордый охотничий трофей.

Кольцов с ненавистью уставился на Тальберга, тот, в свою очередь, посмотрел на Саню, который сконфузился и согласился, что принести чучело в институт – не лучшая затея.

– Сейчас работаем над повышением производительности установки, чтобы построить новую улучшенную версию, – объяснил Кольцов. – Мы усилили группу новыми специалистами, они как раз входят в курс дела.

Платон протянул Тальбергу руку, сделав вид, что общается с ним впервые в жизни.

– Приятно познакомиться.

Тальберг молча ответил на приветствие, пытаясь понять, что происходит и чем ему грозит.

– Думаю, нам еще предстоит тесная совместная работа, – сухо сказал Платон. – У нас большие практические планы на ваше изобретение.

Он вышел из лаборатории, Кольцов на секунду задержался, и строгим шепотом напомнил Тальбергу:

– Убери этого проклятого зайца, чтобы глаза не мозолил!

ГЛАВА VI. Развитие и процветание

23.

Саня держал дрожащими пальцами номер телефона, полученный от Коня. Пятый день подряд он вытаскивал кусок бумаги из кармана по десять раз за вечер и медитировал над циферками в мучительных раздумьях, стоит ли позвонить. И хотелось, и кололось.

Украденный кусочек краенита он спрятал дома на антресолях, но место не годилось для хранения. Ледяной камень конденсировал влагу из воздуха, и в шкафчиках появилась сырость, способная привлечь внимание бабушки. Она ничего бы не поняла, но по ошибке могла выбросить.

Саня замотал краенит в несколько слоев тряпок в надежде на временное улучшение ситуации.

Когда премия окончательно разошлась на Лерины золотистые сандалии, новые джинсовые штаны и ремонт доисторического холодильника, а до получки оставались три недели, Саня понял, что дальше тянуть некуда, набрался смелости и придвинул поближе допотопный телефон с диском вместо кнопок. В круглых отверстиях постоянно застревал палец. Почему-то чаще всего в нуле.

– Слушаю, – сказал недовольный мужской голос. Непри-

ятное ощущение усиливалось жутким хрипом динамика в трубке.

– Здравствуйте. Я... меня... – Саня заранее не продумал, что будет говорить, и теперь заикался.

– Кто это? Куда вы звоните?

– Подождите, – поспешил сказать Саня, переживая, чтобы на том конце не бросили трубку. – Я от Коня!

– Какого коня? Не знаю никаких коней, – голос терял терпение. – Вы ошиблись. До свидания.

Саня собрал остатки храбрости.

– От Виталия Конева, – прокричал он, прорываясь через хрипы в трубке.

– Хм... – на том конце задумались.

– Он мне ваш номер дал, – Саня попытался закрепить успех. – Он говорил, что вы заинтересованы в покупке.

– Это не телефонный разговор, – перебил голос. – Нужно подумать.

Саня слушал, как на том конце идет тихое обсуждение, но из-за тресков и щелчков ни слова разобрать не получалось. Микрофон, скорее всего, прикрыли ладонью. Дискуссия длилась минуту, прежде чем в трубку прокашлялись и тот же голос произнес:

– В восемнадцать ноль-ноль в кафе «У Тамары» вас будет ждать женщина, читающая книгу.

«Шпионский роман получается», подумал Саня, нервничая от всех этих конспирологических страстей и сожалея,

что ввязался в авантюру.

– Вам понятно? – спросил голос.

– Да. Я приду!

Трубку повесили.

Кафе «У Тамары» находилось в центре Лоскутовки, и для жителей города оставалось неразгаданной тайной, кто такая Тамара. Жену Арсена – хозяина заведения – звали Викторией, а из дочерей у него было только два сына.

Саня подъехал заранее и топтался у входа, не отваживаясь войти до назначенного часа.

Он никогда не бывал в этом кафе и старательно избегал подобных мест, чтобы не получить лишнюю брешь в бюджете. Ему казалось, что в таких заведениях даже вода стоит ужасно дорого. Но выбора не оставалось, к тому же он не собирался тратить, наоборот – хотел заработать.

Саня топтался перед входом, привлекая внимание охранника, и рассматривал входящих посетителей женского пола, гадая, не тот ли это человек, с которым назначена встреча. Правая рука в кармане уже замерзла от краенита, но ни одной подходящей кандидатуры Саня не заметил. Наконец, решил «Пора!» и вошел вслед за шумной компанией из пяти взрослых, четырех детей и семи воздушных шариков в виде мордочек животных.

Внутри он растерялся. «У Тамары» считался самым большим кафе в Лоскутовке и насчитывал три зала, не считая веранды. Саня оказался здесь впервые и плохо ориентировал-

ся во внутренней обстановке, опасаясь случайно очутиться на кухне или в подсобном помещении.

К вечеру места активно заполнялись отдыхающими и празднующими. В дальнем зале отмечали день рождения, и нетрезвые голоса выкрикивали поздравления и пожелания долголетия и успехов в семейной и личной жизни.

Наконец, слоняющийся по помещению и привлекающий внимание Саня увидел женщину лет сорока, спрятавшуюся в одиночестве за дальним столиком. Перед ней лежала раскрытая посередине книга со шнурком-закладкой.

Женщина обеспокоено смотрела в окно, ложечкой перемешивала чай и накручивала на палец локоны волос, выкрашенных в жгучий черный цвет. Саня, ощущая себя полным кретином, задал самый нелепый вопрос, какой смог придумать:

– Это вы?

Она поглядела на Саню серыми невзрачными глазами с морщинками в уголках. В памяти забрезжило смутное ощущение, что лицо ему знакомо. Взгляд притягивала выбритая полоска на правой брови, имитирующая шрам.

«Лоскутовка – город небольшой, тут половина лиц – знакомые», – подумал Саня, однако сомнения оставались.

– Наверное, я, – она оглядела его от макушки до пят. – Присаживайся, не стой.

Он сел напротив. Он предпочел бы произвести обмен как можно быстрее – передать товар, получить деньги, уйти из

кафе и никогда сюда не возвращаться.

Убьет Кольцов, если узнает, как пить дать, убьет. А потом отдаст под трибунал.

– Кофе, чай?

– Спасибо, не хочется, – отказался Саня.

В дальнем зале снова поднялся шум, раздались смех и крики. Незнакомый женский голос оглушительно визжал и хохотал.

– И правильно, – сказала женщина. – Гадость.

Не желая рассиживаться, он вытянул из кармана онемевшую от холода руку и положил на салфетку кусочек краенита, покрытый капельками росы.

– Это то самое? Оно безопасно?

Саня кивнул. Она осторожно взяла образец двумя пальцами, словно червяка.

– Какое холодное и скользкое, – удивилась она, вытирая пальцы о салфетку. – Из холодильника?

– Нет, оно всегда такое.

Он понял, что таинственные покупатели о свойствах краенита понятия не имеют, поэтому его дико интересовало, зачем покупать то, что не знаешь, как использовать.

Женщина продолжала разглядывать «товар».

– Где гарантии, что это не стекло из морозилки? – спросила она.

Саня задумался. Не мог же он, в самом деле, приложить сертификат соответствия с подписью Кольцова и печатью

института.

– Попробуйте разбить, – предложил он. – Краенит не бьется. Это самое прочное вещество из известных человечеству.

– Вряд ли тут обрадуются осколкам на полу, – заметила женщина. – Это будет выглядеть странно.

Саня, и без того чувствовавший себя неловко, разнервничался еще сильнее, схватил образец и опустил в кружку с чаем. Вода под призмой прогнулась, словно смола. Он подержал краенит в чае, затем вынул и продемонстрировал, что кусок остался абсолютно сухим.

– Потрогайте, – предложил Саня.

Женщина осторожно коснулась поверхности.

– Холодный, – сказала она нерешительно.

– Чай можете пить дальше. С ним ничего не случилось, он лишь остыл. Это безопасно.

Она с сомнением посмотрела на кружку и решила воздержаться, отодвинув от себя чай.

– Хорошо, допустим. Тогда следующий вопрос, откуда он у вас?

Саня занервничал.

– Вам не безразлично? – ответил он грубее, чем ему хотелось. – Вы покупаете или нет? Могу вернуть на место.

Она посмотрела на взъерошенного Саню и решила больше не терзать допросами.

– Хорошо, – из сумочки цвета шкуры зебры достала конверт и передала Сане. – Вас устроит оплата?

Он заглянул внутрь и небрежно перелистал купюры. Сумма превышала ожидания. Сердце екнуло от предвкушения.

– Да, – он старался казаться хладнокровным, чтобы не выдать переполнявшую его радость.

– Тогда сделка завершена, – объявила женщина, заворачивая краенит в салфетку и укладывая в сумку.

Саня встал, собираясь уйти, но решил напоследок задать вопрос:

– Зачем он вам?

Она на секунду запнулась.

– Тебе не безразлично? Хочешь продать или нет?

– Беспокоюсь, чтобы он нигде не «всплыл», – признался

Саня. – Тогда меня быстро найдут и подвешат за...

– Не переживай.

Он на ватных ногах вышел из кафе, чувствуя одновременно и радость, и нарастающее беспокойство. Сердце колотилось в груди, а мысли скакали, будто зайцы, непрерывно сменяя друг друга, словно кадры в диафильме, которые крутил дедушка семилетнему Сане.

Надо купить Лерке одежду на лето и заменить стиральную машину на новую... что делать, если о краените узнают... а вдруг кто-то поинтересуется, откуда взялись деньги... интересно, кто эта женщина и зачем ей нужен кусочек Края...

Саня брел по улице в глубокой задумчивости, забыв об окружающих. Ноги шли, глаза видели только маленький пятточок дороги перед собой, а периферическое зрение отклю-

чилося вове. Он натыкался на других прохожих и едва не опрокинул мусорный бак. Ему казалось, что он то пружинит на кончиках пальцев на каждом шаге, то грузно бьется пятками об асфальт.

«Ольга», – неожиданно вспомнил Саня. Несмотря на старания, в памяти постоянно всплывал ее портрет с прикушенной губой, нарисованный углем на альбомном листе ее одноклассником.

Закрутилась пластинка из тысяч «Почему?», и ему стало так жалко самого себя, что от нахлынувшей тоски захотелось сначала завывать, а потом пойти в магазин и купить что-то сладкое, а еще лучше кусок мяса, чтобы заесть печаль. Сердце скукожилось в микроскопический камушек.

Раздался визг тормозов, и Саня почувствовал сильный толчок в бок. Падая, он увидел красный глаз светофора, превратившийся в длинную размазанную линию.

Из прошлого возник кадр того самого диафильма «Умка», который в детстве нравился ему больше всего – на фоне бескрайнего неба-моря плыло солнце в виде оранжевой рыбы, состоящей из множества вложенных кругов. Потом рыба-солнце проглотила белобрюхая акула, и стало темно.

24.

Марина продолжала беззаботно спать, собрав под себя одеяло и зажав его между ногами. Платон посмотрел на при-

ятно изгибающуюся линию ее бедра и с трудом поборол искушение провести по нему ладонью, чтобы случайно не разбудить.

Маринкины темно-русые волосы рассыпались в беспорядке по подушке. Сама же Маринка продолжала сопеть, открыв рот и демонстрируя верхние зубы.

Они жили в одном дворе, и некоторое время встречались, но с окончанием школы Платон уехал в столицу и их пути разошлись. В детстве она была далеко не так привлекательна – худенькая девочка-подросток с угловатыми коленками и нескладной фигуркой, но возраст добавил ее формам той округлости, которая нравилась Платону – ему вообще были по нраву женщины в теле. Маринка к этому времени успела сбегать замуж, родить сына, развестись и устроиться воспитателем в тот же детский сад, где работала Лизка. «Черт, опять Лизку вспомнил».

Он осторожно выбрался из-под одеяла и отправился на кухню готовить примитивный завтрак из яичницы и кофе.

– Ты уже проснулся? – пробормотала сонным голосом Маринка ему вслед, не открывая глаз.

– Спи, еще рано. Мне надо к докладу подготовиться.

Она промычала «Хорошо!» и снова заснула.

Платону нравилось ее сочное фигуристое тело, и в постели она скакала дай боже, демонстрируя такую страсть и фантазию, что ему порой становилось неловко. Но за пределами физической любви их интересы почти не пересекались.

Даже совместные посещения общественных мест и культурных мероприятий служили лишь затянутой подготовкой к страстному вечеру.

Марину оправдывало то, что она ничего не требовала и вполне удовлетворялась еженедельной «ночью любви и секса» с пятницы на субботу, за исключением красных дней календаря. Более того, Платону казалось, что она нуждалась в разрядке больше него.

Он отчетливо понял, что ему позарез нужна Лизка, отобранная у него проклятым Тальбергом, будь он не ладен. В самом деле, не может же она всерьез любить этого неудачника в растянутом свитере, воспитывающего чужую дочь.

Пока на сковородке потрескивала остывающая яичница с сосиской, нарезанной кружочками, Платон разложил перед собой листочки с речью и просмотрел от начала и до конца, делая заметки по тексту простым карандашом. Он переставлял местами слова, зачеркивал, стирал красно-синим ластиком. «Надо бороться с перфекционизмом», подумал Платон. Чем тщательней он вчитывался, тем больше находил неудачных мест и спорных сентенций. Но чем больше вносилось исправлений, тем меньше нравился результат. Он сгреб документы в стопку и сложил в скоросшиватель, решив оставить как есть.

Платон вспомнил о яичнице и принялся завтракать, вилок отделив половину для Маринки. Когда он поел и допивал кофе, на кухню, пятерней расчесывая взлохмаченные во-

лосы, приковывляла Марина в белой Платоновой футболке, которую без спросу экспроприировала еще в первое утро. Она не совсем проснулась и сонно моргала.

– Я на запах пришла, – она села рядом с Платоном. – Так приятно.

– Это всего лишь яичница.

– Без разницы, – она разрежала сосиску вилкой, – тут важен факт того, что приготовила не я. Андрей тоже до свадьбы готовил, а потом – все, закрылась лавочка.

Платон вспомнил собственную безрадостную семейную жизнь, которую поклялся забыть как страшный сон. Выглянул в окно и заметил, что к подъезду подкатывает служебный автомобиль.

– Пора бежать, – сказал он Марине, мечтательно допивавшей чай. – Ключи у тебя есть.

Когда Платон появился в приемной, Валентина суетилась, как ужаленная, перебирала разноцветные бумажки и трясущимися руками перекладывала папки одна на другую, а потом в обратном порядке. Телефонная трубка раскалилась от звонков и подпрыгивала на «рожках», но ее не спешили поднимать.

– Демидович ждет, – сообщила она, едва увидев его на пороге и пребывая в состоянии, близком к предынфарктному. – Уже пять раз спрашивал, где ты.

– И вам здравствуйте, – Платон не разделял паники.

– Здравствуй, – запоздало поприветствовала Валентина. –

Прости, поздороваться забыла. С утра на взводе, ты же знаешь, какой Демидович противный, когда на нервах. Кого хочешь достанет, каждые пять минут приходит и что-то требует. Не знаю, за что хвататься.

– Спокойно, без паники, – Платон, не снимая верхней одежды, прошел к Демидовичу.

Котов стоял перед зеркалом и шурился в отражение, зачесывая синей расческой на затылок копну седых волос. Он покачивался, подставляя по очереди щеки, словно после бритья. Проверил, все ли пуговицы застегнуты – он предпочитал большие с четырьмя дырочками – и, удовлетворенный внешним обликом, повернулся к Платону.

– Добрый день, Платоша, – он пошел навстречу с вытянутой для пожатия рукой. – Заждался тебя.

– Точно вовремя, как договаривались, – Платон ответил на приветствие и уселся за стол для гостей. – У вас, кстати, время неправильно показывает, – добавил он, поглядев на стрелки настенных часов. – Спешат на четверть часа.

– Да знаю я, – махнул рукой Демидович. – Это специально, чтобы не опаздывать.

Платон покопался во внутренностях портфеля, вынул из скоросшивателя пачку бумаг и протянул со словами:

– Ваша речь. Окончательный вариант.

Вручая папку, почувствовал характерный аромат.

– Иван Демидович, – сказал с упреком, пряча брезгливость.

– Молчи, – Котов изобразил суровость. – Я капельку для куражу принял. Маленькая рюмочка, запах один.

Платон неодобрительно покачал головой. Демидович полистал бумаги с текстом официального обращения к гражданам по поводу старта новой программы вывода региона из кризиса. Программа предусматривала ряд мероприятий, против половины из которых Платон категорически возражал, но Котову удалось настоять на их включении в список. Пресс-конференция планировалась совместная с Лужиным.

– Как у тебя с институтом дела обстоят? – спросил Демидович, пробегая по подчеркнутым строчкам бугристым стариковским пальцем.

– Отлично, во всех смыслах. Кольцов у нас в кулаке, можно веревки вить. В целом, я обзавелся определенными рычагами влияния в институте, – он улыбнулся чему-то своему, но Демидович улыбку не заметил и похвалил:

– Молодец. Всегда чувствовал, что из тебя толк будет!

Он открыл рот, чтобы спросить, где потерялся четвертый лист речи, но вместо этого посмотрел в окно напряженным взглядом.

– Что-то случилось? – встревожился Платон, не сразу сообразив, что с Котовым что-то произошло.

Демидович с выпученными глазами захрипел и начал судорожно хватать ртом воздух, обычный тремор усилился, а на лбу выступил пот. Платон вскочил и бросился к нему, опрокинув стул и не зная, чем помочь. Папка с документа-

ми вывалилась у Демидовича из ослабевших рук и с глухим стуком упала на пол, листки разлетелись по кабинету.

– Где болит? – кричал Платон, глядя в вытаращенные глаза Котова и усаживая его на кресло.

Демидович тяжело дышал, при каждом вдохе издавая хрип с присвистом. Наконец, он понял, что от него хотят, с большим трудом поднял правую руку и положил на грудь.

– Сердце? – уточнил Платон.

Демидович кивнул, не имея возможности сказать ни слова.

В кабинет вошла Валентина, встревоженная шумом и криками. Она увидела опрокинутые стулья и лежащие на полу листки бумаги и перепуганными глазами посмотрела на Платона, пытающегося привести в чувство Демидовича.

Платон обернулся и скомандовал растерявшейся Валентине:

– Вызывай «скорую»! Скажи, подозрение на инфаркт.

– Деньги! – Котов показал на сейф. – Михалыч!

«Что за человек, – подумал Платон, – тут жизнь заканчивается, а он о спирте думает!»

«Скорая» приехала оперативно. Бригада врачей приняла решение о немедленной госпитализации, и Демидовича уложили на носилки. Он покорно лежал, и на миг Платону заметил слезу на его лице.

Когда Котова пронесли через приемную к машине, он протянул скрученную кисть, крепко вцепился в запястье

Платона и прошептал:

– ...первая... – потом захрипел, закашлялся, и ослабевшая рука безвольно упала на носилки.

– Что «первая»? – спросил Платон, но Котову не хватало сил закончить мысль. Он закрыл глаза и замолчал.

Валентину трясло. Она ходила туда-сюда и повторяла «Как же это наш Иван Демидович так!..»

Платон позвонил Лужину и сообщил, что мероприятие не состоится.

– Сдал Демидович, – гундосил мэр, бывший всего на год или два младше Котова. – Редеют наши ряды.

Одновременно с сожалением в голосе Лужина был слышен и вздох облегчения, оттого что на время откладываются нововведения и прочие современные веяния, на которые в годовом районном бюджете не предусматривалось ни копейки. Мэр рассматривал это как блажь, но команды шли от людей из центра, и сопротивления он не оказывал. Впрочем, особой поддержки тоже не наблюдалось.

Платон разозлился и сказал, желая досадить Лужину:

– Знаете, пожалуй, пресс-конференция состоится.

– Кто вместо Демидовича будет? – спросил расстроенный Лужин, уже успевший обрадовавшийся отмене мероприятия.

– Я.

– Хорошо. Сообщу, что задерживаемся по техническим причинам.

Платон прошел в кабинет Котова и собрал с пола листы, сортируя их в правильном порядке. Часть бумаг оказалась под столом, и пришлось его отодвинуть, чтобы до них добраться. Огромный старый стол под яростным натиском издал протяжный скрип, выражая недовольство неуважительным к нему отношением, а потом сдался, подскочил и рывком отпрыгнул в сторону.

Раздался звон. Платон увидел, как с противоположного края упали и покатались три пустые бутылки. Одна из них, заполненная на две трети настойкой Михалыча, осталась стоять в гордом одиночестве.

– Угробил себя, старый пьяница.

Он собрал тару в пакет и отнес в свой кабинет, чтобы случайно не нашли. Потом набрал «ноль-четыре-пять-один» на сейфе и достал пачку на текущие расходы.

25.

Кольцов стоял перед Платоном. На предложение присесть ответил отказом, мол, стоя думается лучше. А когда увлекся и стал думать еще интенсивнее, то и вовсе забегал по кабинету кругами, задевая кресло.

– Чрезвычайно любопытно, – бормотал он. – Многообещающе.

Платон с интересом наблюдал разворачивающуюся внутри Николая Константиновича масштабную борьбу между

страхом за задницу и коммерческой жилкой. Совесть выбыла из соревнований досрочно задолго до финиша. Когда пенсии рукой подать, соблазняет любая возможность сделать ее достойной. Особенно, если на зятя надежды нет.

– Это идея Котова? Без подвоха? – в очередной раз переспросил Кольцов. – Вдруг, я из кабинета выйду, а вы меня под белы ручки и в следственный изолятор сухари сушить. В смысле есть.

– Не переживайте, свою долю получите, – успокоил Платон.

Кольцов перестал сыпать словами и изображать суету и снова превратился в директора института с коммерческой фантазией и далеко идущими планами. В нем проснулись тактик и стратег.

– Как, кстати, у Демидовича со здоровьем?

– Инфаркт, но жить будет. Правда, месяца три придется отдохнуть, сначала в больнице, потом дома.

– Переработал, наверное, – с сочувствием предположил директор.

– Угу, – хмуро подтвердил Платон. – Перетрутился.

Кольцов раздумывал, почесывая на ходу затылок и поглаживая щетину. Он походил не на директора института, а на поэта в творческом кризисе, когда не получается ухватить скользкую музу за хвост.

– Можно еще раз посмотреть?

Платон передал рецепт. Кольцов схватил двумя руками и

перечитал каракули Михалыча, спотыкаясь на одной и той же строчке.

– Это безопасно? – встревоженно спросил он, усаживаясь в кресло.

Платон пожал плечами.

– У вас тут химики и биологи, пусть дадут заключение. Но насколько понимаю, масштабные испытания уже по факту прошли, народ доволен. Сам я такого не любитель, не пробовал.

– Я тоже, – поспешил заверить Кольцов, приходя в замешательство. Начатая бутылка стояла в минибаре, и он подумывал угостить Платона, но теперь радовался, что не успел. – Причем, кто бы мог предположить, что Михалыч из всего этого соорудит свое пойло...

Про себя же он подумал, что, зная рецепт, наверняка больше не сможет пить любые настойки.

– Зато полная гарантия, что никто, кроме нас, не повторит технологию.

– Это, конечно, да, – согласился Кольцов, скользя взглядом по позициям в списке ингредиентов. – Но тут и остальные компоненты не менее странные. Яблоки, красный перец, полынь, ананас, ржавый гвоздь?.. Интересно, а вот это обязательно?

– Обязательно. Уже спрашивал.

– И это только треть необходимого!

Кольцов прорабатывал план дальнейших действий:

– Институт не является производящим предприятием, особенно в части наливок и настоек...

– Подозреваю, вопрос решаемый, – сказал Платон.

– ...поэтому нужно зарегистрировать мелкую фирму, имеющую разрешение на выпуск винно-водочной продукции, которое заключит контракт с НИИ, – закончил Кольцов.

– Допустим, я все организую, но возникает вопрос с размещением производства.

Директор просиял, озаренный гениальной идеей.

– Зачем далеко идти? Все необходимое у нас под носом!

– Где?

– На территории института и разместим! За мной!

Он выпрыгнул из кресла и устремился к выходу. Платон вздохнул и отправился следом за Кольцовым, с места набравшим такую крейсерскую скорость, что Платон боялся потерять его из виду и заблудиться в одном из коридоров, строившихся, по всей видимости, для дезориентации потенциального врага.

Они вышли через черный ход во двор института, где располагался гараж для служебного транспорта.

– Вот оно!

Кольцов направился к зданию в дальнем от главных ворот конце, по пути перебирая ключи в связке. Платон отметил отсутствие этого помещения в программе ознакомительной экскурсии.

Постройка из шлакоблока почти не имела окон, за исклю-

чением маленьких окошек под крышей, напоминавших бойницы. Сама крыша местами сильно проржавела, о чем свидетельствовали рыжие потеки в верхней части стен.

Кольцов гремел у ворот, подбирая верные ключи к навесному замку. Наконец, дверь открылась с душераздирающим скрипом, и стало ясно – тут никто не бывал с незапамятных времен.

– Что это? – спросил Платон, проходя внутрь вслед за Кольцовым. – Вы мне не показывали.

Каждое произнесенное слово отзывалась негромким эхом.

– Оно давно не используется по назначению. Я о нем и забыл уже.

Изнутри здание напоминало склад, не имеющий ни перегородок, ни этажей – одно сплошное помещение с протекающей крышей. Такие интерьеры у кинорежиссеров считаются излюбленным местом для съемки финальной битвы в низкопробных боевиках.

Помещение отнюдь не пустовало. Сразу за порогом кучами громоздились коробки с разношерстными надписями на семи языках, сообщающими, что это упаковки от оборудования. Чуть далее от входа стояли покореженные бочки из-под смазочных материалов, взваленные друг на друга и выстроенные в ряды, образуя коридор.

Платон пробирался вглубь, переступая через раскуроченные механизмы, огрызки металлических профилей и прочий

технический мусор.

– Осторожно, лужа, – предупреждал Кольцов.

Дальше опять пошли ящики всех форм и размеров, доски с торчащими ржавыми гвоздями. «Вот тебе и ингредиент номер шесть!», подумал Платон. Один раз ему примерещилось, что он увидел кабину от самолета. Он спросил, показывая на стены и потолок:

– Что это?

– Полупромышленное помещение института, – объяснил Кольцов, переползая через громадную трубу, лежащую поперек прохода. – Подразумевалось, что тут будет располагаться исследовательский цех по созданию рабочих прототипов военной техники, иначе говоря, сборка действующих моделей. Но дальше дело не пошло и заглохло, а помещение осталось. Мы из него что-то вроде склада для всякого хлама сделали.

– Оно и заметно, – Платон перешагивал через лужи черного цвета, всерьез волнуясь за начищенные до блеска лакированные туфли.

– Если тут порядок навести, растащить по углам барахло, выйдет замечательная площадка для производства.

Платон осмотрелся и согласился, что на первое время это будет отличным вариантом, особенно за неимением альтернатив. Да и институт под боком, что тоже в плюс.

– Как оформить юридически?

– Элементарно, – Кольцов шелкнул пальцами, – подставная фирма по соглашению с НИИ возьмет помещение в арен-

ду сроком на год с возможностью пролонгации договора. Проблем не будет.

Платон рассматривал свисающую цепь тельфера. Пока все складывалось удачно, за тем небольшим исключением, что сама идея заниматься производством настойки на территории института, работающего на оборонку, казалась ему порочной. Он посмотрел на Кольцова и понял, что тот проблем с угрызениями совести не испытывает.

– Думаю, насмотрелись достаточно, – Платона угнетала здешняя атмосфера.

– Пожалуй, – согласился директор, и они двинулись наружу, соблюдая осторожность.

До выхода оставались считанные метры, когда идущий впереди Кольцов споткнулся и зачертыхался.

– Опять ты! Засранец мелкий!

Платону под ноги бросилось что-то грязное и серое, проскакало по туфлям, и скрылось в щели между бочками. Бочки скрипнули, рухнувшее пустое ведро затарахтело, катясь по проходу.

– Чертов заяц! – Кольцов почувствовал, что скоро на этих зайцев у него начнется аллергия. – Разбегались, твари. Что-то их до одури развелось.

– Что по ту сторону здания?

– Лес. Там город заканчивается.

– Наверное, в стене дыра, – предположил Платон. – Иначе он сюда не пробрался бы.

– Интересней знать, зачем он сюда приперся, тут капусты нет. Пока.

Они вышли на свет. Платон прищурился от яркого солнца, чтобы не ослепнуть. Пока директор запирали амбарный замок на воротах, вспомнил Самойлова.

– Как идет расследование по несчастному случаю?

– Какое расследование? – не понял Кольцов. – Ах, это... Никак. Анализы провели, а ничего найти не могут. Выходит, взял человек и – р-раз...

– Это я слышал, – перебил Платон, не желая заново выслушивать историю про обезумевшего почтальона. – Он хоть в себя пришел?

– Вы знаете, – Кольцов наконец-то совладал с ржавым замком, – в сознание пришел, а в себя – нет.

– Как это?

– Тихий такой, на кровати лежит, книги художественные читает, недавно потребовал карандаш и бумагу, теперь под надзором персонала какие-то теоремы выводит...

– Это же хорошо? – предположил Платон.

– Наверное. Но, к сожалению, не узнает никого – ни меня, ни жену, ни сына...

26.

Через открытую форточку доносились крики доминошников и, при необходимости без труда разбирались их разго-

вор.

Ухо Василисы из всего многообразия голосов выделяло самый зычный и уверенный – Костылева, на правах организатора руководившего дворовым турниром, тянувшимся третий час по седьмому кругу и плавно переходящим в матч-реванш.

Костыль кричал и возмущался. Верный знак, что ситуация под контролем.

– Василиса, – бубнил Пепел. – Страшно, а ну как он домой придет?

Она свирепо посмотрела на него. Он растерялся, не зная, кого опасаться больше – Костыля или ее.

– Что ему дома делать? – завелась она. – Он только спать приходит, да и то не всегда. Он же боится, чтобы я не напомнила про полку – эта скотина ее уже месяц вешает! То гвоздей у него нет, то молоток отдал соседу, то спину заклинило, то фурункул на шее выскочил, то уморился...

– Может, ему попить воды захочется, – предположил Пепел, не теряя надежду каким-то чудом избежать неизбежного.

– Какой воды, Василий? – сердито сказала Василиса. – Он одну воду пьет. С градусами.

Пепел признал ее правоту – другие жидкости Костылем не котировались.

– Нет настроения, – решился на отчаянный шаг, и уши его заалели сильнее обычного. – Вот с самого утра и нет. Я днем

не привык, стесняюсь.

Василиса теряла остатки терпения, и ему почудились струйки пара, выбивающиеся из ее ноздрей. Дело плохо, по всему следовало, что пора сдаваться.

– Ты, Василий, не юли. Не привык, видите ли. Хочешь, Толику расскажу, где, сколько и в каких позах только за последний месяц?

Пепел не хотел.

– Он нас обоих убьет, хоть и инвалид. И вместо полки повесит – тебя за шею, меня за причинное место.

– Пусть, – громко и отчаянно сказала Василиса. – Пусть! Разве это жизнь? Сплошные мучения! Чтоб он сдох вместе со своим домино!

И она решительно содрала с Пепла рубашку.

Он на протяжении всего процесса боялся, что в ответственный момент в комнату ворвется Костыль и наkostenяет по самые помидоры, поэтому не мог сосредоточиться и пугался от каждого звука, а особенно от голоса Толика, периодически долетающего через форточку.

– Что ты делаешь? Прибью, скотина! – неожиданно заорал Костыль. Пепел вздрогнул и обмяк, но спустя мгновение понял, что это рядовая перепалка за игральным столом. Однако тонус был утрачен и пропал настрой.

Василиса в отчаянии показала кулак и грозно подняла бровь, усугубляя ситуацию. Пепел нравился себе больше живым, чем задушенным ревнивым мужем-рогоносцем. Он

мысленно перекрестился, собрался с силами и приступил к делу, намереваясь побыстрее покончить с сомнительной честью выполнять за Костыля супружеский долг.

Вскоре Пепел поспешно натягивал штаны, путаясь в штанинах, и судорожно застегивал рубашку. Пуговицы не хотели лезть в дырки.

Голоса за окном одновременно смолкли, и он разнервничался.

– Я пошел, – объявил он в надежде, что самое страшное позади и он проживет одним днем дольше.

– Куда? – спросила Василиса, поправляя бюст. – Поешь, а то тощий, смотреть страшно. Небось, дома бутербродами давишься.

– Я не голоден, – Пепел мечтал поскорее оказаться где угодно за пределами этой квартиры – хоть на подводной лодке, хоть в шахте, хоть в эпицентре ядерного взрыва – всяко безопаснее.

– Поешь! – Василиса снова подняла бровь, выражая степень крайнего раздражения.

Пепел покорно сел и энергично взялся за гречневую кашу, норовя прикончить ее как можно быстрее. Гречка, как назло, оказалась сухой и не лезла в горло.

– Воды, – прохрипел он с набитым ртом.

– Пей, – Василиса налила в кружку кипятка из чайника, – говорил, жрать не хочешь, а вон как в рот напихал. Да ты не части, а то подавишься, не ровен час.

Пепел жадно выхлебал невкусную воду из кружки. Пока боролся с остатками гречки, Василиса смотрела на него мечтательным взглядом, от которого каша становилась поперек горла.

– Был бы ты нормальным мужиком, – размечталась она, – пошел бы, взял за шкуру и шмякнул о стену, чтоб он сдох.

Пепел от таких слов поперхнулся.

– Да как-то не по-людски!

– Нашел человека! – завелась Василиса. – Который год мучаюсь, а этот старый хрыч никак не сдохнет. Ты на ряху-то его посмотри, любой кабан позавидует, – она вздохнула. – А ведь он от цирроза печени должен три года как преставиться. Был бы обычным человеком, давно бы копыта откинул. А он нас с тобой переживет.

– Жестоко, – Пепел дожевывал остатки каши. – Инвалид все-таки.

– На голову инвалид! – разгневалась Василиса, и Пепел решил промолчать и лишний раз не провоцировать.

Голоса в форточке смолкли. Он прислушался и с мерами предосторожности выглянул в окно, готовый тут же нырнуть под стул при виде опасности.

Там стоял этот лощеный франт в пиджаке из администрации. Кажется, звали его Платон, если Пеплу память не изменяла. Платон что-то рассказывал Костылю, тот отвечал, а остальные с любопытством слушали, прекратив игру. Потом мужики захохотали, а Костылев вылез из-за стола, едва не

смахнув ногой Клеща со скамейки, и вместе с Платоном удалился к турнику.

Пепел догадался, что происходит какое-то важное событие, на котором необходимо присутствовать. Он напялил кепку и бросил Василисе на ходу:

– Я побежал.

Она осмотрела его критическим взглядом.

– Гречку с рожки вытри, – сказала она с любовью в голосе.

Пепел выскочил на лестничную клетку, на бегу вытирая лицо рукавом.

Платон въехал во двор на служебной машине и приказал водителю остановиться возле доминошников. Ему претило якшаться с этим сбродом – еще живы были яркие воспоминания о предыдущем опыте, но так требовалось в рамках реализации первой части плана.

Он не хотел общаться одновременно со всеми и решил поговорить отдельно с Костылевым, являвшимся в компании заводилой.

– Добрый день! – Платон пожал присутствующим руки.

– Здорово! Давненько тебя не наблюдали, прогулы ставим, – Костылев приподнял бровь и осмотрел Платона с головы до пят. – Это не тебя давеча по ящику передавали?

– Меня, меня... Но я по другому вопросу.

– Пряма, как живой, – гнул Костыль. – И пиджачок тот самый. Какие люди в наших рядах! – обратился он к доминош-

никам, ладонью указывая на Платона. – С самого верху, а и те не гнушаются нашей компанией!

Мужики натужно посмеялись.

– Надо поговорить, – тихо прошептал Платон, – важное дело есть.

– Говори, – милостиво разрешил Костыль.

– Хотелось бы большей приватности.

– Интиму, что ли? – захохотал Костылев, а остальные подержали.

Он, не переставая смеяться, перелез через лавку, задев ногой Клеща, вытащил из-под сиденья спрятанный костыль и, тяжело на него опираясь, пошел за Платоном, с удивлением обнаружившим, что у никогда не вылезавшего из-за стола Костылева ниже колена отсутствует левая нога. Ее заменял деревянный протез.

«Попугая не хватает», – подумал Платон. Его озарило, что кличка Костыля обусловлена не только подходящей фамилией, а и более грустной причиной.

Они отошли к турнику с облезлой синей краской, где их никто не мог услышать.

– Ну, говори, что у тебя особо секретного.

– Меня проинформировали, что вы по специальности технолог пищевой промышленности...

– Ага, – сказал довольный Костылев. – Всю жизнь от звонка до звонка на мясокомбинате отработал, пока не закрыли в прошлом году.

– Замечательно, – Платон надеялся, что навыки технолога не пропиты подчистую за этот год.

– Вот тебе, кстати, результат травмы на производстве, – Костыль с довольным лицом показал на деревянную ногу, как на предмет особой гордости.

– И что же случилось? – спросил Платон, приблизительно догадываясь.

– Да знамо что, – ответил Костылев. – Фарш из человечески видал? На внешний вид от свиного не сильно отличается. Сейчас доктора руки-ноги пришивают, а у меня и шить было нечего.

«Фу, какая гадость», подумал Платон и озвучил вслух:

– Фу, гадость какая.

– Почему сразу гадость? – не согласился Костылев. – Мясику зрелище привычное.

– Кстати, отчего так по-старомодному, из дерева? – спросил Платон. – Столько замечательных материалов есть – и более прочных, и удобных.

– Эту я самолично выточил. У меня их четыре на выбор. Ты лучше говори, чего ради в такую даль потянул.

Платон рассказал план Демидовича Костылеву. На удивление, тот выслушал внимательно, ни разу не перебив и задавая вопросы по существу без обычных шуток-прибауток.

– Такие пироги получаются, – закончил излагать Платон.

– Оно, конечно, предложение заманчивое, – почесал затылок Костылев. – Но здоровье уже не то, да и годы тоже...

– Не прибедняйтесь, меня интересуют ваши организаторские способности, а тут и без ног можно обойтись. Оплата вам понравится, гарантирую.

– Черт с тобой. По рукам! – согласился Костылев. – Где набирать людей будешь?

– Над этим еще думаю, – признался Платон, составивший в записной книжке образец объявления о наборе на работу, но не успевший поместить его в «Вечерней Лоскутовке». Проблем с желающими не ожидалось, но привлекать случайных прохожих не хотелось.

– У меня есть команда! – сияющий Костылев правой рукой показал на доминошников. – Лучшие и надежнейшие люди.

Платон окинул взором всю компанию, состоящую из Клеца, Пепла и других не менее колоритных персонажей, включая дедулю-божьего одуванчика, которого мысленно называл Лука. Их внешний вид не внушал особого доверия. Особенно смутил молодой детина лет двадцати, отзывавшийся на имя Алеша и от скуки ковырявший пальцем в носу.

– Никакого пьянства на рабочем месте, – потребовал Платон строго.

– Обижаешь, командир, – Костылев изобразил лицом праведное возмущение, словно оскорбился в лучших чувствах. – Я никогда себе на рабочем месте подобного не позволял!

– Ному тоже по-трезвому потеряли? – поинтересовался

Платон и по реакции понял, что попал в большую точку.

– Разок был заскок, с тех пор ни-ни!

– Один залет – и на вылет, – поставил ультиматум Платон. – Ясно?

– Ясно, – мрачно ответил Костыль.

– В понедельник в семь часов утра стоять у подъезда и ждать. Вас заберут и доставят на рабочее место.

– Есть, командир! – Костылев отдал честь и похромал к столу, где его ожидали сторающие от любопытства товарищи.

27.

Звонок заливался соловьиной трелью. Тоцкий прильнул к глазку и увидел сосредоточенное лицо Барашковой, жующей жвачку, интенсивно двигая челюстями. Она настойчиво жала кнопку и нетерпеливо ждала, уставившись в глазок, словно надеялась разглядеть, есть ли кто внутри.

Тоцкий скользнул к грузному деревянному шкафу, накинул первую попавшуюся рубашку и в одно движение натянул штаны. Обычно он предпочитал ходить по квартире в семейных трусах. Честно говоря, он забыл о назначенном занятии с Барашковой, и ее появление застало врасплох.

– Здравсьте, – Ольга успела избавиться от жвачки и теперь умилительно и трогательно моргала ресницами.

– Проходи. Ноги обязательно вытри, иначе меня хозяйка

самым натуральным образом прибьет и над телом надругается.

Барашкова захихикала, послушно вытерла ноги, сняла кеды и поставила на полочку рядом с растоптанными туфлями Тоцкого, которые тот грозился выбросить, но по финансовым соображениям откладывал казнь.

– Проходи в комнату, – он легонько подтолкнул ее в нужном направлении.

Барашкова жадно разглядывала логово учителя. Впрочем, ничего интересного не заметила. Съемная квартира сдавалась с мебелью, поэтому вещи принадлежали кому угодно, но не самому Тоцкому.

– Чай будешь? – спросил он из вежливости. Барашкова воспользовалась гостеприимством и попросила:

– Зеленый. Без сахара.

Он побежал на кухню и поставил чайник. Беглый осмотр шкафчиков выявил дефицит зеленого чая.

– Есть только черный с бергамотом, – сообщил Тоцкий, стоя на пороге с жестяным коробком.

– Сойдет, – смилостивилась Ольга и, пока он тархтел чашками на кухне, прошлась по комнате, рассматривая обстановку.

У окна расположился огромный стол, но не современный, слепленный из прессованных стружек, а старый, тяжелый, деревянный, с безумно толстой столешницей, покрытой слоями глянцевого лака, так что стена в ней отражалась, как в

зеркале. Такой стол должен принадлежать известному писателю или почтенному седобородому профессору.

В беспорядке валялись школьные тетради, а ближе к подоконнику высилась башня из учебников по алгебре и геометрии. Поверх башни лежал ежедневник. Ольга не утерпела и осторожно приоткрыла на первой странице. Она не сумела расшифровать мелкий почерк Тоцкого, скорее напоминающий арабскую вязь, чем родной алфавит. Отчаявшись и опасаясь возвращения Сергея Сергеевича, Барашкова разочарованно закрыла ежедневник.

На правой стене висела небольшая двухъярусная полка, забитая цветастыми корешками книг с воодушевляющими названиями вроде «Ночь любви», «Муки страсти» и «Три дня ярости, две ночи изнеможения». На обложках принцеподобные дяди обнимали принцессоподобных девушек, заглядывая им в неприлично глубокое декольте. Барашкова с таким сортом литературы уже успела ознакомиться и иногда почитывала главу-другую на сон грядущий. В местной «желтой» газетенке в рубрике «Знаете ли вы?» она однажды прочитала, что согласно исследованиям, мужчины думают о сексе двадцать раз в день.

«Наверное, книги хозяйки квартиры», – догадалась Ольга. Вряд ли Тоцкий будет читать про «нефритовые жезлы» в здравом уме и светлой памяти.

На подоконнике в горшках росли нездорового вида цветы. Барашкова отодвинула штору в надежде утолить любо-

пытство касательно ботанических пристрастий Сергея Сергеевича. К ее разочарованию в комнату вошел Тоцкий с двумя парующими чашками:

– Растения хозяйкины, она требует за ними ухаживать, а я на дух не переношу. Если бы они поливались одновременно по единому графику. Но нет же, одни цветы надо поливать каждый день, а другие – раз в месяц, не чаще, иначе они противно гниют.

Тоцкий поставил на стол чашки с блюдцами.

– Чтобы мебель не испортить, – пояснил он заговорщицки, – антиквариат, мать его.

Единственный в комнате стул достался Ольге. Тоцкий сбегал на кухню и принес белый табурет с шатающейся ножкой для себя.

– Чай поьем, и в бой.

– Хорошо, – кивнула она, смиренно втягивая носом ядреный запах ненавистного бергамота.

Они пили чай. Тоцкий делал вид, что всецело увлечен чаепитием, а Ольга не знала дозволенные для общения темы и долго не решалась заговорить.

– Вы книги любите? – спросила она, глядя на полку с любовной литературой.

– Люблю, но времени едва хватает на проверки школьных работ и подготовку к занятиям.

Какого рода литературу предпочитает Сергей Сергеевич, решила не уточнять.

Чай быстро закончился, Тоцкий отставил чашки и вырыл из стопки учебников древний задачник с рыжими рассыпающимися страницами и грубой коричневой обложкой, словно сделанной из слоновьей кожи. Таким, при желании, можно и убить, заехав по затылку.

– Достался в наследство от преподавателя в институте, – прихвастнул Тоцкий. – Шикарная вещь, сейчас таких не печатают.

Он открыл задачник на девяностой странице. Ольга пробежалась взглядом по задачкам. Несмотря на почтенный возраст, содержание книги почти не отличалась от современных учебников. Для Барашковой интегралы походили на таинственный шифр, посредством которого общаются между собой физики и математики, владеющие древними знаниями жрецов, не доступными простым смертным вроде нее.

– Давай начнем с упражнения пять точка семь, – предложил Тоцкий. – Ты в этом вопросе путаешься.

Ольга пожала плечами. Ее познания в математике позволяли путаться в любой теме. Если не умеешь плавать, наплевать, на какую дистанцию делать заплыв – сто метров или километр, все одинаково недостижимо.

Тоцкий принялся объяснять расчет производных, их геометрический смысл и их отображение в виде величины угла касательной в точке на графике.

Ольга рассеянно слушала, кивала, но он подспудно осознавал отсутствие мыслительного движения. Они оставались

в исходной точке – он давал однотипные упражнения, но она не справлялась и с ними.

Она сидела расстроенная и рассеянная, и Тоцкий прямо спросил:

– Ты не можешь сосредоточиться? Перенесем занятие на другой день?

– Нет, все хорошо, – заверила Барашкова. – Постараюсь быть повнимательнее.

Он объяснял снова и снова. Он ценил старания, но хотелось результата. Он словно бежал по болоту и вяз на каждом шагу, не имея возможности достигнуть безопасной суши.

– Нельзя же настолько не понимать! – не выдержал он. – Это же элементарно!

Ольга поникла, уткнувшись в тетрадь. Он с опозданием сообразил, что у нее глаза на мокром месте. «Этого еще не хватало», подумал, растерявшись.

– Барашкова, – он говорил спокойно, не желая ухудшать ситуацию, но получалось сухо и официально. – Не нужно плакать, легче не будет.

Поток слез стал вдвое обильнее. «Плохой из меня утешитель», подумал Тоцкий и пожалел о решении связаться с репетиторством.

Наконец, Ольга поглядела на него мокрыми глазами.

– Еще чаю сделать? – предложил он, спасаясь от натиска тяжелого взгляда.

Она отрицательно мотнула головой. Молниеобразными

полосками потекла тушь, и лицо Барашковой превратилось в зрелище не для слабонервных.

– Тебе надо умыться, – он повел ее в ванную.

Ольга покорно шла следом, почти перестав хлюпать носом. Воды в кране не оказалось, и Тоцкому пришлось поливать ей из ковшика. Ольга ополоснулась и повернулась к нему, спросив:

– У меня лицо чистое?

Тоцкий посмотрел и заметил на ее носу веснушки.

– Вроде бы.

Он передал ей полотенце. Она тщательно вытерлась. Возникла неловкая пауза, во время которой Тоцкий обдумывал дальнейшие действия – продолжать занятие или перенести на другой день? А еще лучше прекратить бесплодные попытки затолкать алгебру и начала анализа в симпатичную, но не пригодную для этого головку с мокрыми зелеными глазами.

– Сергей Сергеевич, – прошептала Ольга. – Я вам нравлюсь?

Он подсознательно ожидал вопроса со звездочкой и одновременно побаивался, хотя и проходил теоретическую подготовку.

Преподаватель педагогики Алексей Алексеевич Ушинский, мужчина лет шестидесяти, в начале одного из занятий выгнал девушек из аудитории, объявив, что у них сегодня «окно» и они могут заняться, чем душа возжелает. Когда последняя студентка исчезла, Ушинский видом заговорщика

запер дверь изнутри.

– Хочу поговорить о самом щекотливом месте в вашей возможной педагогической карьере.

Аудитория напряглась в ожидании.

– Мужчина, как известно, существо любвеобильное, – продолжал Алексей Алексеевич, – По собственному богатому опыту говорю.

В зале раздались смешки.

– Мне шесть десятков стукнуло, а вам будет еще сложнее. Вы молодые, кровь горячая, хрен встает по делу и без оного, а делать с этим что-то придется. Девушки в старших классах и на первых курсах носят такие короткие юбки, что у меня, престарелого импотента, начинает шевелиться. Приходится прятаться за кафедру.

Снова раздались смешки.

– Поэтому хочу дать практические советы. Самый затратный способ – заведите девушку, жену, любовницу и всю неудовлетворенную возбужденность выплескивайте, так сказать, в них. Каламбурчик, кстати, получился. Представлять вы при этом можете, кого угодно, хоть знаменитую порноактриссу, хоть какую-то Лену из одиннадцатого Б, это ваши эротические фантазии. Своими делиться не буду, а то вы не заснете.

Он сделал паузу, чтобы аудитория отсмеялась.

– Если же с личной жизнью не срослось, существует такая вещь как мастурбация, но вы про нее прекрасно знаете, а

если не знаете, товарищи подскажут.

Алексей Алексеевич прокашлялся и выпил водички из стакана.

– Есть еще неудобный момент, когда у вас встает непосредственно во время урока или занятия. Сначала вы волнуетесь в присутствии аудитории и слишком заняты собственными переживаниями, а потом привыкнете, перестанете смущаться. В задаче спрашивается, что делать?

– Садиться, – предположил кто-то с переднего ряда. – И сидеть, пока не пройдет.

– А если нужно вести урок?

– Вообразить что-то отвратительное, – предложил тот же голос.

– Молодец! Смотрю, ты опытный в таких делах, – похвалил Ушинский. – Но важно помнить, что отвратительное и асексуальное нужно варьировать, а иначе выработается обратный рефлекс, и вы начнете возбуждаться от тараканов, если будете их представлять регулярно.

Ушинский продолжал рассказывать, приводя примеры из собственной жизни и раздавая советы, сопровождаемые смехом. Тоцкому лекция запомнилась хорошо, но до сей поры не представлялось случая применить сакральные знания на практике.

Под конец Алексей Алексеевич напомнил:

– Важно! Если вы почувствуете влечение – не обязательно сексуальное, интеллектуальная близость еще опаснее, – вы

никогда! запомните, НИКОГДА! не должны переступать через границы платонического. Стихи, кино, мороженое – весь допустимый набор. Ясно?

Ясно, подумал Тоцкий, избегая взгляда Барашковой, чтобы не спровоцировать ее на необдуманные поступки.

– Ну... – протянул он растерянно, стараясь не обидеть Ольгу, – наверное, немного нравишься.

Договорить не успел. Она прижалась к нему, привстала на цыпочки и впилась в губы. Тоцкий от неожиданности ответил на поцелуй, а руки самостоятельно обхватили Ольгу за изящную талию.

...Тараканы, пауки, розовый единорог, труп задавленной собаки, скрип пенопласта по стеклу, собачьи фекалии, текущие из носа зеленые сопли... Мысли скакали в поисках отвратительного, пока не слишком тайное не стало чрезмерно явным.

– Что ты делаешь? – он собрал остатки воли и попытался вернуть отношения в деловое русло, пока ситуация окончательно не перешла в неконтролируемую.

Ольгины ладошки сползли с его плеч.

– Думала, я вам нравлюсь, – сказала она разочарованно.

– Да, но... – Тоцкий замялся. Как объяснить Барашковой, что это неправильно, что отношений между ними быть не может, что после такого трудно смотреть в глаза друг другу на уроках? Одни проблемы, как ни погляди. – У нас разница в возрасте большая.

Он мысленно подсчитал, получилось всего семь лет. Его мать была младше отца на целый десяток. «Наследственное, блин».

Ольга не ответила и тихо вышла из ванной. Тоцкий почувствовал себя глупо, причем не мог понять причину, ведь сделал все правильно. Он пошел следом за ней в комнату, где она молча, одним движением сгребла карандаши и ручки в микрорюкзак и направилась к обувной полке в коридоре.

– Оль, – не выдержал он, – не обижайся. Не знаю, что ты себе нафантазировала...

– Я не обижаюсь, – она выглядела мрачнее тучи. – Понимаю и обещаю не фантазировать.

Он распахнул дверь и выпустил Барашкову из квартиры. Солнце уже погасло, а в подъезде не осталось ни одной целой лампы. Тоцкий продолжал стоять на пороге.

– Я для света придержу, чтобы ты не споткнулась, – прокричал он вслед Ольге.

– Спасибо, как-нибудь доберусь, – ответила она, исчезая за поворотом пролетом ниже.

Сдается, Алексей Алексеевич кое-чего недоговорил.

ГЛАВА VII. Практика запоя

28.

Через неделю появился Саня. Он гордо демонстрировал затертый гипс на предплечье и уточнял:

– Мелкая трещина, срастется вмиг.

К трещине прилагались три или четыре сломанных ребра. На гипсе поочередно написали пожелания скорого выздоровления, а Устрицына нарисовала фломастерами котика с шариком в виде сердечка. Саня получил передозировку умиления и попросил больше не рисовать.

– Как тебя угораздило? – спрашивал Тальберг.

– Переходил дорогу в неполюженном месте в неполюженное время, – отвечал Саня, умолчав о продаже краенита. – Схема простая, классическая – упал, потерял сознание, очнулся – гипс.

– Может быть, тебе деньги нужны? – предложил Тальберг по доброте душевной. – Займу до полочки.

Саня отказался и отчего-то засмушался.

– Я курить бросил, – похвастался он, переводя разговор на другую тему.

– Молодец. Давно пора.

Тальбергу отчаянно не хватало Сани на прошедшей неде-

ле. Новых сотрудников приходилось контролировать лично, самому отвечая на головоломные вопросы. Он не привык подолгу находиться в эпицентре внимания и к концу дня чувствовал большее переутомление, чем при разгрузке вагонов в студенческие годы.

Пока братья Трофимовы повышали коэффициент полезного действия излучателя, Устрицына взяла в оборот и сурового Плотникова, и язвительного Моржова, задавив обоих интеллектом. У Виктора распухло уязвленное самолюбие, он приуныл и перестал шутить, подавленный необходимостью быть в подчинении у женщины.

– В жизни б не поверил, что такие умные бабы бывают, – тихо бормотал он, перечерчивая корпус концентратора.

Тем не менее, подавляющую часть рабочего времени он вился возле Насти. Они ходили вместе обедать в институтскую столовую, куда Тальберг последний раз заходил лет восемь назад. Он тогда отравился пирожком и решил впредь это заведение не посещать во избежание рецидива.

На романтику в рабочих отношениях он плевал с высокой колокольни. Если не в ущерб работе, конечно.

Его больше беспокоило многозначительное появление Платона, переросшее в пугающую паузу, на протяжении которой о группе словно забыли. Только Мухин зашел в обед и долго жаловался, что его попросили из кабинета и теперь он вынужден ютиться в «катакомбах» возле террариумов Шмидта.

– Как-то боязно. У него какая-нибудь ядовитая тварь сбежит, а я ни сном, ни духом, – говорил Мухин, передергиваясь от ужаса. – Я и внуков не понянчил, как следует!

Нагонял саспенса, так сказать, но Тальберг не проникся.

– Дмитрий Борисович, – спросил Саня. – Вы дома бываете? В институт прихожу – вы уже здесь, ухожу – вы еще здесь.

– Не трави душу, – попросил Тальберг, помрачнев.

Саня огляделся и заметил успевшее покрыться пылью чучело зайца, по-прежнему стоящее на отведенной ему полке среди книг.

– Ой, я думал, его убрали, – удивился он.

– Точно, я и забыл, – воскликнул Тальберг, – надо куда-то деть, пока Кольцов не увидел, а то его Кондратий хватит.

Саня от чучела отказался – якобы Лера его сломает или узнает, что заяц мертвый и сильно расстроится. Остальным иметь дома выпотрошенный труп представителя зайцеобразных хотелось еще меньше. Настя, которой «зайчик» понравился, аргументировала отказ нехваткой места в однокомнатной квартире.

– Придумал ты нам задачу, – пробормотал Тальберг и замотал чучело в целлофан, методично перетянув клейкой лентой. Он пытался пристроить получившуюся конструкцию где-нибудь между шкафов, под верстаком, но везде она мешала или привлекала внимание, да и в целом походила на мумию, технически ею и являясь.

Он подумывал выбросить это недоразумение в мусорный

бак, но просто так избавиться от вещи, воплощавшей месячный труд таксидермиста, не позволяла совесть. К тому же, чучело выглядело слишком хорошо для столь бесславного конца.

– Саш, ты эту кашу заварил, с тебя и объявление в газету, – постановил Тальберг, решив временно хранить зверушку у себя дома. Ольга по поводу дохлого зайца точно не расстроится, ей животные в мертвом виде симпатичнее живых, а вот Лизка...

Лиза сегодня отмечала день рождения. Тальберг перенапряг извилины и повредил мозг, придумывая подарок. Рисовать открытки и клеить аппликации возраст не позволял, а на более существенное не хватало денег. Несмотря на обещанную стабилизацию финансирования, задержки с платежами увеличились.

Простым железобетонным средством оставались цветы, познания Тальберга в которых достигали того уровня, на котором он делил все их многообразие на розы, тюльпаны и прочее, недостойное упоминания. Правда, однажды они ездили на море, и Лизка затащила на выставку орхидей, поэтому он худо-бедно распознавал еще и их.

– Сань, тут такое дело, мне надо уйти пораньше на часок.

– Не вопрос. Посижу вместо вас с начальственным видом. Вы же знаете, я умею.

Остаток дня Тальберг в задумчивости просидел, погружив пальцы в заменявший четки коробок с краенитовой пы-

лью для Шмидта. Тактильные ощущения от прикосновения к прохладной сыпучей массе казались на удивление приятными. Главное, соблюдать осторожность и не допускать резких движений, от которых краенитовая пыль легко вздымается в воздух.

Он не уследил, и от очередного шевеления пальцами над коробком поднялось поблескивающее черное облачко. Он нечаянно его вдохнул и закашлялся.

– Где? Куда? – прибежал Саня, придерживая загипсованную руку.

– Все хорошо, – Тальберг покраснел от кашля.

Уходя с работы, по четвертому разу проверил, кто чем занят, проинструктировал Саню, что отвечать в случае внезапного появления Мухина или, не дай бог, Кольцова. Про существование Платона он подзабыл.

Тальберг сгрел зайца под мышку, получил свою долю шуток от охраны на выходе и направился напрямиком в цветочный киоск, встретивший оглушающим разнообразием готовых букетов.

– Черт, – прошептал он, рассматривая бесконечные угрождения белых пластиковых ваз, из которых торчали розы, тюльпаны и прочее, недостойное упоминания. – Как нормальному человеку выбрать? Понапридумывали цветов.

– Вы что-то хотели, мужчина? – откликнулась цветочница, внешностью напомнившая Тальбергу буфетчицу из пельменной через дорогу от родительского дома, закрытую лет

десять назад. В смысле, закрыли пельменную, а не буфетчицу, хотя он предпочел бы наоборот.

– Знал бы я сам, чего хочу, – он нервничал и поправлял под мышкой мумифицированное чучело.

Цветочница с белой завистью и неподдельным любопытством оглядела таинственный сверток, гадая, что за подарок скрывается под оберткой.

– Мужчина, может вам ленточками красиво перемотать? – предложила она, кивая на зайца. – Недорого, с бантиками.

– Что? – переспросил раздраженный Тальберг. – А-а, вы об этом... Это не подарок, так... Сюрприз.

Мучительное хождение вдоль цветочных рядов в попытках выбрать что-нибудь нестандартное закончилось капитуляцией – он признал поражение и купил обычный букет красных роз, почувствовав, как его нервирует вся эта ситуация. На кой черт сдались Лизке цветы? Она ж их не ест, а через пять дней они сдохнут, и по квартире рассыплются скукоженные лепестки, ничего общего с романтикой не имеющие.

Идя по улице с букетом, он продолжал мрачнеть от атаковавших со всех сторон мыслей. От наступившей жары пропало праздничное настроение, присутствовавшее еще полчаса назад.

Он посмотрел на цветы. Вдруг захотелось зашвырнуть их куда подальше вместе с проклятым зайцем, чтоб у него уши отсохли и опали. Достали умничающие платоны, суесящиеся

кольцовы, занудные мухины, вшивые краепоклонники... И Лизка...

В особенности, Лизка. Нашлась, понимаешь, королева!

Их проблемы букетом не исправить, не помогут цветочки-лепесточки. Он представил, как приходит домой, а она стоит на пороге в халатике, берет цветы и с разочарованием в голосе говорит «Опять розы...»

«Да, розы», злорадно подумал он. Он живо вообразил, как бросает букет Лизке в лицо, и от ужаса предоставленной воображением картины на долю секунды вернулось сознание, словно солнце на мгновение прорвалось сквозь тучи, чтобы исчезнуть снова. «Отчего я такой кровожадный?», успел подумать он, но тут накатила новая волна злости, куда сильнее предыдущей.

Ему хотелось срочно реализовать скопившуюся ненависть, набросится на случайного прохожего и всыпать ему по первое число для профилактики. Улицы, к счастью, пустовали, до конца рабочего дня оставалось минимум полтора часа.

Так, на взводе и с перекошенным лицом Тальберг нажал кнопку звонка. Батарейка в звонке села, и вместо радостной мелодии получился заунывный похоронный марш, словно по нервам неуклюже водили смычком.

На пороге возникла Лизка, но не в домашнем халате, а в легком платье, надеваемом для приема гостей.

– Ой! – удивилась она. – Ты сегодня рано.

Мозг Тальберга со скрипом провернул на невидимые шестерни извилин и зажег гигантскую красную лампочку с надписью «Внимание!».

– Кого-то встречаешь? – спросил он, мрачняя, хотя секунду назад казалось, что достиг предела.

Грубым движением сунул Лизке в руки букет. Она уколола палец о шип и ойкнула. Тальберг услышал, что на кухне кто-то есть и этот кто-то с аппетитом ест, скребя ложкой по дну тарелки.

– Кто? – грозно спросил он, глядя в испуганные Лизкины глаза, непостижимо прибавляя в росте сантиметров десять и натуральным образом зеленея от ревности. Она смотрела на него и от страха не могла вымолвить ни слова.

Он не дождался ответа и с чучелом под мышкой бросился на кухню, чтобы собственными глазами лицезреть улыбающегося Платона.

– Привет, – сказал тот радостно, словно над ним не нависал разъяренный Тальберг с нелепым свертком. – Мы тут плюшками балуемся.

На подоконнике в их единственной вазе стоял букет точно таких же роз, которые Тальберг мучительно, преодолевая себя, выбирал в цветочном магазине.

– Твои? – заревел он.

– Мои, – Платон посерьезнел, догадавшись, что шутки могут вылезти боком.

Тальберг выхватил розы из вазы и швырнул в мусорное

ведро, задним числом заметив засаженные в руку шипы. Опустевшая ваза пошатнулась и с громким звоном разбилась вдребезги о пол.

– Дима, что ты творишь? – откуда-то из-за спины взвизгнула Лизка. – Что с тобой?!

– Что он тут делает?! – спросил Тальберг и ткнул пальцем в Платона, говоря о нем в третьем лице.

– В гости зашел, чтобы поздравить, – сказала Лизка и сердито добавила: – Представь, я общаюсь с другими людьми, а не только с тобой!

Платон отложил ложку, поправил галстук и объявил:

– Вижу, у вас замечательная беседа намечается. Не буду мешать.

– Сиде-еть! – угрожающе протянул Тальберг и положил тяжелую руку Платону на плечо.

Тот сел, полный недобрых предчувствий. Взгляд невольно зацепился за некстати торчавшую из держателя ручку ножа с широким лезвием.

– Первый и единственный... – прохрипел Тальберг чужим низким хриплым голосом, словно кто-то другой вещал его ртом. – Первый и единственный раз предупреждаю. Я не должен видеть тебя в этой квартире НИКОГДА! Ни с цветами, ни с шампанским, ни просто так. Ясно?

Платон промолчал, глядя в вылезавшие из орбит глаза Тальберга, ограниченные сверху гневно поднятыми широкими бровями, и раздумывая, успеет ли схватить нож в случае

чего.

– Во-он! – заорал Тальберг, и Лизка едва не выронила злополучный букет.

Платон с чувством достоинства встал, прошел мимо и исчез в коридоре. Лизка бросилась помогать, но Тальберг процедил «Стоя-ать!», и она передумала.

Некоторое время они слушали, как Платон возится в прихожей. Наконец, дверь скрипнула и захлопнулась.

– Что это было? – спросила Лизка строгим тоном. У Тальберга случился невидимый прокол, через который со свистом вышла злость. Внутреннее давление резко упало, и дала о себе знать рука, исколотая шипами. – Что это было?! – Лизка едва не перешла на крик.

– Не знаю, – Тальберг безумно устал, словно из него выкачали внутренности, и осталась одна оболочка, готовая сложиться в некрасивую кучу на полу. Он сполз на стул, теплый от Платоновых ягод, поставил на подоконник сверток с чучелом и, облокотившись о край стола, схватился за голову. – Не знаю.

Лизка посмотрела на него, на сверток и, ничего не сказав, ушла в комнату, по пути бросив букет в мусорное ведро рядом с цветами от Платона.

Тальберг остался сидеть, словно в дурмане опьянения. Злость растворилась, но на ее место пришли сомнения. Мысли свивались в клубки липкими переваренными макаронами.

С чего он решил, что Лизка уйдет к Платону? Это невозможно. Это обязано быть невозможным. Это считалось невозможным полчаса назад. Не может же его Лизка, танцуя с длинным зонтом-тростью, уйти к улыбающемуся Платону, поглаживающему шерсть зайца, жующего полосатый галстук, идеально подходящий по цвету к костюму.

Он сомневался во всем и приготовился поверить в самое неприятное, в самое невероятное, в любую абсурдную невозможность, в том числе и эту.

– ...первая невозможность... – пробормотал он, уронил голову на сложенные накрест руки и заснул, чувствуя, как его покидают остатки злости.

29.

Увиденное накануне у Лизки дома вызывало отвращение. Жалость к Тальбергу растянулась резинкой от трусов и со звоном лопнула. От него следовало избавиться, но не в лоб, а под убедительным предлогом, продиктованным производственной необходимостью.

Платон с вечера обдумал дальнейшие шаги и, явившись в институт на два часа раньше, составил несколько приказов и распоряжений, нуждающихся только в подписи Кольцова.

В ожидании директора сверлил глазами окно, выходящее на улицу перед входом. Ряды краепоклонников поредели, многим просто надоело. Доказать факт продолжающегося

надругательства над Краем они не могли, а что еще потребовать, не знали. Но трое самых упертых держали вахту, обмениваясь замусоленными плакатами. Остатки сил сопротивления возглавлял неприятный мужик с бородой из косичек, выглядящий, словно полгода не мылся.

«Отлично, – подумал Платон, – такими темпами проблема скоро сама рассосется!»

Едва Кольцов попал в кабинет и приоткрыл форточку, прогоняя из помещения вон сырых бумаг, позвонил Платон и пригласил на переговоры «по важному для них обоих делу». С нехорошими предчувствиями зашел к Платону. Тот с порога протянул документы, от чтения которых брала оторопь:

– Как-то радикально, все-таки работа научная, – с сомнением повторял Кольцов. – Человек творческий, под давлением работать не любит, а замена будет неэффективной... А вот это чересчур. Не заслужил он... А если он бучу поднимет и просочится наверх?

– Не поднимет, – заверил Платон. – Я его знаю.

Он в двух словах объяснил план и тонко намекнул на обширные познания о ненаучной деятельности института, о чем ему бы не хотелось никуда сообщать, ведь «они же партнеры».

Кольцов осознал, куда влез, и покорно подписал заготовленные документы, тяжело и шумно вздохнув, словно держал в руках не приказы, а смертный приговор невинному че-

ловеку.

– Дам им ход, только если понадобится, – утешил Платон, – Будем надеяться, обойдемся без этого.

– Хотелось бы, – сказал Кольцов и ушел в расстроенных чувствах.

Затем Платон уселся в кресле поудобнее и вызвал Тальберга, гадая, в каком настроении тот явится. «А не позвать ли охрану?» – подумал он запоздало, вспомнив вчерашний вечер.

Постучали. Вошел Тальберг с опухшим лицом. Настрой он демонстрировал пессимистичный, но без следов недавней ярости.

– Извини, опохмелится нечем, – поприветствовал Платон.

– Я не пил, – Тальберг уселся на самый скрипучий стул.

– Внешний вид говорит об обратном, – заметил Платон. –

Али не выспался?

– Возможно. Зачем звал? Цветы подарить хочешь?

– Не заработал, обойдешься. Мы не личную жизнь обсуждаем, а производственные вопросы.

Предстояла самая сложная часть – убедительно врать, не вызывая подозрений.

– Как известно, с одним из наших сотрудников случилось неприятное происшествие...

– С каких это пор Самойлов стал «вашим» сотрудником? – влез Тальберг. Он ощутил вчерашнее раздражение, но подавил усилием воли.

– С тех пор, как здесь работаю. Ты слушай. Комментировать потом будешь, когда слово предоставят, – сказал Платон. – Продолжим. На время отсутствия Самойлова его исследования возглавляет Володин. Оказалось, он весьма компетентный сотрудник и неплохой руководитель. Группа под его руководством отнюдь не снизила темпы работы, а наоборот – показывает замечательные результаты, открывая новые перспективные возможности применения краенита.

Тальберг слушал, испытывая определенные сомнения в способностях Володина, который считался хорошим и надежным исполнителем, но выдающихся организаторских умений никогда не проявлял. Наоборот, он относился к типу людей, постоянно сомневающих в себе и нуждающихся в ком-то, принимающем за них скользкие решения.

– Особенно удачными оказались разработки в сфере создания композитных материалов на основе краенитовой пыли, – продолжал Платон, читая формулировки с заготовленной бумажки. – Буквально на днях состоялась презентация, на которой я присутствовал и, надо признать, проникся достигнутыми результатами. Ситуация тяжелая, поэтому по предоставленным материалам было решено безотлагательно организовать производство на базе института.

Тальберг слушал молча в ожидании подвоха.

– По согласованию с Кольцовым ваша группа меняет статус из научного в опытно-производственный. Теперь на двух установках вы должны получать краенитовую пыль в следую-

щих количествах... – Платон передал приказ с нормативами выработки, с удовольствием наблюдая лезущие на лоб глаза Тальберга. – Пять специалистов, временно переведенных в вашу группу, вернутся на прежние места в недельный срок. Вас с Адуевым для добычи пыли предостаточно, установок две – вас тоже двое.

Платон замер в ожидании реакции на свои слова.

– Ты совсем обнаглел? – разозлился Тальберг. – Ты нас с шахтерами не перепутал случайно? Мало тебе, что в мою личную жизнь влез?

– Не моя прихоть, а команда сверху. Мы люди маленькие – нам сказали, мы делаем.

– Не верю!

– Это не вопрос веры, а проблема исполнительности и соблюдения субординации. Тебе положено внизу копошиться, как муравью, и исполнять приказы. Если не хочешь остаться без работы, конечно.

Самое главное – провоцировать конфликт, не давая успокоиться. Впрочем, особого труда это не составляло. Тальберг, сидящий перед ним на скрипящем стуле, походил на человека, пьющего кофе ведрами. Платон с сожалением подумал о молодом Димке, который не возбуждался по пустякам, а наоборот, являлся памятником спокойствия и неторопливости.

– Ты слишком высокого мнения о себе, – Тальберг повысил голос. – Самовлюбленная скотина!

– Не надо обзывать, – Платон изобразил обиду. – Это недостойно человека науки.

– Ты меня от человека науки до рабочего опустил. Могу выражаться, как хочу!

– Не принимай близко к сердцу, – посоветовал Платон с поддельной участливостью. – Эта работа намного лучше – сиди себе, добывай пыль, ни метаний, ни творческих разногласий, не надо ворочаться перед сном. Норму сделал – и свободен! Мечта! Зарплата выше, молоко за вредность. Точнее, кефир.

Под конец у него не получалось скрывать издевательский тон.

– Иди в жопу, – у Тальберга кровь прилила к лицу. – Я не для того пятнадцать лет отдал науке, чтобы какой-то хрен, не отличающий конфузور от диффузора, рассказывал, чем мне заниматься!

– Это лишь доказывает, что я за месяц добился большего, чем ты за хваленые пятнадцать лет.

Тальберг решил прибегнуть к последнему козырю:

– Не собираюсь терпеть! К Кольцову пойду! Пусть выбирает, кто ему важнее.

– Бесполезно, с ним уже все обговорено. Он подумал и со мной согласился.

Тальберг испытующим взором посмотрел на Платона, силясь выявить блеф, потом взглянул на лежащий перед ним приказ и заметил подпись Кольцова. Значит, в самом деле,

слили.

– В таком случае, я нарушаю трудовую дисциплину и отказываюсь от выполнения задания, – поставил ультиматум Тальберг. – Сами добывайте. Посмотрю, как справитесь.

– Отлично. Так даже лучше.

Платон вытянул из стопки еще один документ.

– Приказ о твоем отстранении с завтрашнего дня от всех работ по физике Края с выговором за недостойное поведение с угрозой физической расправы вышестоящему должностному лицу.

– Какому лицу? – не понял Тальберг. – Галиматья какая-то.

– Мне, естественно!

– Я тебя пальцем не тронул!

– К твоей жене я тоже вчера даже не прикоснулся, а мне от тебя досталось, – дразнил Платон. – Еще посмотрим, кого из нас она выберет.

Тальберг не выдержал, вскочил со стула и одним большим прыжком оказался возле Платона, вцепившись ему в шею.

– Задушу, гнида!

Платон захрипел, пытаясь оторвать крепкие руки от горла и чувствуя, как темнеет в глазах. Тальберг душил не на шутку. Платону не хватало сил для снятия «замка» из пальцев, и он старался вывернуться таким образом, чтобы Тальбергу пришлось его отпустить. Во время маневра задел стопки бумаг, и они рухнули на пол, утянув за собой телефон, который

задорно звякнул и раскололся.

В кабинет вбежала Наталья.

– Дмитрий Борисович! Платон Иванович! – прозвучал ее осуждающий голос. Платон с облегчением почувствовал, что шея освободилась и он снова может дышать.

– Вот тебе и недостойное поведение, и угроза физической расправы, – прохрипел он. План едва не дал сбой.

Тальберг не ответил, посмотрел на Наталью, на беспорядок в кабинете и, не сказав ни слова, ушел.

– Вызови Адуева, – Платон потирал шею и поправлял галстук.

– Помощь не нужна?

– Все в порядке. Позови Адуева, срочно.

Саня явился с забинтованной рукой и застыл на пороге, не решаясь войти. Он глядел на Платона со страхом, словно тот мог его покусать.

– Вызывали? – спросил он и кашлянул, прочищая горло.

– Проходи, присаживайся, – Платон разглядывал Адуева, в дешевом спортивном костюме с новыми кедами походившего на травмированного на соревнованиях спортсмена.

Саня сел на тот же стул, где только что сидел Тальберг, и стул точно так же заскрипел. «Выкинуть к черту», подумал Платон.

– Александр. Вы последние годы работаете с Дмитрием Борисовичем и поэтому осведомлены в принципах работы установки. Это так?

– Не то, чтобы сильно... Он лучше разбирается, это же его... – проямлил Саня, не понимая направление беседы.

– Нюансы не интересны, – отрезал Платон, – и можете позабыть о Тальберге.

– Как забыть? – опешил Саня.

– Легко и непринужденно. Вы назначены на должность руководителя группы с завтрашнего дня. Приказ подписан, осталось только написать заявление о вашем согласии с предлагаемой должностью.

– А Дмитрий Борисович?

– Отстранен по причине неадекватности, – Платон продолжал ощущать на шее боль от пальцев Тальберга.

– Что? – у Сани от удивления поднялась левая бровь. – Не может быть! Не верю!

– Откуда вы такие неверующие беретесь?! Бери листок, пиши заявление.

– Не хочу!

– Придется.

Платон извлек из стоящего в углу мухинского холодильника что-то маленькое, завернутое в оберточную бумагу, и бросил на стол.

С тяжелым стуком сверток упал на столешницу. Бумажка раскрылась. Саня глянул на нее и побледнел, опознав содержимое. Удовлетворенный достигнутым эффектом, Платон спросил:

– Узнаешь?

У Сани расхворалась поврежденная рука, разнылся зуб, сердце провалилось в пятки, и промелькнула мысль «Ведь чувствовал! Не стоило ввязываться в эту авантюру». Крепость задним умом уже никак помочь не могла. Вне всяких сомнений, перед ним лежал тот самый кусок краенита. Саня узнал его по форме и полоскам на гранях от неровного реза. Он тогда спешил, и руки от волнения тряслись.

– Ты знаешь, что с тобой сделают за вынос с военного объекта секретного материала с последующей передачей третьим лицам за вознаграждение?

Саня кивнул. Не выдержал и спросил:

– Как он к вам попал?

– У меня есть старшая сестра Вера Конева, у которой, в свою очередь, есть сын – по совместительству мой племянник.

Саня, если бы не болела рука, хлопнул бы ею по лбу.

– Конь! – прокричал он и тут исправился: – Виталик Конев.

Он вспомнил женщину в кафе – мать Конева, виденную им лишь раз, да и то лет десять назад.

– И что теперь? – озадачился Саня, представляя возможные наказания – объявят выговор, лишат премии, уволят или, на худой конец, расстреляют прямо в институтском дворе.

– Ничего. Если напишешь заявление, – успокоил Платон. – Можешь приказы почитать для лучшего понимания

своих обязанностей на ближайшее время.

Саня читал. Сердце колотилось, буквы прыгали перед глазами и не желали складываться в осмысленные слова. Ужасный выбор. Он не хотел подводить Тальберга, не представляя, как после предательства смотреть ему глаза, но и быть наказанным не хотелось. «Нужно сдаться и написать чисто-сердечное, – думал Саня, – но кто позаботиться о Лере с бабушкой?»

Эх, была-не была, придется соглашаться на предложение.

Он с тяжелым сердцем сказал:

– Диктуйте.

Злой Тальберг ворвался в лабораторию. В обеденный перерыв в помещении оставался только Плотников. Он приносил из дому еду в пакетике и поглощал ее возле одного из неработающих вытяжных шкафов. К сожалению, Семен любил рыбу и морепродукты, жить без них не мог, и после его обедов в воздухе витал устойчивый запах сельди, который хорош в комплекте с рыбой, но вызывает отвращение отдельно от нее.

Увидев красное лицо Тальберга, Плотников от неожиданности едва не подавился куском хлеба.

– Что случилось?

– Накрылась наша работа медным тазом. Исследования сворачиваются, и через недельку вас разберут по группам.

– Почему?

– Долгая история, – Тальберг не хотел объяснять механизм превращения научных изысканий в инструмент выяснения отношений. Вместо этого он пытался успокоить трясущиеся руки. – Где Адуев?

– Из приемной позвонили и вызвали. Я решил, он к вам туда пошел. Вы по пути не встретились?

– Быстро замену нашел, заранее продумал. Ублюдок.

Не дожидаясь следующего вопроса от Плотникова, сбегал из лаборатории, нащупывая в нагрудном кармане помятую Санину сигарету. Подумал о том, что нет спичек, и увидел курящего Володина в конце коридора у окна.

Тальберг поздоровался и попросил огоньку.

– Вы же, вроде, не курите, – Володин выпустил колечко дыма, уплывшее в форточку. Руку, держащую сигарету, украшал пластырь в месте ножевого ранения.

– Один раз в жизни пробовал, еще в школе. Кашлял, чуть легкие не выплюнул. А сейчас захотелось.

– Не надо. В таком возрасте поздно начинать.

Тальберг прикурил и по неопытности затянулся глубоко. Неприятный царапающий дым вгрызлся в горло, и это оказалось хуже, чем представлялось. Он с трудом подавил начавшийся кашель.

– На вас лица нет, – заметил Володин.

– Мелкие неурядицы, – Тальберг не знал, докуривать начатую сигарету или похоронить ее в пепельнице.

– Ясно, – флегматично отозвался Володин, выпуская сле-

дующую серию колец в форточку.

– У вас, говорят, композитные материалы на основе краенита разрабатываются? – спросил Тальберг для поддержания разговора.

– Если бы, – обреченно махнул рукой Володин, – возимся впустую, без намека на результат, перепробовали все самойловские идеи, а воз и ныне там. Ни на миллиметр не сдвинулись, хоть рассчитывайся. Прямо тупик какой-то.

– А презентация?

– Какая презентация? – удивился Володин.

«Ложь, от начала и до конца», – подумал Тальберг и затянулся снова. Дым вошел аккуратно, и кашлять уже не хотелось.

30.

Когда Лизка вечером вернулась домой, Тальберг сидел на кухне, уставившись в стену. Перечень надетой на нем одежды ограничивался сиротливыми семейными трусами в горошек, наводящими на тревожные мысли.

Перед ним стояла бутылка с черной жидкостью. Такая же жидкость поблескивала в рюмке из набора на шесть персон, годами пылившегося в коробке на серванте.

– Я не поняла, – Лизка неприятно удивилась, но из-за вчерашней сцены удивление оказалось куда слабее, чем могло.

Он поднял на нее глаза. Это был не тот Тальберг, с ко-

торым она прожила полтора десятка лет. Тот спиртное не употреблял вовсе, а этот напился вдребезги и с трудом ворочал языком, не в состоянии сфокусировать взгляд. Вчерашний приступ ревности был неприятен, но объясним, а вот созерцание Тальберга «под мухой» вызывало лишь глубокую неприязнь своей безобразностью.

Рядом с бутылкой чернело блюдо из чайного сервиза, исполняющее обязанности пепельницы. В воздухе висел дым, и Лизка открыла нараспашку окно.

– Надеюсь, это разовая акция, бессмысленная и беспощадная, – она наблюдала, как Тальберг безуспешно силится ответить. – Где Ольга?

– Не знаю, – он икнул. – Гулять пошла с подругами.

– Она домой хоть приходила?

– Да! Я ключи потерял, а она мне открывала.

Лизка покачала головой.

– Ты для разнообразия на себя в зеркало полюбуйся... – начала она, но осознала бессмысленность взываний к совести – та надежно спала, споенная черной жидкостью неизвестного происхождения. – Что за гадость пьешь?

Тальберг неуклюже подхватил бутылку и показал на нее пальцем, едва не выронив.

– Хрен его знает, – сказал он пьяным голосом. – Но идет хорошо.

– Вижу, – она поняла, что вечер испорчен и спать придется в нездоровой атмосфере спиртовых испарений.

– Не сердись.

– Стараюсь, но не получается. Не могу понять, чем вызвана необходимость сидеть и пить в одиночку.

– Этот твой Платон, который вчера здесь цветочки тебе дарил, отст... остра... отсранил меня от работы.

– Вот так запросто? Без причины?

– Не-ет, – он допил остаток со дна рюмки. – Не просто, а с унижениями и провокациями. Как он умеет. А он умеет.

– Он жив? – уточнила Лизка, вспомнив, с какой ненавистью вчера Тальберг смотрел на Платона.

– Жив, – он сонно моргал. – А я ведь почти его задушил, чуть-чуть оставалось, и эта гадина сдохла бы прямо у себя в кабинете, – его голос на миг стал мечтательным. Он вздохнул и закончил: – Но, к сожалению, мне помешали.

– К счастью, – сказала она, – не хочу ждать тебя двадцать лет из тюрьмы.

– Могла бы подождать, заодно проверили бы чувства, – он улыбнулся с закрытыми глазами. – Любопытно, дождалась бы?

– Давай обойдемся без таких проверок, – попросила Лизка.

– Если не хочешь, тогда не будем, – согласился он, наполняя следующую рюмку.

– Тебе уже хватит. Утром голова разболится.

– Может быть. Но скорее всего, нет. Михалыч гарантировал, что не будет, а ему верю, он за Краем бывал. У него с тех

пор волосы дыбом, – Тальберг показал рукой, как выглядят волосы стеклодува. – Человеку с такой прической нельзя не верить.

Он опрокинул следующую рюмку. «Седина в бороду – бес в ребро», – подумала Лизка.

– Как ты завтра на работу собираешься идти? – спросила она.

– Считай, я в отпуске. По графику.

– Кольцов тебя так легко отпустил? – усомнилась она.

– Хуже, – он снова икнул, – он меня сдал.

Лизке надоело наблюдать трехчастную пьесу превращения Тальберга в пьяное животное. Она ультимативным тоном потребовала:

– Прекращай сейчас же и иди спать!

Он посмотрел на нее, улыбаясь:

– Какая ты, Лизка, красивая! Честно! Зуб даю!

– Грубая лесь сегодня не действует и не отменяет моих слов.

– Дай хоть раз в жизни напиться, – попросил он, чувствуя, как трезвеет и проблемы начинают давить с новой силой. – Надо! Позарез!

– Так, – решила Лизка. – Ухожу в гости с ночевкой к Марине, а когда завтра возвращаюсь, то вижу трезвого выбритого улыбающегося мужа, а не свиноподобное существо! Ясно?

– Клянусь, – Тальберг ударил в грудь кулаком и ровно в

ту же секунду забыл о клятве.

– Я дверь закрою, все равно у тебя ключей нет, – сказала Лизка. – С твоей рассеянностью замок придется менять.

Она вышла на улицу. Несмотря на солнце, беспощадно палящее днем, вечерами еще бывало прохладно.

Поежилась. Стоило одеться потеплее, но возвращаться в атмосферу спиртовых паров и никотинового дыма не хотелось. Потом она подумала «А не только тебе нужна разрядка, Дима!» и отправилась в круглосуточный магазин на углу – излюбленное заведение пьянчуг. При обычных обстоятельствах она бы никогда не появилась в этом месте, однако приоритеты поменялись, и она смело вошла в низкую дверь с тугой пружиной. Пребывая в расстроенных чувствах, совершенно не обратила внимания на любопытствующие взгляды местного выпивающего контингента.

Когда она предстала на пороге Маринкиной квартиры с сумочкой в одной руке и бутылкой вина в другой, та удивилась и забыла поздороваться.

– Какой-то праздник? Сегодня же не пятница.

– Просто так. А в пятницу и субботу тебя дома застать невозможно.

Марина смутилась.

– Сын где? – спросила Лизка, проходя в комнату.

– У бабушки на даче, – рассеянно ответила Марина, по всем признакам готовившаяся ко сну. На тумбочке рядом с разобранной постелью лежала раскрытая книга.

– Как удачно складывается! – обрадовалась Лизка. – Чем тебе не пятница?

Марина с подозрением посмотрела на нее и спросила:

– Говори, как есть! Не поверю, что ты просто так решила с вином в гости нагрязнуть!

– Звезды сошлись удачно. Или неудачно, – сказала Лизка и добавила трагичным голосом: – Я из дома ушла.

А потом увидела высоко задравшиеся брови Марины и уточнила, пока ту не хватил инфаркт:

– Не переживай ты так. На одну ночь.

Марина ютилась в однокомнатной квартире, доставшейся от развода с бывшим мужем. Муж уехал за границу искать лучшей жизни, а Марина осталась в Лоскутовке воспитывать сына.

Мебель пересчитывалась на пальцах одной руки, то есть ее было ровно столько, чтобы соответствовать Лизкиному идеалу. У них дома наблюдался избыток хлама из категории «даром не нужно, а выбросить жалко». Причем жалость в основном проявлял Тальберг, который при виде очередной относимой на свалку ерунды преграждал дорогу и уверял, что найдет ей применение. В лучшем случае он уносил это на работу, а в худшем – оно пылилось дальше где-нибудь на антресолях, попадаясь под руку раз в три года во время тотальной генеральной уборки.

Лизка без приглашения уселась в единственное кресло с неудобными деревянными подлокотниками.

– Смотрю, ты належке, – Марина оценила Лизкин внешний вид. – Не замерзла?

– Не захотела возвращаться.

Лизка выдержала десятисекундную интригующую паузу и рассказала, как оставила дома пьяного Тальберга в гордом одиночестве.

– Так нельзя, – авторитетно заявила Марина. – Нельзя его оставлять одного в таком состоянии. А вдруг он в неприятности вляпается?

– В какие неприятности? – неуверенно сказала Лизка, начиная сомневаться...

Она не удержалась и поведала, как Тальберг приревновал ее к Платону.

– Никогда не ожидала от Димы такого, – задумалась Маринка. – Он всегда культурный и спокойный, ни разу не слышала, чтобы голос повысил.

– Я тоже, – призналась Лизка. – Думала, он нас убьет за эти цветы, четвергует на месте, а потом вывезет и закопает в безымянных могилках на пустыре под Краем.

Маринка вдруг спросила тихо:

– Причин для ревности не было же?

И затаила дыхание в ожидании ответа.

– Ну, Марин, – возмутилась Лизка, – за кого ты меня принимаешь?

– Да я так, не обижайся, – сказала Марина с заметным облегчением. – Всякое бывает. Ты Платона хорошо знаешь?

– О-о, – обрадовалась Лизка, – я не рассказывала? Мы с ним в институте встречались. Кстати, можно винцо открыть, а я тебе все расскажу по секрету.

Бокалов у Маринки отродясь не водилось, и она принесла стаканы – старые, граненые. К счастью, нашелся штопор, а то бы ситуация и вовсе превратилась в безвыходную.

Маринка расстелила скатерть на потертом журнальном столике, но не для сохранности остатков лакированного покрытия, а для маскировки его неприглядного вида.

– У меня и к вину есть, – Лизка покопалась в сумочке и извлекла кусочек твердого сыра. – Я подготовилась.

Сон обещался нескоро, и Маринка заправила постель. Пока Лизка нарезала сыр тонкими ломтиками, она тянула штопором пробку из бутылки с таким сосредоточенным видом, что Лизка встревожилась за вино, и немного – за саму Маринку.

Наконец, подготовительные работы были закончены, а вино – разлито по стаканам в гомеопатических дозах.

– За нас!

Выпили и разговорились. С каждым последующим тостом эмоций становилось больше. Маринка слушала с подозрительной заинтересованностью и выпрашивала мелочи, словно истории интересней ей в жизни слышать не доводилось.

Лизка, вдохновленная вниманием, по инерции рассказала и то, о чем говорить не собиралась.

– Только тс-с-с, – приложив палец ко рту, шипела она,

словно пробитый велосипедный скат. – Никому!

– Никому! – обещала Маринка и тоже прикладывала палец к губам. Она с трудом представляла, кому может рассказать. – Я же твоя лучшая подруга.

Так они и шипели друг другу, словно змеи, пока внезапно не отключили свет. Это происходило регулярно, все привыкли и не сильно жаловались. Точнее жаловались, но приблизительно так, как при плохой погоде – с досадой, но без ненависти, помня, что против природы не поперешь.

Маринка принесла с кухни свечи. По пути споткнулась в темноте о Лизкины туфли и едва не растянулась на полу.

– Ой, – испугалась Лизка и едва не выронила стакан с остатками вина.

– Все в порядке, полет нормальный, – Маринка пыталась зажечь спичкой свечу. С четвертой попытки она справилась со столь сложной задачей.

– Чувствую, не хватит одной бутылки, – пробормотала Лизка. – Димка в одиночку вторую допивал, а на очереди третья стояла.

– Так он вон, какой здоровый, – Марина расставила руки так, словно обнимала сразу трех тальбергов. – Ему и пять бутылок нипочем, перевод продукта.

Маринка вспомнила о вермуте, оставшемся с Нового Года. Вермут стоял невостребованным из-за редкой паршивости, но теперь ему прощалось все. Вечер среды незаметно превратился в вечер пятницы.

– Главное, завтра не проспять.

– Я поставила будильник.

– Громкий? – уточнила Лизка. – От тихого могу не проснуться.

– Будешь жаловаться, что чересчур громкий.

Сыр закончился и в ход пошел заветренный салат, который Маринка собиралась выбросить. Сейчас его недостатки не смущали и скорее воспринимались, как достоинства. Лизка с противным скрипом гребла вилкой по дну миски, пытаясь плохо скоординированными движениями подцепить тонкий кружок огурца.

– Да оставь его в покое, – посоветовала Маринка.

– Мы весь неликвид в холодильнике изничтожим, – заявила Лизка, отправляясь со свечой на кухню.

По пути она споткнулась о собственные туфли и растянулась в коридоре.

– Ой, – икнула Маринка. – Ты живая?

– Тесно у тебя тут. Надо расширять жилплощадь.

Когда закончился вермут, легли спать, но Лизка долго не могла заснуть. Ей мешал неприятный шум. Она закрывала глаза, и вроде бы ничего не менялось – что так темно, что этак, – но начинало укачивать.

– Лиз, ты спишь? – спросила Марина.

– Еще нет.

– А почему вы с Платоном расстались?

– Не знаю. Трудно сказать. Наверное, потому что его все-

гда интересовало только собственное мнение, а я не люблю, когда за меня решают. Зачем спрашиваешь?

– Мы с ним встречались еще в школе, – призналась Марина после долгой паузы, а потом добавила: – И сейчас встречаемся.

– Не может быть! – удивилась Лизка.

– Может. Только не знаю, что дальше будет.

– Хорошо все будет, – сказала Лизка, но как-то неуверенно.

31.

Тальберг смотрел на настойку. Она подмигивала в ответ, словно внутри прятались лампочки и включались поочередно. Потом лампочки-светлячки принялись водить хороводы, и вскоре внутри поднялась целая буря с воронкой, проходящей сквозь доньшко. Тальберг взял бутылку, чтобы убедиться в целостности дна и стола. Убедился, вернул на место, но не рассчитал, и часть серой жидкости разлилась лужицей.

Для избавления от наваждения интенсивно поморгал до появления световых пятен, но открыв глаза, вздрогнул. Перед ним стояло чучело, черными шарами уставившееся на него.

– Когда я размотать тебя успел? – подумал Тальберг, а вслух произнес назидательно: – Олег, надо прекращать пить.

– Не обязательно, – отозвался заяц, на котором внезапно

оказался маленький жилет. – У тебя хорошо получается. Любо-дорого смотреть, как трезвенник наклюкивается по самые помидоры.

– Ты... Я... – Тальберг потерял дар речи.

– Что «ты, я, му»? – передразнил заяц. – Говорить разучился?

Тальберг зажмурился, а когда расплющил глаза в следующий раз, перед ним сидел Платон в костюме тройке, похожий на маленького недокормленного пингвина – волосы залезаны на одну сторону, и каждый волосок уложен по идеальной траектории. Платон ладонью смахнул крошки, расчищая место под локти.

– Ты откуда взялся? – спросил Тальберг, с трудом удерживая глаза открытыми. – Я никого не приглашал. У меня сегодня в гостях только зайцы.

– Ты на работу не явился.

– Да пошел ты со своей работой!

– Тебя из института не увольняли. Нарушение трудовой дисциплины налицо. За такой демарш второй выговор полагается, а там и до увольнения по статье недалеко.

Тальберг налил рюмку и залпом опрокинул в себя. Плеснул следующую и предложил:

– Угощайся. Извиняй, закуски нет, закончилась, – развел он руками.

Платон узнал содержимое и скривился:

– Спасибо, воздержусь.

– Тогда вали в институт, – без обиняков сказал Тальберг, – сочиняй выговор, а я продолжу, коли не возражаешь.

Он опорожнил следующую рюмку. Пошла особенно хорошо. Тепло неспешно скользило по пищеводу и приятно плюхалось в пещеру желудка, тотчас нанося удар в затылок вопреки законам химии и биологии.

Тальберг пошевелил затекшими коленями и зацепил посуду ногой – раздался звон и звук покотившейся тары.

– Сколько ты уже выпил? – удивился Платон.

– Семь бутылок.

– Почему семь?

– Число красивое.

– Аргумент.

Тальберг почувствовал подвох. Где-то в глубинах подсознания забрезжила мысль.

– А ты настоящий?

– Угадай, – предложил Платон.

– Не знаю, но как ты попал в квартиру? Логического объяснения не существует, значит, ты плод моего воображения. А раз уж ты моя фантазия, бери рюмку и пей за компанию. Будет весело. Под конец могу безнаказанно набить тебе морду.

Платон достал из кармана ключи и швырнул на стол. Тальберг навел резкость и узнал родимый самодельный брелок с тремя дырочками.

– Ты их в моем кабинете выронил, когда меня придушить

пытался, – лениво пояснил Платон.

– Ну и? Если у тебя ключи, думаешь, можно в чужой дом вваливаться без приглашения?

– Я полчаса стучал, но никто не открыл.

– Правильно, нормальный человек сообразил бы, что никого нет дома.

– Конечно. Если бы только твой голос не орал, что дома никого нет.

– Орал? – удивился Тальберг. – Не помню.

– Я оценил красоту речи. Нецензурные слова лились красивой многоэтажной песней и замечательно характеризовали меня с различных сторон как человека сомнительных достоинств.

– Это точно был я, – согласился Тальберг. – Жаль, ты не плод моего воображения. Так хотелось морду набить, хотя бы понарошку.

Пока он наливал следующую стопку, Платон сидел, сложив перед собой руки. На его лице застыло такое выражение, будто он пришел в зоопарк и впервые увидел пьяного полосатого слона.

Тальберг поставил рюмку и взглянул на Платона с ухмылкой:

– Позлорадствовать явился?

Выдохнул и хотел опустошить следующую порцию, но его внимание привлек брелок, засветившийся слабым голубоватым светом.

– Стоять! – скомандовал себе. – Отставить!

Поднес рюмку к брелочку, и тот вспыхнул ярче. Тогда в состоянии озарения нацепил брелок на бутылочное горлышко. Свечение усилилось. Платон наблюдал за процессом с удивленным непониманием.

– Догадываешься? – спросил Тальберг, слегка протрезвев от внезапного открытия.

– Не имею не малейшего представления. Ты купил карманный детектор алкоголя?

– Э, не... Не алкоголя, – наставительно помахал указательным пальцем Тальберг. – Михалыч эту хрень гонит из краенита!

Платон встретил новую информацию со спокойным лицом. И мускул не дрогнул, и глаз не моргнул. Тальберг решил, что его не поняли, и повторил, показывая на бутылку:

– Эта настойка сделана из краенита!

– Из краенитовой пыли, – поправил Платон. – Количество небольшое, но эффект впечатляет.

– Ты знал?

– Работа у меня такая.

– Скучный ты человек, – вздохнул Тальберг и приговорил следующую рюмку.

– А ты неудачник, – парировал Платон. – Квиты.

Тальберг снова моргнул, и опять ему показалось, что он общается с зайцем. Заяц забавно шевелил ушами и, кроме жилета, напялил еще и странный красный галстук.

– Олег, скажи, что мне делать, – спросил Тальберг.

– Смотря, чего ты хочешь добиться.

– Честно говоря, мне все равно.

– Тогда все равно, что делать. Можешь ничего не делать и продолжать пить.

Тальберг обдумал эту прекрасную многообещающую мысль, но не смог согласиться с выводами, вступавшими в противоречие с его жизненными принципами.

– Хотелось бы чего-то хорошего добиться, а иначе и жить незачем. Можно хоть сейчас ложиться на скамейку и помирать.

– Тогда и делать надо хорошее. Тут сложностей нет.

– Кто б еще пояснил, что такое хорошо... – продолжал Тальберг.

– Ты это, – заяц встревоженно зашевелил ушами, – не загоняй, а то вместе с тобой свихнусь от сложных философских дилемм. «Плохо» от «хорошо» он, видите ли, перестал отличать. Маяковского перечитай, там подробно изложено для дошкольников.

Тальберг устало закрыл глаза, а когда снова открыл, перед ним опять сидел Платон и щелкал пальцами:

– Эй, на баркасе! – приводил он в чувство. – Возвращайся, а то куда-то поплыл совсем.

– Ты еще здесь? – расстроился Тальберг. – Говори, зачем пришел, и проваливай, пока я добрый. Не порть людям самоистязание.

Платон пригнулся, уронив галстук в лужицу пролитой настойки, прищурился и прошептал, словно заговорщик на последней ночной сходке перед свержением короля:

– Отдай Лизку.

Тальберг опешил:

– Ни хрена себе, выгодное предложение, прямо скидка по акции, – он разом протрезвел. – Ключи от квартиры тебе не... – он осекся, глядя на краенитовый брелок. – Ах, ну да, наш пострел и тут поспел.

Он уронил лицо на руки. Платон молча смотрел ему в темечко. «Наверное, опять заснул», подумал он. Тальберг вдруг поднял взгляд:

– К чему спрашивать? Ты же привык брать без спросу.

– Кто бы говорил. Но Лизку все равно заберу.

– Вот и я о том же, – сказал довольный Тальберг. – Зачем бросал?

– Дураком был, – признался Платон. – Знаешь про власть несбывшегося? Она и есть мое несбывшееся. Я ее во снах вижу. Мучился, терпел, тебя три раза на дню проклинал.

– Так не бывает. Когда столько лет живешь вместе, меняешься. Ты другой, она другая. Это только в твоих юношеских мечтах она потащится за тобой на Край света, а жизнь по-другому устроена. Уехал поезд. Ту-ту!

Платон нервно погладил рукой гладко выбритые щеки, осмысливая сказанное Тальбергом.

– Ты меня плохо знаешь. Я не отступаю от задуманного и

не сдаюсь никогда. Мир принадлежит не гениям, а упрямым. Ты всегда позади меня плелся, даже в школьном табеле...

– Вроде бы не пил, а ерунду несешь, будто наклюкался, – перебил Тальберг. – Хлебни для запаха, а глупости и дурости у тебя с избытком.

Платон отмахнулся от предложенной рюмки.

– Пока ты лежишь в луже спирта, без пяти минут безработный, шажок за шажком теряешь Лизку, – сказал он, с презрением глядя на бывшего друга. – Вот кто из нас выиграет при сравнении? Неудачник, как ты? Если так в себе уверен, объясни, что за сцену ты устроил на этом месте два дня назад.

Тальберг задумался, глаза потяжелели и закрылись. Он улетел на море. То самое море, на которое копил к отпуску. Песчаный пляж, набегающие волны и круизный лайнер на горизонте. И так тепло, приятно и хорошо, и не хочется возвращаться в реальность, где есть Платон.

Вернулся заяц. В текущей реинкарнации он сидел на маленьком стульчике с неряшливыми ромашками на спинке, закинув ногу за ногу. В правой лапке он держал сигару и лениво затягивался, выпуская странный зеленоватый дым.

– Слушай, Дмитрий, – бросил он надменно. – С чего ты так уверен, что Платон не добьется своего? Пока у него замечательно получалось задвинуть тебя за шкаф. Он в руководстве НИИ, а ты сидишь дома и заливаешься слезами и настойкой.

– Ну... – промычал Тальберг. – Это же Лизка! Что она, бросит все и сбежит, как девчонка?

– А кто давеча жаловался Карлу на проблемы в личной жизни? – продолжал заяц и хитро подмигнул. – У кого наблюдается полное отсутствие эмоциональной и вербальной коммуникации с партнером?

– Чего? К-какой к-коммуникации?

– Банально нет тем для разговоров, – пояснил заяц, аристократически затягиваясь сигарой. – Кто приходит с работы, съедает ужин и молча ложиться спать?

– Ну почему же, – Тальберг пытался вспомнить, когда и о чем они с Лизкой в последний раз общались. – Мы недавно... Вот на... Или давно, – закончил он упавшим голосом.

– Ага, – обрадовался Олег, – вот-вот. Не можешь даже припомнить. Кстати, голубчик, у вас случайно комплексов нету?

– Н-нет, – заикаясь, ответил Тальберг.

– А если найду? – грозно спросил заяц, перекладывая одну ногу на другую, и перед взором Тальберга мелькнули невесть откуда взявшиеся кроссовки и спортивные штаны с полосками.

– Да нету вроде.

– Жаль, – Олег надел кепку. – Платон – пацан четкий, сказал – сделает.

«А вдруг?!» – подумал Тальберг и зажмурился. Лоб покрылся испариной, страх накатил сокрушающей волной и

начисто смел логические построения и положительные эмоции, оставив только опасения за Лизку. Уйдет? Не может быть! Или может?

Он открыл глаза.

– К черту! – заявил он безапелляционно и окончательно «отключился».

ГЛАВА VIII. Обстоятельства преодолимой силы

32.

Костыля было не узнать. Он сбрил огромную бороду и, судя по бодрому виду, последние три дня употреблял только лучшие минеральные воды из чистейших горных источников.

– Красавец! Уважаю, – восхитился Платон, разглядывая обновленную версию Костылева, который по такому важному поводу причесался и надел парадный костюм, извлеченный из недр платяного шкафа и тщательно выглаженный Василисой, с трудом поверившей в его назначение директором.

– Кстати, как зваться будем? – поинтересовался Костыль на пути к нотариусу, хмуря брови для вхождения в роль руководителя.

– ООО «Вектор».

– Почему «Вектор»? – почесал затылок Костылев.

– Название хорошее, – сказал Платон, не желая пояснять, что в стране существует три тысячи контор с таким же бессмысленным наименованием, за которым может скрываться что угодно – от лесопилки до скатывания в рулоны туалет-

ной бумаги.

– Да ну! – не согласился Костыль. – Дурацкое какое-то.

– Стерпится-слюбится, – Платон пресек на корню ненужную дискуссию.

Костылев в суть вопросов вникал быстро, договоры читал придирчиво, надевая уродливые очки с толстой оправой, и к возрастающему удивлению Платона всего через день дело семимильными шагами двинулось в нужном направлении, но независимыми от Платона путями.

В понедельник он возил Костылева по инстанциям, оформляя на него документы новоявленной фирмы, в которой тот по плану выступал в роли формального владельца, а во вторник Костыль уже самостоятельно «разрулил» ряд вопросов с нотариусом.

– Не надо ничего решать через мою голову! – взбесился Платон.

– Для пользы ж дела, – Костылев проигнорировал грозный тон. – По уму ж сделано. Фирма веников не вяжет. Но в лицензии есть и такой пункт.

Платон не нашелся с ответом. В документах значился полный порядок, не подкопаешься. Оставалась только проблема с главным бухгалтером. Платон планировал обратиться за помощью к Кольцову, но Костыль уверенно сказал:

– Не надо. У нас есть скрытые внутренние резервы.

В число резервов входил Пепел, оказавшийся по основному образованию бухгалтером. Он работал на том же мясо-

комбинате до закрытия.

– Какой тесный коллектив, однако, – Платон пребывал в сомнениях. – Оторопь берет, как бы чего не вышло.

– Да ладно, – панибратски похлопал его по плечу Костыль. – Не бойсь, дело в надежных руках. Не подведем, каждая мелочь на подхвате.

Платон панибратство не оценил, но промолчал, сообразив, что поздно переходить на «вы». Вместо этого он отдал рецепт настойки. Платон арендовал Михалыча у Кольцова на полставки, чтобы тот контролировал процесс производства.

– Главный технолог, – представил Платон.

Костылев растянулся в улыбке:

– Кто ж Михалыча не знает? Это как... Как встретиться с создателем!

Михалыч продолжал пугать Платона молчаливостью и непонятностью мотивации, словно прибыл с какой-то другой планеты и теперь с интересом наблюдал за человечеством. Общаюсь с ним, Платон испытывал непреодолимое желание плотно покушать для компенсации потерянной энергии. Михалыч с полным равнодушием выслушал распоряжения и вместо согласия кивнул, не тратя попусту слов.

– Помещение под производство, – объявил Платон, показывая на протекающую крышу.

– Угу. Они специально обучаются так страшно делать? – пробормотал Костыль, не отрываясь от нового пропуска с

неудачной фотографией. Потом спохватился, засунул «корочку» во внутренний карман и осмотрел помещение, имитируя сосредоточенность делового человека. – Ну что, сносно. Пусто и неуютно, но не беда. Уют обеспечим, пустоту заполним.

Платону было любопытно, каким образом Костылев собирается заполнять пустоту, но тот не стал распространяться, сказав, что суду все ясно и объем работы понятен.

Зашли к Кольцову, чтобы представить новоиспеченного директора свежезарегистрированной фирмы. Кольцов в ожидании обеда подремывал в кресле под кондиционером. С началом жаркого периода года производительность труда в лабораториях резко снизилась на фоне массовой волны отпусков.

При виде Костыля Кольцов встрепенулся и долго на него тарачился, сомневаясь, стоит ли доверять человеку с деревянной ногой и наколкой «Толя» на тыльной стороне правой ладони – по букве на палец.

– Что за пиратская команда? – спросил он Платона шепотом, пока его не слышал Костыль, рассматривавший мини-бар с увлечением профессионала. – Он часом бунт на корабле не устроит?

Платон заверил, что держит ситуацию под контролем и, в случае чего, оперативно вмешается. Он умеет руководить.

Кольцов вздохнул. По его опыту, проблемы обычно возникают после заверений в полном контроле.

Костыль закончил осмотр содержимого минибара, состоящего из внутреннего продукта института, отдал честь и сообщил, что на правах директора намерен немедленно приступить к обязанностям. Забрал ключи от производственного помещения и ушел.

Уходя, спросил вскользь:

– На счету фирмы есть средства на приобретение сырья?

– Да, – подтвердил Платон, обескураженный незапланированной деловой хваткой Костылева, которому полагалось мычать и туго соображать.

На следующий день Платон явился в институт с опозданием. Он до четырех часов утра ворочался и не выспался, чего с ним отродясь не случалось.

В приемной Наталья спросила о Тальберге. Его несколько дней никто не видел, хотя на проходной зафиксировали, как он вошел в институт, но уже не вышел.

– Потом разберемся, – махнул рукой Платон. – Запиши его на военно-полевые сборы на следующей неделе. Не явится – получит выговор.

В производственном помещении кипела жизнь. Во дворе стояли два новеньких грузовика. Платон приблизился и увидел, как Алеша и Клещ под руководством Луки разгружают ящики с перцем и яблоками, укладывая их в штабели. Лука сидел на одном из таких штабелей и с переменным успехом грыз зеленый плод вставными челюстями, застревающими в сочной мякоти. Платон взял мелкое яблочко из ящиков, вы-

тер платком и откусил. Кислое.

– Почему такая кислятина? – спросил он у раскрасневшегося от работы Клеща.

– Главный технолог одобрил. Ни шагу в сторону от утвержденной программы.

– Где Костылев с Пеплом?

– На переговорах с молокозаводом.

– Каких переговорах? – не понял Платон. Развитие событий происходило экспоненциально, но почему-то без него. Откуда взялся какой-то молокозавод? Они же не молоко собрались делать.

– Я почем знаю? – Клещ вытер рукавом пот и продолжил таскать ящики. – Мы люди маленькие, нам сказали, мы выполняем.

«Что-то знакомое», – подумал Платон и прошел внутрь помещения, где трудилась оставшаяся часть команды. Они разгребали завалы и выстраивали не востребуемые баки и прочий хлам вдоль дальней стены, освобождая основную площадь под производственные нужды. Удивительно, но все были трезвы, выбриты и работали слаженно, словно занимались этим всю сознательную жизнь. Платон не мог никого вспомнить ни по имени-фамилии, ни по кличке. Некоторых он видал впервые.

– Добрый день! – хором поздоровались они.

– Что происходит? – в который раз удивился Платон.

Какой-то малый лет сорока пяти, даже в трезвом виде вы-

глядящий непросыхающим пьяницей, катил бочку рядом с Платоном. Услышав вопрос, он остановился и пояснил:

– Расставляем имущество по плану.

Он показал сложенный вчетверо листок бумаги в клеточку, на котором каракулями трех разных почерков показывалось, что и где должно находиться в окончательном варианте.

– Тут про оборудование говорится... – Платон судорожно пытался вспомнить, не сообщал ли ему что-то Костыль по этому поводу.

– Как же без него? – пожал плечами работяга и покатил бочку дальше. Она скакала по неровностям бетонного пола и издавала жалобные поскрипывающие звуки, от которых у Платона кровь пульсировала в висках.

– Оборудование откуда? – спросил он, обращаясь неизвестно к кому. В свободном пространстве оказалась замечательная акустика, разнесшая эхо по всему помещению.

– Да будет вам оборудование! – заявил тридцатилетний детина с широкими плечами и атлетическим телосложением. Он без труда тащил на себе нечто, напоминавшее кабину самолета. Как Платон не силился, он не помнил этого товарища среди прочих доминошников.

– Откуда оно возьмется?

– Костыль найдет, договорится, – уверенно сообщил детина, продолжая шагать в выбранном направлении и не замечая тяжести на плечах. Геракл, не иначе.

«Что они задумали?» – разволновался Платон, надеясь, что эти манипуляции не станут ему в копеечку. Зря он Костылеву дал доступ к счету. Причем сам не понял, как это произошло. Он словно находился под гипнозом.

Работа кипела и явно двигалась в нужном направлении. При сохранении указанных темпов через неделю можно и готовую продукцию выпускать. С другой стороны, Платон привык самолично составлять план и контролировать выполнение пункт за пунктом. Сейчас он не чувствовал власти над происходящим. Это выводило из себя.

За воротами раздался шум подъезжающей машины. Платон ринулся на выход, прикрывая рот платком от пыли, стоявшей в помещении, и наткнулся на Костыля с Пеплом.

– Какое оборудование? – встретил он их вопросом.

– Хорошее, иностранное, – гордо сказал Костылев. – Новехонькое, почти не использованное.

– Бюджет не предусматривает дорогостоящих покупок! – категорично заявил Платон, готовый перейти на начальственный крик, полный праведного гнева.

– Зачем покупать? – удивился Костыль. – В современном мире все берется в аренду. Правильно, Пепел?

Пепел рассеянно кивнул, думая о своем. Под мышкой у него торчали большие тетради, судя по всему, представлявшие бухгалтерию новоявленного предприятия. Свободной рукой он почесывал кончик носа.

– Вам так легко отдали в аренду?

– Почему нет? Главное, выглядеть представительно, – молодцевато ответил Костыль. – У меня представительности – хоть отбавляй!

С этим трудно было не согласиться.

– Не переживай, – подбодрил Костыль, – я тебе и производство, и оборот, и окупаемость организую. Можешь в кабинет идти и дремать в удовольствие. У нас тут фирма, если надо, и веники будет вязать. Лицензия есть.

– Было бы неплохо, – у Платона в который раз за сегодня ухудшилось самочувствие, и он плохо соображал. – В смысле, никаких веников, и без них забот полон рот, – спохватился он.

Уже уходя, вспомнил:

– Что за переговоры с молокозаводом?

– Отличные переговоры, провели на высшем уровне, руководство молокозавода счастливо и готово немедленно приступать к сотрудничеству, – прихвастнул Костыль и пояснил: – У них есть выведенная из эксплуатации линия разлива в стеклянную тару. Ради нас запустят, чтобы разливать по пузырям наш продукт.

Платон об этом еще не думал, и не знал, расстроиться или обрадоваться. «Если все такие умные и предприимчивые, – подумал он, – почему район депрессивный?»

– Я ушел, – сказал он устало. – В конце дня приду и проверю, – добавил для острастки, не представляя, что именно нужно проверять.

– Сделаем по высшему разряду, – пообещал Костыль и отправился раздавать мотивирующие подзатыльники Клещу, задремавшему на коробках из-под яблок. – Не спать! Кто будет выдергивать из ящичков ржавые гвозди?!

– Ингредиент номер шесть, – вздохнул Платон.

33.

«Так не бывает», – думал Тальберг, разглядывая рельефный потолок над террариумами Шмидта. Лепнина по периметру была выполнена весьма небрежно и для виду. Взгляд цеплялся за изъяны и геометрические неправильности.

– И не такое бывает, – возразил Олег, раскуривая сигару в кресле Карла. – Уж я-то посмотрелся.

– Как я сюда попал? – удивлялся Тальберг, силясь вспомнить это невероятное событие, но в соответствующей ячейке памяти наблюдалась абсолютная пустота, не поддающаяся заполнению. – Меня в институт не пустили бы пьяного.

– Моя работа, – похвалился Олег. – Я за тебя автопилотом руководил и беседы с охраной вел. Чертовски сложно, когда у тебя язык едва ворочается. За твои нечленораздельные звуки до сих пор стыдно.

– Стыдно – это хорошо, – Тальбергу было плохо и поэтому безразлично. – Протрезвею, будем стыдиться по очереди, а пока хочу тишины и покоя. Кстати, ты кто такой?

Заяц глубоко и со знанием дела затянулся сигарой Don

Pedro, и прошептал:

– Твое подсознание.

– Понятно. Значит, пора лечиться.

– Не обязательно, я не болею, в отличие от некоторых.

– Зачем мне подсознание? – поинтересовался Тальберг. –

Мне и без него неплохо живется.

– Угу, – буркнул Олег. – Как бы ты без меня заметил, что Саня к твоей Ольге неровно дышит?

– Пусть дышит, куда хочет. Мне пофигу.

Тальберг закрыл глаза и ушел в сон, сквозь мучительную дремоту слушая, как громко и навязчиво идут часы. С характерным клацаньем дергалась минутная стрелка, и в глубинах мозга взбрыкивали и становились на дыбы извилины.

Он приоткрыл глаз. Олег продолжал сидеть на месте Шмидта и смотрел черными блестящими шариками, словно отлитыми из качественного пластика. В них отражались и кушетка, и лежащий на ней Тальберг со свесившейся до пола рукой. А может быть, они и впрямь пластмассовые? Кто ж знает, как из зайцев делают чучела...

Заяц голосом Шмидта проговорил с укоризной:

– Димитрий, ты меня расстраифать.

– Я не хотеть, – сказал Тальберг.

– Не пытаться говорить, спать, – приказал Олег, склонившись над тетрадками. Роскошная бесконечная сигара сменилась перьевой ручкой, которую заяц ловко удерживал лапкой. Он быстро писал, макая перо в стеклянную чернильни-

цу.

– Как ты... – начал Тальберг, но сдался и мысленно махнул рукой. Махнуть ею в реальности не хватало сил.

– Что «как»? – удивился Шмидт.

– Забудь.

Тальберг снова погрузился в тягучее забытие. На этот раз клацанье часов помогало делить бесконечный сон на равные порции, в зазоре между которыми он успевал проживать целые жизни.

Он воевал, бежал на врага с криками «Врешь – не возьмешь!», пока рядом с перекошенными лицами неслись одноклассники, держа штыки наперевес. Противники прятались в окопах, выставив для обозрения верхушки штальхельмов. Тальберг слышал свист пуль, но даже не подумал уклоняться и пригибаться, осознавая, что попал в сон и при особом желании может в одиночку изничтожить все вражеское войско. Он первым подбежал к окопу и соскользнул вниз по земле, раскрошившейся под подошвой сапога. Неприятельский солдат в зеленой каске стоял в паре метров от него лицом к линии фронта, не замечая крадущейся сзади опасности. Тальберг едва подавил желание засадить штыком в беззащитную спину, но внутренний кодекс честного человека не дал завершить дело быстро и безболезненно. Он схватил солдата за плечо и, пока тот не опомнился, развернул к себе лицом. На него смотрел Платон, по бредовым законам сна отрастивший усы и выющиеся бакенбарды и походивший на

писателя позапрошлого века.

Платон не изменил себе и в окопной грязи не отказался от галстука.

– Вот и встретились, – сказал довольный Тальберг. – Теперь ты в моем сне, и я могу скрутить тебя, как бог – черепуху.

Он душил Платона, но тот не подавал признаков удушья, а напротив, противно и не к месту смеялся.

– Что за человек! – возмутился Тальберг. – Во сне не может нормально сдохнуть, чтобы доставить хоть немного удовольствия. Жалко тебе? – вопрошал он.

Клац.

Над ними склонился Шмидт с заячьими ушами.

– Димитрий, ты застафлять волноваться. Не нужен вызывать врач?

Тальберг отрицательно мотнул головой. Ему неплохо лежалось на кушетке безо всяких врачей.

– Ты меня понимать?

– С трудом, – Тальберг понимал, но не хотел говорить. – Я ушел отдыхать.

В следующий раз он увидел Олега в замечательной кепке с огромными полями размером в небольшой аэродром.

– Вах, такой кароший человек проснулся! – обрадовался заяц. – Не пора ли настоящему джигиту опохмелиться?

Похмелья не мучало, но желание «раздавить пузырек» никуда не делось. Тальберг почесал репу, пытаясь заодно

ущипнуть себя по сильнее для выяснения, спит он или нет. К сожалению, он пребывал в пограничном состоянии, когда особой разницы не ощущалось – хоть во сне, хоть в жизни – он ничего не чувствовал.

– Что у тебя есть? – пробормотал он с закрывающимися глазами.

– Ничего. Но сейчас будет, – сказал заяц. – Денег дай!

– С деньгами любой дурак... – начал Тальберг, но полез за пазуху с надеждой, что хоть что-то заваялось. Рука нащупала бумажку, с триумфальным видом извлеченную на свет.

– Вот!

– Что «вот»?! – возмутился Олег. – Мне не продадут «пузрь» за квитанцию об оплате за пользование домофоном.

– Прошу прощения, – Тальберг снова устремил руку во внутренний карман, где обнаружил еще одну бумажку и вытащил ее, надеясь, что это не квитанция за пользование антенной. – О! – обрадовался он. – Должно хватить!

Олег выхватил ассигнации и умчался между рядами террариумов.

«Интересно, – подумал Тальберг, – каким образом подсознание может бегать в магазин?» Он моргнул, а когда глаза открылись, на тумбе у кушетки стояли две бутылки черного цвета. Сами бутылки почему-то щеголяли широким горлышком, отчего пить из них не доставляло удовольствия, но на этот случай пригодился одноразовый стаканчик, в который Тальберг с третьей попытки налил пятьдесят грамм тря-

сущимися руками.

Уже разлив, он заметил на бутылке этикетку с вензелями и надписью «Лоскутовское черное золото». Рядом для ясности пририсовали шариковой ручкой: «платоновка 0, 7».

– Что это? – удивился он, даже сквозь спутанность сознания и нетрезвость суждений догадавшись, зачем Платону понадобилось увеличивать добычу краенитовой пыли. – Сукин сын! Вот тебе и тесное сотрудничество! Ради этого меня и сдали.

Он в один прием опустошил стакан, словно заправский забулдыга, и принялся жаловаться зайцу на несправедливость, повсюду окружающую честного человека.

– ...и вот потратил пятнадцать лет на науку, – говорил он, с трудом ворочая языком, – чтобы какая-то скотина в пинжаке и галстуках мои научные достижения пустила на производство этого... этой... «черного золота»... Разве есть в жизни справедливость? – вопрошал он у зайца.

– Откуда ты взять этой дрянью? – сурово отчитывал Олег голосом Шмидта. – Тебя нельзя остафить на секунда! Может посфанить Элизабет, и она забрать тебя?

– Не-е-е, – мычал Тальберг. – Домой никак нельзя. Меня выгнали.

Последние события он помнил плохо и с большими пробелами, но осуждающее лицо Лизки врезалось в память, словно его выжгли тавром на заднице у жеребенка и теперь оно ныло и чесалось, не желая заживать.

Именно в эту секунду он любил ее больше всего и хотел обнять, но Лизка порыва нежности не оценила и сказала:

– Не ожидала от тебя такого!

Тальберг с ней согласился. Он и сам от себя такого не ожидал. Потом вспомнил Платона и объявил, щурясь и борясь с икотой:

– Я все про вас с Платоном знаю! Все-е! Ик!

– Опять? – не на шутку разошлась Лизка. – Что ты мелешь?

– Не мелю, – Тальберг понизил голос для солидности и пущей таинственности. – Он ко мне на чай забегал и все-е-е рассказал.

– Не мог он ничего рассказать, потому что рассказывать нечего, – отрезала Лизка.

– Почему? Очень даже есть чего. Ольга – его дочь?

– А ты не догадывался? – съязвила Лизка. – Столько лет прожил, а теперь прозрел.

– Представь себе, не догадывался, – Тальберг тяжело вздохнул. – Тогда он ляпнул про какого-то хахала.

– А ты поверил?

– Я доверчивым был. Теперь доверчивость испарилась, а я остался.

– И что дальше? – спросила Лизка, радуясь, что Ольга еще не вернулась из школы и не слышит всего этого безобразия.

Тальберг сконцентрировался и изрек уже решенное:

– Я понял! Я своим существованием мешаю вашему без-

облачному счастью. Поэтому я обязан удалиться.

– Але! Куда ты собрался удаляться? – Лизка ухватила встающего Тальберга за рукав. – Вернись обратно!

– Женщина! – он едва не перешел на фальцет и закашлялся. – Не смей останавливать, я должен!

Следом наступил какой-то разрыв, после которого Тальберг обнаружил себя лежащим на кушетке.

– Димитрий, – говорил Карл. – Мне больно смотреть, как ты портить старофье. Это невозможно!

– Мне нужно. Я в одну секунду потерял все, что у меня было.

– Нет! – категорически возражал Шмидт. – Я знать тебя, ты не можешь так низко опуститься и как это сказать... просрать все.

Тальберг с удивлением посмотрел на него. От культурного и вежливого Карла таких слов он не ожидал.

– Ради чего жить? Жены и дочери у меня нету. Работа накрылась медным тазом. Целей нет, смысла дальше в существовании тоже не вижу. Я уже... как ты хорошо выразился... просрал все.

Силуэт Шмидта зашатался, заколебался, словно отражение в воде, и растворился в темноте.

34.

Саня находился в состоянии перманентного стресса.

Пропал Тальберг и, несмотря на попытки выяснить его местонахождение, оставалось необъяснимым, куда он подевался и как долго собирается отсутствовать.

В институте о нем не слыхали, хотя однажды Саня вышел из кабинки в туалете, встал у окна, заправляя рубашку в штаны, и заметил в институтском дворе человека, издалика походившего на Тальберга. Человек этот левой рукой придерживал не по размеру маловатый кожаный плащ и, поглаживая опухшую небритую щеку, нетвердым спотыкающимся шагом пересек двор, исчезнув за воротами.

«Это точно не Тальберг», – подумал Саня, хотя и не мог объяснить, как посторонний человек без пропуска попал на территорию института.

С работой дела обстояли и вовсе прискорбно. Имея за плечами опыт изготовления первой установки, вторую закончили быстро, особенно с помощью братьев Трофимовых. Истекал срок, отведенный на выбор «счастливчика», остающегося в группе для добычи краенитовой пыли.

Большая часть рабочего времени проходила «на раскопках». Первой установкой, оснащенной оптическим концентратором, Саня вырезал краенит и отвозил в институт, а Плотников на втором агрегате – без концентратора – превращал куски в пыль.

За пылью ежедневно приходил странный субъект помятого вида с отсутствующей запонкой на рукаве. Он расписывался в журнале учета напротив веса.

– Вы из военного ведомства? – спросил как-то Саня.

– А? Ну да, из военного.

Однообразная работа удручала. Стоять весь день и крутить маховики быстро надоело. Нервировала даже форма маховиков. Видимо, излучение установки сказывалось на здоровье не лучшим образом, и к концу дня раскалывался череп.

Саня брал в дорогу анальгин и в обед превентивно выпивал две таблетки, прочитав в инструкции о возможных последствиях в виде шума в ушах и нарушениях сознания при передозировке. Установка низкочастотно гудела, поэтому наличие шума он заметит не скоро, а вот голова и вправду болела меньше.

На третьи сутки он почувствовал, как тупеет не по дням, а по часам. Приходя домой, ел и засыпал сном, похожим на потерю сознания. Лера по вечерам настойчиво требовала поиграть с ней, но он, падая от усталости, просил:

– Давай я посплю, а завтра обязательно сыграем.

Лера плаксивым голосом отвечала, что он говорил это вчера, и сегодня такой маневр не пройдет. Он клялся обратиться с силами и сдержать обещание, подсознательно осознавая невыполнимость клятвы.

Каждый раз, трясясь в институтском микроавтобусе, он думал о прекрасных перспективах уволиться и забыть Край, установку и институт, как страшный сон. Но кусок краенита в мухинском сейфе означал безвыходное рабство.

Платон требовал работать шесть дней в неделю, обещая достойное вознаграждение. В качестве доказательства Сане персонально выплатили неплохой аванс.

– Ты не стесняйся, – подбадривал Платон располагающим тоном. – Обращайся при любых проблемах. Я же не зверь, всегда готов помочь хорошему человеку.

Сане менее всего хотелось обращаться к Платону с личными вопросами.

Лучше всех дела обстояли у Устрицыной и Моржова. До работав оптический концентратор, они наслаждались вынужденным бездельем и увлеченно занимались друг другом, распивая наедине чай в закутке, где любил отдыхать Тальберг. Там их никто не видел, но, к сожалению, прекрасно слышали, как Виктор отвешивает Насте двусмысленные комплименты, на которые она отвечает глупым хихиканьем.

По долгу службы следовало зарубить всю эту вакханалию на корню, но Саня испытывал неловкость, раздавая распоряжения людям старше него.

От краенитовой пыли тошнило. Вид тонкой струйки серого водопада, сыплющегося из-под режущего луча, практически отпечатался на сетчатке. День такой работы воспринимался вечностью.

Единственным днем, когда жизнь обретала смысл, оставалось воскресенье. Саня спал до десяти утра, затем два часа играл с Лерой в дочери-матери, преимущественно изображая отца семейства, сидящего в кресле без движения и пью-

щего несуществующий чай из игрушечных чашек. Особенно вкусным получился воображаемый торт из копченых макарон, жареной селедки и кусочков манго.

Когда наигравшаяся Лера принимала послеобеденный сон, он решил воспользоваться случаем и прогуляться, потому что неделю ничего не видел, кроме сырой и темной стены Края. Хотелось ярких впечатлений, чего-то светлого и положительного, способного придать сил до следующего воскресенья.

Он отправился в парк и уселся на свободную скамейку на солнце, поедая купленный тут же шашлык, стоивший столько, словно на его приготовление ушел целый баран. Сания не смог побороть искушения – под каждым кустом люди сидели группами и жарили на углях мясо, распространяя по парку прекрасный запах дыма, возбуждающий аппетит даже у сытого и объевшегося.

Когда он доел последний кусок и вытирал пальцы салфеткой, промелькнула знакомая фигура.

– Оля! – позвал он по инерции и мгновение спустя осознал ошибку.

Ольга с подругой подошли к нему. Он поспешно выбросил в урну испачканную салфетку, словно преступник, избавляющийся от улики в присутствии следователя.

– Екатерина, – познакомила Ольга с подругой. – Моя одноклассница.

Он смущенно кивнул Кате, на которую раньше и смотреть

бы не стал – склонная к полноте, с бешеной страстью к косметике, но при этом демонстративно раскованная. Положительные достоинства, замеченные при беглом осмотре, сводились к отсутствию леопардовых лосин, хотя не исключалось их появление в будущем. При малом росте – еще ниже Ольги – она умудрялась смотреть на Саню свысока оценивающим взглядом, словно на дорогой кусок сыра на витрине.

– Саша, – представился он и замолчал.

Он старался не смотреть на Ольгу, потому приходилось глядеть на Катю. Это оказалось большой ошибкой. У польщенной вниманием Екатерины в зрачках блеснули искры, а рот растянулся в хищной улыбке. Подсознательно он почувствовал легкую тревогу за собственную безопасность.

Неловкое молчание нарушила Ольга, разглядывавшая измученное Санино лицо.

– Неважно выглядишь.

– На работе устаю зверски. Приходится пахать в одиночку, – он вспомнил о Тальберге и решил задать мучивший его вопрос: – Кстати, когда твой отец появится в институте?

– Не знаю. У них с мамой что-то не срослось, но она не признается.

Она расстроено нахмурила брови, и он не стал выпрашивать подробностей, не желая огорчать еще больше. Он чувствовал непроходящую неловкость, вспоминая последнюю встречу, и постоянно запинаясь.

– Ничего такой, – Катя поедала его глазами. – Симпатиш-

ный.

Не зная, как реагировать на подобные замечания, он сделал вид, что ее не услышал, хотя сильно смутился.

Ольга тоже засмутилась и сказала:

– Мы, наверное, пойдем.

– Почему? – влезла Катя. – Можем вместе прогуляться. Я никуда не спешу.

– Хорошо, – сдался Саня, и они пошли по главной аллее шеренгой, при этом Катя оказалась в середине. Она предложила посидеть кафе возле стадиона, и за неимением альтернатив пришлось согласиться.

В кафе играла громкая музыка, чего Саня не любил. В такие места приходят пообщаться, а как общаться, если себя не слышишь? Однако сейчас он воспринял страшные грохочущие звуки с благодарностью.

Выбрав из свободных столиков самый чистый, они расселись. Саня оказался напротив Ольги, а Катя села по правую руку от него.

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – спросила она, подмигивая.

– Не знаю, – ответил он, сжав зубы. – Наверное, нет.

– Зря, – расстроилась Катя. – Я верю. У меня папа и мама так познакомились. Папа увидел маму и сразу понял, что у них это на всю жизнь. Так романтично получилось. Они, конечно, потом развелись через три года.

Он едва не фыркнул, но сдержался.

– Хочу молочный коктейль, – категоричным тоном объявила Катя, и они заказали коктейли.

Время в ожидании заказа Ольга провела в молчании, рассеянно улыбаясь, но неловкости за столом не наблюдалось. Екатерина оказалась на редкость общительной девушкой, заполняющей собой все доступное пространство.

– Я потрясающе романтичная и люблю цветы, – тархтела она, не переставая, и даже огромная акустическая колонка не могла заглушить ее голос, проникающий глубоко внутрь и резонирующий в черепе. – Мечтаю поехать в какое-нибудь потрясающее место с красивой башней, на которую мы могли бы подняться, и на высоте в сотню метров над всем миром он бы сделал предложение, от которого невозможно отказаться. Ради такой романтики я согласна на все – умереть тоже надо романтично и в один день. В жизни все должно быть красиво, ведь, правда?

Саня обреченно кивал, не готовый высказывать личные соображения.

– Такие красивые девушки, как я, должны прожить жизнь красиво, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Он понял, что смерть Кати в конце красиво прожитой жизни состоится по любой причине, кроме скромности.

Запас нервов у него иссякал, но проклятых молочных коктейлей все не несли.

– Александр, – промолвила Екатерина с придыханием и

глазами навывкате. Саня испереживался, как бы они не вывалились. – Вы кого-нибудь любите?

– Почему на «вы»? – не понял он.

– Так романтичнее.

«Логично, – подумал он, – мог бы догадаться».

– Ну? – у Кати вопросительно поднялись обе брови.

– Чего «ну»? – растерялся он.

От необходимости отвечать на столь скользкий вопрос – особенно в присутствии Ольги – избавила девушка-официантка, принеся долгожданные коктейли.

– Какая вкуснотища! – Катя за один присест всосала через соломинку треть стакана. – Люблю мороженное. Люблю все вкусное.

Вкусным, видимо, она считала ВСЕ. Она бы с не меньшим удовольствием и кору дерева грызла, если бы принесли, подумал Саня.

Надежды, что Катя временно будет занята коктейлем и оставит его в покое, не оправдались. Стало только хуже. Она перестала рассказывать про себя и принялась допрашивать его.

– Чем занимаешься?

– В институте работаю, – буркнул он.

– Чем именно? – не унималась она. – Это как в кино, когда все ходят в белых халатах и с умным видом говорят непонятные ученые штуки?

– Да, – он решил, что проще согласиться, чем рассказы-

вать, как происходит на самом деле.

– Вы над чем-то интересным работаете?

– Секретная информация, – ответил он, теряя терпение.

К его досаде, упоминание секретности привело Катю в небывалый восторг.

– Было бы интересно оказаться у вас на работе, думаю, там увлекательно и красиво. Я только в фильмах видела, но всегда мечтала там оказаться. Мне всего хочется попробовать и везде побывать, а если захотеть, романтику можно найти в любом месте.

– Ага, у нас запредельно романтично, – он вспомнил угнетающие зеленые стены НИИ, десятилетиями не тронутые рукой маляра.

Она замолчала, и Саня обрадовался, когда резкий голос перестал сверлить череп, но радость оказалась преждевременной.

Делая очередной глоток из стакана, он почувствовал, как холодная ладошка Кати забралась ему под низ футболки. Он дернулся, словно наступил на гвоздь.

Летний столик подскочил, Ольгин коктейль потерял равновесие и опрокинулся. Белая жидкость растеклась по пластику и через край закапала на платье Ольги.

– Что ты такой пуганый? – Катя хищно улыбалась.

Ольга вскочила как ужаленная, но поздно – две жирные капли попали на подол зеленой юбки.

– Что за день... – пробормотала она и ушла искать жен-

ский туалет, чтобы привести себя в порядок.

Саня сидел с чувством вины, как истукан. Катя воспользовалась отсутствием подружки и прильнула к нему, взяв за руку. Он на невербальный контакт не отреагировал.

– Ты с Ольгой не встречаешься? – спросила она с подозрением.

– Вероятно, уже нет, – он заметил, как у Кати пугающе заискрились глаза.

Вернулась Ольга, увидела прильнувшую к Сане Екатерину и хмуро сообщила, что хочет домой.

– Какая жалость, – протянула Катя, – мне тут понравилось. Музыка хорошая.

– Романтично, – подсказал Саня, глядя на Ольгу.

– Точно, – обрадовалась Катя, – я слово удачное подобрать не могла.

Ольга шла, спотыкаясь и пытаясь на ходу прикрывать маленькой белой сумочкой темное жирное пятно на юбке. Екатерина ни на секунду не умолкала, и, наверное, во всей вселенной не существовало силы, способной заставить ее замолчать.

– Потом он ушел и больше я его не видела. Хотя никогда себе и представить не могла, какая же у жирафа длинная шея... – беззаботно щебетала она.

К счастью, она жила рядом с парком. На подходе к ее дому, она полушутками намекала, что предпочла бы первой проводить Ольгу и остаться наедине с Саней. Его же, наобо-

рот, такой порядок вполне устраивал.

– Было очень приятно, – весело сказала Катя, и он подумал, что жизнерадостные люди тоже нужны.

На секунду он потерял бдительность. Катя неожиданно поцеловала его в щеку и, не дожидаясь ответной реакции, направилась к подъезду, перекидывая сумку на другое плечо. Напоследок обернулась и помахала рукой.

– Хм, – хмыкнула Ольга. – Меня провожать будешь или нет?

– Конечно, – рассеянно ответил он. – В смысле, конечно, да.

В отсутствие Кати мир стал чище и просторней. Саня наслаждался наступившей тишиной, но вскоре неловкое молчание снова начало угнетать.

Он не удержался и спросил, действительно ли у них ничего не получится. Ольга в ответ съязвила:

– Как я могу мешать счастью лучшей подруги?

Его передернуло. Он сказал, что Катя не в его вкусе, положительно отметив нотки легкой ревности в тоне Ольги.

– Почему же?

– Не интересно, – ответил он. – Мне кажется, после этого вы можете перестать быть подругами.

Остаток пути прошли в полном молчании. Ольга шла рядом, в полуметре, задевая его рукавом, и в то же время была бесконечно далека и недостижима. И этого становилось тоскливо.

Утром пришел распираемый от гордости Костылев. С плеча свисала кожаная сумка с длинным ремнем, в которую он складывал пожитки, чтобы не мешали орудовать костью.

– Первая партия, – объявил он с порога и достал из сумки бутылку.

Платон взял пробный образец. Бутылка с широким горлышком выглядела диковинно и несуразно.

– От кефира. Временное решение, – пояснил Костылев. – Новые уже формы заказали, приедут на следующей неделе. Нам повезло, готовые нашлись.

Платон внимательно изучил этикетку.

– Лоскутовское черное золото, – прочитал он нараспев, пробуя название на вкус. – Длинное и провинциальное.

– Неважно. Называй, как хошь, но мужики все одно будут звать по-своему.

– И как же? – полюбопытствовал Платон.

– Знамо как. Платоновка.

У Платона опасно выкатились глаза. Костылев стушевался и суетливо пояснил:

– Ничего не попишешь, прижилось. А над официальным названием поколдуем. Если не понравится, поменяем. Мы с мужиками устроили голосование, победило золото.

– Сколько вариантов участвовало в конкурсе? – поинте-

ресовался Платон, догадываясь, каков будет ответ.

– Семь.

– Красивое число.

– Угу. Что с названием делать?

– Хорошо. «Черное золото» так «Черное золото».

– Кстати, этикетку Клещ нарисовал, – похвалился Костылев. – Он художником-оформителем работал, но решил попробовать деньги рисовать, а когда отсидел, передумал. Но талант не пропьешь, ишь какая красота! – Костыль с любовью посмотрел на бутылку. – Неудобно только вручную клеить наклейки, нужно автоматизировать процесс.

– Пока и так сойдет, – остановил полет мысли Платон, опасаясь, как бы при НИИ еще и типографию открывать не пришлось. «В самом деле, – подумал он, – где это отпечатали?»

Костылев по-молодому резво ускакал на костыле принимать новую технику, а Платон позвонил Валентине и узнал последние новости, сводившиеся к тихому саботажу Лужинским мероприятий по программе развития региона.

– Как Котов? – спросил Платон и добавил оправдательно: – Работы вагон и маленькая тележка, хочу заглянуть, да некогда.

Работы действительно хватало, но при желании выкроить время для Демидовича получилось бы. Однако не хотелось. Он оправдывал себя успешным выполнением поручения Котова.

По словам Валентины, Котов по-прежнему лежал на стационаре, но шел на поправку, для своего возраста хорошо держался и собирался в ближайшее время вернуться в строй. Совсем скоро.

«Скоро – довольно растянутое понятие», – подумал Платон, прикидывая сроки, необходимые на полное развертывание и наладку производства платоновки. Он положил трубку и подошел к окну. На противоположной стороне в одиночестве стоял краепоклонник – тот самый, с грязной бородой из косичек. «Чего тебе дома не сидится?», подумал с досадой.

Отворачиваясь от окна, заметил три грузовика, завернувших во двор института. Видать, приехала обещанная техника. Он вышел из приемной и пробежался в другой конец коридора к окнам, выходящим на противоположную сторону. Грузовики маневрировали возле ворот производственного помещения, пока Костылев показывал охране пропускные документы, подписанные Кольцовым.

Наконец, Костылев пересек двор и, размахивая костылем, принялся руководить разгрузкой. Бригада доминошников извлекала из недр грузовика различной формы конструкции. На свет появились печь-котел, бочки, трубки, огромные котлы и стеллажи. Платон в них не разбирался, но решил выловить Костылева – пусть покажет всю технологию и объяснит предназначение каждой из этих штук.

«Немыслимый прогресс за считанные дни», подумал Платон в противоречивых чувствах. Излишняя самостоятель-

ность Костылева вела либо к неудаче, либо к потере контроля над процессом. Неизвестно, что хуже.

Платон вернулся в кабинет и просмотрел по журналу статистику добычи краенита. Ситуация требовала вмешательства, за три дня производительность вплотную приблизилась к нулю. Он надеялся на разовое отклонение, но прослеживалась очевидная отрицательная тенденция. Так дальше продолжаться не может.

Вызывал Саню. В вопросах, касающихся краенитовой пыли, он предпочитал личное общение, не доверяя телефону.

Через двадцать минут, когда хотел звонить повторно, пришел Саня, безжизненно волоча ноги и придерживая руку со снятым гипсом.

– Плохо выглядишь, – сказал Платон.

Саня пожаловался на сильную усталость. Он был готов на все, только бы покончить с добычей проклятого краенита, сидящего в печенках.

– погоди, погоди, – принялся увещевать Платон, чувствуя, как угрожает обрушиться вся стройная система. – Не спеши с поспешными заявлениями, о которых впоследствии пожалеешь.

Кроме Сани, никто не знает установку комплексно и не способен отремонтировать в случае поломки, а Тальберг исчез и не явился на военные сборы. «Как вы мне оба дороги! – подумал Платон – Поувольнять бы всех к чертовой бабушке!»

– Не хочу, – отказался Саня. – Хоть режьте.

Он пригорюнился и повесил нос.

– Резать не будем.

Платон понял, что лаборант измучен до предела и кнут не подействует. Оставался пряник. Платон прикинул, что Сане грех жаловаться на отсутствие денег, следовательно, вся загвоздка крылась в личной жизни.

– Проблемы на любовном фронте?

– Это тоже, – признался Саня.

Платон достал из сейфа опытный экземпляр «Лоскутовского черного золота» и налил в стакан, оставшийся от чая.

– Пей.

Саня отказался. Он не хотел пить эту гадость, но Платон повторил еще суровей:

– Пей!

Властный голос сработал, и Саня, превентивно скривившись, выпил.

– А вы?

– Мне нельзя, я на работе. Теперь рассказывай.

Саня невнятно покачал головой.

– Девушка? – допытывался Платон.

Саня кивнул, но подробностями делиться не желал. Платон не отчаивался и надеялся на платоновку.

– Повздорили?

– Что-то вроде, – подтвердил Саня, но менее унылым голосом. – Она сказала «нет».

– Найди ту, которая скажет «да», – беззаботно посоветовал Платон. – При достижении соответствующего социального статуса это решается непринужденно.

Он вступил в ту область, в которой хорошо разбирался и не смог удержаться от лекции о взаимоотношениях полов. Он поведал, что женщины – это существа ненадежные, да и вообще люди сами не знают своих желаний. Именно поэтому их надо подталкивать в нужном направлении и заставлять делать правильные вещи вопреки их собственным представлениям.

Вот и женщина, говорящая «нет», на деле имеет в виду «да», но Саня в силу молодого возраста не усвоил сей азбучной истины. И вообще, мужчина обязан подходить к противоположному полу с позиции силы. Так задумано природой, и ничего поделать нельзя.

– «Нет» почти всегда означает «да», – повторял Платон главный тезис. – Если бы наши предки отступали каждый раз, когда женщина говорит «нет», человечество бы вымерло.

Разглагольствуя, он не забывал подливать настойку в стакан присмирившему Сане и визуально оценивал эффект, достигнутый платоновкой, с удовлетворением отмечая, как пациент веселеет и заражается спортивной злостью.

– Именно так и обстоит дело, – закончил Платон проникновенную речь.

– Так что делать-то? – спросил Саня. Допустим, «нет» –

это «да», но оставалось неясным, что с этим знанием делать.

– Как что? – переспросил Платон. – Действовать. Брать силой чужое, иначе останешься без своего.

– Брать чужое – нехорошо, – сказал Саня неуверенно. Трудно быть уверенным в чем-либо, когда «нет», оказывается, не означает «нет». – Кстати, а «да» тоже означает «да»?

– Конечно.

– Тогда выходит, ответа «нет» в принципе быть не может, – Сане огромных усилий стоила попытка мыслить логически.

– В этом и состоит идея. При достаточных стараниях нет ничего недостижимого.

Саня не ответил, переваривая новые для него социокультурные законы, противоречившие его жизненному опыту.

– Так, – Платон увидел, что лаборант находится в том состоянии, когда о работе нет и речи. – Сегодня у тебя выходной, но с условием, что завтра выйдешь на работу и будешь, как огурчик, в смысле свеж, а не зелен. И план будет выполняться. Хорошо?

Саня неопределенно кивнул.

Он со второй попытки открыл дверь лаборатории. Плотников опять жрал рыбу. Он работал хорошо, установка слушалась его, как родная, и Саня подумывал оставить в группе именно его, пока все остальные вынужденно бездельничали – научными исследованиями уже и не пахло.

Зато воняло рыбой, и этот запах убивал Саню. Он ненави-
дел сельдь, креветок и прочих кальмаров, а от сильной вони
и вовсе могло стошнить. Сейчас ситуацию спасало то, что он
не чувствовал никаких ароматов вообще.

– Приятного аппетита, – угрюмо пожелал он.

– Спасибо, – сглотнул Плотников, заметив, что Саня не
похож на себя. – Я уже поел.

– Меня до конца дня не будет.

– А чем мне заниматься? Я вчерашний краенит весь на
пыль переработал, а нового нет.

Плотников схватил пластиковую банку и протянул Сане
для иллюстрации результатов проделанной за утро работы.

Саня отмахнулся, но из-за ухудшившейся координации не
рассчитал и едва не выбил банку из рук Плотникова. Пыль
подпрыгнула, и краенитовое облачко взмыло ввысь.

Плотников прикрыл рот ладонью, соблюдая технику без-
опасности. Он даже при нарезании краенита надевал «лепе-
сток». Саня, напротив, не пользовался фильтрами. Он в них
потел и задыхался.

– Крышку не закрыл, – посетовал Семен. – Несколько
грамм просыпалось, теперь баланс не сойдется.

Тяжелая пыль быстро осела на пол, но Саня закашлялся.

– Исправишь в журнале, переживут, – прохрипел он
сквозь кашель. – Ауфвидерзеен.

Он ушел, оставив в недоумении Плотникова, так и не по-
нявшего, чем заниматься до конца дня.

Спускаясь по лестнице, почувствовал знакомую головную боль. На виски словно давили пальцами, а в глубинах черепа пульсировали слова «нет – это да».

Улица встретила горячим ветром, обжигаяще бьющим в лицо. Отходя от здания, задрал голову, взглянул на окна и увидел в одном из них Платона, который ободряюще кивнул и пропал в темноте кабинета.

36.

Конец мая выдался по-летнему жарким. Учиться не хотелось, но впереди маячили выпускные экзамены, к которым следовало тщательно готовиться, преодолевая лень.

Катя шла рядом с Ольгой и трещала без умолку в привычной манере. В ответных репликах она не нуждалась, и любой ее собеседник автоматически превращался в простого слушателя.

– Ты видела Андрея? – говорила она. – Тот, у которого «крылья» и грудь, и задница такая, у-ух... От одного вида покусать хочется. Встретила вчера в супермаркете, охранником работает. Ходит, важный, между рядами, высматривает воришек...

Ольга знала Андрея. Он учился на год старше и имел сногсшибательную спортивную фигуру, от которой девчонки млели и теряли волю. Но по неписаному закону вселенского равновесия физическая притягательность компенси-

ровалась тугоумием – окончив школу, он никуда не поступил. Его квалификации хватило только на должность охранника в магазине. Вследствие сего прискорбного факта его привлекательность упала в цене для всех, кроме Кати.

Про существование Сани она ни разу не заикнулась. Скорее всего, в силу ветреного характера она напрочь о нем забыла, переключившись на других потенциальных воздыхателей, в число которых записывала каждого встречного подходящего возраста и пола.

Рассеянно попрощавшись с Катей, Ольга отправилась домой, раздумывая, куда подать документы на поступление. С математикой дела обстояли неважно. Сергей Сергеевич на уроках смотрел поверх ее головы, изображая страшную заинтересованность происходящим на задних партах. Хотя тройки в промежуточных контрольных сменились четверками с минусами, на вступительных экзаменах они спасут. Эх, зря она открылась Тоцкому и все испортила. Черные кошки впивались в душу остро заточенными когтями.

У подъезда ждал Саня. С взъерошенным видом он прятался под деревом. Резкая тень от веток скрывала половину лица, и это выглядело пугающим. Во всяком случае, Ольга вздрогнула.

– Ой! – воскликнула она, приближаясь к нему с опаской и разглядывая его преображенное тенью лицо. – Привет.

Саня вместо приветствия изрек загробным голосом, исходящим из резонирующих утробных глубин:

– Хочу поговорить начистоту. По душам.

Он не совсем трезв, поняла Ольга. Она не видела его таким и не знала, чего от него ожидать в подобном состоянии.

– Саша. Поговорим позже, когда ты не будешь... таким...

– Потом мне духу не хватит выговориться, а сейчас я могу сказать все!

Подвыпивший Саня проявлял несвойственную ему грубость и отчаянную решимость.

– Говорить не о чем. Особенно, когда у мужчины не хватает храбрости для простого разговора. Ничего хорошего не получится, если тебе необходимо «принимать» для смелости.

– У нас и так не получается.

– Вот видишь, – Ольга попыталась прошмыгнуть мимо.

К ее досаде, отвязаться от Сани не удалось. С пугающей настойчивостью он последовал за ней, не обронив ни слова и ни на шаг не отставая. Поднимаясь на третий этаж, она чувствовала шейей его горячее прерывистое дыхание.

Долго доставала из ранца ключ, зацепившийся кольцом за нитку на дне и не желавший извлекаться. Саня стоял рядом и сопел.

Вошли. Ольга отметила непривычную тишину в квартире. Даже сквозь старые окна с улицы не проникало ни звука. Мать, к сожалению, еще не вернулась из садика. Ольга испытывала болезненную тревожность, готовую трансформироваться в панику. Не очень трезвый Саня не сдавался и на-

стырно ломился в прихожую. «Он на взводе и вот-вот сорвется», внезапно поняла она, с ужасом представляя последствия срыва.

Она разулась, умышленно отводя взгляд, и осторожно спросила:

– Будем молчать?

Он отозвался:

– Не могу так.

– Как «так»? – переспросила она. – Не можешь, не продолжай. Я же не заставляю есть кактус и колоться. Я открытым текстом сказала – у нас ничего не выйдет.

– Не получается, – его голос утратил интонации, будто в него вселился робот и захватил управление над телом и разумом. – Я пробовал.

– Ну-у-у... – протянула Ольга, подыскивая слова, способные раз и навсегда объяснить ее чувства. – Мне нравится другой... – она запнулась, – ...мальчик.

– Кто? – спросил он безучастно. – Как зовут?

– Неважно.

Саня не поверил и безучастным механическим голосом монотонно твердил:

– Не верю. Не могу без тебя. Думаю о тебе. Я пробовал. Не выходит, – бормотал он, как сумасшедший. Затем внезапно заунывный стон сменился угрожающим хрипом: – Ты виновата, что я не могу ни жить, ни работать.

Ольга от подобной наглости сперва опешила, а потом в

мозгу перегорел предохранитель, и она неожиданно сильным для маленькой комплекции голосом зло закричала, испугавшись собственного крика:

– Вон! Убирайся! Не хочу видеть! Оставь в покое!

Она добавила, что его не держит и он может катиться на все четыре стороны. Саня от крика поник, надломился и пошел на побитого щенка.

На секунду его стало безумно жалко. Он мальчик хороший, хотя и наивный. Подумалось, что визг услышат соседи, решат неизвестно что и милицию вызовут, и она замолкла.

Но Саня резко выпрямился, ожил, и она увидела неестественно бледное лицо и страшные глаза с огромными зрачками. Он двинулся к ней. Она попятилась, переступая деревенеющими ногами, и приготовилась кричать, не веря в способность Сани на подлый и жестокий поступок.

Холодная стена уперлась в спину, нога коснулась тумбочки. Пути к отступлению закончились.

– «Нет» означает «да», – пробормотал Саня, – иначе и жить не стоит.

Ольга тихонько вскрикнула.

Он сделал широкий последний шаг и неуклюже обхватил ее, как семиклассник на репетиции в школьном драмтеатре – неумело, негнушимися граблями вместо рук. Объятия получились сильные, но осторожные. Он попытался поцеловать, но она отворачивалась, и губы попадали ей в щеки. Жесткая щетина на Санином подбородке больно царапалась, и у Оль-

ги горело лицо, будто по нему водили наждачной бумагой.

Уворачиваясь от навязчивого поцелуя, она настойчиво пробовала оторвать Санины руки, повторяя:

– Саша, не надо.

Ему надоела эта игра. Он обхватил сильнее и начал сдирать одежду.

Ольга боролась, но против Сани была беспомощна. В отчаянии она наугад била руками, но он не замечал ее усилий и сжимал все сильнее. Отчаявшись, она ударила его по предплечью, и Санино лицо перекосила гримаса боли.

– Трещина, – взвыл он зверем, но легче не стало. Он не отпустил ее и снова полез поцеловаться, словно смысл жизни заключался в этом поцелуе.

– Саша...

Ольга опять увернулась. Мысль о поцелуе с существом, в которое превратился Саня, вызывала отвращение. Она хотела закричать, позвать на помощь, но как ни старалась, не могла даже простонать. Нерожденный крик застрял в горле и в астматическом приступе сдавил грудь.

Она слышала, как трещит ее любимое голубое платье, и этот звук показался самым страшным в ее жизни, словно рвалась не ткань, а она сама.

По щеке скатилась слеза.

Слабых ударов маленьких кулачков не хватало, чтобы изменить судьбу. В бессилии Ольга прекратила бороться и обмякла. Саня ослабил хватку, сосредоточившись на расстеги-

вании молнии на платье. Он сам не знал, на кой черт ему сдалась эта молния, и тоже боялся грядущего.

— ...не надо, не надо... — зашлась Ольга в тихом плаче, утратив последние крупницы надежды. Еще миг и случится страшное, и вся ее жизнь поделится на до и после этого мгновения.

«Нет, не так. Это не должно произойти, особенно так. Некрасиво, мерзко, отвратительно», вдруг подумалось ей. Угол тумбочки уперся острием в правую ногу, напоминая о своем существовании. Ольга судорожно водила рукой по столешнице в поисках подходящего предмета.

Есть!

Она схватила удачно подвернувшегося пузатого сувенирного божка, привезенного с моря. Продавец повторял, что это отличный подарок, а если к статуэтке относиться с уважением, она обязательно принесет в дом счастье и защитит от любых невзгод.

Ольга собрала оставшиеся силы и ударила Саню по голове.

«Пригодился», горестно подумала она, зажмурившись в момент удара.

Он охнул и тут же ее отпустил. Она сделала глубокий судорожный вдох ловца жемчуга, вынырнувшего на поверхность после затяжного погружения. Ошарашенный Саня ощупал затылок рукой, потом посмотрел на ладонь, с которой на паркет капала яркая алая кровь.

Ольга опустила глаза и увидела красные следы на макушке позолоченного божка.

– Саша, зачем? – спросила она растерянно, пока слезы облегчения катились по щекам. Статуэтка выскользнула из разжавшихся пальцев и упала на пол.

Саня смотрел испуганными глазами. Он пришел в себя, осознал содеянное и теперь испытывал стыд. Они стояли, тяжело дыша и боясь взглянуть друг на друга.

– Я, наверное, пойду, – он пошатывался.

– Куда ты собрался в таком виде? – она очнулась и почувствовала, как страх уходит, а слезы больше не душат. Саня стал собой и перестал пугать, наоборот, она пожалела его, как мгновение назад жалела себя. – Обязательно нужно рану промыть!

Она отвела его в ванную, где он отмывал руки от крови. Черные капли падали на белую керамику и уносились в слив ярко-красными размазанными кляксами.

Ольга поливала затылок склонившегося над умывальником Сани из душевого шланга, но кровь продолжала идти. Рана оказалась неглубокой, но обильно кровоточила.

– Стой, не шевелись, а то все здесь запачкаешь, – Ольга искала перекись, но в аптечке нашлась лишь зеленка.

– Некрасиво будет, – он открывал пузырек, стараясь не запачкаться. Будто нарочно, зеленку закрывают так, чтобы невозможно было распечатать, не облившись.

– Потерпи уж, не до красоты, – она щедро накапала в рану.

Саня зашипел и застонал.

– Поделом тебе, – она почувствовала определенное удовлетворение. – У меня синяков завтра будет, ты не представляешь, сколько.

– Прости, – он вцепился в умывальник так, что побелели костяшки пальцев. – Не знаю, что на меня нашло. Я бы никогда...

– Рубашку кровью запачкал, – перебила Ольга. – Снимай, застираю.

Он дрожащими руками расстегнул пуговицы и отдал рубашку Ольге, которая простирала под краном воротник в холодной воде. Свежая кровь легко ушла с водой.

– Надевай, прямо на тебе высохнет.

Молчаливый Саня покорно оделся, раскачиваясь телевизионной мачтой в штормовую погоду.

– В «скорую» бы позвонить, – забеспокоилась Ольга, глядя на его пугающие раскачивания.

Он махнул рукой, мол, все в порядке, не смертельно.

– Вдруг у тебя сотрясение, – встревожилась она, – и ты потеряешь сознание по дороге? Тебя не тошнит? Если тошнит, надо обращаться в больницу.

Он опять отмахнулся и, пошатываясь на каждом шагу, побрел вниз по лестнице, не оглядываясь. Некрасивое зеленое пятно на волосах издалека походило на грязь, а сам Саня выглядел бездомным.

Ольга закрыла входную дверь. Теперь следовало позабо-

титься, чтобы вернувшаяся с работы мать не заподозрила неладное. Она оглядела комнату, ища улики, способные выдать произошедшее. Упавшие книги, перекосившаяся тумбочка, коричневые пятна на паркете. «Хорошо, что не на ковер», подумала Ольга, тряпкой вытирая успевшую подсохнуть кровь.

Сложив книги в стопку, подняла с пола статуэтку. От падения откололся маленький кусочек в основании.

– Спасибо, – поблагодарила она и оттерла кровь с божка, имени которого не запомнила, хотя продавец называл несколько раз. Впрочем, она подозревала, что он выдумал его специально для туристов.

Вернув на место статуэтку, она снова прошла по квартире, проверяя, не пропустила ли чего.

Теперь предстояло самое сложное – залатать разошедшиеся швы на платье. Зашивая, Ольга сильно укололась иголкой и заплакала то ли от боли, то ли от воспоминаний.

Когда Лизка вернулась домой уставшая и в отвратительном настроении, Ольга сообщила, что ночует у Кати, им, дескать, необходимо готовиться к экзаменам.

– Знаю я вашу подготовку, – усомнилась Лизка. – Будете друг другу всю ночь сказки рассказывать и мальчиков обсуждать.

Ольга пожала плечами и ушла.

ГЛАВА IX. Временные трудности

37.

Едва Тоцкий задремал над очередной писаниной нерадивого ученика, дверной звонок противным визгом вырвал из приятной полудремы и швырнул в невыносимую реальность.

Кто бы это мог быть? Хозяйка заходила вчера и отобрала плату за два месяца вперед, поэтому он надеялся не видеть ее несколько недель. Особого удовольствия от общения с ней он не испытывал и подумывал сменить место жительства.

К его удивлению, на пороге стояла Барашкова. «Я вроде бы занятие не назначал», подумал он, воскрешая в памяти события последней недели. Первый и единственный урок на дому закончился фиаско, с которого Ольга сбежала в слезах.

– Можно зайти? – спросила она.

– Валяй, – разрешил Тоцкий рассеянно.

Она пребывала не в лучшем расположении духа. По влажным глазам читалось, что приключилась беда.

– Барашкова... – начал он и немедля исправился: – Оля, что-то нехорошее случилось?

– Да, – отозвалась она и замолчала.

Он понял, что она не в настроении и ее нельзя терзать вопросами.

– Умер кто? – уточнил он и, получив отрицательный ответ, успокоился. Ничего хуже в голову не приходило, а прочее представлялось поправимым.

Она неспешно разулась. Тоцкий помог снять легкий тканевый плащ с рисунками каких-то цветов приглушенного красного цвета – кажется, маков – и повесил на вешалку. Случайно коснулся маленькой Ольгиной ладони и удивился холоду ледяной кожи.

– Замерзла?

– Немного.

Она без приглашения прошла в зал и уселась на стул с таким видом, словно проглотила лом и теперь не может ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни говорить.

– Чай, кофе, настойка валерианы, анальгин, – предложил списком Тоцкий. – Спиртное по возрасту не положено.

Попросила чай. Он нашел в шкафчике над умывальником запас ромашкового чая, оставшегося от предыдущих квартиросъемщиков, и заварил с медом.

Ольга держала толстостенную зеленую кружку и грела об нее руки. Тоцкий занял выжидательную позицию. Не будет же она вечность молчать?

Тем не менее, она продолжала сидеть, уставившись в одну точку перед собой. Стрелки на часах медленно, но уверенно переходили от цифры к цифре.

– Оль, все в порядке?

Она кивнула.

– Не поделишься подробностями?

Она сделала глоток холодного чая и произнесла срывающимся голосом:

– Меня пытались изнасиловать. Наверное.

Тоцкого едва не подбросило на кресле.

– Надо в милицию сообщить, – встревожился он, готовый броситься к телефону.

– Не нужно, – сказала Ольга. – Обошлось. Он не хотел... Он хороший, но... Как-то получилось... А мне стало грустно, и некуда идти...

– Какой же хороший? Хорошие так не поступают.

– Он, правда, хороший, – возразила она. – Очень добрый.

– Люди умеют неприятно удивлять, – философски заметил Тоцкий.

Он выбрался из кресла и пошел кругами по комнате, озабоченно разминая пальцы, словно это его обвинили в преступлении. Здравый смысл нашептывал, что нужно немедленно вскочить и куда-то бежать. Ольга посмотрела на его метания и сказала:

– Если вам неловко, могу уйти.

– Да куда тебе идти. Сиди уже, – он и сам испытывал потребность в успокоительном чае. – Родителям говорила?

– Никому. Только вам.

Это обрадовало Тоцкого еще меньше.

«Почему? – думал он, – почему я?» Почему Барашкова выбрала именно его? Не учителя физкультуры или физики?

Он не знал о ней ничего – где живет, чем увлекается, есть ли братья, сестры...

– Можно тут переночевать? – она поставила кружку на журнальный столик.

Его смутила подобная перспектива.

– А родители?

– Я сказала, что пошла к подруге на всю ночь к экзаменам готовиться.

– Экзамен какой? – спросил Тоцкий с нехорошими предчувствиями. – Неужели, математика?

– Угу.

– Тесты через неделю.

– А готовиться надо сейчас.

Он на мгновение заподозрил Ольгу в неискренности – вдруг весь спектакль затеян ради оценки? – но отбросил эту мысль, не в состоянии представить, как из-за такой мелочи можно стать на скользкую тропу с ночными походами к учителю.

– Ну и ладно, – пробормотал он и полез на антресоли за подушкой и запасным одеялом.

Потом разложил диван-кровать и расстелил постель.

– Я выйду из комнаты, а ты раздевайся и ложись.

Необыкновенно молчаливая Ольга покорно кивнула. Он в коридоре дождался крика «Я готова!», с порога выключил свет и наощупь побрел к кровати, стараясь не смотреть на Барашкову.

Тоцкий лежал без сна. Сказывалось Ольгино присутствие. К счастью, ему завтра на третий урок и можно встать позже.

Измученный духотой, он сполз с кровати и приоткрыл окно. На обратном пути взглянул на Ольгу, пытаюсь определить, спит ли она, но в темноте разглядеть не получилось.

На цыпочках прокрался к столу, аккуратно открыл ящик и, стараясь не производить шума, нащупал маленькую лампу с клипсой для чтения книг, приобретенную еще на четвертом курсе. До сих пор она валялась без дела.

Он прислушался. То ли Ольга спала тихо, то ли не спала вовсе, но он не слышал даже сопения. Тогда он взял с полки книгу потолще – чем скучнее, тем лучше – и вернулся в кровать. Батарейки еще не разрядились, но светодиодная лампочка давала тусклый неприятный свет.

Он лег на бок с намерением прочесть пару глав. Закончив страницу, снова и снова возвращался к верхней строке и на следующей итерации обнаруживал, что текст опять проскочил мимо сознания.

Наконец, из окна потянуло долгожданной прохладой, а веки налились тяжестью. Он выключил лампу и закрыл глаза, приготовившись окончательно заснуть, как вдруг под одеяло бесшумно проскользнула Ольга и прижалась к его спине. Она так крепко и надежно приобняла его аккуратными ручками, что он мгновенно вспотел. Несмотря на миниатюрность, ее тело обжигало.

– Барашкова! – осуждающе прошептал он. – Оля!

– Тс-с-с, – прошипела она. – Не надо все портить.

Он хотел сказать, что портить-то нечего, но понял, что говорить уже поздно. Следовало проявить настойчивость, но он боялся расстроить Ольгу, и без того находившуюся в неустойчивом психологическом состоянии.

...Тараканы, розовый единорог, пауки, труп задавленной собаки, зеленые сопли в носу, скрип пенопласта по стеклу, собачьи фекалии... Тоцкий лежал спиной к Ольге, боясь пошевелиться. Текущая поза представлялась ему самой безопасной. Он не мог заснуть, слушая Ольгино сопение. Затекла рука, придавленная весом тела, и безумно хотелось перевернуться, но он не решался.

«Как быть?», подумал он, проваливаясь в долгожданный сон, где Алексей Алексеевич стоял за кафедрой перед пустой аудиторией. Одинокий Тоцкий на верхних рядах скрывался от его осуждающего взгляда. Ушинский покачивал головой, констатируя, что зачет провален, а предмет не усвоен.

– Как вы могли? – твердил он тихо, но его голос многократно преумножался громким эхом огромного помещения. – Я же просил, я столько раз повторял. Не дозволено никаких отношений, кроме платонических!

Тоцкий понуро уставился на растоптанные туфли с чувством глубокого стыда за бесцельно проведенные пять лет в стенах университета. Алексей Алексеевич костерил его, словно хуже студента за годы преподавания не случилось.

Тоцкий чувствовал огромную тяжесть вины перед добрым стариком, любившим свой предмет. Занятый самоуничижением и готовый провалиться сквозь пол – в сновидении такое вполне могло произойти буквально – он не сразу заметил исчезновение голоса Ушинского.

Алексей Алексеевич с закрытыми глазами вцепился в кафедру двумя руками и трясся в эпилептическом припадке.

– Профессор! – крикнул Тоцкий и бросился к нему для оказания первой помощи. Он торопился, спотыкаясь о большие ступени и цепляясь за ряды, будто это происходило в действительности.

Глаза Ушинского закатились, и, казалось, он вот-вот упадет. Тоцкий сделал отчаянный рывок и в два шага преодолел остаток пути, намереваясь подхватить падающего профессора. Но в последний миг понял – старику вовсе не плохо, а очень даже хорошо. Из-под кафедры показалось круглое женское лицо, в котором он узнал однокурсницу Светку, красnodипломницу, гордость факультета и образец для подражания.

– Учти, это твой извращенный сон, а не мой, – прохрипел задыхающийся профессор, застегивая ширинку. – Предупреждаю, не суйтесь в мои сновидения без подготовки.

Тоцкий от отвращения содрогнулся и проснулся. Он обнимал спящую Ольгу, прижимавшуюся к нему даже во сне. «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей», подумал он грустно и уже не заснул.

После обеда позвонила Марина и напомнила про пятницу. Платон скривился, одновременно радуясь неспособности телефонной трубки передавать выражение лица.

– Я так устала! – говорила Маринка. – Мне нужно обязательно расслабиться. Хочу красного вина и страстной ночи!

«Если устала, поспи», подумал он недовольно и свободной рукой перелистал ежедневник, сочиняя ответ поудачнее.

– Мариш, – сказал он скорбно, – дел невпроворот, занятость сумасшедшая. Вернись поздно и на нервах.

– Подожду дома, сниму тебе напряжение, – сладко промурчала она. Он внезапно почувствовал это самое напряжение, но спохватился и предложил:

– Давай пропустим наше randevu, а на следующей неделе наверстаем.

– Ну... – в ее голосе послышалось разочарование. – Или все-таки?

– Я бы с радостью, но выходные заняты полностью.

– Ладно, – сдалась она. – С тебя ресторан.

– Хорошо, – он смирился, готовый пообещать хоть слона в коробке с бантиком, лишь бы она отстала. – Только в Лоскутовке нет ресторанов.

– Не глупи, – хихикнула Марина. – В кафе, как обычно.

Она вдруг стала серьезной, замялась и произнесла:

– Люблю. Пока!

Платон даже через помехи ощутил ее волнение.

– Я тоже, – ответил машинально, пребывая в растерянности от неожиданного и неуместного признания.

Он положил трубку, не представляя, как сообщить, что пятничные посиделки придется прекратить. Марина ему нравилась, но Лизка не выходила из головы, плотно и надежно там закрепившись, словно прибитая к подкорке ржавым ингредиентом номер шесть.

В конечном счете, именно поэтому он вызвался с Демидовичем на окраину цивилизации. Ради нее отыскал квартиру в том же доме. Он ненавидел родной город за убогость, серость, прогрессирующий алкоголизм и отсутствие перспектив как у населенного пункта, так и у жителей. Он с первого курса стремился остаться в столице – брался за любую работу, проявлял инициативу, угождал начальству, пресмыкался, а утром следующего дня обходил на повороте тех, перед кем еще вчера унижался и бегал на цыпочках.

Недоставало отдыха, но в редкие мгновения, зовущиеся отпуском, он разъезжал по странам мира. Хотя предпочел бы путешествовать не в одиночестве и не с накрашенной воблой, по недоразумению являвшейся бывшей женой, а с Лизкой...

Димке он отомстил. Кстати, не подать ли на розыск в милицию? Полмесяца уже ни слуху, ни духу.

Платон просмотрел по диагонали журнал учета краенита.

Показатели существенно выросли. По неизвестным причинам Саня наутро после их разговора явился угрюмый, с раной на затылке, но больничный брать отказался и уехал на добычу. Третий день цифры в полтора раза превышали максимальные за весь отчетный период.

Интересно, что случилось? Но и без знания подробностей ситуация его устраивала, хотя маленький червячок точил норку, не перегорит ли Саня, проводя подолгу у Края. Надо предупредить, чтобы сильно не надрывался и не загнал себя преждевременно.

Зашел светящийся Кольцов.

– Смотрю, общество с ограниченной ответственностью трудится в поте лица, не щадя живота.

Платон кивнул. Накануне приехали нормальные бутылочные формы, и теперь продукция небольшими партиями отгружалась по районным магазинам. Вчера он наткнулся на платоновку в уличном ларьке у дома.

– Название, конечно, странное, – добавил Кольцов. – Мне раньше казалось, что черное золото – это нефть.

– Согласен, но Демидович одобрил.

Платон не горел желанием расписывать в красках, как этикетку выбирали десяток вчерашних алкашей путем голосования. Сюжет, достойный полотна художника-классика.

– Я вот думаю, – Кольцов забыл про название и принял мечтательный вид. – Можно же ассортимент продукции расширить. Михалыч в этих делах специалист знатный, каких

днем с огнем не сыскать. Оно, конечно, непонятно, чего у него там в башке творится. Иногда думаешь, вдруг выскочит и с ножом на тебя, – он вздохнул. – Но по части настоек его не переплюнешь, это да...

– Интересное предложение, но отложим его на будущее.

– Да я просто подбрасываю идеи на перспективу, – не смутился Кольцов – Как-никак, я заинтересованное в дивидендах лицо.

– Почему Михалыч такой странный? – поинтересовался Платон, сетуя, что не догадался спросить раньше.

– Да не знает никто толком. Всю жизнь пил по-черному, однажды ушел в запой и пропал на месяц. Милицию на уши подняли, каждый закуток обыскали – нету. Разослали ориентировки по району, да без толку – исчез, значит, с корнями, и даже дружки ничего сказать не могут, мычат и пузыри пускают. Расстроились, поминать собрались, а он взял и нашелся... – Кольцов сделал паузу для нагнетания интриги. – ...спящим возле Края. Тальберг и нашел во время опытов с установкой. Спал Михалыч, как убитый младенец, а когда проснулся, понятно стало, что приключение не обошлось без последствий, не говоря про воспаление легких. А с того случая он убежденный трезвенник, даром что специалист в самогоноварении. Но ты на него посмотри, куда ж ему пить, если он и так того-этого... – Кольцов покрутил пальцем у виска. – Поговаривают, он за Краем побывал, но это у нас вроде анекдота местного. Нельзя туда попасть.

– И где он полмесяца скрывался?

– Кто ж знает, попробуй выпытай. Он так ничего и не вспомнил. Я, по секрету, ему в глаза смотреть боюсь, говорят, можно самому умом тронуться, если долго пялиться.

«Дурдом на колесиках и палата для умалишенных, а не институт», – подумал Платон.

– Как Самойлов поживает? – вспомнил он, желая избавиться от Кольцова. Согласно его наблюдениям после упоминания фамилии зятя директор становился грустным и уходил по важным делам.

– Со здоровьем в порядке, память вернулась, но домой не хочет – требует бумагу и карандаши и целыми днями выводит какие-то формулы. Объяснить произошедшее не может. Врачи руками разводят, говорят, возможно, со временем оклемается, – Кольцов перешел на шепот. – А еще он постоянно с кем-то общается.

– Это нормально, – не понял Платон. – Все общаются.

– Да, но он-то сам с собой! – объявил Кольцов торжествующе. – Я всегда говорил, чужой мозг – сплошные загадки и темный лес.

Он еще немного поразглагольствовал о тайнах сознания и отклонялся, сославшись на неотложное совещание, хотя Платону доподлинно было известно, что никаких мероприятий на сегодня не планировалось.

Платон вызвал служебный автомобиль. В ожидании транспорта в очередной раз выглянул в окно и порадовался

отсутствию краепоклонников. Даже мужик с засаленной бородой не показывался – сдался. Видимо, нашла коса на камень.

Машина подъехала ко входу. Платон накинул пиджак, дал последние распоряжения Наталье и выбежал на крыльцо.

– Детский садик номер двенадцать, – бросил на бегу, усаживаясь на заднее сиденье, заметил удивленные глаза и добавил: – Дорогу покажу.

Приехали заранее и ожидали в машине перед калиткой. Он периодически ловил любопытствующий взгляд водителя в зеркале заднего вида, но его мало волновало чужое мнение. Откровенно говоря, большинство людей его принципиально не интересовали. Особенного безразличия удостаивались те, кого он записал в «обслуживающий персонал» – уже сама формулировка звучала приговором.

Черный кузов быстро нагрелся на ярком солнце, и Платон вспотел. Открытые настежь окна не спасали ситуацию, а, наоборот, в просвет било обжигающим воздухом. По тихому радио рассказывали, что такой аномально жаркой весны старожилы не помнят лет двадцать, а из-за длительного дефицита осадков существует вероятность проблем с урожаем, а ведь лето еще не началось.

– Выключи, – велел Платон, которого дикторы и доморощенные эксперты раздражали наглой безапелляционностью. Он втайне им завидовал – не каждому дано владеть искусством произносить чушь и вранье с непробиваемым лицом

и железобетонной уверенностью.

Он выглядывал через тонированное окошко и ждал. Когда калитка открылась и появилась Лизка, он хотел выскокить навстречу, но внезапно заметил Маринку, вышедшую следом.

– Черт, – он тихо прикрыл дверцу. – Чуть не засыпался.

Он знал, что Марина работает в том же садике, но в мыслях, заполненных Лизкой, умудрился о ней забыть. Это затрудняло дело и обещало неприятные мгновения в будущем.

– Вези домой, – с досадой распорядился он.

По плану он подвозил Елизавету к дому, изобразив случайную встречу. Теперь же пришлось ехать на опережение и подкарауливать ее в подъезде, но накал романтики уже не соответствовал расчетному.

Насколько он знал от Маринки, Тальберг не появлялся дома, как и в институте, поэтому решил нагрязнуть к Лизке под видом обеспокоенного руководства – якобы посочувствовать и разузнать, нет ли информации о местонахождении супруга.

– О, привет! – Лизка поднималась по лестнице, роясь в сумочке в поисках ключей. – Какими судьбами?

– Хотел узнать, как Дмитрий поживает. Он продолжительное время не появляется в лаборатории без причины. Если так и дальше пойдет, это чревато определенными последствиями. Я не смогу долго прикрывать его отсутствие.

– Был Дима, да весь вышел, – вздохнула Лизка. – Проходи.

Он зашел следом, изобразив притворную скорбь. Разулся и по пути на кухню снова зацепил тумбочку. Она с визгом подпрыгнула. Рефлекс сработал и в этот раз – Платон подхватил статуэтку и поставил на место, отметив сколотый ку-сочек в основании. Значит, не он один такой неуклюжий.

– Куда Димка делся? – спрашивал он, сидя на скрипящем табурете и глядя на закипающий чайник. – Вдруг опять придет и устроит разнос.

– Не придет, – сказала Лизка грустно, и Платон распереживался, не сильно ли она обожает Тальберга.

– Тогда где он?

– Не знаю, – пожала она плечами. – Сообщил, что уходит. И ушел.

«Хоть что-то хорошее, – подумал он, – А там свято место пусто не будет».

Лизка отвернулась к плите, где вот-вот грозился закипеть чайник, и Платон беспрепятственно рассматривал ее спину, жалея, что в свое время упустил шанс.

– Лиза, – вкрадчиво начал он, стараясь звучать беззаботно и ненавязчиво. – Тебе необходимо отдохнуть. Если будешь сидеть и горевать, с ума сойдешь от тоски.

– Знаешь, я запуталась. Мне и хочется, и не хочется одновременно, – вздохнула она. – Не понимаю, что произошло. Скажи, что с ним случилось, какая муха укусила? Какая вожжа под хвост попала?

– Не имею понятия.

Даже отсутствующий Тальберг умудрялся все портить.

– Расскажи, – потребовала Лизка. – За что его от работы отстранил? Из мести?

– Какая месть! Что ты говоришь?! Не отстранял я его! – заверил Платон, на ходу сочиняя убедительное оправдание. – Его группе министерство новые задачи поставило, а он не захотел выполнять распоряжения. Ты же знаешь, он сдержаться не может, всегда в лицо правду говорит. Рассказывал про ущемление прав. Глупость, но мог бы потерпеть, промолчать, мы бы потом нашли выход, а он грудью на амбразуру полез.

Лизка поверила. Тальберг не терпел, когда задевали по рабочим вопросам, но в других областях позволял из себя веревки вить и покорно принимал любые нововведения, полагая их чепухой, борьба с которой не стоит нервов и потраченного времени.

– Считаю, тебе надо развеяться, – Платон надеялся, что вопрос с отстранением Тальберга снят с повестки дня, – обязательно нужно сходить куда-нибудь, избавиться от напряжения.

Лизка продолжала задумчиво сидеть, подперев рукой подборок.

– А давай сходим в ресто... – он запнулся, в Лоскутовке отродясь ресторанов не водилось, – ...в кафешку, например, «У Тамары». Отличное заведение, я несколько раз бывал. Бизнес-ланчи, партнеры...

Платон сглотнул. Эти разы он оказывался там с Маринкой, его туда и затянувшей. Он уже не ориентировался в местных забегаловках, которые то открывались, то закрывались, то меняли вывески трижды в год.

– Знаешь, – Лизке идея повеселиться показалась неуместной. – Что-то я...

– Тебе это необходимо, – перебил Платон, пока она не успела отказаться. – Посидишь, расслабишься. Ты когда последний раз общественные места посещала?

– Давно, – призналась она.

– Видишь! – обрадовался он, ничуть не удивляясь ответу, потому что хорошо знал Тальберга. – Для тебя это жизненная потребность!

В Лизке боролись необходимость страдать по сбежавшему Димке и желание послать весь мир к черту и уйти в загул.

– А чего я? – завелась она. – Он где-то три недели шатается, пока я тут от хандры вешаюсь, переживаю, куда он пропал, будто мне больше всех надо.

– Вот! – Платон обрадовался еще сильнее. – Я об этом и твержу! Чтобы надолго не откладывать, давай в следующую пятницу на шесть вечера. Я за тобой заеду, будь готова.

Настроение улучшилось, хотя мысль о Маринке мешала воспринимать жизнь во всей красе.

«Придумаем что-нибудь, – решил он, откладывая эту проблему на дальнюю полку, – только б Лизка не проболталась.

Случилось непредвиденное.

Сначала Саня решил, что ему показалось из-за усталости, но вскоре стало очевидным: Край активно сопротивляется разрушению, регенерируя все стремительней.

Саня брал с собой секундомер и засекал время между началом реза и восстановлением поверхности, фиксируя результаты в Лерину тетрадку. Лера нарисовала на каждой странице по закорючке и объявила, что тетрадь закончилась и нужна новая. Он сказал, что кое-кто просто нуждается в целительных подзатыльниках.

Столбик непрерывно уменьшающихся цифр наглядно демонстрировал негативную прогрессию. Апогеем стал отрез, который даже закончить не смогли – на последних сантиметрах стена словно моргнула и мгновенно восстановилась, спустив в трубу час труда.

– Делайте куски меньше, – раздраженно приказал Платон, разглядывая записи в тетради, сделанные поверх страшенького голубого животного – это Лера пыталась изобразить любимую игрушку, но зайца в картинке выдавало только наличие длинных ушей.

– Но так невозможно продолжать бесконечно!

– Не нервируй. Я сегодня не в духе.

– Но... – Саня замолчал, решив не испытывать судьбу.

– Не знаю. Увеличьте мощность, например. Прояви фан-

тазию, придумай что-то. Ты руководитель группы, тебе деньги платят за идеи. Я не собираюсь за вас работать! Совсем обленились.

По расчетам выходило, что существующими темпами через четыре дня они в принципе не будут успевать резать. В качестве единственного выхода виделась добыча пыли непосредственно на месте – вести лучом параллельные линии, подбирая осыпающиеся крупы краенита. Ненужный более концентратор сняли. Саня огорчился, вспоминая, сколько усилий на его разработку потратила Устрицына.

В новом режиме вывозили на раскопки обе установки. Перед уходом братья Трофимовы пристроили небольшой привод, обеспечивавший медленное автоматическое перемещение луча. Нужда в сосредоточенном верчении маятников отпала, и у Сани освободилось время. Теперь он отсиживался на раскладном стульчике, смотрел в упор на черную стену и воспроизводил в памяти попытку насильно поцеловать Ольгу. Неприятные воспоминания всплывали самостоятельно без всякой на то его воли, а при малейшем скачке атмосферного давления болела травмированная рука. Каждый раз передергивало, становилось скверно на душе и хотелось выть волком.

Он окончательно запутался, когда «нет» означает «да». Ольга, очевидно, про Платонову концепцию взаимоотношения полов не слыхала.

Во-вторых, чем дольше он просиживал штаны, уставив-

шись в переливающуюся черноту, тем навязчивее становилась мысль, что Край – живой и осознанно защищается от повреждений. А ускорение застарения – это что-то вроде формирования иммунитета против паразитов, коими они и являются.

Саню разбирало любопытство, не посещают ли Плотникова подобные мрачные мысли? Семен восседал на валуне с непроницаемым лицом, будто вытесанным из камня, и догадаться, что происходит у него внутри, не представлялось возможным.

Едва Саня вошел в транс и начал плавно раскачиваться, как послышался шум колес, шуршащих по каменистому грунту. Он оглянулся и увидел приближающийся серый микроавтобус без особых опознавательных знаков, окромя напрочь оторванного левого бокового зеркала.

– Этого еще не хватало.

Саня напрягся, гадая, кого принесла нелегкая. В институтском автопарке таких «зверей» не водилось. Транспорт натужно ревел – даже дорога сопротивлялась движению. Наконец, с громким визгом тормозов серая «буханка» остановилась в десятке метров от площадки.

– Чем занимаетесь? – гневно крикнул низкий мужской голос и добавил, обращаясь к кому-то в автобусе. – Я же говорил, они продолжают издеваться над Краем. А Кольцов ваш врет для успокоения бдительности. Ему доверять нельзя.

Хозяином голоса оказался бородатый краепоклонник, на-

стойчиво маячивший под стенами НИИ с меняющимися плакатами.

– Объяснитесь, что вы тут делаете и по какому праву, – потребовал он, подходя к Сане. Вместе с ним шли еще два или три человека, в которых без труда опознавались журналисты.

– Это внутреннее дело министерства обороны. Все вопросы – к руководству.

– Представьтесь, пожалуйста!

– Я не обязан.

Саня догадывался, что спокойной добыче скоро придет конец.

– Вы записывайте, записывайте, – обращался к репортерам бородач, передвигаясь в облаке резкого запаха пота и являясь его эпицентром. – А еще лучше, снимайте. Пусть все узнают, как нас за нос водят и нагло врут.

– Фотографировать нельзя, – Саня прибегнул к блефу. – Объект военный, любая фото – и видеосъемка запрещены.

– А если и вправду? – всполошился несший на плече камеру. – Проблем не оберешься.

– Не слушайте вы его! – загромыхал краепоклонник. – Их зря караулил, что ли? Вы не поможете, я сам шум подниму. Я этого так не оставлю, дойду до верха!

– Уговорили. Снимаем репортаж, а редактор пусть решает, пускать ли в эфир, – определился журналист с микрофоном.

«Дело пахнет керосином», понял Саня и подал Семену сигнал собираться. Они отключили технику и принялись за-
таскивать в микроавтобус.

– Эй, куда вы собрались?! – рывкнул бородатый, заметив подозрительную активность. – Снимайте, пока преступники не сбежали!

Как ни старались, из-за порядочного веса оборудования сборы затянулись, и часть процесса попала на камеру. Представляя недовольство Платона, поехали в институт доклады-
вать о произошедшем. Платон воспринял новость относительно спокойно. Он не обрадовался, но и особой обеспокоенности не выказал:

– Работайте по-старому. Не обращайтесь ни на кого внимания, интервью не давайте, с посторонними не общайтесь. Ясно?

– Ясно.

Саня надеялся, что угроза общественного резонанса охладит пыл Платона в добыче краенита. Ему хотелось навсегда забыть о Крае, рассчитаться и уехать из Лоскутовки в неизвестном направлении.

На следующий день напротив института снова образовалась толпа, изрядно преумножившись в численности.

Едва добывающая группа выехала из институтского двора, как за ними увязалась кавалькада из нескольких транспортных средств. Водитель, по привычке, запутывал след, но преследователи не отставали.

– Не оторвусь, – сообщил он.

– Едем на площадку.

Так, всей процессией выехали за город и тряслись по булыжникам до самого Края.

– Давно в цирк не ходили? – спросил Саня у Плотникова.

– С детства клоунов не люблю, – серьезно ответил тот.

– Тогда у вас есть шанс выйти на манеж и попасть в центр внимания.

Под негодующими взглядами толпы, успевшей выбраться из своих автобусов, вынесли две установки, но сразу после их включения молчавшая доселе разношерстная публика взорвалась возмущенными криками.

– На каком основании производятся работы? – кричала дородная женщина преклонных годов, потрясая кулаком.

– Это безобразие! – повторял старичок в костюмчике родом из позапрошлого века. – В мое время такого себе не позволяли.

– Наглое игнорирование интересов общественности!

– Чего вы их слушаете? – закричал кто-то из глубины. – Гнать надо!

Масса зашевелилась и показался тот самый настойчивый краепоклонник, видимо, давший обязательство не мыться до безоговорочной победы над НИИ.

– Мы выполняем порученное нам задание, – сказал Саня, не слишком надеясь на здравый смысл возмущавшихся.

– В чем оно состоит? – ехидно поинтересовался краепо-

клонник под ободряющие крики массовки.

– Хотим понять устройство Края.

До недавних пор это действительно было правдой.

– И как успехи?

– Пока не очень, – признался Саня.

– Братья и сестры, – краепоклонник потерял интерес к Адуеву, полагая, что больше ничего полезного от него не добьется, и обратился к пастве: – Вы собственными глазами видите, как государственные учреждения занимаются вредительством и посягают на устройство мира, подрывая основы мироздания.

Толпа негодуяще загудела.

– В этих условиях на нас лежит особая ответственность – быть силой, препятствующей разрушительной деятельности обезумевших ученых. От нас зависит будущее всего живого, и мы обязаны проявлять стойкость и не поддаваться на успокаивающие увещевания и лживые обещания. Наш долг – требовать от государства защиты интересов обычных людей, ответственных членов общества. Мы не имеем морального права на отступление, когда на нас обращены взгляды человечества...

«Как он человечество ловко ввернул», подумал Саня, глядя на одухотворенные лица, с восхищением вззирающие на размахивавшего руками пастыря в грязном балахоне из серии «парадное рубище для праздничных мероприятий».

– И мы не должны стесняться проявлять гнев – праведный

и спасительный!

Это гораздо хуже. Саня прикинул будущие действия на случай, если эта ватага набросится и попытается растерзать их в ключья «в порыве праведности».

– Но не пристало направлять благородный гнев на слабых духом людей, вынужденных подчиняться преступным приказам...

Саня с облегчением выдохнул. Значит, бить пока не будут.

– Необходимо добраться до корня этой заразы! Руководство института не вправе нас игнорировать! Они пожалеют, что пытались обмануть нас таким наглым образом!

Орава оглушительно загудела и заулюлюкала. Ни дать, ни взять, свора собак, готовая кинуться на прохожего, стоит только хозяину отпустить связку поводков. Потом расселись по автобусам и уехали, оставив обалдевшего Семена стоять в оглушающей тишине.

– Ой, не к добру, – покачал головой Саня.

40.

Краепоклонники с примкнувшими к ним сочувствующими громко орали. Крики прослушивались на любом этаже в любой комнате, словно протестующие слонялись по коридорам, а не стояли на улице.

– Форменное безобразие! – возмущался Кольцов. – Куда смотрит милиция?!

Милиция косо смотрела на фестиваль плакатов и речевок, не решаясь вмешиваться без особого распоряжения. Они не торопились прибегать к силе и проявлять инициативу, рискующую стать наказуемой.

Прибывший на место отряд стоял по периметру шумящей толпы и следил, чтобы никому не набили морду под шумок социального протеста.

– Полное бездействие правоохранительных служб, – негодовал Кольцов. – Они нам производство сорвут. А если покажут по телевидению и прознает центр, последуют неприятности.

Он недвусмысленно уставился на Платона с целью побудить того задействовать пресловутые связи для решения очередной проблемы.

– Я не слепой и сам вижу. Что-нибудь придумаю, нет необходимости постоянно напоминать.

– Просто... – Кольцов не договорил, запнулся, обреченно махнул рукой и вышел, согнувшись под гнетущим взглядом Платона.

Платон рухнул в мухинское кресло. В центре на многое закрывали глаза, если это проходило тихо и незаметно, но в случае сильного общественного резонанса могли и показательную порку устроить. Надо держать ухо востро и чувствительней любого флюгера определять направление ветра.

Пришел Костылев, принес отчет, подписанный Пеплом.

– Вот бумажки, как просили.

Цифры в таблицах свидетельствовали о резко возросшей рентабельности.

– Мы на экспорт работаем, – пояснил Костыль.

– Куда? – у Платона отвалилась челюсть.

– В соседний район возим. Гребут платоновку, то есть «золото», мама не горюй.

– А, в этом смысле...

Костылев отсалютовал и удалился.

Платон провел день, не меняя позы и почти не шевелясь. Дважды в кабинет заглянула Наталья – сначала она собиралась полить цветы:

– Ой, мне показалось, вы на обеденном перерыве. Думаю, пока вас нет...

Флору на подоконнике она все-таки опрыскала из пульверизатора.

Повторно она зашла, чтобы сообщить, что уже поздно, и ушла. Платон рассеянно кивнул.

Из института вышел глубоким вечером. Оглядел безлюдные улицы в поисках служебного автомобиля. На глаза попался замызганный попрошайка, сидевший на перевернутом деревянном ящике и просивший милостыню. Он закутался в плащ с длинными, лежащими в дорожной пыли полами и непрерывно жевал, поглядывая на прохожих из-под дырявой шляпы с огромными полями – Платон последний раз видел такую в далеком детстве на фотографиях прабабушки.

– Эй, – крикнул он. – Давай отсюда, бегом. Не нужно си-

деть под институтом. Охрану позову, она тебя живо в два счета вытолкает!

– Сейчас-сейчас, – раздалось в ответ. – Ухожу. Не хочу доставлять неприятностей.

Попрошайка резво вскочил, схватил картонный коробок с миской для монет, и поковылял прочь, опираясь на странную палку, заточенную с нижнего конца.

– Чтобы тебя здесь не видел, – крикнул вслед удовлетворенный Платон. – Расплодилось бездельников, шагу ступить некуда.

Он повернулся и направился к автомобилю. Шел он неспешным шагом важного начальника, обдумывая, чем занять остаток вечера. Подойдя к машине, склонился над задней дверцей и вздрогнул от крика водителя, перепуганно глядевшего за спину Платона:

– Берегись!

Он заметил в отражении перекошенное лицо подбегающего к нему сзади нищего, внезапно оказавшегося резвым малым.

– Что за...

Он вовремя отпрыгнул. Заточенная палка промахнулась и, чиркнув по бронированному стеклу, выскользнула из рук попрошайки и с деревянным стуком покатила по асфальту.

– Сволочь! – закричал Платон. – Умом тронулся?! Я же тебя в тюрьме сгною!

Нищий побежал к палке, похожей на кол, намереваясь за-

кончить начатое. В планы Платона увеличение количества отверстий в организме не входило, поэтому он бросился следом и с размаху пнул ногой обидчика, тянувшегося к оружию.

Оба рухнули наземь, и Платон услышал, как порвался пиджак, и онемело плечо, на которое приземлился.

– Сдохни! – прохрипел нищий, пока Платон удерживал его подальше от палки.

К счастью, из автомобиля выбрался водитель и пришел на помощь, схватив кол и направив на грудь попрошайки. Следом прибежали охранники института, случайно заметившие драку перед крыльцом НИИ и толком не разглядевшие, кто кому «начищает» морду.

– Да это же Платон Иванович! – удивились они, разнимая дерущихся.

Неудавшегося убийцу скрутили в три погибели. Он сдался и перестал сопротивляться, поняв, что план сорвался. Шляпа слетела и укатилась под машину. Возле крыльца лежал ящик с рассыпавшимися монетами.

– Будь ты проклят за деяния свои! Кара падет на тебя! – кричал он, лежа лицом вниз. – Ни одно грешное дело не останется безнаказанным!

Платон тяжело сопел и разглядывал наполовину оторвавшийся рукав.

– Сволочь, пиджак испортил. Мразь. Еще и запонка выскочила. Золотая.

Не сдержался и пнул несостоявшегося убийцу под ребра. Тот охнул от боли, а когда снова смог дышать, продолжил насыпать проклятия:

– Не усугубляй вину, дьявольское отродье! Каждый недостойный поступок будет оплачен кровью!

Платон склонился и за волосы оторвал голову от асфальта, чтобы повнимательней рассмотреть грязное лицо, на котором отсутствовали чистые места. Единственным светлым пятном, не покрытым слоем пыли, оставались полные ненависти глаза. Платон прищурился.

– Ба! Какие люди! – узнал он.

Настырный бородатый краепоклонник. Правда, в целях маскировки неопрятные косички были расплетены, и борода казалась еще более отталкивающей.

– Вы его знаете? – удивился водитель, продолжая сжимать палку.

– Да. Один из фанатиков, которые тут целыми днями шумят.

Платон отобрал кол и провел по нему ладонью, чувствуя шершавую царапающуюся поверхность. Он не разбирался в породах древесины, но сейчас был уверен на все сто:

– Осина?

– Разумеется.

Несмотря на испытанный шок, Платон нашел силы для улыбки. Нечасто тебя принимают за вампира.

– Батенька, ты ничего не перепутал? Я по ночам не летаю,

кровь не высасываю, жить вечно не собираюсь.

– Нет. Но душа твоя черней смолы.

Домой Платон попал ближе к утру. Он зверски устал и мечтал выспаться после малоприятных часов в милицейском участке, где давал показания по факту происшествия. Зато теперь появился реальный повод для усиления охраны института и площадки добычи краенита.

Не раздеваясь упал на кровать лицом в подушку, намереваясь заснуть. По ощущениям полагалось провалиться в забытие мгновенно, но из-за стресса не спалось вовсе. Мышцы трясло от усталости. Он перевернулся, разделся, распахнул настежь форточку. Все без толку, мозг отказывался погружаться в сон.

Перебрался в кресло. Потянулся к выключателю, но передумал, посчитав темноту более безопасной. Настороженно вытаращился на черноту окна. Возможно, где-то там бродит очередной сумасшедший, желающий закончить проваленное предшественником.

Часы оглушающе тикали. За время, прожитое в этой квартире, он ни разу не замечал, с каким противным клацаньем движется секундная стрелка. Звук словно долбил в темечко, становясь громче с каждым ударом и сводя с ума.

Осторожно задернул шторы, опасаясь таинственных недоброжелателей, разгуливающих по грязным городским улочкам, включил маленький фонарик и в его слабом свете

принялся копать в сумке.

– Есть!

Успокоительное сегодняшнего вечера.

– Лоскутовское черное золото. Она же платоновка, – пробормотал он и, не найдя рюмку, налил серую жидкость в бокал.

По привычке всколыхнул содержимое, будто хотел почувствовать аромат дорогого вина. Ударивший в нос запах спирта вернул в реальность.

– Как это можно пить? – подумал он, с отвращением разглядывая серебристые течения на дне бокала.

Он задержал дыхание и большим глотком выпил содержимое, чтобы не мучиться. Удивительно, но вкус оказался нейтральным и намного лучше, чем запах. Он-то приготовился к самогону, а получил нечто, вполне пригодное к употреблению.

Не напиться бы.

Припомнилось незапланированное утро в доме Костыля. Интересно, кстати, как Василиса поживает. Так же недовольна и пилит мужа?

Он вспомнил и о самом Костылеве и помрачнел. Вопреки прекрасным отчетам компания вчерашних алкоголиков не вызывала доверия.

«Если разобраться, – думал он, с удовольствием отмечая действие платоновки, – доверять нельзя никому».

Кого в институте ни возьми... Вот, к примеру, Мухин.

Каждый день заходит в приемную и преувеличенно вежливо здоровается, а зенками своими при этом сверлит так, что сразу понятно – скучает по старому кабинету.

Кольцов изображает преданность и заинтересованность, но и ему доверять сложно. Если завтра станет выгодно, этот хитрый проходимец легко «настучит» на родную бабушку ради спасения собственной драгоценной шкуры.

Опять же, куда запропастился Тальберг? Никто не слышал о нем которую неделю. Всплывет труп в загородном ставке, спросят, почему своевременно не спохватились и заявление на розыск не подали. Надо поднять вопрос об увольнении.

Даже Адуев ненадежен. Как он раньше не сообразил – Сая в сговоре с Тальбергом и сознательно саботирует добычу краенитовой пыли.

Платон налил на доньшке, решив, что большой беды от лишних двадцати грамм не будет. В этот раз неприятного запаха не заметил – платоновка пошла мягко и приятно согревала внутренности.

«Пора спать».

Он разделся до трусов и нырнул под одеяло. Сон наступил незамедлительно. Хотя до самого отключения сознания крутилась мысль, что мир не заслуживает доверия.

ГЛАВА X. Мед и ложка

41.

Василиса лежала, в блаженстве рассматривая кусок чистого голубого неба, ограниченный неряшливо выкрашенной рамой старого окна. Настроение у нее было такое же прозрачное и безмятежное. Или даже лучше, ведь облака иногда пачкались черными кляксами пролетающих птиц, а на душе – ни пятнышка.

Пока Костылев богатырски храпел, раскинув руки, словно крылья, она уютно примостилась рядом, положив голову ему на грудь.

Мир внезапно поменялся – и падающая полка перестала бесить, и выцветшие обои не нервировали, и в целом дышалось легче. Василиса любовалась мужем, без бороды выглядевшим на двадцать лет моложе. Кто бы мог предположить, что трезвый и выбритый инвалид окажется столь обаятельным и обходительным?

Затрезвонил будильник. Костыль громко хрюкнул, но и не подумал просыпаться. Василиса ласково толкнула его в бок.

– Толя, вставай, – позвала она негромко. – На работу пора.

– Уже иду, – пробормотал он, покрепче заворачиваясь в простыню.

– Опоздаешь, – не сдавалась она.

– Я директор, – пробурчал Костыль, не открывая глаза. –

Начальство не опаздывает, оно задерживается.

– Твоих остолопов нельзя оставлять без присмотра.

– Это да, – согласился он, окончательно проснувшись и потягиваясь. – Отчебучат, мало не покажется.

– Хорошо, – разрешила Василиса. – Еще поваляйся, а я завтрак разогрею.

Она выскользнула из-под теплого одеяла и убежала на кухню, откуда вскоре приполз аромат жареного мяса. Костыль почувствовал зверский голод, не совместимый со сном, почесал пузо и решил встать. Он прикрепил деревянный протез, размял здоровую ногу и похромал на кухню, запахи из которой становились невыносимо вкусными.

– Невозможно! – он уселся за стол, наблюдая за улыбающейся Василисой. – Ты меня перекармливаешь, нельзя так наедаться с утра. Потом никакого рабочего настроения.

– А ты не жадничай, ешь по чуть-чуть.

– Не получается, оно такое вкусное.

– Наглая лесь, – светясь и улыбаясь, она поставила на стол тарелку и теперь сидела, подперев щеки руками и любясь жующим Костылем.

Последний месяц воспринимался ею как второй медовый, особенно с учетом, что первого не случилось вовсе – Толик тогда ушел в запой. Оказалось, это его обычное времяпрепровождение.

– Толь, а если мы ремонт сделаем? Обои обтрепались, умывальник треснул...

Она замерла, готовясь к тому, что Костыль выйдет из себя, как делал в прошлые разы после аналогичных вопросов. Однако сегодня сценарий изменился.

– А почему бы и нет? Своих охламонов подряжу, сработают по высшему разряду!

– Смогут ли? – усомнилась она, не доверяя компании, способной лишь на одно осмысленное действие – игру в домино под соответствующие горячительные напитки, с криками и раздражающим хохотом, врывающимся в форточку посреди ночи.

– Обижает. Конечно, смогут, – заверил Костыль, обгрызая мясо с кости. – Только за ними нужен глаз да глаз. На следующей неделе зарплату получим и приступим.

– Я ж не говорю, прям так сразу, – удивленная неожиданной стоворчивостью мужа Василиса вспомнила все, чего ей не хватало в жизни, и теперь пыталась расставить приоритеты. Ремонт в списке желаний быстро опустился на шестое-седьмое место. От обилия перспектив она выпала из реальности и унеслась в приятные мечтания.

– Как скажешь, – беззаботно ответил Костылев, продолжая интенсивно двигать челюстями. – Любой каприз в любое время.

Василиса временно отложила свои метания и вернулась из фантазий. Костыль доел, вытер рот салфеткой.

– Мне пора, – он отрыгнул, умылся и снял с вешалки костюм, заблаговременно выглаженный с вечера.

Одевшись, он встал перед зеркалом и внимательно изучил себя, поворачиваясь то одной стороной, то другой.

– Солидно выглядит? – спросил он.

– Шикарно, не то слово!

– Как по мне, слишком официально, – усомнился Костыль. – Мужики не поймут.

– Да наплюй ты на них, – уверенно сказала Василиса. – Директор ты или нет?

– Директор, – подтвердил он, но галстук надевать не стал. Впрочем, возможно, он просто не желал связываться с вещью, которая завязывается полчаса, а пользы с гулькин нос.

– Беги давай, машина приехала. Вечером надолго не задерживайся, я тебя жду.

– Приду поздно, спать ложись.

– Дождусь обязательно, – пообещала Василиса. – Надо тебе кое-что важное сказать. По этому случаю запланирован романтичный ужин.

– Умеешь заинтриговать. Теперь весь день мучиться.

– Иди, – она почти дотолкала его до входной двери. – Опоздаешь.

– Да иду я, иду, – проворчал Костыль.

– Будь осторожен, – добавила она, глядя, как он спускается по лестничным маршам. – У нас преступников развелось, по телевизору вчера передавали. Один мужик соседей

из винтовки перестрелял, а пожилая женщина на улице напала на прохожих и отрывала с одежды пуговицы. А какой-то дедушка...

– Меньше ерунды смотри, – перебил Костыль. – Умом тронешься, все это слушать.

Он ушел. Василиса отправилась в спальню и через окно наблюдала, как он выходит из подъезда и садится в автомобиль. Когда машина исчезла, она уселась на шатающийся стул, мечтательно подперла рукой щеку и уставилась на тест с двумя полосками.

– Платон Иванович, Лужин к телефону просит, – сообщила Наталья. – Говорит, неделю не может вас отыскать.

Дальше прятаться не имело смысла. Платон вздохнул и приказал:

– Переключи на меня.

Она вышла, а он поднял трубку. Через мгновение в ней что-то щелкнуло и сквозь помехи прорезался недовольный голос Лужина:

– Алло, алло! Опять сорвалось? Алло! Алло! Снова ускользнул! Чертяка!

– Слушаю, – Платон с трудом поборол желание тихо вернуть трубку. Дальнейшая отсрочка разговора грозила вылиться в крупные неприятности. Он и так с переменным успехом несколько дней скрывался от настойчивости Лужина.

– Платон, ты?

– Я.

– Новости смотришь?

– Нет. Даже не читаю. Что-то важное случилось?

– Случилось. В Лоскутовке столько убийств и ограблений за предыдущие три года не набралось, сколько за последний квартал!

– Плохо, конечно, но причем здесь я? – Платон решил прибегнуть к классической защите нападением. – Это ваша забота! Или хотите, чтобы я за вас еще и преступников ловил и службы города лично инструктировал?

– Не рассказывай мне мои обязанности, – Лужин ничуть не смутился грозного тона. – Во всех случаях не обошлось без «Лоскутовского черного золота».

Последние слова он произнес отдельно и нарочито четко, чтобы у Платона ни на мгновение не закралось сомнение, что Лужин навел справки и выяснил, откуда растут ноги у настойки.

– Не надо разговаривать намеками, – холодно сказал Платон. – Ваши обвинения голословны, а отчисления «Вектора» неплохо пополняют бюджет города.

– Так-то оно так, но с текущими показателями по преступности я на всю страну прославлюсь.

– Вы за свое место переживаете?

– Место – вещь хорошая, спору нет, – пробормотал Лужин, – но не уверен, что меня никто без предупреждения по

башке сковородой неогреет.

– Вы говорите глупостей. Зачем кому-то бить вас сковородой?

– Незачем, – согласился Лужин. – Но почему-то уже пытались.

– Забавно, – Платон не знал, как адекватно прокомментировать новость.

– Ничего забавного не нахожу. До сих пор трясет. В городе с охраной беда – охранники рассчитываются, говорят, жить им хочется больше, чем умирать за палку колбасы. Я их понимаю. Тебе, наверное, не видно, но я в городской больнице лежу в гипсе. И чем дольше лежу, тем меньше нравится. А в особенности, лично ты.

Платон молча слушал, решив ничего говорить, чтобы не провоцировать Лужина.

– Если так дело и дальше пойдет, от вашего вывода нашего региона из депрессивного состояния тут и самого региона не останется – все разбегутся, а мне разгребай.

– Не знаю, чем помочь, – сухо резюмировал Платон, когда Лужин выговорился. – Я не обладаю ресурсами и полномочиями для решения проблем в сложившейся ситуации.

– А что у вас есть? Кроме столичной наглости, конечно.

– Если хотите, проведем совещание, – предложил Платон миролюбиво, проигнорировав брошенный в его огород камень.

– Где? – снова взорвался Лужин. – У меня в палате? В

отделении травматологии?

– Там, пожалуй, будет неудобно, – согласился Платон.

– Да пошли вы со своими совещаниями. Надоели.

На том конце линии громыхнуло и раздались короткие гудки.

Платон опустил трубку, с третьей попытки попав на «рожки». Несмотря на спокойную манеру общения, его трясло от злости.

Что этот Лужин себе позволяет? Кто дал ему право неуважительно повышать голос на представителей инспекции? Вопиющее проявление наглости от местного царька карманного пошиба!

Платон по привычке вынул из сейфа бутылку. Перманентный стресс требовал постоянной разрядки, поэтому он не мог обходиться без странной жидкости несъедобного цвета. Даже зная состав, он был не в силах отказать себе в удовольствии затуманить мозг, оградившись от проблем вязким туманом опьянения.

«Вязким туманом», мысленно повторил Платон пришедшую на ум фразу, и открутил крышку. «Или ну его?» – подумал он, засомневавшись, но тут же отбросил неприятную мысль. Без спасительного глотка он до вечера сойдет с ума.

42.

Тоцкий трижды просмотрел работу Барашковой. Твердая

уверенная тройка, не более, даже если закрыть глаза на мелкие огрехи. Кончик ручки хаотично бегал вдоль строк, внутри велась напряженная борьба между совестью и жалостью, в которой победителем выходила третья сила – то ли усталость, то ли желание послать всех, куда Макар телят не гонял.

Аккуратные круглые буквы симпатичными петельками крепились друг к другу. К сожалению, за красивым фасадом прятались досадные ошибки. Как ни посмотри, а математика – наука точная и компромиссов не любит.

– Ну что с тобой поделаешь, Барашкова? – задавался вопросом Тоцкий. – Чтоб тебя!

Он отложил листок на край стола, надеясь разрешить проблему позже. На проверку экзаменационных работ отводились сутки – завтра готовый протокол с оценками уедет в гороно, следовательно, на принятие окончательного решения остается ночь.

Закончил проверять остальные работы, оценил неплохой общий уровень подготовки. Сердюкова, например, почти ничего не перепутала, чего с ней не случилось, должно быть, никогда. Заполнил протокол, оставив пустую клетку напротив фамилии Барашковой, и с чувством выполненного долга отправился домой.

Выйдя на крыльцо, столкнулся с Ольгой, прислонившейся к перилам и теребящей белый пакет.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич! – поздоровалась она,

будто не встречались на экзамене.

Тоцкий все тесты просидел с каменным лицом древне-го сфинкса и водил глазами по рядам, старательно избегая квадрата на местности, в котором сидела Ольга. К счастью, ее внимание полностью занимали задания из билета, и она на протяжении отведенного времени сосредоточенно и безотрывно тарасилась на листок.

– Здравствуй, Барашкова! – он демонстрировал настроенность на исключительно официально-деловой стиль общения. Несмотря на ночной визит, он впредь был намерен оставаться в принятых рамках приличия.

– Почему так официально?

– Я учитель, вы ученик, – сухо ответил он. – Нужно придерживаться правил поведения.

– А-а-а... – она заговорщицки подмигнула. – Мы типа не знакомы и все такое.

Он недовольно поморщился, словно натошак скушал лимон, по ошибке присыпанный солью. Фамильярный тон Ольги не радовал, но она намеков не понимала и продолжала многозначительно улыбаться.

– Пойдем.

Тоцкий утешался скоропостижным уходом Зои Павловны в отпуск и радовался наступившей свободе – в школе дышалось легче в отсутствие всевидящего ока, блюдущего нравственность в коллективе преподавателей. Но, даже учтя столь серьезное облегчающее обстоятельство, он выдохнул с

облегчением только на некотором отдалении от среднеобразовательного учебного заведения.

– Какие планы на вечер? – спросила Ольга.

– Спать крепко и беспробудно.

– Это скучно, – протянула она. – Давайте прогуляемся через парк.

– Хорошо, – согласился Тоцкий.

Идя неспешным шагом, он чувствовал себя не в своей тарелке. Он не общался с Барашковой с ночи, проведенной в его квартире, но непрерывно размышлял, как правильно разрешить ситуацию к взаимному удовлетворению сторон. Периодически бросал на нее косые взгляды и пытался отгадать, какие мысли живут в ее светловолосой голове.

Ольга взяла его под руку, тем самым поставив в еще более неловкое положение. Он огляделся в поисках посторонних глаз.

– Можно называть вас на «ты»? – спросила она.

– Нежелательно, – строго сказал он, но Ольга проигнорировала его тон.

– Не хотите, как хотите, – прощепетала она беззаботно, довольная одним фактом близости к объекту обожания.

Его не оставляло нехорошее ощущение, словно они в одиночестве идут по чистому полю, а чьи-то прищуренные глаза следят за ними из кустов по краю лесополосы. Он оглядывался, будто участвовал в шпионском триллере, где из-за каждого угла пачками валили вражеские агенты. Зато Ольга

вышагивала с видом победителя международных соревнований по спортивной стрельбе из каноэ по байдаркам.

Они дошли до парка и направились по дорожкам в противоположный конец, куда Тоцкий заходил еще в бытность студентом, но отметил, что с тех пор ничего не изменилось.

– День такой замечательный!

Он кивнул, хотя день выдался обычным и жарким, а хотелось дождя и свежести.

У одной из редких уцелевших скамеек стоял прыщавый юноша с длинными волосами прямиком из прошлого века. Он пристально смотрел, потягивая сигарету.

«Чего уставился, – подумал Тоцкий, – заняться больше нечем, как глазеть на прохожих?» Он посмотрел в ответ, но парень ничуть не смутился и продолжал таращиться. Даже пройдя мимо, Тоцкий чувствовал на спине тяжесть чужого взгляда. «Наверное, это паранойя», решил он.

– Вы же меня домой проводите? – попросила Ольга. – По городу опасно в одиночку ходить, вдруг на меня нападут. Сейчас даже днем небезопасно.

– Хорошо, – Тоцкий, в очередной раз почувствовал себя жертвой умелой манипуляции. Хотя в Лоскутовке и впрямь накалилась обстановка и участились нападения. – Нас не заметят твои родители? – спросил он, переживая, не слишком ли запинаящийся голос выдает волнение.

– Не увидят, – заверила она. – Им не до меня. Отец ушел. К матери какой-то хрен в гости приходил, она наивно дума-

ет, я ни о чем не догадываюсь и не замечаю.

– Запутанно, – заметил он.

– Ага, как в мыльной опере. Главное, чтобы потом не выяснилось, что у меня есть злобная сестра-близнец или, чего похлеще, что моя мать – вовсе не моя. Мы с ней совсем не похожи, не удивлюсь, если так оно и окажется.

– Это только в кино бывает. Жизнь на порядок скучнее и называется конфликт отцов и детей.

– Действительно, звучит тоскливо, – согласилась она.

Они подошли к ее дому.

– Все! Дальше сама дойдешь!

– А если меня по пути украдут? – кокетничала Ольга.

– Сомневаюсь.

Она отпустила его ладонь и нырнула в подъезд, напоследок улыбнувшись. Тоцкий вяло махнул ей в ответ и развернулся, чтобы уйти, но дверь снова скрипнула пружинами.

– Сергей Сергеевич! – крикнул строгий женский голос, от которого на мгновение замерло сердце.

Спинной мозг сработал, узнав обвинительные интонации с первых звуков – Тоцкий неприлично высоко подскочил на месте, спохватился и в меру скромных актерских способностей изобразил радость, но получилось плохо и неубедительно.

«ЗоПа, – промелькнуло в мозгу, – причем полная».

– Зоя Павловна, – поздоровался он, приходя в себя и судорожно гадая, не заметила ли она его с Ольгой. – Не знал,

что вы здесь живете. Так приятно встретить знакомое лицо, – соврал он.

– Не врите, – рявкнула она в соответствии с презумпцией виновности, распространяющейся на всех, кроме нее.

– Почему же? Я рад, – возразил Тоцкий, понимая, как неубедительно звучат его слова. И чем честнее он старался казаться, тем отчетливее осознавал, что общение с Зоей Павловной по определению не может вызывать радости.

– Я все видела! – сообщила она обличающим тоном прокурора.

– Что «все»? – робко уточнил он, чтобы знать наверняка, в чем оправдываться.

– ВСЕ! – твердо заявила она. «Все» прозвучало громко и убедительно, словно она взаправду видела все – от сотворения мира и до наших дней. Причем из шести миллионов лет наблюдений ее поразило только то, что довелось наблюдать в последние минуты. – Вам придется на педсовете объясняться, что здесь происходит!

Она перешла на повышенные тона, постоянно увеличивая громкость. Тоцкий огляделся по сторонам, надеясь, что их никто не сбежится на шум.

– Ничего не происходит! – возразил он.

– Вы с Барашковой шли, как влюбленная парочка! – раскрыла карты Зоя Павловна. – Срамота! Учителю не пристало заниматься такими вещами!

– Я всего лишь помогаю ей подготовиться к вступитель-

ным экзаменам.

– Не рассказывайте мне сказки, – не поверила она. – Не надо делать из меня дуру! Вы, словно голубки, держались за руки.

Тут сложно возражать. Обычно занятия математикой не требуют телесного контакта. Тоцкий пришел в смущение. Зоя Павловна восприняла сей факт как подтверждение своей правоты.

– Вы покраснели! – она обличительно ткнула в него пальцем. – Вы позорите честь учителя. Высокое призвание – учить детей – вы променяли на похоть!

Тут Тоцкий обиделся. С похотью у него было все в порядке, и он не собирался менять ее на туманное «высокое призвание».

– Ничего из мне приписанного я не делал, – заявил он.

– Если увижу вас вместе, сообщу ее родителям, – пообещала она. – Впрочем, там вся семейка – безответственные и пропащие люди. Дочка – вся в отца!

Тоцкий родственников Ольги дотоле не встречал, но по вспыхнувшей в глазах Зои Павловны ненависти понял, что люди они неплохие и, как минимум, достойные члены общества.

– До свидания, – он мрачно попрощался и пошел к остановке. Отойдя на безопасное расстояние, пробормотал: – Мымра старая.

– Я слышу, – громогласно сообщила Зоя Павловна, де-

монстрируя чуткий слух.

– Знаю, – огрызнулся он шепотом.

43.

Что надеть?

Лизка оценила наличный гардероб в поисках решения этого важного насущного вопроса, щекотливость которого обычно сопровождается диалектикой единства и борьбы противоположностей, скатывающейся к двум известным крайностям, минуя промежуточные состояния – либо нечего надеть, либо некуда.

– Ты куда-то собралась? – поинтересовалась Ольга, бесшумно зайдя со спины. В руках она держала миску с салатом и вилку.

– А? – Лизка растерялась, придумывая ответ. – С подружкой прогуляться решили, отдохнуть захотелось.

– Ну да, ну да. Не сомневаюсь.

Ольга в последние дни жила тайной личной жизнью и часто приходила в столь поздний час, что Лизка вознамерилась устроить нагоняй, но вечером не хватало сил, а утром уже не хотелось ругаться и портить настроение. А тут еще и Димка запропастился. Хоть бы позвонил, гад, и сообщил, что с ним все в порядке.

– Я же не спрашиваю, где ты пропадаешь вечерами, – контратаковала Лизка. – Ты определилась, куда поступать

будешь?

– Еще думаю. Не поступлю – уйду в армию.

У Лизки глаза вылезли на лоб.

– В женский добровольческий батальон.

– Шутки шутишь, а что-то делать надо.

Ольга не ответила и удалилась с тарелкой в зал, чтобы из кресла наблюдать за возившейся в коридоре матерью.

Предстоял самый страшный вопрос – подобрать туфли. Лизка критическим взглядом перебрала закрома и обнаружила, что за годы супружеской жизни привыкла ходить не в красивом, а в удобном. Но с платьем тапочки без каблуков не сочетались совершенно, при невысоком росте ей были жизненно необходимы туфли.

Ольга громко и демонстративно хрустела салатом, состоящим исключительно из капустных листьев. Лизка чувствовала на себе ее угнетающий взгляд и начинала излишне суетиться.

– Жуй тише, – не выдержала она.

– Капуста полезна для здоровья, – невозмутимо ответила

Ольга с набитым ртом. – От нее грудь растет.

– Смотри, чтобы слишком большая не выросла – равновесие не удержишь, упадешь, и губа треснет.

– Я столько не съем, – с демонстративной беззаботностью обронила Ольга.

Лизка полезла в самую глубь гардероба, где в ящиках пылились вещи, которые давно не носились. В первых двух ко-

робках ничего интересного не нашлось, а вот в третьем обнаружили забытые туфли на высоком каблуке. На ноге они смотрелись неплохо и под платье отлично подходили, но обладали существенным недостатком – ступни жутко болели, будто это колодки для заключенных, а не обувь свободного человека.

Перетерплю, решила Лизка. Платон приедет за ней на автомобиле, а потом в том же виде вернет домой, и ей не придется ходить пешком. А уж часок в кафе она как-нибудь высидит.

– Что за хрен? – вдруг спросила Ольга, глядя, как мать рассматривает себя в зеркало.

– Следи за выражениями, – строго отчитала Лизка, смущаясь от вопроса и без труда догадываясь, кто значился под словом «хрен».

– Это самое культурное, у меня и похуже фразочки есть, – заверила Ольга. – Ну и кто он?

– Хороший знакомый со студенческой скамьи. С института не виделись и решили вспомнить старые добрые времена. Приступ ностальгии, одним словом.

– Принаряжаться зачем, если просто «знакомый»? Без этого «старые времена» плохо вспоминаются?

– Позовут тебя на встречу выпускников через двадцать лет, посмотрим, как наряжаться будешь.

– Не пойду, – безапелляционно заявила Ольга. – У нас пацины поголовно или идиоты озабоченные, или скучные мям-

ли. С ними неинтересно.

– Это сейчас, а через два десятка лет...

– Так ты ведь идешь на встречу не с выпускниками, – а с одним конкретным мужиком, – не унималась Ольга.

– Да, – у Лизки сдавали нервы. – Ужинаю с женщиной, ты довольна?

Она гневно затолкала туфли в коробок и забросила в глубины шкафа, чувствуя пылающий внутри костер негодования. Отшлепать бы эту непрошеную малолетнюю совесть по мелкой заднице.

Ольга вспомнила о салате и продолжила демонстративно и противно хрустеть.

– И кто этот новый папочка? – провокационно наивным голосом спросила она, хлопая ресницами с наигранной невинностью.

– Нарываешься? Хочешь, чтобы я занялась твоим усиленным воспитанием?

– Ой, боюсь, боюсь.

Капуста закончилась, и теперь Ольга тщательно вылизывала майонез с ложки.

– Мне кажется, папе не понравится.

– Да? – Лизка вошла в комнату. – И где же он, твой папаша? Пусть придет, лично расскажет, что ему не нравится. Ну?

– Я откуда знаю. Это же вы чего-то не поделили, не я.

– Найдешь – тогда и поговорим.

Ольга поникла и умерила спесь. Она представления не имела, куда делся отец и почему. Но и сдаваться без боя тоже не собиралась.

– В милицию заяви, – предложила она. – Пусть разыскивают хотя бы. Или тебе известно, где он?

– Ты помнишь, как у вашего Ковалева папа вышел за сигаретами и пропал? – спросила Лизка. – Считай, что твой отец тоже побежал за папиросками.

– Он не курит.

– Тогда, за хлебом. Невелика разница.

– А тот хрен...

– Прекрати его так называть! – потребовала Лизка.

– Тот хрен, – повторила Ольга, – он прямо лучше папы?

Она вела себя вызывающе, не скрывая ехидной улыбки. Возможно, стоило отреагировать более спокойно, но Лизка находилась в состоянии непреходящего стресса, и ей так захотелось сорвать с Ольгиного лица отвратительную ухмылочку, что она не сдержалась и выпалила:

– Этот, как ты выражаешься, «хрен» и есть твой настоящий отец, между прочим!

Уже произнося эту страшную фразу, Лизка поняла, что говорить ее не следовало. Кто знает, как Ольга отреагирует на правду. Возраст опасный, взрывной. Буквально на днях по телевизору седовласый профессор в очках полчаса растекался мысью по дереву, что подростки и юноши чувствительны, эмоционально не уравновешены и в ранней юности

отличаются девиантным поведением, поэтому могут и повестись от депрессии, вызванной неудачным замечанием.

– Врешь!

– Вру, – согласилась Лизка, пойдя на попятную.

– А если не врешь? – Ольга прищурилась, пытаясь по внешнему виду матери определить, как в действительности обстоит дело.

– Это я тебя утихомириваю. Привлекла внимание нестандартной фразой. Есть такой прием в педагогике.

– Поклянись здоровьем бабушки!

– Детский сад какой-то! – возмутилась Лизка.

– Поклянись! – упрямо твердила Ольга, и ничего не оставалось, как пообещать:

– Честное слово!

– Клянусь здоровьем матери, – подсказала Ольга.

– ...клянусь здоровьем матери!

«Я же не сказала, в чем именно клянусь», – подумала Лизка, тайком скрестив пальцы и по-детски радуясь собственной хитрости.

44.

Работать становилось тяжелее. Раньше Саня ездил на «раскопки» с мыслью отдохнуть от суеты и неподвижно посидеть на раскладном стульчике, наблюдая за сыплющейся из-под луча краенитовой пылью. Зрелище завораживало по-

хлеще текущей воды или огня, пожирающего сухие ветки.

Чтобы окончательно не оступеть, брал в дорогу книги – в основном, справочники по физике. У Тальберга нашел самоучитель иностранного языка и попытался изучать, надеясь попрактиковаться на Шмидте. Но дальше определенных и неопределенных артиклей дело не пошло, да и слова категорически отказывались запоминаться. Саня водрузил книгу на полку и вернулся к учебникам.

Однако в последние дни ситуация кардинальным образом поменялась. Вокруг места добычи растянули ту самую сетку, о которой Кольцов докладывал Платону. Но защищала она не от потенциальных взбесившихся зайцев, а от реальных недовольных людей, толпившихся за ограждением и выкрикивавших лозунги и проклятия на любой вкус. Если бы их пожелания сбылись, Саня давно бы умер от огромной кучи редких болезней – даже от побежденных медициной в позапрошлом веке.

За периметром стояли люди в форме и наводили на митингующих страх суровым взглядом и старыми автоматами. Небольшой положительный эффект имелся – толпа боялась приближаться, но крики тише не становились.

Теперь голова ныла не только от Края, но и от непрерывного шума. Количество протестующих менялось – иногда их ряды сокращались до двух человек, особенно в будний день утром, а по субботам доходило до трех десятков.

Саня пытался игнорировать галдеж, углубившись в учеб-

ники. Крики постоянно отвлекали и дальше первой главы он не продвинулся. Ситуация напоминала древнюю пытку, когда капли воды падают жертве в темечко день и ночь, отчего человек испытывает сильное истощение и медленно сходит с ума.

– Надоело, – возмутился Плотников, внешне казавшийся непробиваемым. – Пойду завтра к Кольцову и потребую меня назад вернуть, а иначе рассчитаюсь отсюда к чертовой бабушке.

– А зарплата?

– С этой работой скоро все деньги на лекарства начнут уходить. Я на такое не подписывался.

«Хорошо ему, – подумал Саня, – он-то краенит не выносил за пределы института, на него у Платона компромата нет». Впрочем, кто знает, может, у Платона на каждого припрятана папочка с тесемочками.

– А мне придется просиживать здесь до скончания века, – сказал Саня с завистью.

Плотников действительно не выдержал и написал заявление. Кольцов хотел вернуть его на прежнее место, но Платон не разрешил, поставив ультиматум – или в группе добычи, или нигде. Семен твердо решил увольняться, но Платон настоял на отработке положенных двух недель.

Плотников ставил в карманном календаре крестики в ожидании последнего дня, производя эту процедуру каждое утро перед выездом.

– Не понимаю, зачем добровольно мучиться? – говорил он. – По закону я вправе отказаться от работы, если сочту ее опасной для здоровья.

Саня молчал. Он мучился отнюдь не по своей воле, но не мог поделиться секретом.

Платон не унимался и поставил задачу нарастить темпы производства. По всей вероятности, он предчувствовал, что «лавочку» по добыче краенитовой пыли в ближайшее время прикроют, и старался наработать запасы на будущее.

– Больше! Нужно больше! – требовал Платон, просматривая журнал. – Не годится.

– Не получается. Скорость реза стабильна, работа длится девять часов в сутки – это дольше рабочего дня.

– Тебе платят достаточно, чтобы ты тут ночевал, – сказал Платон сквозь зубы. – Если понадобится, будешь круглосуточно там торчать.

Саня впервые заметил, что у Платона трясутся руки, а в бегающих глазах прячется страх.

– А как же запрет на пребывание у Края более двенадцати часов?

– Законы для слабых, сильные умеют через них переступить, – отрезал Платон. Это было замечание из той же серии, что и «нет», означающее «да».

– А несчастные случаи? – робко промямлил Саня, понимая бесполезность любых логических доводов.

– Сказки для запугивания наивных. Не верь в подобную

чушь и дольше проживешь.

Это были слова человека, не приближавшегося к Краю ближе, чем на километр. Саня чувствовал такую слабость и боль в суставах, что без постоянного употребления таблеток разучился спать.

– Свободен! – Платон махнул рукой, словно отгонял надоедливую муху, и потерял интерес к дальнейшей беседе.

Саня покорно отправился на «раскопки», силясь выполнить план, установленный на день. Как ни старался успеть в десятичасовой срок, отказавшись от перерывов, норма выполнялась лишь на две трети. Бесперывный режим для установки мог окончиться плачевно – в летнюю жару система охлаждения едва успевала справляться с избытком тепла.

– Что ты творишь? Умом тронулся? – вскричал Плотников. – Аппаратуру угробишь!

Вместо ответа Саня показал ему норму.

– У них там крыша поехала? – продолжал возмущаться Семен. – На людей наплевать. А когда жареный петух клюнет, начальство врассыпную по кустам – мы, дескать, ни при чем, указаний не давали, – посетовал он, а потом успокоился и спросил: – Что делать думаешь?

Саня признался, что собирается работать допоздна, пока не сделает «урок», и рассчитывает на поддержку Плотникова.

– Ну уж нет, – заявил Семен. – Какой смысл? Отдашь ты последние силы, кровь из носу выполнишь сегодняшний

план, а завтра-то он никуда не денется – начинай по новой. И никто спасибо не скажет. Нет уж, я не амеба, чтобы покорно выполнять хотелки большой «шишки». Никакая мразь не смеет использовать меня, словно робота. Я ухожу. Пусть хоть под суд волокут, а с меня довольно, я к установке пальцем не прикоснусь.

Он развернулся и забрался в микроавтобус, усевшись рядом с водителем. Люди с плакатами уже исчезли – в отличие от Платона, они безоговорочно верили во вред длительного нахождения у Края.

Саня остался сидеть возле натужно шумящей установки. Он видел, колебания нагретого воздуха над корпусом и понимал, что возможности техники на исходе и срочно необходимо сделать перерыв. Но тогда они проведут здесь лишние полчаса.

Водитель переговорил с Плотниковым, вылез из микроавтобуса и подошел к Сане, уставившемуся на светящуюся точку в стене.

– Александр Сергеевич, ехать пора, – обронил он. – Охрана волнуется. Время капает, – он постучал указательным пальцем по циферблату наручных часов.

Саня огляделся. Охранная служба отошла от Края подальше и с опаской наблюдала за развитием ситуации.

– Вы как хотите, а я поехал, – поставил водитель ультиматум. – Мне жить еще охота. У меня дети, жена...

Он повернулся и неспешно пошел к микроавтобусу, давая

Сане шанс одуматься.

– Хорошо, – крикнул Саня, испугавшись, что все уедут и оставят его один на один с Краем. – Собираемся!

Он резко встал, намереваясь выключить установку.

Поднимаясь, почувствовал себя водолазом, всплывающим на поверхность из океанских глубин. Воздух внезапно стал плотным и густым, будто взаправду превратился в воду, и требовалось прилагать недюжинные усилия, чтобы продвигаться сквозь него. В ушах громко зашумело, отчего еще сильнее походило на глубоководное погружение. Обычная легкая летняя одежда приобрела жесткость скафандра и отказывалась гнуться, больно собираясь в рваные складки.

Он попытался что-то сказать – с трудом открыл рот, будто рыба, выпускающая пузыри.

Водитель обернулся. Саня из последних сил махнул ему рукой, не удержал равновесия и без сознания рухнул наземь рядом с установкой.

Дальнейшие события он помнил кусками, собранными из обрывков.

Он смотрел на небо, пока его волокли в микроавтобус, слышал переговаривающиеся голоса.

– Может, у него обычное переутомление?

– Какое переутомление? Истинно говорю, от Края ему плохо.

Саня продолжал думать о невыполненном плане, причем испытывал от этого необъяснимое удовлетворение.

– Аккуратней неси, голову придерживай.

Он почувствовал, как горячая рука коснулась затылка, и снова потерял сознание.

Очнулся в незнакомом трясущемся автобусе. Скорее всего, охрана предоставила свой транспорт. Потолок сильно дрожал, и через мгновение Саня закрыл глаза, открыв их уже в приемном отделении, где строгая тетка в белом халате сходу поставила диагноз:

– Болезнь Края, на стационар.

– Жить будет? – спросил голос Плотникова.

– Разумеется. Теперь от этого не умирают, но полежать недели три в отделении придется.

Вечером пришла Лера и притащила за собой бабушку, у которой подкашивались ноги.

– Что они с тобой сотворили? – повторяла бабушка, угрожая упасть в обморок прямо в палате.

– Все хорошо, – успокаивал Саня. – Не переживайте. Простое переутомление, отлежусь и пройдет.

Но она не хотела успокаиваться и продолжала причитать, считая, что ее обманывают и скрывают правду, чтобы не волновать.

– Сколько раз повторять? – он устал от бесконечных причитаний. – Я почти здоров.

– Тогда это зачем? – бабушка показала на капельницу.

– Витамины какие-то, – ляпнул наобум. Он не знал, что

именно ему колют, но надеялся, что ничего серьезного – какое-нибудь общеукрепляющее для восстановления жизненных сил.

Лера уселась на край кровати и теперь сидела довольная, прижав к груди игрушечного зайца и раскачивая ногами.

– Тебя вылечат? – спросила она с интересом.

– Обязательно, – пообещал Саня.

– Жаль, – расстроилась Лера. – Мне так понравилось в больницу ходить.

Когда удалось успокоить бабушку и отправить ее домой, он снова погрузился в сон.

Проснулся оттого, что рядом перешептывались четыре человека – Лева, Митька Однорогов и, конечно же, Конь с Олесей, которая демонстративно прижималась к Коневу, словно хотела подчеркнуть их неразлучность.

«Откуда они узнали?» – подумал Саня и закрыл быстро утомившиеся глаза.

– Ты гляди, проснулся! – обрадовался Лева.

– Да спит он, вон, слышишь, храпит, – не согласился Митька Однорогов.

– Я видел, он глаза открывал.

– Ничего он не открывал, тебе показалось.

– Не сплю я, – вмешался Саня, опасаясь, что бессмысленный спор затянется до бесконечности. – Говорить тяжело.

– Тогда молчи, не напрягайся, – сказал Конь. – Мы тебя проведать пришли. Мы же друзья.

«Ну да, – подумалось Сане, – кому, если не друзьям, подставлять с краенитом». Впрочем, вероятно, Конев не догадывался, какую недобрую услугу оказал. Возможно, он искренне считал, что помог.

– Проведывайте, – милостиво разрешил он.

Народ топтался на месте, испытывая неловкость и не зная, о чем говорить. Последовали неуклюжие попытки рассказать новости. Саня ловил себя на том, что никого не слушает и просто мечтает, чтобы его оставили в покое и позволили выспаться.

Когда все попрощались и покинули палату, Конь крикнул остальной компании:

– Подождите снаружи. Надо переговорить с Саньком.

Они остались наедине. Конев подошел ближе, склонился и вполголоса проговорил:

– Ты это... сильно не расстраивайся.

Саня после такого вступления напрягся. Ничего хорошего не предвещалось.

– Твоя девушка...

– Какая девушка?

– У тебя их несколько? – удивился Конь. – Ну та, которая... – он запнулся, пытаясь подобрать слова, чтобы поточнее описать ее внешность.

– Ольга? – догадался Саня.

– Наверное. Забыл.

– И что с ней?

– Лева вчера видел, как она с каким-то хмырем в парке гуляла. Они до самого ее дома шли под ручку. Не по понятиям как-то, – разродился Конь.

Саня не больно-то обрадовался, но и рассказывать о произошедшем между ним и Ольгой в последнюю их встречу не собирался, стараясь не вспоминать об этом лишний раз.

– Она не моя девушка, – заявил он.

– Не прикидывайся, – Конь по-дружески пнул кулаком в плечо. Саня скривился от боли. – Ну, подумаешь, поссорились. Как повздорили, так и замиритесь.

– Не помиримся. Мы никогда и не встречались толком.

– Не беспокойся, – Конев словно не слышал, что ему говорили. – Я этот вопрос легко порешаю.

Саня стало интересно, каким образом, но предчувствие подсказывало, что ничего путного не выйдет. Насильно, как известно, мил не будешь.

– Не надо, – попросил он. – Станет только хуже.

– Ты, брат, выздоравливай, – похлопал Конь по простыне. – Спи, отдыхай, пей таблетки, все остальное – моя забота.

– Не надо, – еще раз попросил Саня.

45.

Шмидт подошел к лежащему на кушетке Тальбергу и совершил неожиданную подлость – полил холодной кипяченой водой из чайника.

– Э-эй! – забулькала тот, отплеываясь. – Немедленно прекрати издеваться над людьми. Ты так над змеями не измываешься! Я пожалуюсь в организацию по защите прав животных!

Негодование и праведный гнев перешли в недовольный стон. Удивительно, но средство Карла помогло. Тальберг протрезвел, хотя и не полностью.

– Сколько я тут лежу? – спросил он озадаченно, сиюсь разглядеть дату на перекидном календаре.

Удовлетворенный достигнутым результатом Шмидт вернул чайник на электрическую плитку.

– Больше месяц. Нормальный человек умереть после такой, – ответил он и добавил с небольшой обидой в голосе: – Ты мои обеды съешь и плащ растянуть.

Тальберг в ужасе взялся за голову. «Лизка, Платон, Ольга», промелькнуло в голове.

– Месяц? Вот это я разошелся. Бросил бы меня разлагаться дальше. Новости-то какие?

– Не знать нофости. Я отсюда почти не выходить.

– Бритва есть? – Тальберг разглядывал в зеркале отражение. – Борода чешется, я ее никогда так не запускал. На гориллу похож.

Шмидт открыл верхний ящик комода, привезенного им с исторической родины, и извлек шаветку и выдавший виды помазок из слоновой кости с шерстью барсука.

– Э-э-э, нет, – протянул Тальберг, – ты смотри, как руки

трясутся. Если этой штукой бриться начну, не досчитаюсь ушей, в лучшем случае. В худшем, помру от потери крови. Не пойдет!

– Садитесь! – Карл показал на стул. – Я помочь.

Тальберг покорно сел.

– Не шевелиться!

Он попробовал замереть неподвижно, но периодически вздрагивал и покачивался, несмотря на старания. Чем больше усилий прилагал, тем сильнее трясся.

– Расслабиться, – посоветовал Шмидт, надел очки и встал позади, затачивая бритву о ремень.

Тальберг заметил чучело, молча стоящее на шкафу без сигар и рассуждений о природе подсознания.

– Я это с собой притащил? – поинтересовался он, мандражируя перед предстоящей процедурой. Никогда в жизни ему еще не доводилось бриться шаветкой. Разве что виски подправляли в парикмахерской.

– Да, – подтвердил Шмидт, отложил бритву с полотенцем и принялся взбивать помазком пену. – Не любить зайцы, отвратительный животный. Где ты его украсть?

«Угу, – с иронией подумалось Тальбергу, – змеи-то всяко краше будут».

– М-м-м... – промычал он. – Длинная история с невеселым концом. Но если кратко, это прискорбный итог моих научных достижений.

– Я не спешить, – Шмидт щедрыми мазками наносил гу-

стую ярко-белую пену. – Хотя лучше ты молчать, я тогда тебя не ранить.

Тальберг испугался и замолчал. Между тем, Карл продолжал говорить, обрадованный наличием собеседника. Видно, у него накопилось за последнее время всякого, чем ему непременно хотелось хоть с кем-то поделиться.

– Я исследовать краенитовый пыль, – рассказывал он. – На мои экземпляры действовать безотказный.

Тальберг молчал, глядя в зеркало перед собой и переживая за уверенность движений Шмидта. Карл, казалось, ничего не замечал и спокойно брил, виртуозно соскабливая пену с удивительной скоростью и легкостью.

– Я пробовать на змеях, и они становятся агрессивный и подтверждать мой теория, – рассказывал Шмидт. – Die Kante вызывать повышенный агрессивность у змей. Но я решить не останавливаться и испробовать пыль на себе!

У Тальберга самовольно поднялась левая бровь. Ему стало чрезвычайно любопытно, к каким же выводам пришел Карл в краенитовых изысканиях.

– Я быть осторожный, но это сложно. Я проделать много раз и, понять, что пыль не вызывать агрессивность и злость, как можно показаться...

Шмидт сделал паузу, чтобы аккуратно выровнять виски, но Тальберг решил, что тот нарочно нагнетает обстановку для поддержания любопытства.

– Ну? – не выдержал он.

– Не дергаться, – попросил Карл, – я не закончить. Так фот, я долго думать и анализировать мысли и ощущения, это сложный. Я записывать, что чувствовать. Я не есть уверенный, что мои выводы правильный, но пока я не мочь предложить другое решение...

«Да сколько можно тянуть?» – подумал Тальберг, позабывший об угрозе быть зарезанным опасной бритвой, тем более что процесс подходил к логическому завершению.

– Я думать, пыль вызывать страх, – сказал Шмидт и объявил, оценивая со стороны качество работы: – Готово!

– Страх? – удивился Тальберг, беря из рук Карла полотенце и вытирая с лица остатки пены.

– Не простой, а страх потери самого ценного. Не дорогой, а ценный – полезный умение, близкий человек, личный качество, памятный предмет. А агрессия рождаться из попытка защитит это, даже если опасность для него нет. Можно поверить в самый невероятный угроза. Кажется, так действовать. Такой теория. Змеи примитивные, у них страх один – умереть, а люди отличаться.

Тальберг задумался над версией Шмидта, водя рукой по гладко выбритым щекам и пытаясь вспомнить что-то в подтверждение этих измышлений.

Вспомнился Самойлов, бегающий по институту с ножом и кричащий про темы, бывшие основой его финансового благополучия. Наверняка, он полагал это самым ценным и старался защитит, подозревая конкурента в молодом и способ-

ном Володине. И именно в этот день Самойлов получил краенитовую пыль для исследований. Все сходилось.

– Наверное, он вдохнул краенит, и тот на него подействовал, – пробормотал Тальберг.

– Кто вдохнул? – запутался Шмидт, в своей автономии оторванный от общественной жизни и про Самойлова не слышавший.

– Неважно, – отмахнулся Тальберг и спросил, неумышленно переходя границы приличного: – Какой у тебя самый главный страх?

– Я не говорить, – смутился Шмидт, укладывая бритвенные принадлежности в ящик.

Тальберг понимающе кивнул.

– Я собираюсь прекратить исследования и через месяц вернуться домой. К жене и детям, – неожиданно сообщил Карл.

– Ясно, – Тальбергу стало грустно. Шмидт оказался самым близким человеком и фактически единственным настоящим другом. – Знаешь. Смотрю на тебя, и кажется, будто ты сказочный персонаж из другого мира. Есть в тебе нечто inferнальное, словно ты вселенной ошибся.

– Я у вас себя тоже так чувствовать, – признался Шмидт. – Поэтому я хочу домой.

Тальберг осознал причину собственной ярости на день рождения Лизки, и все стало по местам. Его просто ввела в заблуждение краенитовая пыль.

Зато теперь он знал, что боится потерять сильнее всего на свете. Даже если угроз в действительности нет. Или они невероятны.

– Можно уверовать в любую немислимую угрозу? – переспросил Тальберг, оценивая, насколько невозможную опасность для его семейной жизни представляет Платон. – Так сказать, поверить в три невозможности до обеда, – пошутил он.

К его удивлению Шмидт с каменным лицом ответил:

– Да. Именно. Главное, суметь остановиться после первой. Потом быть поздно.

– Честно говоря, у меня от всей этой зауми голова кругом идет.

– Это бывает, – согласился Карл.

– Не то слово, – добавил Олег.

– Что? – дернулся Тальберг. К счастью бритвенные процедуры закончились, а то ходить бы ему без ушей или носа.

– Что «что»? – не понял Шмидт.

– Спокойно, – сказал Тальберг то ли Карлу, то ли себе. – Мне срочно надо сходить по нужде.

Он отправился в туалет, разумно предположив, что общаться с воображаемым другом при Шмидте будет неуместно. Идти туда с чучелом зайца выглядело не менее странно, но Карл промолчал, сделав скидку на возможную неменяемость, вызванную продолжительным запоем.

– Говори, ушастый, – потребовал Тальберг, ставя Олега

на подоконник и запирая дверь на щеколду.

– Лучше по имени, – заяц откинулся назад и принял вальяжную позу большого начальника. – Что говорить-то?

– Говори, когда от меня отвяжешься.

– Нет, ви посмотрите на этого поца, не успел, значит, познакомиться, как норовит избавиться.

– Не увиливай от ответа, а то могу и уши оборвать, – пригрозил Тальберг.

– Неприятно, но не смертельно. Твое подсознание найдет какой-нибудь другой объект для визуальной материализации, хоть и не такой симпатичный. Предпочтешь общаться со сливным бачком? И каждый раз, когда захочешь по маленькому или, еще хуже, по большому, он будет с тобой булькать за жизнь.

Подобные перспективы не радовали.

– Это навсегда? – обреченно спросил Тальберг.

– Наверное. Не знаю, – заяц пошевелил ушами. – Я лишь подсознание, знающее не больше тебя. Я просто наблюдательней, ты же никогда не в курсе событий. Боже, как можно так жить? – картинно возмутился Олег. – Собаки охранников получше тебя осведомлены в делах института.

– За какие грехи мне такое наказание? – взвыл Тальберг. – Я с тобой с ума сойду. Уже сошел.

– Есть некоторые соображения, – проговорил заяц, откуда из-за спины доставая сигару и прикуривая от материализовавшейся из воздуха зажигалки. – Ты с Краем полтора де-

сятилетия работаешь, каждый день прикасался к краениту. Оно, конечно, не пыль, но действует через поры на руках. Медленно, но верно, по капельке.

– Возможно, – в свою очередь задумался Тальберг.

– Вспомни, когда впервые почувствовал, что Лизку теряешь? – продолжал заяц. – Хотя бы приблизительно.

– Года три назад. Тебе лучше знать.

– Вот-вот. Сначала в легкой форме, а потом становилось хуже и хуже, пока не сорвало.

– Логично, – согласился Тальберг с собственным подсознанием. – И какие из этого выводы?

– Из-за длительного контакта и эффект, вероятно, продолжительный, да и вообще, если пить, вдыхать и впитывать через кожу, он может и действовать по-разному, – предположил Олег. – Не расстраивайся. Кому еще выпадало счастье уметь общаться с подсознанием напрямую? Считай это своего рода сверхспособностью.

Снаружи настойчиво постучали и попросили освободить помещение. Тальберг пальцем приказал зайцу молчать, взял под мышку чучело и вышел с ним из туалета. Их встречали вытаращенные глаза Володина, пританцовывающего в коридоре.

ГЛАВА XI. Основы пожаротушения

46.

Едва Кольцов выпил рюмку и поставил бутылку в сейф, как в дверь что-то ударилось, и она с треском распахнулась.

На пороге появился Тальберг и заполнил собой проем. Одну его подмышку занимало потрепанное чучело, а через зазор во второй Наталья пыталась сообщить директору то, что он и так видел собственными глазами:

– Николай Константинович, к вам Дмитрий Борисович. Я говорила, что вы заняты, но он не стал слушать.

– Нормально. Иди, – снисходительно махнул ей Кольцов, пораженный появлением Тальберга, которого уже не чаяли найти. Он-то, грешным делом, просматривал новостные сводки в газетах, боясь прочитать о страшной находке у Края. Тогда у них, кроме Михалыча, появился бы еще и Борисович.

Но и без всякого Края видок у Тальберга был еще тот – выбритый до синевы, но помятый и отекий, словно распух от сырости после долгого лежания в затопленном подвале.

– Где пропадал? – любопытствовал Кольцов.

– Длинная история.

– Пил, небось.

– Неважно, – отмахнулся Тальберг, раздраженный излишним вниманием к несущественным деталям, в то время как десятки жизней находятся под угрозой. Возможно, он преувеличивал опасность, но это лучше, чем недооценить.

– По лицу видно, пил. И зайца своего зачем-то приташил. Нормальному здоровому человеку в голову не придет носиться повсюду с трупом животного.

– Мой внешний вид и самочувствие обсудим позже. Сейчас крайне важно найти Платона, – заявил Тальберг сурово, чтобы даже директор понял, насколько именно необходим Платон. Вынь да положь.

– Он отпросился. Здоровье у него хромает. То ли переработал, то ли простудился. Хотя на улице тепло, а перерабатывать не с чего. Тишина и спокойствие, а он нервный ходит...

– Его самочувствие меня тоже слабо волнует. Есть проблема поважнее! Надо немедленно сворачивать производство платоновки!

– Ты о чем?

– Лоскутовское золото, – с трудом вспомнил Тальберг.

– Чего? – Кольцов задрал брови, будто первый раз слышал название, но почувствовал, как под ним зашаталось кресло. – Не знаю ни про какое золото.

– Я взял и поверил, – сказал с сарказмом Тальберг. – В

составе присутствует краенитовая пыль, а откуда она возьмется, если не институт ее поставляет? Сомневаюсь, что работают в обход руководства НИИ.

– Не кипятись, остынь, – принялся урезонивать Кольцов. – Не спеши со слобоем на мельницы переть. Знаю тебя, сейчас о нравственности рассуждать начнешь. Ты у нас опытный идеалист со стажем.

– Не в этом суть, краенит опасен и может привести к непредсказуемым последствиям.

– Каким? – заинтересовался Кольцов. Кресло раскачивалось все сильнее.

– Трудно описать в двух словах, – Тальберг задумался. – Например, случай с Самойловым – результат воздействия краенитовой пыли! Вероятно, он ее вдохнул, поэтому получил передозировку. В жидком виде не так смертельно, но если употреблять регулярно...

– Что ты говоришь! Неужели, так плохо?

Кольцов догадался, в чем причина криминогенной обстановки в городе, но криминал в Лоскутовке волновал его слабо. Самойлов похоронил все надежды и чаяния, а участие в проекте Платона приносило живые деньги на безбедную пенсию. Сворачивать успешное предприятие в разгар прибыльности в их планы не входило.

Взъерошенный Тальберг представлял угрозу. А если он поднимет шум, который дойдет до самого верха?

– Ты кому-то о своих наблюдениях говорил? – спросил

Кольцов.

– Нет. Я, как все понял, так сюда и прибежал. Нужно что-то делать.

– Нужно, – согласился директор, осматривая интерьер в поисках подходящего предмета и не отдавая себе отчета, что будет делать дальше. Как назло, ничего тяжелого не нашлось.

Тальберг продолжал говорить, не замечая действий Кольцова.

– Производство немедленно прекратить, а что попало в магазины, изъять, пока не поздно. Иначе до вакханалии дойдет. Нужно работы по краениту приостановить, пока это не привело к печальным последствиям. Даже если использовать как броню, длительного контакта с кожей хватит, чтобы оказывать негативное воздействие на организм. Представьте себе солдат, одновременно теряющих вменяемость, имея в руках оружие.

– Это понятно, – сказал директор. – Честно говоря, мне самому не нравится. Я соответствующее распоряжение подписал. Возьми, почитай.

Кольцов передал документ, загодя заготовленный на случай, если дело не выгорит, и к нему придут для выяснения, как он допустил превращение института в завод по производству алкоголя.

Пока Тальберг читал подsunутую бумажку, Кольцов обогнул его по периметру, якобы просто прохаживаясь по кабинету, подошел к двери и снял с крючка двухлитровый угле-

кислотный огнетушитель. Оцениваяще взвесил в руках, отметил приятную тяжесть холодного стального корпуса, затем подкрался к Тальбергу сзади, мысленно отсчитал до трех и, собрав силы, ударил с размаху, целясь в затылок.

Так как он давно растерял мышечную массу, просиживая зад на заседаниях, справиться с огнетушителем оказалось сложнее, чем представлялось, и вместо прямого удара получился скользящий, подравший кожу, но не оглушивший Тальберга.

– Эй, ты чего? – Тальберг отбросил стул и вскочил, почесывая затылок.

– Аа-р-р-р-р-р-р-р-р-р, – зарычал Кольцов и попытался повторить попытку, используя средство пожаротушения в качестве тарана, но Тальберг, будучи наготове, увернулся, хотя от предыдущего нападения едва не потерял сознание.

Набравший скорость огнетушитель вырвался из слабых рук Кольцова и полетел в шкаф. Раздался грохот, и на дверце образовалась вмятина, а огнетушитель с громким звоном рухнул на пол и зашипел. Тальберг воспользовался потерей равновесия Кольцовым, сгреб его в охапку и налег своим немалым весом, пресекая попытки вырваться.

Вбежала Наталья и онемела от представшей картины. Она переводила взгляд то на шипящий на полу огнетушитель, то на Тальберга с окровавленным затылком, то на пытающегося бороться Кольцова и не понимала, кто виноват и что делать.

– Вызывай охрану! Скажешь, симптомы те же, что и у Са-

мойлова, а я его подержу.

Для нее они оба выглядели в равной степени неадекватно. Что по-звериному рычащий Кольцов, что Тальберг, расхаживающий по коридорам сдохлым зайцем.

– Бегом, вырвется сейчас! – проорал Тальберг так, что крик слышали в соседнем здании.

Наталья увидела обезумевший взгляд Кольцова и решила вызывать охрану – пусть профессионалы разбираются, кто из этих двух психов прав.

Когда Кольцова увезли на «скорой», Тальберг сел в директорское кресло и откинулся на спинку. Место над ухом невыносимо саднило. От удара оно онемело, но теперь шок проходил, и, словно молочные чернила под теплом утюга, проявлялась отложенная боль. Тальберг потрогал повязку, наложенную работниками «скорой». От госпитализации он отказался, взамен ему дали таблетку обезболивающего, но оно пока не подействовало.

– Подробности будут? – спросил Безуглый.

Валентин Денисович, устраиваясь на работу в НИИ, рассчитывал, что будет тихо и спокойно наблюдать за бледными учеными, денно и нощно не вылезаящими из кабинетов. А тут эксцесс за эксцессом.

– Сейчас все расскажу, – пообещал Тальберг.

Прибежал Мухин. Он успел доложить наверх о временной нетрудоспособности Кольцова и с сегодняшнего дня испол-

нял обязанности директора.

– Какая досада! – сиял он от радости, устав сидеть возле змеиной автономии и слушать, как Шмидт на вражеском языке общается со скользкими подопечными. – Такая трагедия, причем второй раз за год!

«Если судить по Самойлову, велик шанс, что Кольцова в стенах института мы можем не увидеть», подумал Тальберг, глядя на Мухина, плохо скрывавшего переполнявшую его радость.

– Что с подробностями? – настойчиво повторил Безуглый. Тальберг почесался возле раны.

– На основании личных наблюдений и путем логических рассуждений... – он поглядел на чучело. Оно подмигнуло в ответ. – ...я выявил, что причина несчастных случаев в институте кроется в краенитовой пыли, которая, проникнув в организм, вызывает интересные эффекты, плохо влияющие на психику.

Безуглый удивился и задумался.

– Допустим, Самойлов проводил опыты с краенитом, – рассуждал он, – но как пыль попала к Кольцову?

Тальберг вытащить из сейфа полупустую бутылку с наклейкой «Лоскутовского черного золота».

– Вот!

– Что «вот»? – переспросил Безуглый.

Его встревоженные глаза говорили, что подобного вида тару он уже встречал.

– Эта гадость производится из краенитовой пыли.

– Какая мерзость! – скривился Мухин, вчера дома употребивший перед сном рюмку настойки под селедочку. – Это обязательно заканчивается бешенством? – спросил он с тревогой. Ему внезапно стало плохо. Радость от смены кабинета померкла на фоне угрозы поехать в смирительной рубашке вслед за Кольцовым.

– Вопрос, полагаю, в дозах и индивидуальной переносимости. Побочные эффекты бывают не только в виде помешательства.

Олег довольно улыбнулся, но Тальберг притворился, что не заметил. Хотя кого он пытался обмануть? Собственное подсознание?

– Надо действовать, – пробормотал он.

– Конечно, – согласился Безуглый.

47.

Саня проснулся вечером.

Снилось ему что-то невнятное. Будто стоял он перед Краем, а с той стороны на него смотрел он сам. Сначала Сане показалось, что это его отражение, хотя обычно гладкий краенит вопреки законам физики отражал плохо, превращая изображение в нечеткие световые пятна. Он показал себе язык, но двойник не ответил тем же, а покрутил указательным пальцем у виска.

«Привет», сказал ему Саня, ничуть не испугавшись. Он якобы стоял на дне морском, и вместо слов стайка пузырей выскользнула изо рта и неторопливо поднялась, исчезнув на высоте. Утонуть он не боялся, хотя плавал слабо и с трудом держался на воде.

Двойник показал пальцем на уши – дескать, не слышно. Тогда Саня развел руками, мол, ничего поделать не может. Наконец, заметил установку направленную конусом к нему и осознал, что находится по Другую Сторону Края. Там, куда всегда мечтал добраться.

Включился луч и начал рез.

Саня обернулся, чтобы оглядеться, но увидел только каменистый грунт, уходящий в кромешную тьму.

– Э-эй! – крикнул он. – Есть кто дома?

На этот раз вместо пузырей раздался крик, тут же подхваченный громким эхом. Саня поежился, с испугом уставившись во мрак.

– Чаво раскричался-то? – ответил сварливый старушечий голос. – Орет, будто у себя дома.

– Кто вы, бабушка? – спросил он, вглядываясь в темноту и от всей души надеясь увидеть безобидную пожилую женщину.

– Кто-кто, – передразнили из сумрака. – Знамо, кто. Я есмь.

Саня разглядел неясный низкорослый силуэт, идущий к нему и мерно покачивающийся из стороны в сторону. Он за-

мер и позабыл о двойнике, сверлящем дыру в Крае.

После напряженных секунд-минут-часов – во сне трудно определять время – тьма расступилась, и при слабом свете, проходящем через стену, он разглядел невысокого роста старушку с клюкой, приближающуюся хромающей походкой.

Саня сумел рассмотреть ее лицо и пришел к выводу, что она и в молодости вряд ли смогла бы претендовать на участие в конкурсе красоты. Если определять возраст по внешности, можно было смело дать ей пару-тройку сотен лет, а то и все пятьсот. Из трех десятков зубов у нее остался один – нижний передний, несоразмерно огромный и сильно выступающий вперед, даже когда она закрывала рот.

– Чавой-то ты тут заблудился? Застрял, милоч? – поинтересовалась она участливо. – Нечеткий ты какой-то, ненастоящий. Должно быть, Дрема тебя затащила, проказница.

– Наверное, – ответил Саня. – Я не специально. Меня случайно сюда занесло.

В это мгновение старушка заметила двойника и переключила внимание на него.

– Ишь ты чего удумал! Кыш отсюда! Брысь! Повадились сюда ломать! – зашипела она, подходя к Краю и яростно стуча клюкою по стене. – Не строил, а портишь! Я тебе руки живо повыдергаю, чтоб впредь неповадно было!

Двойник не слышал, не видел ее, и продолжал сосредоточенно резать. Старушка обернулась к Сане и пожаловалась:

– Пруть сюда каждый день и ломают! Ходют и ходют!

Спасу от них нету! Хотела ему руки переломать, чтоб не творил свою безобразию, да сил не хватило – токмо треснуло. Жалко стало. Ну, ничего, в следующий раз ему и не такое устрою! – она повернулась к Краю, и снова ударила клюкой. С конца палки выскочила голубая искра, и уже выполненный разрез затянулся в мгновение ока.

– Ух ты, – поразился Саня, бессознательно потирая поврежденную руку. – Как у вас это получается?..

– Клюка-то не простая, заговоренная, – отвечала старушка. – Токмо идти далековато приходится. А годы-то не те – когда в девках ходила, столько не бегала. По-первах, вообще с непривычки еле доходила. Сейчас кости размялись, все быстрее получается. А так, ни дня без продыху. Настырные, ужась! Как представляю, что он свою дырку сделает, а я не успею в срок, прям оторопь берет.

– А что случится?

– Спятил, милый? – удивилась старушка, словно Саня не знал очевидного. – Тут столько нечисти, им подай дырочку в игольное ушко – хватит, чтобы проскользнуть, – она замолчала и уставилась на него, прищурившись. – Погодь, больно физиономия у тебя знакомая!

– Наверное, обознались, – ответил он, холодея от страха. – Мы с вами точно не встречались, я бы запомнил.

– Да ладно, – махнула она клюкой. – Но пообещай никогда не ломать Край, как этот окаянный, – она показала на двойника, растерянно ощупывающего стену в месте, где еще

миг тому назад зияла щель.

– Обещаю, – он сглотнул слюну. – Честное пионерское!

– Молодец, – похвалила она. – Если увижу, с собой заберу, суп из тебя сварю. И сама поем, и котов накормлю.

– Я п-понял.

– Давай, тебе пора, – она взмахнула палкой и подняла над головой руки.

– Погодите, – спохватился Саня. У него скопилась уйма вопросов, и он не знал, какой задать первым.

– Чаво тебе ишо?

– Бабушка, кто вы и что тут делаете? – выпалил он.

– Сторожу границу меж Явью и Навью, – пояснила старушка. – Пора тебе.

И она быстро взмахнула руками. Саня кубарем покатился восвояси и, кувыркаясь, вывалился из сна прямо на жесткую больничную койку. Он моргнул, прогоняя остатки сновидения. Разглядывая палату, внезапно заметил, что не один, и от неожиданности вздрогнул.

– Митька! – опознал он, успокаиваясь.

– Ага, – подтвердил довольный Однорогов, сидевший в кресле с книгой. – В гости пришел, а ты спишь. Ты так ворочался, я даже разбудить тебя хотел.

– Откуда ты узнал, что я здесь?

– У меня в отделении мать работает.

Саня лег поудобнее, расправив помятую простыню. Он уже устал, и снова тянуло заснуть, но врожденная вежли-

вость не позволяла сделать это при Митьке.

– Ты как? Совсем плохо дело?

– Голова кружится, в теле слабость, – описал ощущения Саня. – Если двигаться, мышцы болят. В общем, бывает и хуже.

– Выздоровеешь, – уверенно пообещал Однорогов. – Мать говорит, тебе теперь надо держаться подальше от Края. Желательно переехать поближе к Средине.

– Куда ж я поеду? – растерялся Саня, пытаясь представить, чем ему заниматься, если он не сможет находиться у Края. Еще и сон вспомнился некстати.

– Не знаю, просто передаю ее слова.

Опять закрывались глаза. Вязкая слабость заполнила тело, словно теплая вода. Хорошо лежать в приятном забытьи без забот и хлопот, не заботясь о будущем. Завтра настанет новый день, а проблемы надо решать по мере поступления. Еще бы Однорогов не мешал отдыхать.

– Как остальные? – спросил он для поддержания беседы. – Конь, Лева...

– Они помогать тебе пошли, – сказал Митька, легкомысленно покачивая ногой.

Сон мгновенно вылетел из головы, заботы и хлопоты разом навалились и прижали к кровати.

– Что делать? – напрягся Саня. У Конева понимание слова «помощь» отличалось своеобразием.

– Потрясти хмыря, который твою телку кадрит, – безза-

ботно пояснил Митька, перелистывая страницы в книге. – Ерунду читаешь, какие-то аборигены, луна-рыбы...

– Где? Как? Какого хмыря? – Саня приподнялся на кровати, едва не задев стойку с капельницей.

– Расслабься, нормально все будет. Они его возле ее дома подкараулят и проведут небольшую разъяснительную беседу по поводу того, как нехорошо чужих девушек уводить.

– Идиоты! Придурки!

– Зачем обзывать? – обиделся Однорогов. – Мы для тебя стараемся по дружбе.

– Я не просил! – закричал Саня и резко понизил голос, испугавшись, что на крик прибежит какая-нибудь медсестра. – Она не моя девушка, мы расстались по обоюдному согласию!

– Мы ж не знали, – оправдывался Митька. – Не переживай, ничего страшного не случится. Припугнут слегка, подумаешь, невелика беда.

Саня выдрал иглу капельницы.

– Ты что делаешь? – испугался Однорогов, откладывая книгу на тумбу. – Тебе нельзя вставать. Тебе совсем напрягаться запрещено. От перенапряжения можно умереть.

Саня попробовал встать, но почувствовал, как потемнело в глазах и подкосились ноги. В таком состоянии он далеко не дойдет, свалится еще на пороге больничной палаты.

– Сюда! – позвал он Однорогова. – Помогать будешь.

– Ни в коем случае! Если мать узнает, она меня...

– Бегом, – скомандовал Саня, не желая выслушивать взы-

вающие к жалости всхлипы. – Переживешь.

Он ухватился за перепуганного Митьку, положив ему на плечи руку.

– Веди!

– Куда?

– Спасать людей от вашей помощи.

– Меня Конь пришибет, если узнает, что я проговорился, – засуетился Однорогов. – Ты не должен был знать.

– Пошли, потом поплачешься.

Вышли из палаты. Предстояло самое сложное – выбраться из больницы, не встретив любопытной медсестры. Им почти удалось, но у входа их заметила врач из приемного отделения.

– Куда вы намылились так поздно? – спросила она грозно.

– Воздухом свежим подышать, – сказал Саня.

– А не поздновато ли для прогулок?

Митька прибегнул к железобетонному аргументу:

– Мама разрешила. Елена Владимировна Одноргова, которая заведующая отделением.

– Да? – врач посмотрела на них с недоверием. – Ты ее сын?

– Мы чуть-чуть посидим на улице и назад вернемся, – пообещал Митька, надеясь, что никому не захочется выяснить, действительно ли им позволили покинуть здание.

Саня, в свою очередь, из последних сил изображал твердо стоящего на ногах человека, которому безумно хорошо и для счастья не хватает только свежего воздуха.

– Ладно, идите, – разрешила женщина. – Учтите, вернуться нужно до двадцати одного ноль-ноль.

– Обязательно, – пообещал Саня и, собрав остатки сил, поковылял к выходу. Митька поспешил следом, мысленно проклиная друга за то, что теперь достанется и от Коня, и от матери.

48.

Тоцкий мысленно разыгрывал будущую беседу с всевозможными вариациями. В его воображении Барашкова представляла то слишком умной и рассудительной девушкой, со зрелостью взрослого воспринимающей логические доводы, то ветреной и взбалмошной девчушкой, напрашивающейся на хорошую порку отцовским ремнем.

Как подобрать правильные слова, щадящие хрупкую психику человека в возрасте ранней юности? Вопрос представлялся чрезвычайно щекотливым.

От важности задачи взопрел, выдернул из общей тетради листок в клеточку и выписал примерное содержание беседы. В воображении получалось довольно складно, но, ложась на бумагу, мысли почему-то портились. Он перечитывал их по десять раз, ровно до момента, когда слова начинали казаться ему глупыми, грубыми и неуместными.

Недолгий опыт общения с Барашковой не позволял предугадать ее реакцию на высокопарные сентенции, кото-

рые он безрезультатно выписывал на листок и зачеркивал. Соглашаясь работать учителем, он не рассчитывал вести задушевные беседы на скользкие темы.

Он со злостью швырнул карандаш, от подобного обращения потерявший кончик грифеля. Хотелось забросить все, оставить вещи, одеться, уйти в ночь и не вернуться. Что за жизнь? Одна девчонка, а столько неприятностей. Он вот-вот был готов ее возненавидеть.

Постучали. По скребущемуся звуку легко угадал Барашкову.

– Заходи!

Она с довольным видом впорхнула в класс, скользнула к парте и уселась, словно прилежная школьница с обложки букваря. Тоцкий закрыл дверь на защелку. Ольга посмотрела на него, заинтригованная многообещающим началом.

– Барашкова, – он говорил нейтрально-официальным тоном, но она, кажется, воспринимала это как очередную игру. – Сегодня я должен сдать список с оценками за экзамен. Я придержал протокол на день.

Ольга с первой же фразы догадалась, в каком русле пойдет разговор.

– Я проверил твою работу, – продолжал Тоцкий. – Хватает максимум на тройку.

– Блин, – расстроилась она. – Что я сделала не так?

– Забыла про минус. Раза четыре. И вот тут не возвела в квадрат.

Она, нахмурившись, крутила в руках листок, разукрашенный красными пометками.

– Где оценка? – удрученно спросила она.

– В этом-то и проблема. Ты куда-то собиралась поступать?

– Хотелось бы.

– Ума не приложу, зачем тебе это, но выше тройки поставить не могу. Извини, но математика тебе не дается.

Ольга поникла. Не то чтобы она мечтала поступить в институт, но лишний гвоздь в крышку гроба ее небольших мечтаний не радовал.

– Поэтому предлагаю переписать работу без ошибок. Но тихо и в обстановке строжайшей секретности.

– Большое спасибо, – воспрянула духом Ольга и схватила протянутый ей листок, каждую страницу которого украшала подпись Тоцкого – чтобы хитрые школяры не подменили на заблаговременно принесенные из дому. – Можно начинать?

– Конечно, приступай. Хоть одну ошибку оставь, выше четверки не поставлю.

Ольга старательно переписывала правильные ответы, сильно нажимая на ручку, и парта тряслась мелкой дрожью. Вскоре она закончила.

– Готово!

Тоцкий взял листок, тщательно проверил, исправил нарочную ошибку и с чистой совестью поставил четверку.

– Молодец. Теперь тихо иди и постарайся никому не попадаться на глаза. Подожди за калиткой, нужно поговорить.

Ольга кивнула и выскользнула из классной комнаты. Тоцкий отнес протокол завучу.

– Что-то вы задержались, могли еще вчера сдать, – заметила она.

– Так получилось, – развел он руками.

Выйдя за калитку, едва нашел Ольгу, пристроившуюся на случайно уцелевшей скамейке чуть дальше по улице. Разговор предстоял серьезный, поэтому двадцать метров пути к ней он потратил на попытку придумать удачное начало.

– Пройдемся, – предложил он.

Пошли дворами. Судя по всему, они снова направлялись к парку.

– Оль, – Тоцкий прервал томительное молчание. – Нужно серьезно поговорить.

Ольга шла с мрачным выражением лица. Она предчувствовала, что продолжение ей определенно не понравится.

– Знаю, вы сейчас скажете что-то нехорошее, – догадалась она. – После таких слов никогда ничего хорошего не бывает.

– Почему же, – он растерялся. – Не обязательно.

– Тогда говорите, – милостиво разрешила Ольга. – Но только приятное.

– В общем... Я...

Он запнулся. Дальше фразы «надо серьезно поговорить» он продолжения не придумал.

– Я долго рассуждал... одним словом... если взглянуть на ситуацию под разными углами, так сказать...

Ольга терпеливо слушала, но практически не выказывала эмоций. Он терялся и запинался.

– Я копался в чувствах... анализировал... вот... Думаю, мы делаем неправильные вещи.

Они шли через парк, как и вчера.

– Хочешь в кафе? – спросил Тоцкий, на секунду отвлекаясь от предстоящего непростого разговора. – Удобней говорить, да и я проголодался.

– У меня аппетита нет, – ответила она.

Тем не менее, он заказал для Ольги какой-то безалкогольный летний коктейль.

– Не стану ходить вокруг да около, – начал он. – Нам надо завязывать с этими вечерними прогулками.

– Почему? – не понимала она. – Нам же так хорошо вместе.

– Не уверен. Я про тебя не знаю и – самое для тебя неприятное – мне не очень-то и интересно. Мы из параллельных вселенных, не пересекающихся ни в одной точке.

Ольга сидела насупившись.

– Оль, думаю, все будет в порядке, – утешал он. – Ты очень красивая девушка.

– Я в собственной жизни ничего устроить не могу, даже с математикой не срослось, – сказала она плаксивым голосом.

– Жизнь на алгебре с геометрией не сходится клином, – возразил Тоцкий. – Выбирай то, что получается. Если есть желание, готов с тобой бесплатно позаниматься началами

анализа. Только без слез и истерик.

– Вы совсем ничего ко мне не чувствуете? – спросила она жалобно.

– Нет, – признался он, вцепившись в последний шанс сказать правду, пока не стало слишком поздно и ситуация не зашла в дебри, откуда без боя не выбраться. – Ты не обижайся, но не более чем отеческие чувства. Ты мне нравишься, но исключительно платонически.

– И обо мне не думаете?

– Когда мы вместе, у меня одна мысль: только бы кто-то нас не увидел и ничего не подумал неприличного, – разоткровенничался он.

Она вздохнула, нырнув в пучины уныния.

Потом гуляли по забытым и неухоженным парковым тропинкам. Ольга сначала бродила молча, а Тоцкий безвольно плелся за ней следом и постоянно спотыкался о корни деревьев в затянувшемся ожидании. Он физически чувствовал, как она проходит через положенные стадии признания неизбежного – отрицание, гнев, торг, депрессию и принятие. Наступление гнева сопровождалось яростным хлестаньем листьев хворостиной. А во время депрессии она прислонилась к одинокой березке и пустила слезу.

Он держался в пяти шагах в стороне и терпеливо молчал, утешаясь тенью деревьев, по которой ходить намного приятней, чем по жаркому солнцу.

– Грустно, – произнесла Ольга, не оборачиваясь, и доба-

вила с упреком: – Могли бы сразу сказать.

– Я пытался, – оправдывался он.

– Значит, плохо пытались, – заявила она уверенно.

– Возможно, – согласился он. – У меня опыт маленький.

Он со всем соглашался и брал на себя вину в полном объеме, лишь бы обошлось без истерик и нервных припадков.

– Спасибо за честность, – поблагодарила Ольга.

«Принятие», удовлетворенно отметил Тоцкий.

– Я решила поступать на филологический, – добавила она. – Надеюсь, там математика не потребуется.

– Правильное решение, – одобрил он. – Это твое.

Она повеселела и остаток пути прошла бодрым шагом.

Тоцкий устал продираться сквозь кусты. Вдобавок выключилось солнце, и он осознал, что час уже поздний.

– Нужно идти домой, пока родители не хватились. Устроят тебе нагоняй!

– Они даже не заметят. Я гуляю, сколько захочется.

– Все равно, поздно.

Направились к Ольгиному дому. Несмотря на улучшившееся настроение Ольги, Тоцкий испытывал внезапный приступ грусти. Невзрачная Барашкова уже не казалась серой посредственностью, а о проведенном с ней времени он будет еще долго вспоминать со смешанными чувствами стыда и гордости.

У подъезда Ольга остановилась и посмотрела снизу вверх. Даже при свете уличного фонаря было заметно ее волнение.

– Сергей Сергеевич, можно вас просто обнять? На прощание.

Он вздохнул и разрешил:

– Давай.

Она поднялась на цыпочки, обвила его руками на уровне пояса и крепко прижалась щекой к груди. Тоцкому покровительственно положил ладони ей на спину.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Не за что.

Рядом раздался громкий неприятный голос:

– Опля, какие люди и в такой компании!

Ольга разорвала объятия и отступила на шаг.

Из темноты вышли три фигуры – двое юношей и девушка. Хотя один из них показался смутно знакомым, Тоцкий никого не узнал – память на лица часто его подводила.

– Слушай ты, – обронил самый высокий, подошел вплотную к Тоцкому и посмотрел на него сверху вниз. – Отойди от нее.

– Я вас не знаю.

– Я тебя тоже впервые вижу. И хочу, чтобы это был последний раз, когда тебя здесь наблюдаю.

– Кто дал вам право общаться со мной таким хамским тоном? – возмутился Тоцкий.

– Ребята, что вам надо? – робко попросила Ольга. – Отпустите, у нас ничего нет. Честно.

– Помолчи. Я бы на твоём месте быстро бежал домой и

никогда не общался с этим козлом, – прикрикнули на нее.

– Прошу не оскорблять! – потребовал Тоцкий.

– И что ты сделаешь? – пошел на него грудью парень. –

Морда лица у тебя больно интеллигентская.

– Внешнее впечатление может быть обманчиво, – Тоцкий

обиделся на пассаж про интеллигента.

Парень толкнул кулаком в плечо.

– Руки убери!

– Сам убери!

Вечерняя прогулка путем глупых пререканий плавно перетекала в мордобой.

– Мальчики, – взмолилась Ольга. – Мы никого не трогаем.

Оставьте нас в покое. Пожалуйста!

– Обязательно, – сказал парень. – Только проведем воспитательную беседу среди твоего ухажера о том, что не нужно встречаться с чужими девушками.

– Это мое личное дело, – Тоцкий разозлился. Каждый встречный норовит его учить жизни – от Зои Павловны до сопляков-переростков.

– Если не получается по хорошему, будем по плохому, – парень со всей силы неуловимым движением зарядил Тоцкому в глаз.

Тот не ожидал такого маневра и едва не потерял равновесие, схватившись за лицо. Перед глазами в буквальном смысле закружились звездочки. Ольга взвизгнула, но второй парень прикрыл ей ладонью рот. Это тот самый волосатый то-

варищ, следивший вчера за ними в парке, вспомнил Тоцкий.

– Ах, ты сволочь, – он покачивался, удерживая равновесие.

Он понял, что рискует потерять остатки достоинства и решил защищаться. Собрал силы и пошел в бой, но противник легко увернулся от слабого удара. Кулак пролетел мимо в пустоту.

Зато пришел ответ – Тоцкий почувствовал тычок под дых и свернулся калачиком на асфальте.

Ольга продолжала мычать. Она силилась укунить ладонь, прикрывающую ей рот, чтобы вырваться и позвать на помощь. Тем временем Тоцкий успел дважды получить в больное плечо и один раз в живот. Он упал, прикрыл руками голову и приготовился быть забитым до смерти. Мысль о гибели пришла неожиданно, но зацепилась крепко. Тоцкий подумал, что и впрямь, вечер может стать последним в его недолгой жизни.

– Ой, мамочки, – запричитала девушка. – Виталик, не надо. Ты же его убьешь! – она вцепилась в парня, продолжающего методично бить по почкам лежащего Тоцкого.

– ВСЕМ СТОЯТЬ! – потребовал кто-то грозным голосом, заглушившим шум и гам. – ПОКА РУКИ НЕ ПООТРЫВАЛ!

Драка приостановилась. Бойцы разошлись по разным углам ринга. Оба тяжело дышали и обменивались угрожающими взглядами.

С трудом поднявшийся с земли Тоцкий понимал, что ему

долго не выстоять. Тело саднило и горело.

Саня волочил ноги. Если бы ни Митька, пыхтевший в районе подмышки, он бы и вовсе свалился у ближайшего куста. Однорого втащил их в троллейбус, а потом с немалым трудом извлек на нужной остановке, едва не рухнув под тяжестью Саниного тела.

– Никогда не буду тебя слушать. Пока тебя дотащу, похую еще на три кило, а мама и так жалуется, что у меня дистрофия на начальной стадии.

– Я бы никуда и не пошел, если бы вам не захотелось «помочь». Вперед, мой верный Санчо Панса, без жалоб и предложений.

Митька вздохнул сквозь непрекращающееся пыхтенье.

– В следующий раз поедем на такси, – пробормотал он.

Оставались последние сотни метров до финишной прямой, когда Саня ощутил, что силы стремятся покинуть тело. Фактически, он не шел, а падал. Просто успевал вовремя подставлять поочередно ноги, и со стороны его движения еще походили на ходьбу.

– Быстрее, – попросил Саня. – Опоздаем.

Митька подналег. На лбу у Сани проступил пот, быстро дошедший до глаз. Защищало. Хотелось вытереть рукавом, но даже на это не оставалось сил.

Сквозь слезы он разглядел нездоровую возню возле Ольгиного подъезда.

– Еще быстрее, – потребовал он, хотя и не представлял, что делать, когда они дойдут.

– Не могу, – оправдывался Митька. – Я скоро слягу с тобой в одной палате.

Последние шаги оказались самыми сложными. Скалолазы тоже чаще всего срываются на заключительных метрах.

Подойдя ближе, Саня увидел, как Конь – лица было не видать, но фигура сомнений не оставляла – отчаянно мутузит лежащего на земле мужика. Еще он заметил Ольгу, рот которой ладонью прикрывал Лева. Она дергалась и рвалась на свободу.

На мгновение растерялся, затем собрался и крикнул грозно:

– Всем стоять, пока руки не поотрывал!

Драка прекратилась. Конь повернулся к ним и узнал.

– Санек, ты чего здесь забыл? Тебе на койке лежать нужно.

– Хочу, чтобы ты оставил их в покое, – Саня кивнул на Тоцкого и Ольгу. Митька прятался от взгляда Конева под мышкой у Адуева.

– Мы ж для тебя стараемся.

– Я ни о чем никого не просил! – вышел из себя Саня. – Ты уже подставил меня с краенитом, а и сейчас пытаешься вообще все испортить!

– С каким краенитом? – на лице у Коня читалась озадаченность.

– С обычным! От вас одни неприятности. Кучка идиотов!

– Слушай, не дерзи, – угрожающе сказал Конев. – Не посмотрю на твою инвалидность и накостыляю, мама родная не узнает.

Саня вспомнил родителей и от нахлынувшей тоски решил врезать Коню из последних сил. Он замахнулся, зажмурился и ударил. Он не видел, куда попал, но онемевший кулак подсказывал, что не промахнулся.

Открыл глаза. Конев продолжал стоять, не шелохнувшись, словно его укусил комар.

– Ну, держись, – пообещал он.

Но Саня уже израсходовал оставшиеся силы на удар и теперь был не в состоянии контролировать мышцы и мысли. Он обмяк и аккуратно сложился на землю. Слабосильный Митька не смог удержать безвольное тело, и только смягчил падение.

«Приплыли», подумал Саня.

49.

– Что это?

Директор сидел в оцепенении, словно его приложили веслом по затылку. Он держал лист формата А4 и шурился сквозь очки, которые то приближал к глазам, то отодвигал, будто эти манипуляции могли изменить содержание рукописного текста.

– Заявление на увольнение по собственному желанию.

– Вы же всего год проработали!

– Не справляюсь, не мое, – Тоцкий отводил в сторону подбитый глаз.

Директор взял графин с чистой водой и попытался налить в стакан, но промахнулся и хлопнул на стол. Тогда он бросил это гиблое дело и сделал большой глоток прямо из горлышка. Часть жидкости пролилась на рубашку, но директор не заметил.

– Голубчик, подумайте хорошенько, – принялся увещевать он. – Вы просто не втянулись в работу, как следует. Посмотрите результаты экзаменов по математике по разным классам. Средний бал существенно улучшился в сравнении с прошлым учебным годом. У вас определенно есть способности к преподавательской деятельности.

– До меня из-за недоштата математику вел учитель биологии, – заметил Тоцкий. – Поэтому ничего выдающегося в результатах нет.

– Что вы говорите?! – не сдавался директор. – Не наговаривайте на себя! Смотрите, в конце учебного года проводится анонимный опрос среди старшеклассников. Не наша идея, ГорОНО требует. И знаете, многие назвали вас лучшим учителем. Вот, к примеру, Барашкова Оля от вас в полном восторге.

– Откуда вам известно, что это она? – спросил Тоцкий, краснея. – Опрос же анонимный.

– Кто ж ее почерк не знает? Оставайтесь хотя бы на годик.

Втянетесь, передумаете. Я присутствовал на открытом уроке, мне понравилось – у вас однозначно есть задатки хорошего преподавателя.

Тоцкий не сомневался, что директор изрядно привирал. Вопрос с учителем математики за последние годы превратился в болезненную мозоль, по которой любили топтаться и родители, и ГорОНО. Директор ежегодно выпрашивал нового преподавателя, и в ГорОНО начали возмущаться – вы их съедаете там, что ли? Советовали задабривать, создавать условия, принимать меры, чтобы штат не расползлся, словно тараканы.

– Я решил окончательно и бесповоротно. Надо что-то менять в жизни.

– Жаль, безмерно жаль, – грустно отозвался директор. – Нам будет вас не хватать.

Он привстал в кресле, чтобы пожать руку Тоцкому.

– Спасибо за ударный труд! В этом году нас покидают целых два преподавателя.

– Два?

– Да, вы и Зоя Павловна. Она уходит на пенсию. Мы, кстати, собираем небольшую сумму на торжественное мероприятие. Надо же человеку, столько лет отдавшему школе, сделать какой-то приятный подарок от всего нашего коллектива.

Тоцкий рассеянно кивал, продолжая пожимать шершавую директорскую руку.

– Вы, конечно, уходите, и вас уже не касается, но если есть желание, можете тоже сдать. Я не настаиваю, дело исключительно добровольное.

– Да-да, не вопрос, – Тоцкий ощупывал карманы в поисках кошелька. – Возьмите.

– Огромное спасибо, – поблагодарил директор, возвращаясь в кресло. – Замечательный человек, Зоя Павловна, – он ударился в воспоминания. – Мы с ней вместе из института прямо сюда пришли, и всю жизнь здесь проработали. Мы друг друга держались, как новички, – с товарищем по несчастью не страшно. Помню, она ко мне в первый год прибежала и плакалась, что ей десятиклассник Вова Бурлаков нравится, а она ничего с собой поделатать не может. Володя уже тогда выделялся богатырским ростом, дважды в восьмом классе оставался, пока за ум не взялся. Но внешность – чисто богатырь, сажень косая в плечах, ручищи – во! Причем золотые. Он нам полшколы отремонтировал.

– Зоя Павловна? – Тоцкий почувствовал, как у него округляются глаза. – Вы, должно быть, шутите.

– Ничуть. Она за него замуж вышла. Он года три назад умер – с виду богатырь, а сердце подвело. По пути с работы случился инфаркт. Она тогда так голосила, так кричала, она же за ним, как девочка, бегала. Я подозреваю, у нее из-за этого немного... – он неопределенно покрутил пальцами у виска, – ...начались легкие отклонения. Но я вам не говорил ничего.

– Да-да, – торопливо согласился Тоцкий. – Никому не скажу.

Пока он менял представления о Зое Павловне, директор вернулся из воспоминаний и попрощался:

– До свидания. Надеюсь, когда-нибудь встретимся. Кстати, а откуда у вас это? – он показал на свой глаз, и Тоцкий догадался, что имеется в виду синяк.

– Уличные хулиганы.

– Какой ужас! Вы заявление в милицию написали?

– Нет, не хочу портить им жизнь. Я тоже не совсем корректно себя повел.

Директор оглядел его с сомнением. Тоцкий вышел из кабинета. В задумчивости он прошел по пустым коридорам школы. Каждый шаг отдавался эхом. Навстречу шаркал Иван Иванович. В силу почтенного возраста передвигался он крайне медленно, экономя движения. Он всегда шел неспешно, а толпа школьников его обегала на почтительном расстоянии, поэтому обычно он походил на валун посреди бурного потока горной реки.

– Здравствуйте, Сергей Сергеич, – Иван Иванович снял воображаемую шляпу и спросил по обыкновению: – Привыкаете?

– Привык.

Как сообщить старику, что он уже написал заявление на расчет?

– Учить – это самое благородное и ответственное занятие

из всех существующих. Неблагодарное, но важное.

Тоцкий кивнул.

– Я тоже в молодости куда-то стремился. Мне казалось, я мог бы чего-то добиться, достичь, сделать что-то эдакое, – продолжал Иван Иванович. – Спустя время понял, что эти годы и занимался тем самым важным. Мечтал-то я выделиться сам, а оказалось, моя задача – воспитывать выдающихся детей. Если хотите, пройдемте ко мне, покажу альбом выпускников, там много замечательных людей. Некоторых вы, наверное, узнаете.

– Большое спасибо. Обязательно посмотрю фотографии, но не сейчас. Надо срочно завершить одно дело.

Тоцкий развернулся и решительным шагом направился к кабинету директора, оставив мечтательно улыбающегося Ивана Ивановича наедине с мыслями. Перед дверью долго собирался с силами, задрал руку, и все не решался постучать. Наконец, сделал над собой усилие и решительно ударил пару раз костяшками пальцев по деревянному полотну.

– Открыто!

Он вошел и увидел удивленные глаза директора.

– Это снова я.

– Вижу, – директор улыбался. – Что-то забыли?

– Я хочу остаться.

Очнулся в знакомой палате. Попробовал повернуться и оглядеть помещение на предмет того, не сидит ли рядом ка-

кой-нибудь Митька Однорогов. В теле чувствовалась такая ломота, будто Саню скомкали и положили в маленький пакет, а теперь он не может распрямиться и почувствовать себя нормально.

Он закрыл глаза – держать их открытыми представлялось непосильным трудом – и снова провалился в сон, из которого вывело прикосновение к руке – в месте трещины возникла сверхчувствительность. Теперь до конца жизни будет ныть перед дождем.

– Проснулся, – сказала женщина в белом халате. – Я думала, ты сутками будешь валяться без просыпу от такого физического истощения.

Он разглядывал ее лицо, глядя снизу вверх. Оно показалось ему знакомым.

– Вы Елена Владимировна, мама Однорогова.

– Да, – подтвердила она. – Димка уже получил за устроенное вами вчера безобразие.

После таких слов полагалось устыдиться и покаяться, однако стыда он не чувствовал. Более того, он ощущал полную удовлетворенность, слегка испорченную тем, что он при всей компании потерял сознание, словно девчонка.

– Тебя на «скорой» везти пришлось. Еще один такой рецидив и мы тебя не спасем. Нельзя шутить со здоровьем.

– Обещаю.

Она напоследок покрутила его голову, посветила фонариком в зрачки, посчитала пульс, заставила открыть рот и по-

казать горло. Саня послушно подчинился командам, но заметил запоздалую реакцию своих движений.

– Это нормально в твоём состоянии, – пояснила врач. – Заторможенность характерна для третьей стадии болезни Края.

– А сколько их всего? – поинтересовался он, чтобы оценить, насколько плохи его дела.

– Четыре. Ещё чуть-чуть и было бы поздно. Теперь курс лекарств нужно прокапать заново, а лежать здесь придется на две недели дольше, до полного выздоровления. Ясно?

Саня кивнул.

– Вы бабушке не говорили? Не надо ей сообщать. Она старенькая, у нее сердце слабое.

– Исключительно ради здоровья бабушки, – пообещала врач. – К тебе посетители.

Она вышла из палаты раньше, чем он успел узнать, кто именно хочет его видеть. Он слышал, как в общем коридоре Елена Владимировна сказала «Можете зайти, но ненадолго, ему нужно много спать». Сане опять захотелось закрыть глаза и провалиться в приятную дремоту.

– Привет, – перед ним показалась Ольга.

– Здравствуй, – удивился Саня. – Ты что тут делаешь?

– Проведать пришла. Это я тебе вчера «скорую» вызывала. Ты упал, а я перепугалась. Ты почти дышать перестал, думала, рядом с тобой в обморок упаду.

– А пацаны? – из-за потери сознания он не имел понятия,

чем дело кончилось.

– Разбежались, кто куда, один этот... – Ольга запнулась, – ...одноногий остался. Помог тебя до скамейки дотащить.

– Однорогов, – поправил Саня. – Митька.

– Не знаю, но на него так врач кричала, я подумала, он расплатится.

«Бедный Димка. Досталось ему за вчерашний вечер».

– Можно присесть рядом? – спросила Ольга, выглядевшая не такой уверенной. Обычно ей палец в рот не клади.

– Садись, – он чуть отодвинулся от края, освобождая место.

Она аккуратно села, и только тут он обратил внимание на большой белый пакет у нее руках.

– Что это?

– Ты о чем? – не поняла Ольга. Саня с трудом двигался, и она не могла сообразить, куда он смотрит.

– Пакет.

– А-а-а... – протянула она. – Подарок тебе на день рождения.

– Я родился зимой, – уточнил он. – Где-то в январе.

Она улыбнулась.

– Судя по вчерашним крикам врачей, ты заново родился.

Она достала из пакета подарок. Саня большим усилием воли опустил глаза. А когда внимательно разглядел, узнал и рассмеялся. Ольга уставилась на него озадаченно, не тронулся ли он случайно умом, пока его вчера откачивали. Он не

мог ответить и продолжал смеяться.

– Ты чего ржешь? – спросила она, готовая обидеться.

– Ничего, просто... – от смеха болели мышцы, поэтому Саня нервно подергивался. – Знала бы ты, чей это мяч!

– Чей? – Ольга стала серьезной, догадываясь, что с сюрпризом она лопухнулась.

– Коня.

– Какого коня? – она заподозрила, что без воздействия на мозг не обошлось. – У тебя, случайно, температура не поднялась? Выглядишь не очень хорошо. Какие-то животные мерещатся.

– Просто кличка такая, – пояснил Саня, прекращая смеяться. – Конев, тот самый, который вчера вас жизни учил. Кстати, откуда мяч у тебя?

– Отец дал, – призналась Ольга и добавила с серьезным видом, словно на допросе по делу о тройном убийстве. – Он предложил, чтобы я подарила его своему парню.

Она замолчала, а Саня, по причине болезни думавший туговато, некоторое время переваривал сказанное. Ольга терпеливо ждала, пока до него дойдет. Спустя мгновение по вытаращенным глазам Сани стало понятно, что до него дошло, но вместо радости последовало удивление:

– Даже после всего, мною сделанного? – спросил он, и эта мысль не хотела укладываться в голове. – Я думал, ты никогда не простишь.

– Я и не простила, – сказала Ольга. – Тебе придется

примерным поведением доказывать, что ты достоин второго шанса.

– Не понимаю, – он по-прежнему плохо разбирался в женской психологии, но маленький червячок сомнений тихо нашептывал, что не так уж и не прав Платон, рассказывая про свои «нет», которые «да».

Ольга взяла его руку:

– Пока мы ехали, врач рассказала о последствиях болезни Края. Думаю, из-за нее ты с катушек съехал.

– Возможно, – хотел бы он быть уверен, что в нем говорил Край. – А если я опять «тронусь»?

– Тогда натравлю на тебя Катю.

– Только не это, – попросил Саня.

– Ладно, расслабься, она нашла тебе замену.

Он хотел сказать еще что-то, но дверь открылась, и незнакомый голос медсестры сообщил, что посещение окончено, и пациенту нужно отдыхать.

Уходя, Ольга внезапно склонилась над Саней и поцеловала в губы. Он растерялся, поэтому поцелуй получился неловким и скомканным.

– До завтра, – она исчезла, оставив пакет с мячом возле прикроватной тумбочки.

Саня расплылся в довольной улыбке и заснул.

ГЛАВА XII. Укус змеи

50.

Она нервничала, не зная, чем занять себя на два часа, оставшиеся до приезда Платона.

Нормальных туфель насчитывалась ровно пара, не оставляя простора для мучительных сомнений – сомневайся-не сомневайся, а альтернатив нет. Лизка примеряла платье, потом другое, затем долго чередовала, выясняя, какое подходит к обуви. На невысокой Лизкиной фигуре удачней сидело второе, но туфли замечательно сочетались с первым, а сумочка – выбивалась из стиля во всех вариантах. Потом она решила, что оба платья отвратительны, ей нечего надеть и вообще она никуда не пойдет.

– Успокойся, – сказала себе. – Ты не девчонка, чтобы нервничать! Обычная встреча со старым знакомым. Нужно расслабиться и отдохнуть...

Назвать старым знакомым – сильно упростить ситуацию. Совершенно непонятно, чего она хотела от этого вечера. Развеяться, вернуться в прошлое, повторно войти в ту же реку?

Некстати вспомнилась Маринка, но Лизка прогнала ее из мыслей. Ото всей ситуации пахло предательством. Она устала терзаться сомнениями, прилегла на диван и не заметила,

как задремала.

Разбудил ее настойчивый звонок.

Она подскочила. Ровно секунда ей понадобилась, чтобы вспомнить, где находится, и окунуться в панику по поводу того, что Платон уже пришел, а она не готова.

Позвонили еще раз.

Бросилась в коридор, прильнула к глазку и разглядела сосредоточенное лицо Платона, нетерпеливо терзающего кнопку звонка.

Делать нечего. Она предстала перед Платоном босиком и в одном халате.

– Ты не готова? – кинул вместо приветствия он, оглядев ее от заколки до шлепок. – У нас по времени заказано.

– Я мигом, – пообещала она и неприятно удивилась его недовольному тону. – Ты пока посиди тут, подожди.

Он опустился на табурет у входа и принялся ждать, гипнотизируя минутную стрелку наручных часов.

Лизка вихрем унеслась в комнату, быстро надела первое попавшееся платье – уже неважно, какое именно, – и в два счета навела макияж. Но это произошло молниеносно лишь в ее воображении. В действительности прошло двадцать минут.

Платон нетерпеливо раскачивался на табурете, деревянные ножки громко поскрипывали. Лизка чуть не крикнула по привычке «Ольга, хватит доламывать мебель», но вовремя опомнилась, но неприятный осадок остался.

– Я готова, – объявила она, представляя на пороге комнаты в боевом облачении.

– Наконец-то, – с облегчением выдохнул он, вскакивая с табурета. – Мы опаздываем.

Выскочил из квартиры и побежал вниз по ступенькам. Лизка в недоумении посмотрела вслед, испугалась, что Платон уедет без нее, натянула туфли-колодки и устремилась следом.

К счастью, автомобиль еще стоял напротив подъезда. Она, слегка прихрамывая, направилась к нему.

Лизка испытывала большие трудности с автомобильными дверцами – или ей не хватало сил, или она не сразу догадывалась, за какую ручку тянуть, поэтому надеялась на помощь Платона. К ее досаде Платон сидел на водительском месте, не замечая ее мучений, и прислушивался к шуму прогреваемого двигателя.

– Чего замерла? – наконец, он обратил внимание на Лизку. – Открывай и садись, мы совсем опоздали.

Она с растущей досадой дергала ручку, приготовившись потерять над собой контроль и расплакаться, но на пятой или шестой попытке у нее получилось.

Мимо прошла тень и поздоровалась нетрезвым голосом.

– День добрый.

Лизка оглянулась, но увидела лишь затылок, украшенный красными оттопыренными ушами, просвечивающимися при свете фонаря. «Кто-то из соседей», решила она и проскольз-

нула в салон.

Едва уселась, как Платон вдавил педаль газа. На всем протяжении пути, Лизка бросала на него косые взгляды, но он не замечал и ехал с хмурым лицом.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Нет, – ответил он резко, – с чего ты взяла?

– Какой-то ты нервный.

– Не люблю опаздывать.

Больше ничего за всю дорогу сказано не было. Лизка пожалела о своем согласии на эту встречу. Ужин еще не начался, а ей уже не нравилось.

Так, в полном молчании добрались до кафе. Без единого слова вошли в помещение, и Платон повел ее к столику с табличкой «Зарезервировано». Он даже не оглянулся, чтобы удостовериться, что Лизка за ним успевает. А она не поспевала. Туфли буквально через несколько шагов превратились в инструмент для пыток и сильно сдавливали ступню.

В Платоне не просматривалось ни капли такта, ни внимательности, ни услужливости.

– Наше место, присаживайся, – буркнул он, подал официанту знак и пояснил: – Предварительный заказ, сейчас принесут.

Лизка сняла плащ и повесила на крючок. Ей все меньше и меньше нравилось, как проходит вечер. Никаких «расслабиться», «вспомнить юность» она не ощущала и близко.

– Что интересного на работе? – поддержала она разго-

вор. Ее смущал молчаливый Платон, нервно постукивающий пальцами по столешнице.

– Все хорошо, меня пытались убить, – ответил он беззаботно, словно попытка убийства являлась событием неприятным, но не из ряда вон выходящим. – Подробности делиться не буду, и ты никому говорить не должна.

Лизка на мгновение потеряла дар речи. «Наверное, у него шок и поэтому он так себя ведет», подумала она. Это, по крайней мере, хотя бы немного объясняло странное поведение Платона.

Его обыкновенная аккуратность и элегантность куда-то испарились. Воротник на рубашке некрасиво заломился, на пиджаке недоставало двух пуговиц, волосы торчали в стороны, словно после взрыва, а сам Платон постоянно дергался, суетился и крутил в руках столовые приборы – вилку, нож, перочницу, солянку и салфетку.

Лизка никогда его таким не видела, и без привычного лоска он превращался в заурядного индюка с огромным самомнением.

– Ты не ранен? – спросила она, изображая сочувствие.

– Нормально, жить буду, – отмахнулся он. – Я добьюсь, чтобы этого урода сгноили в милицейских застенках до суда!

У Лизки на секунду проскочила мысль, что «этим уродом» мог оказаться Тальберг, но не осмелилась уточнить.

– Что заказал?

– Принесут – увидишь, – он скорчил недовольное лицо,

словно она донимала его глупыми расспросами.

Беседа не клеилась, Лизка мысленно корила себя за глупость.

После недолгого, но неловкого молчания, официант приволокло вино. Платон схватил бутылку и разлил по бокалам.

– За нас, – предложил он.

Лизке не хотела пить «за нас». Никаких «нас» в обозримом будущем она не видела, но молча сделала маленький глоток.

– Ты же за рулем!

– Ерунда! – отмахнулся он. – Лиза! Поговорим начистоту. «Вот и развлеклась, и отдохнула, и развеялась». Она поняла, что дальше последует трудный разговор, которого напрасно надеялась избежать.

– Хочу сделать тебе предложение, – объявил Платон будничным тоном, словно подобные события в его жизни случались ежедневно. – Даже кольцо есть – как положено.

Он достал из кармана маленькую коробочку и протянул на ладони:

– Открывай.

– Я еще замужем, – Лизка не ожидала, что он пропустит промежуточные стадии и перейдет сразу к последней. – И как-то не готова.

– Ты не спеши, обдумай хорошенько, – увещевал он, заметив по глазам ее замешательство. Чтобы склонить весы в свою сторону, добавил: – Отключи чувства и подумай логи-

чески. Ты, можно сказать, без двух минут как разведена. У тебя есть дочь-бунтарка, да и возраст уже не тот, чтобы пользоваться популярностью. Мое предложение – это лучший вариант для тебя. А о Тальберге не беспокойся, хоть завтра вас в ЗАГСе разведут без его присутствия. Я решение суда организовал, придешь, заявление подпишешь и готово!

Небрежно сказанные Платоном слова больно ранили Лизку. Она, конечно, не девочка, но и крест на жизни ставить не собиралась. До сей поры она об этом не думала, особенно с такой точки зрения. Ну и Тальберг, хоть и поступил, как редкостная свинья, тем не менее, не заслуживал заочного развода.

Настроение окончательно испортилось. Лизке все опротивело и ничего не хотелось – ни отдыхать, ни есть, ни пить, ни танцевать. Она бы с радостью ушла домой и рухнула в кровать. И никаких Платонов в радиусе трех километров.

– Ты плохо обо мне думаешь, – выдавила она.

– Я хорошо о тебе думаю, – возразил Платон. – Постоянно и непрерывно. Я сделаю твою жизнь лучше.

Она смотрела в окно, но так как солнце уже выключилось, она видела только собственное отражение. Замученное лицо когда-то красивой женщины. А может быть, она еще привлекательна? Почему-то же вьется возле нее Платон, замуж зовет, золотые горы обещает.

– Где Тальберг? Нету его, а я здесь, рядом в трудную минуту, – продолжал он. – Полная финансовая независимость.

Можешь не работать.

– Мне нравится моя работа.

– Тогда можешь работать, – милостиво разрешил он. – Неважно.

– Для меня важно. Все важно.

Ему надоело держать коробочку на весу. К тому же, Лизка не выказывала желаний ее открывать и любоваться на самое дорогое кольцо, отыскавшееся в этом Мухосранске.

– Я не давлю. Решение за тобой.

Она кивнула.

Принесли заказ. Она не притронулась к содержимому тарелки, а продолжала молча смотреть в стол.

– Кушай, на удивление вкусно, – Платон жевал с набитым ртом. – Могут, когда захотят. Хуже, чем в столице, мясо пережарено, салат не посолили, но на безрыбье, как известно...

– Не хочется, – перебила Лизка. – Нет аппетита.

Он бросил на нее подозрительный взгляд и продолжил трапезу. Он громко и шумно работал челюстями, а когда обсасывал кость, Лизку и вовсе передернуло.

– Зря не захотела, – он вытер салфеткой жирные пальцы. – Это лучшее из имеющегося.

Затем пригласил на танец. Она снова пожалела, что надела проклятые жмущие туфли, гори они синим пламенем.

Он взял ее за талию и повел. Лизка впервые оказалась в непосредственной близости от него, поэтому только сейчас учуяла слабый, но явный запах перегара, пробившийся даже

сквозь ужин, проглоченный с таким аппетитом.

– К Ольге буду относиться, как к родной дочери – обеспечить, образование оплачу, на работу пристрою, – перечислял он тихо на ухо. – Ты же знаешь, у меня со связями в порядке, правильные люди на хлебных местах.

– Что значит «как»? – Лизка посмотрела широко открытыми глазами, переполненными неподдельного удивления.

– Что не так? Буду любить, как смогу. Тем более, она дочка самостоятельная.

– Она и есть твоя дочь, клоун, – с нее словно спало наваждение, и вернулась способность трезво мыслить.

Он замер, пораженный ее словами. Дело принимало неожиданный оборот. Он осознал, что никогда толком и Ольгу не видел. Если бы увидел, заметил бы сходство. Что-то же досталось ей от него.

– Э-э-э... – протянул он. – Ты же говорила...

– Да, – разозлилась Лизка. – Ты был самовлюбленным болваном, с которым я не смогла бы прожить и года, не повесившись. Прекращай цирк, ты Димке сам об этом рассказал, а теперь изображаешь наивность.

– Ничего я не говорил. Я с ним и поговорить не успел. Он перебрал и «отключился».

– Опять врешь, – не поверила она. – Ты всегда врешь.

– Что значит «опять»? – вспыхнул он. – Я никогда не вру.

Спустя мгновение он осознал ошибку. Лизка взорвалась и возмутилась на все кафе:

– Маринке ты про сегодняшний вечер тоже правду расскажешь? С подробностями опишешь?

– У нас с ней сугубо физические отношения, – сухо проронил он.

– Это у тебя с ней сугубо физические, а она быть с тобой хочет не только раз в неделю! – почти кричала Лизка. – Ты ее первая серьезная любовь с детства, она за последние месяцы духом воспрянула. Ты бы видел, какая она замученная после развода ходила! У нее две радости в жизни – сын и ты. Я сюда пришла, чтобы это тебе высказать.

– Я... – он замолчал. Кровь прилиwała к щекам, но сосуды протекали слишком глубоко, и он никогда не краснел, чем всегда гордился. Навалилась тяжесть, и он будто стал еще ниже. Посмотрел на гневные Лизкины брови и сказал сквозь зубы: – Врет она и хочет меня охомутать, чтобы уехать в столицу и жить на мои деньги. Вам всем только этого и надо, на бывшей жене насмотрелся.

– Придурок, ты ничего не понял. Тебе не я интересна, тебе нужен трофей, ты до сих пор не можешь себе простить поражение Димке. Скажешь, неправда? – она не стала ждать ответа, и добавила ультимативным тоном: – Я уйду и прошу не звонить, не писать, в гости не приходите. Пятнадцать лет не виделись, остаток жизни замечательно переживем друг без друга.

Она сняла с крючка плащ и надела, не с первого раза попав в рукав. Платон хотел подскочить и помочь, но она одернула

руку и проговорила голосом полным твердого льда:

– Не прикасайся ко мне. Никогда.

Схватила сумку, набросила на плечо и решительным шагом рванула к выходу.

Он остался сидеть, раздумывая о том, что должен пребывать в ярости, но внутри ничего не шевельнулось, только легкая досада портила настроение. И даже новость об Ольге на самом деле не особо впечатлила.

Почему-то вызывало беспокойство, расскажет ли Лизка Маринке о произошедшем. С другой стороны, ему будет проще с порвать с Мариной.

Он заказал коньяк.

51.

Тальберг второй раз в жизни сидел у начальника службы безопасности. Владелец кабинета сменился, но мебель и внутреннее убранство за предыдущие пятнадцать лет ничуть не поменялись.

Платон так и не появился. Удалось выяснить, что он откачался от водителя и уехал на служебном автомобиле. Телефон не отвечал на звонки. После нескольких попыток дозвониться и отключения солнца сообразили, что сегодня уже ничего случится.

– Мы не полиция, – развел руками Безуглый. – Формально, я в его подчинении, и если он вменяем, я обязан соблю-

дать субординацию и выполнять приказы и распоряжения руководства. Но моя б воля, я бы его в бараний рог...

– Я думал, вы по линии министерства.

– Не совсем, зарплату я получаю тут. Меня сюда в ссылку отправили за прокол на предыдущем месте.

Тальберг удивился, хотя из чувства такта не стал расспрашивать, что именно нужно сделать, чтобы оказаться в Лоскутовке. Но Безуглый сам пояснил:

– На беду выявил хищение, которое не стоило выявлять. Но пошел на принцип.

«А ведь нормальный, судя по всему, мужик», – подумал Тальберг, привыкший не доверять людям в форме, особенно если их работа состоит в непрерывном контроле твоей деятельности на предмет нецелевого использования целевых средств.

– Тогда напишу заявление, – объявил он. – Самоотек многим может стоить жизни.

– Не надо, – попросил Безуглый. – Во-первых, бесполезно, потому что у Демидовича такие связи, сам же за решеткой и окажешься. Поверь, я на своей шкуре прочувствовал. А во-вторых...

– Я должен, – перебил Тальберг. – Это мой долг ученого.

– Заладил, как попугай, «я должен, я должен»! – передразнил Безуглый. – Тебе больше всех надо?

– Да. Ведь я нашел способ добывать краенитовую пыль, а теперь получается, я в ответе за последствия. Если бы не я,

ничего бы не случилось. Ни с Кольцовым, ни с Самойловым.

– Вроде ученого, который бомбу придумал?

– Да, именно так.

– Понимаю. Но ты же не умеешь будущее предсказывать.

Ты просто хотел, как лучше.

– Я обязан был предвидеть, – продолжал заниматься самобичеванием Тальберг.

– Ничего невозможно предугадать, даже то, включится ли завтра солнце.

Безуглый подошел к одному из шкафов, через стеклянные вставки на дверцах которого проглядывали стопки бумаг, собранные в скоросшиватели. Он нагнулся, открыл нижнюю секцию и достал бутылку.

К счастью, это оказался простой коньяк, а не затрапезная платоновка.

– Других спиртных напитков не признаю, – гордо объявил Безуглый. – Думаю, не помешает для снятия стресса.

– Лекарства, – Тальберг, показал на затылок. – Мне нельзя.

– Пожалуй. Я и забыл, что тебя Кольцов «оприходовал». Тогда рюмашку приму, если не возражаешь. А за Платона не волнуйся. Я обязательно что-нибудь придумаю – у меня тоже есть связи. Какая-нибудь проверка выявит нарушения. Ты поверь, у меня на Платона большой зуб.

Тальберг задумался, глядя на чучело зайца, которое исправно продолжал таскать следом. Олег выглядел уже не так

белоснежно и имел слегка замученный вид. Тем не менее, он вдруг подмигнул и шепнул:

– Кольцов говорит, Платон нервничает. Интересно, почему? Есть над чем задуматься.

И снова замер.

– Не хотелось бы, чтобы институт пострадал. Слушай, – Тальберг перешел на «ты». – Николай Константинович обмолвился, что Платон нервный ходит и со здоровьем не в ладах, к чему бы это?

– Да, я тоже заметил, – подтвердил Безуглый. – Он такой после покушения.

– Покушение? – удивился Тальберг, размышляя, сколько событий он пропустил, находясь в анабиозе. – Кто покушался-то?

– Краепоклонник какой-то, псих. Я тебе ничего не говорил. Конфи... конфеде... конфиденциальная информация, следственная тайна. Ты никому!...

– Могила!

– Я оформлял разрешения на временные пропуска для «Вектора», – продолжал Безуглый, – так Талаев непрерывно орал на меня. Он и до этого раздражал, а в последний раз я ему разве что галстук не затолкал в...

– Я тут подумал, – перебил Тальберг, не дослушав, где именно едва не оказался галстук. – А вдруг, дело уже в шляпе, и нам даже ничего предпринимать не придется.

– В смысле?

– У тебя ключ от кабинета Платона есть?

– Обижаеть!

– Пошли!

Тальберг направился в приемную, не дожидаясь, пока Валентин Денисович отыщет нужную связку.

Наталья уже ушла, но у Кольцова еще горел свет – Мухин принимал дела, наслаждаясь одиночеством на новом месте.

Безуглый топтался у закрытой двери с табличкой «Зам. директора по научной работе» и открывал замок. На шум явился потревоженный Павел Владимирович, из-за последних событий переживающий, чтобы не попали на него самого.

– Что происходит? – спросил он.

– Ничего, – заверил Безуглый. – Следственный эксперимент особой важности. Попрошу не мешать.

– Какой эксперимент? – не понял Мухин. – И причем тут кабинет Талаева? Нельзя перенести мероприятия на утро?

– Тс-с-с. Тайна следствия, – Тальберг приложил указательный палец к губам. – Вопрос жизни и смерти.

Он переживал, как бы Мухин не учуял запах коньяка, но тот ничего не заметил, одарил еще одним недоверчивым взглядом и всосался в кабинет, тихо прикрыв за собой дверь.

Тальберг уверенным шагом направился к креслу Платона.

– Что ищем? – спросил Безуглый вслед. – Я потерял нить наших рассуждений.

Тальберг наклонился и на секунду исчез под столом. Че-

рез мгновение раздалось его радостное мычание:

– Нашел!

Он вылез, держа пустую бутылку «Лоскутовского черного золота».

– Нарушил первое правило самогонщика – не пить то, что гонишь, – икнул Безуглый. – Но как нам это может помочь? Компромат в виде одной пустой тары слабоват, честно тебе скажу.

– Я о краенитовой пыли не все рассказал, – пояснил Тальберг. – Она не просто вызывает агрессию. У того человека, которому в организм попал краенит, возникает навязчивая идея, что он теряет самое ценное в жизни.

– Сложновато, – признался Безуглый, переставший отличать науку от магии. – Если Платон пьет эту дрянь, значит, опасается потерять самое ценное.

– Правильно, – подтвердил Тальберг. – Видишь, элементарно.

– Да, но что именно?

– Не знаю. Но, кажется, сильнее всего он любит держать весь мир под контролем.

– Тебе виднее, я с ним так тесно не знаком. Но не возьму в толк, как это нам поможет?

– Я тоже не понимаю, – сказал Тальберг. – Но последствия обязательно будут.

Он безнадежно вдавливал кнопку звонка, но открывать не

спешили. Обшарил карманы, нащупывая ключи с тем самым краенитовым брелоком, но поиски не увенчались успехом. Он постоял, уткнувшись в глазок, в надежде на чудо.

Чудо не состоялось. Тальберг пошел вниз по ступенькам, продолжая тащить в руках чучело. Солнце отключилось, поэтому на улице стало темно и холодно.

Он напился каких-то обезболивающих, и чувствовал себя сверхчеловеком. К сожалению, в ближайшем времени действие лекарств обещало прекратиться.

Он присел на скамейку и пожалел, что бросил курить, когда кончилась единственная пачка, купленная еще до ухода в запой.

Возле четвертого подъезда наблюдалось движение – несколько человек что-то обсуждали с грустными лицами. Тальберг не стал подходить и выяснять. Он не интересовался новостями и, если бы вдруг началась война, он узнал бы ней последним.

Наконец, от перешептывающейся кучки отделилась тень и нетвердым шагом направилась к Тальбергу. Вскоре она приблизилась достаточно, чтобы распознать в ней Пепла, чьи красные уши умудрялись светиться даже в полной темноте.

– Привет! – икнул он и снял кепку в приветствии.

– Что там случилось?

– Дак, это же, того... – Василий шумно втянул воздух. –

Похоронили.

– Кого? – Тальберг напряг память, поименно вспоминая

стариков и старушек подходящего возраста, которые могли отойти в мир иной по причине преклонных годов.

– Дак, как его... Антона Павловича.

Какое знакомое сочетание имени и отчества.

– Постой, ему недавно сорок четыре стукнуло! Мы на юбилей еще сбрасывались.

– Да, – подтвердил Пепел. – И умер молодым в расцвете лет и сил. Несчастный случай на работе.

Тальберг совершенно не знал Антона Павловича, и предположений не имел, где он мог работать. Но, видимо, человек был хороший.

Пепел снова икнул, и на прощание поднял кепку.

– Я пошел. Счастливо оставаться!

Тальберг кивнул, а потом вспомнил:

– Слушай, ты мою Лизку не видел?

– Как же, видал, – беззаботно ответил Василий. – Она час назад на машине с Платоном куда-то уехала.

– Вот черт, – Тальберг выдал несколько нецензурных, но очень эмоциональных слов, призванных выразить крайнюю степень негодования. Он даже не задумался, откуда дворовой алкаш знает Платона.

– А-а, ну да. Я как-то не подумал, – Пепел спохватился, не сболтнул ли он лишнего, за что можно позже поплатиться. – Я пойду.

Тальберг не ответил, глядя в спину уходящего в темноту Василия и раздумывая над тем, где сейчас находится Лизка,

но никаких идей не приходило.

Он вспомнил о чучеле, которое таскал под мышкой. Поставил перед собой и вытаращился в ожидании волшебства.

– Давай, ушастый, включайся, – бормотал он. – Ты же все время выскакивал, как черт из табакерки по поводу и без. А когда нужно...

Заяц едва заметно повернулся и уставился одним глазом.

– А ты еще избавиться от меня хотел, – проговорил он с укоризной. – Деревня...

Тальберг с облегчением вздохнул.

– Слушай, Олег, не отвлекайся, лучше скажи, что делать.

– Опаньки, – удивился заяц. – Не слишком ли ты глобальные ответы от простого чучела хочешь?

– Ты мое подсознание, от него всякого ожидать можно. Не трать время на пустые разговоры. Счет идет на минуты.

– Подожди, не спеши, – заяц сосредоточился, закрыл глаза и замер в раздумьях.

Если бы не шевелящиеся уши, Тальберг бы решил, что Олег снова исчез.

– Давай, давай, – мысленно повторял он, подбадривая зверушку. – Хоть что-то мало-мальски полезное.

– Знаешь. Я вдруг подумал, а что ты будешь делать, когда их найдешь?

– Еще не размышлял об этом, – признался Тальберг. – Впрочем, этот вопрос можно решить и позже по ходу пьесы.

– Твое дело, – пожал плечами Олег, – но я не хочу быть

замешан в криминале.

– В чем?!

– Может, ты кого-то из них того-этого... – заяц рубанул лапой по шее и высунул язык в иллюстративных целях. – Я же подсознание. Я от твоих потаенных мыслей засыпаю плохо.

– Да нет у меня таких мыслей, – неуверенно ответил Тальберг, – по крайней мере, таких, от которых не спится.

– И все-таки. Что собираешься делать?

– Ну... это...

– Чего «ну»?

– В глаза им посмотрю, – сказал уверенно Тальберг. – В наглые зеленые глаза.

– Ясно. Тогда дерзай!

– Куда дерзать-то? Где они? Говори, зверюга!

– Сам думать учись, – строго наказал Олег. – Хотел от меня избавиться? Сейчас самое подходящее время.

– Вообще неподходящее! Не уходи! Зря я тебя весь день с собой таскал?

Мимо прошли соседи со второго подъезда. Тальберг быстро изобразил невозмутимый вид и отсел от чучела. Вежливо поздоровались, поприветствовал в ответ, выразив соболезнования по поводу безвременной кончины Антона Павловича.

– Знать бы, кто он такой, – вернулся он к Олегу. – Нет. Лучше говори, где они?

Но заяц продолжал сидеть неподвижно на подставке, словно простое чучело, а не персонализированное подсознание. Тальберг схватил его и энергично встряхнул, но никакого эффекта это не дало. Только ухо слегка погнулось.

– Тварь ушастая, – он надеялся, что Олег не выдержит и ответит на обзывательства, но маневр не сработал.

«Придется догадываться с помощью сознания», подумал он и принялся рассуждать логически. Это оказалось нетрудно, и Тальберг обозвал себя «идиотом». Вместо полминуты раздумий, четверть часа разговаривал с чучелом.

Размышлял он следующим образом: Платон пренебреженно захочет впечатлить, продемонстрировать шик и блеск, доказать преимущества высокого положения на социальной лестнице. Фантазии и романтики в нем отродясь не водилось, ужина дома при свечах от него не дождешься, как впрочем, и от самого Тальберга. Все, на что может хватить Платона, это нечто стандартное, вроде похода в оперу или ресторан.

– Ресторанов у нас нет, с балетом тоже не сложилось, – объяснял он сам себе, – остается лишь одно место, где в Лоскутовке можно потратить деньги.

Он сделал паузу, словно пытался заинтриговать чучело.
– «У Тамары».

Заяц воспринял новую информацию с полным равнодушием. Хотя на долю секунды Тальбергу показалось, что Олег подмигнул. Самую малость.

– Пойдем проверять. Узнаем, что лучше – сознание или подсознание, – сказал он, беря чучело под мышку.

52.

Лизка хромающей походкой вышла из кафе, на каждом шаге проклиная туфли, которые последний раз надевала семь лет назад, будучи на несколько килограмм стройнее. Раньше ее утешало, что на фоне Тальберга она выглядит маленькой, по крайней мере, теоретически. Но сейчас план терпел фиаско – она здесь, а Димки рядом нет.

Туфли ощущались колодками и давили на верх пятки, намекая на скорое появление свежей мозоли. Надевая их, она не рассчитывала, что придется идти пешком.

Переступая через порог, неудачно подвернула ногу. Молния ударила в ахиллесово сухожилие, и Лизка хотела воспользоваться богатыми возможностями языка, чтобы передать ощущения, но сдержалась. В кафе входила семья с двумя детьми.

Похромала на улицу, словно подстреленный лось с надеждой, что Платон не увидит этого позора. Добраться домой пешком в таком состоянии представлялось невозможным, а денег на такси не хватало. Зарплата воспитателя детского сада не предусматривала подобных трат. Следовательно, оставался общественный транспорт.

До остановки следовало еще добраться, и даже этот отно-

сительно короткий путь казался дорогой в бесконечность.

Лизка вздохнула и поползла, жалея, что нельзя этого сделать буквально. Она морщилась на каждом шагу и пыталась ступать так, чтобы минимизировать болезненные ощущения, но даже беспрецедентно осторожные движения заставляли лезть глаза на лоб. Мозоли превращались в центр боли.

Легкая маленькая сумочка, обладавшая сверхъестественным свойством вмещать невместимое, неожиданно прибавила в весе, терла плечо режущей ручкой и неприятно билась о бок и по спине. Лизка перевесила ее на другую сторону, но лучше не стало.

Она шла и мысленно ругалась. Она ненавидела всех – и самовлюбленного Платона, и сбежавшего Димку, и отбившуюся от рук Ольгу. «Достали!» – возмутилась она, ощущая, как на глаза наворачиваются слезы. Ей хотелось упасть на асфальт и заснуть.

Видимо, неустойчивой походкой она походила на пьяную. Прохожие косились с подозрением.

Она доползла до ближайшей скамейки и рухнула, словно мешок с мукой. С облегчением сняла туфли, поставив их рядом. Все, решила она, буду сидеть тут, пока не замерзну и не помру молодой.

Она смотрела на окна кафе и слушала обрывки музыки, периодически прорывавшиеся наружу через открывающуюся дверь. Несмотря на попытки, далеко уйти не получилось

– скамейка располагалась всего в трех десятках метров от «Тамары».

Показался силуэт, похожий на Платона. Лизка сжалась и ссутулилась, пытаясь стать невидимой.

К счастью, он сел в служебный автомобиль и уехал в противоположную сторону.

«А мог бы и подвезти», подумала она, борясь с противоречивыми чувствами и позабыв, что ровно мгновение назад мечтала остаться незамеченной.

Она замерзла, не решаясь пошевелиться. Однако перспектива окоченеть на скамейке не улыбалась, поэтому она собралась с силами и сунула ноги в туфли, безотлагательно прочувствовав свежие мозоли. Замерла, заново привыкая к «колодкам».

Я пошла, сказала себе и встала на счет «три». От неимоверной боли захотелось завыть, проклиная все на свете.

Она в отчаянии снова упала на скамейку. Мысль идти босиком ей понравилась еще меньше. В плохом освещении, когда еле светящиеся фонари едва видны, Лизке казалось, что на холодном противном асфальте обязательно будут лежать осколки и мелкие камушки.

Прохожие исчезли, и ее полностью поглотило одиночество.

«Приплыли», вздохнула она, окончательно сдавшись. Оставалось только сидеть и плакать. И она зарыдала, уткнувшись в ладони. Слезы душили, текли по щекам и рукам, и

Лизка представила, как она безобразно выглядит с размазанной косметикой, и разревелась еще сильнее, решив, что терять уже нечего.

Когда она приготовилась умирать от обезвоживания, намереваясь выплакать всю имеющуюся в организме воду, рядом кто-то сел.

Она подняла взгляд и увидела Тальберга.

– Ты! – закричала она. – Ты!...

Она хотела излить накопившееся за последние три недели, но под действием эмоций дальше возмущенного «ты» дело не шло.

– Я тоже безумно рад тебя видеть, – ответил он.

– Ты... – вскипала она, готовясь высказать, что о нем думает, вложив в слова всю экспрессию, включая накопленную в мозолях, но удачного объекта для выплескивания ярости не подворачивалось. – Опять с чучелом носишься!

– Как прошло свидание? – спросил он, игнорируя замечание о зайце.

– Никак, – буркнула Лизка. – Ты просто дурак. Зачем соврал, что Платон знает об Ольге?

– А он не...

– Ну, теперь-то уже знает. Непонятно только, что с этим знанием дальше делать будет. От него всего ожидать можно.

– Интересно, – Тальберг гадал, кто на самом деле мог сообщить ему об Ольге. Потом его озарила догадка: – Я тогда не с Платоном общался, а с Олегом! Перепутал. Они оба по-

хожи на самовлюбленных засранцев, особенно с похмелья.

Лизка поглядела пригвождающим взглядом, от которого полагалось самовоспламениться на месте.

– Кто? – спросила она угрожающим тоном. – Ты кому-то еще проболтался? Это из института?!

Тальберг на подкорке подсознания отметил, что у него с олегами в этой жизни не срослось, и он ни одного вспомнить не может.

Он посмотрел на застывшее чучело.

– Я просто догадался, – Тальберг заметил сузившиеся от подозрительности глаза Лизки и добавил: – Олегом мы этого зайца назвали. В шутку.

Они сидели молча и глядели в темноту перед собой.

Похолодало.

– Что дальше? – спросила она.

Тальберг задумался.

– Светлое будущее? – предположил он.

– Оно никогда не наступает. И вообще, это название для колхоза.

– Если не светлое, хотя бы интересное!

– Не надо! – возразила она. – Если такое интересное, как в последний месяц, я предпочту обычную скучную жизнь.

– Давно, наверное, не говорил, – Тальберг с трудом подбирал слова. Он не привык демонстрировать чувства. – Не знаю, как сказать правильно. Я в разговорах не очень...

Лизка внимательно смотрела на него, отчего он смущался

еще сильнее, путался в придаточных предложениях и никак не мог перейти к сути.

– Я, пока находился в запое, понял одну простую вещь. В общем, я всегда хочу быть с тобой, – начал он, – потому что...

– Почему? – поторопила она, когда пауза затянулась.

– Потому что... – он замялся. – Просто так. Безо всяких причин.

– Ой ли? – она прятала улыбку. Ей стало хорошо и легко, и перестали болеть ноги. – Хоть бы одну мог бы и назвать, – она шепотом добавила в шутку: – Если скажешь, что кто-то же должен заниматься готовкой, долго не проживешь.

Тальберг сконцентрировался, как олимпиец перед финальным прыжком, и закончил:

– Я тебя люблю.

Слова оказались простыми и затасканными, но он говорил их нечасто и поэтому они подействовали ровно так, как и предполагалось. Лизка знала, что Тальберг не лицемерит и не врет и, если все-таки сказал, именно так дело и обстояло.

– Такое чувство, будто мне восемнадцать, – признался он. – Хорошо, в темноте не видно, как я покраснел.

– Заметно, – улыбнулась Лизка.

Она смотрела в его добрые глаза и продолжала улыбаться.

– Что с Платоном делать будешь? – спросила она.

Он пожал плечами.

– Ничего. Совсем. Думаю, это у него проблемы, а не у ме-

ня.

– Да неужели? – удивилась Лизка. – Ты же его так ненавидел!

– А теперь все равно, – признался он. – Даже жалко. Я все-таки отобрал у него потенциальную жену и дочь.

– С чего ты взял, что это ты украл, а не я так решила?

– Ну как же, – развел руками Тальберг. – На лавочке в институте...

– Ты мне, между прочим, всегда нравился больше, чем он! Не думаешь же ты, что я замуж за тебя вышла от отсутствия вариантов?

– Тогда почему ты с ним?...

– Потому что из тебя простых три слова надо клещами вытягивать, а уж какой-то самостоятельной инициативы так и вовек не дождешься! Даже паршивого цветочка!

– Неправда, – обиделся Тальберг. – На твой день рождения...

– Да, ежегодно одинаковый букет из роз, как по расписанию. Сама непредсказуемость и инициативность! Вот если бы взял и без всякого повода сделал небольшой приятный подарок...

– Ты бы решила, что я тебе изменил, – уверенно закончил Тальберг.

– Нет, – возразила Лизка. Задумалась, как бы она отреагировала в этой гипотетической ситуации, и признала: – Хотя для тебя и впрямь слишком подозрительно.

– Если я такой безынициативный и нерешительный, почему ты выбрала меня?

– Один раз ты решительность проявил.

– И этого оказалось достаточно?

– Как видишь, нужна самая малость.

Тальберг приобнял Лизку, потерявшуюся у него где-то под мышкой. Так они и сидели.

– Знаешь, ты меня домой на руках несешь? – объявила Лизка. – У меня вместо ног теперь одна сплошная мозоль.

– Легко, – молодежато ответил Тальберг, подхватил визжащую Лизку и пересадил ее себе на колени.

Она схватила его за шею, случайно задев рану. Он зашипел от боли. Эффект от обезболивающих закончился.

– Что такое? – перепугалась она, глядя на его перекошенное лицо.

– Меня убить пытались.

– Да вы сговорились все?

– Можно подумать, я специально, – он надеялся на другую реакцию.

Лизка, холодея, предположила, что покушавшимся мог оказаться Платон, и решила уточнить:

– Просто так, на всякий случай... это не Платон?

– Нет, – засмеялся Тальберг. – Кольцов.

– Директор института? – Лизкины глаза округлились и наполнились ужасом. – И где он сейчас?

– В больнице, – сказал он, будто покушение руководите-

ля на сотрудников – рядовое событие, случаемся не реже раза в квартал.

– Мне не придется ждать тебя двадцать лет из колонии? – распереживалась Лизка. – В милицию не заберут?

– Боишься не дожидаться? – пошутил он.

– Иди ты, – она пребольно ткнула указательным пальцем в бок.

Она поцеловал Лизку. Она обняла его и мечтательно закрыла глаза.

– Какие у тебя щеки мягкие. Обычно такие колючие.

– Опасной бритвой я пользоваться постоянно не готов, – сообщил Тальберг. – Это был исключительный случай. Не люблю ситуаций, когда пошел побриться и случайно зарезался.

– Вот они где! Сидят, целуются! – раздался голос.

Они подскочили, будто их застали за чем-то постыдным. Лизка сползла с коленей и уселась рядом с Тальбергом.

– Я-то думаю, куда она так весь вечер наряжалась, – к ним подходила Ольга. Через плечо он держала белую сумочку, хорошо заметную в темноте.

Он увидел, как Лизка умеет краснеть не хуже него.

– Оля, – сказала она строгим голосом, надеясь, что Тальберг не обратит особого внимания на слова Ольги, которая, в свою очередь, не станет развивать эту скользкую тему. – Ты тут откуда?

– Навещала знакомого в городской больнице.

– Не Адуева ли случайно? – предположил Тальберг, бросив быстрый взгляд на чучело.

– М-м... Да, именно его, – она не стала отпираться, а сразу пошла в наступление. – Довел подчиненного до нервного срыва.

– Не доводил я никого, – возразил он. – Как он?

– Замечательно, – ответила Ольга беззаботно. – А вы?

– Восхитительно, – сказала Лизка. – И даже лучше.

Тальберг сидел на скамейке, чувствуя себя счастливым человеком, могущим позволить роскошь обнимать одновременно двух самых любимых женщин в жизни.

– Фу, что это? – возмутилась Ольга. – Какое оно грязное! И липкое.

– Разрешите представить, – Тальберг приподнял чучело. – Его зовут Олег, и он будет жить с нами.

53.

Возвращаться в НИИ не хотелось, и Тальберг решил увольняться. Он созвонился с бывшим однокурсником и тот подыскал работу в институте физики высокопрочных материалов. Когда узнали, что он разработал установку, способную резать Край, взяли без собеседований.

Впереди маячила перспектива переезда в другой город, но Тальберг посчитал, что так будет даже лучше. А Лизка будто только и ждала, когда они покинут Лоскутовку, и втихую со-

бирала чемоданы, мысленно распределяя вещи – это взять с собой, то оставить знакомым, а отчего-то избавиться навсегда.

– Школу Ольга закончила, родственников у нас тут нет, – перечисляла достоинства Лизка, – детские садики есть везде.

Тальберга ничего не держало в институте. Шмидт собирал вещи и руководил погрузкой своих подопечных, коих оказался не один грузовик. В ближайшие дни он обязался освободить помещение.

– Я даже привык к нему, пока сидел в соседнем кабинете, – сказал из вежливости Мухин, воспринявший избавление от опасного соседа с большим облегчением.

Уходу Тальберга он расстроился и сделал слабую попытку уговорить остаться.

– Я решил твердо. После драки с Кольцовым у меня нет желания здесь работать.

– Понимаю, – сочувственно кивал Мухин. – Весьма при-
скорбный случай.

По пути из института Тальберг навестил в больнице Санию. Тот лежал вполне бодрый и читал книгу с полностью стертой, но смутно знакомой коричневой обложкой. Видимо, что-то приключенческое для юношеского возраста.

– Чем думаешь дальше заниматься?

– В вуз хочу поступать, – Саня отчего-то смутился. – На заочное отделение, потому что работать надо, чтобы прожить. Лера в школу идет в этом году.

– Где учиться планируешь?

Адуев ответил.

– Какое совпадение, – Тальберг изобразил удивление. – Оля туда же поступать собралась, но на другой факультет.

Саня залился краской.

– Понимаю, счастливый случай. Страна у нас тесная, вузов мало.

Замечание осталось без ответа.

– В НИИ вернешься?

– Не знаю. Раздумываю, но пока без вариантов. К Краю мне теперь приближаться нельзя – врачи запретили.

– А приезжай ко мне ассистентом в институт высокопрочных материй, – предложил Тальберг.

Адуев обещал подумать.

– Как самочувствие?

– Нормально. До свадьбы заживет, – ответил Саня и уточнил: – Через месяц Устрицина замуж за Моржова выходит.

Уже уходя, Тальберг снова посмотрел на книгу и вспомнил название – Эмилио Сальгари, «Смертельные враги». Она стояла на полке у него дома с той поры, как прочитал ее в девятом классе. Но из-за суперобложки не сразу узнал.

– Книгу Ольга принесла? – спросил он.

Саня кивнул и сказал, оправдываясь:

– Чушь для школьников, но тут нечем заняться.

– Ты бы лучше учебники попросил, чтобы к вступительным экзаменам готовиться.

– Я и попросил. Сегодня обещала принести. Тесты совсем несложные, я без подготовки могу все задачи решить.

Тальберг что-то вспомнил и снова заглянул в палату.

– Слушай. Хотел поблагодарить за чучело зайца, – сказал он. – Оно так помогло, нет слов, чтоб описать.

– Да не за что, – ответил Саня в легком недоумении.

Через два дня позвонили из НИИ Края и попросили прийти, чтобы оформить бумаги для расчета.

Когда Тальберг находился в отделе кадров и писал заявление на имя Мухина с просьбой уволить по собственному желанию, зашел охранник:

– Вот вы где, – обрадовался он. – Пройдите с нами, пожалуйста.

– Но я еще не дописал.

– Подождет. Безуглый ждет.

Тальберг отложил листок, на котором успел написать «И. о. директора Лоскутовского НИИ Края Мухину П. В.» и поплелся следом за охранником. Он склонялся к мысли, что это, скорее всего, связано с производством платоновки. Впрочем, жизнь непредсказуема – может быть, они и на самого Тальберга что-то накопили.

Безуглый дружелюбно поприветствовал его, словно старого приятеля.

– Добрый день. Говорят, увольняешься?

– Да, решил сменить работу, а заодно и место жительства.

– Понимаю, в НИИ сейчас непросто. Столько несчастных случаев.

– Слишком, – согласился Тальберг. – Я привык к более спокойной обстановке, она лучше способствует творчеству.

– Кстати, об этом я и хочу поговорить, – Безуглый стал серьезным. – Точнее, я тебя сюда пригласил по двум причинам.

– Одна – никакая, другая – плохая? – предположил Тальберг.

– В каком-то роде. Сначала подпиши соглашение о неразглашении информации, связанной с твоей научной деятельностью, – Безуглый приободряюще кивнул: – Обязательная стандартная процедура при увольнении.

Тальберг прочитал заявление, представляющее собой листок с заранее подготовленной формой и пропусками в местах, где требовалось вписать фамилию-имя-отчество, расписаться и поставить дату. Текст вместо привычного словоблудия излагался ясным недвусмысленным языком, от простоты которого пришел бы в ужас любой юрист – как можно называть вещи своими именами?

Внимательно просмотрел список запретов и наказаний за каждое нарушение. Подобную бумажку он подписывал при устройстве на работу, с той лишь разницей, что пятнадцать лет назад он не имел информации для разглашения, а теперь знал предостаточно.

Он дочитал и подписал. Безуглый взял заявление и поло-

жил в папочку:

– С половиной дела покончили.

– Это было хорошее или плохое?

– Никакое, – ответил Валентин Денисович и из другой папки достал тетрадь, в которой с одного быстрого взгляда узнавался дневник Карла.

– Как он у тебя оказался?

– С господином Шмидтом возникли большие проблемы, – Безуглый нахмурился.

– Если вы думаете, что он шпион, могу тебя заверить, это не так, – поспешил сказать Тальберг. – Он исключительно увлечен наукой. Во всяком случае, за время, сколько его знаю, он показался мне порядочным человеком...

– Проблема куда серьезней.

Безуглый положил тетрадь на стол перед Тальбергом, который опустил взгляд и заметил бумажный уголок, выпачканный во что-то ярко-красное. «Кровь», догадался с ужасом. Поверх обложки по диагонали той же самой перьевой ручкой пролегла надпись «für Thalberg».

– Где Карл? – спросил он, предчувствуя, что ответ ему не понравится.

– Вот и плохая новость, – вздохнул Безуглый. – Мистер Шмидт утром был найден мертвым на рабочем месте. Он лежал лицом на тетради, на которой перед смертью написал твое имя, поэтому тебя и вызвали. Может, ты нам поможешь разобраться.

Мозг отказывался принимать такую информацию. Как же, буквально на прошлой неделе Карл брил его опасной бритвой, а позавчера Тальберг помогал ему упаковывать вещи в ящики. Шмидт делился планами на будущее, оставил адрес и предложил приехать в гости.

«И домой не успел», подумал с горечью, а вслух спросил:

– Умер-то он отчего?

– Неизвестно, вероятно, несчастный случай, криминалисты разберутся, – пожал плечами Безуглый. – У него ртом и носом шла кровь – я, по секрету сказать, столько кровищи еще не видел за один раз.

Тальберг взял тетрадь и перелистал. Естественно, Шмидт вел записи на своем языке.

Безуглый выжидательно посмотрел на него, словно надеялся, что тот даст ему ответы на все вопросы.

– Тут не по-нашему...

– Я-то заметил, но твой дедушка вроде бы переселился из...

– Да, знаю, – перебил Тальберг. – Я в далеком детстве говорить умел на уровне неуча-первоклассника.

– Хотя бы попробуй, – попросил Безуглый. – Это как велосипед. Сначала тяжело, а потом ноги вспомнят.

– Сам-то сколько языков знаешь?

– Один, – Валентин Денисович ничуть не смутился.

– «Как на велосипеде, ноги вспомнят», – передразнил Тальберг. – Тут ноги не помогут. У Шмидта здесь сплошная

терминология, а я в герпетологии и на родном языке-то не силен.

– Места про змей можно опустить, – предложил Безуглый.

– Боюсь, там про одних змей и будет.

– Вряд ли он написал бы твою фамилию, если бы писал только о герпетологии.

– Есть же профессиональные переводчики...

– Конечно, – согласился Безуглый, – но разве тебе не любопытно прочесть лично, ведь зачем-то Шмидт тебя упомянул.

Тальберг ходил в пустую лабораторию, где взял с полки самый большой словарь из имевшихся.

– Готов, – объявил он, вернувшись. – Давай тетрадь.

Он пролистал до последних заполненных страниц и заметил множество мелких записей за сутки до смерти. Причем ближе к концу дневника буквы становились неуклюжими и кривыми, поэтому превращался в неудобоваримую кашу, но к счастью, Безуглый оказался прав – Тальберг быстро втянулся и легко вспоминал значения слов, а когда не знал, догадывался из контекста.

Он читал вслух по одному предложению, а Валентин Денисович делал пометки.

«... Чем дольше наблюдаю за людьми, тем больше замечаю холодность, отчужденность, зависть. Трудно передать ощущения, когда ты общаешься с ними. Они кажутся добрыми,

учтивыми. Не все, но большинство. Но при этом тебя никогда не оставляет чувство, что находишься в состоянии постоянной угрозы. словно сквозь маску доброжелательства проглядывает хищная внутренняя натура, ждущая твоей оплошности и падения, чтобы всласть потоптаться по лежащему на полу телу, мешая тебе подняться и идти дальше.

Самое страшное, они верят в собственную доброжелательность. Это – то общее свойство людей – всячески оправдывать себя, вину в своих недостатках других.

Они улыбаются в лицо, желают здоровья и долголетия, а потом эти же сжигают твой дом, потому что ты оказался успешнее их. Тут все построено на зависти. Человек, добившийся пристойного уровня жизни ценой собственного труда, повсеместно записан в сказочные персонажи. Если найдется такой экземпляр, его будут ненавидеть еще более прохиндея, заполучившего богатство нечестными путями. Причина благополучия вора, казнокрада, мошенника неприятна, но понятна.

Честный же деятельный человек вызывает сильнейшее негодование именно потому, что собственным примером доказывает возможность добиться любой поставленной цели, если прилагать необходимые усилия по ее достижению. Он на практике опровергает внешний характер причины неудач...»

– Философская болтология нам не поможет, – перебил

Безуглый. – Ты переходи ближе к концу.

– Я не настолько бегло читаю, чтобы найти нужную строку, – оправдывался Тальберг. – Тем более, все записи сделаны за последние сутки.

– Ладно. Давай подряд, разберемся.

«...Здесь, вблизи от Края, зависть и ненависть становятся смыслом жизни. Думаю, что в *in der Kante* и кроются причины подобного мировоззрения. Он, кажется, влияет не только на змей, но и на людей, вблизи него живущих.

С раннего детства, когда мама прочитала мне известную каждому ребенку сказку «Как Бравый Рыцарь за Край ходил», меня поразили факт существования этой стены, опоясывающей мир. Я часто представляю себе, что может оказаться по Ту Сторону.

Пустота?

Такой же мир, как наш? Или другая разновидность, где история пошла по иным путем и в результате эволюции самыми разумными существами стали не бывшие обезьяны, а интеллектуально развитые дельфины, сумевшие построить морскую цивилизацию... Любое абсурдное фантастическое предположение имеет право на существование.

Одна загадка и бесконечное число вариантов ответа, каждый из которых может оказать правдой или ее слабой тенью. Не существует человека, с полной уверенностью знающего истинное положение дел. Не догадаться, не предполо-

жить, не вычислить, а именно знать. Точно и абсолютно, как непосредственный свидетель, узревший тайны мироздания воочию.

Когда у меня выдалась возможность попасть в то единственное место на земле, где люди должны быть наиболее близки к разгадке, я тут же ее воспользовался. Увы, к моему глубокому разочарованию, в НИИ Края занимаются всем, кроме Края, и за исключением одного единственного человека (Тальберг хмыкнул, догадываясь, кто этот человек), никого не интересует ответ на глобальный вопрос жизни, устройства Вселенной и смысла ее существования.

Чем дольше размышляю, тем чаще является видение, что наш мир – гигантский террариум, а Край – тонкая, но прочная стенка, через которую удобно наблюдать, как мы пожираем друг друга. Для таинственных наблюдателей мы всего лишь противные скользкие твари, сплетающиеся в тесные клубки и жалящие всех ядом.

Чем ярче представляю эту картину, тем крепче моя внутренняя уверенность, что именно так и обстоит дело. Нужно признаться, с тех пор, как я пришел к таким выводам, меня не покидает иррациональный страх. Я боюсь говорить о своих догадках. Мне сдается, наблюдатели не одобряют. Более того, кажется, они вовсе не добры, а наоборот – необычайно жестоки и развлечения предпочитают столь же бесчеловечные.

Возможно, это последствия *krauenitovaya pil*, как ее назы-

вает Димитрий, но меня постоянно преследует мысль, что мои умозаключения не приветствуются и, если я захочу ими поделиться, мне несдобровать.

Но и держать в себе, нет никакой мочи. Пусть мрачные тайны хранятся в дневниках, пока после моей кончины кто-то случайно не наткнется на эти измышления и не посчитает их безумной фантазией сумасшедшего ученого».

– Лихо завернул, – пробормотал Безуглый.

Тальберг промолчал. Факты свидетельствовали, что Шмидт мертв. Возможно, всего лишь совпадение. А если нет?

«...Скоро смогу увидеть семью. Не знаю, как описать чувство радости, меня охватившее. За что хвататься в первую очередь? Я успел накопить здесь столько вещей, что теперь, наверное, придется часть из них оставить. Можно раздать друзьям, но знакомых у меня тут почти нет, за исключением Димитрия. Он, сдастся мне, потомок моего соотечественника, переехавшего сюда много лет назад, но не могу утверждать наверняка...»

– Кажется, оно, – Тальберг просмотрел следующий абзац, прежде чем пересказать вслух для Безуглого.

«...Интересное происшествие. Занимался сортировкой

подопытных и перетаскивал змей в транспортировочные контейнеры. Чертовски трудно перевозить такое количество экземпляров. В подобных условиях и при относительной спонтанности доедут не все...»

В этом месте шла долгая лекция о тонкостях перевозки различных видов, которую Тальберг предпочел пропустить, тем более, почти все слова показались незнакомыми.

«Когда пытался отловить очередной экземпляр, получил укус. Не уверен, кто именно совершил этот подвиг. Может оказаться, что это молодой Boomslang...»

– Кто? – переспросил Безуглый.

– Бумсланг, – повторил Тальберг. – В словаре такого слова нет. Наверное, какое-то название змеи.

– Ясно.

Продолжили читать.

«...Boomslang относится к ядовитым древесным змеям из семейства ужеобразных, хотя из-за особым образом расположенных внутри пасти зубов яд попадает в человека не при всяком укусе. Плохой вариант, но я склонен считать, что это какой-то другой представитель ложных ужей, составляющих опасность только для мелких животных.

Надо признаться, меня множество раз кусали за мою дол-

гую карьеру герпетолога, и у меня выработался приличный иммунитет к различным ядам. Более чем уверен, что проблем не будет – опухнет место укуса да поднимется температура, но это сущие пустяки, обычные будни ученого.

Постараюсь вести записи моего состояния – никакой опыт не должен пропасть бесцельно.

Вечер. Надеюсь к утру, станет понятно».

«...Наступили первые симптомы – начался сильный озноб и дрожь. Записывать сложно, трясутся руки.

Попытался сделать горячий чай, чтобы согреться, но едва не опрокинул на себя кипяток, пока заливал в кружку.

Надо бы ввести антидот, но в этом городке на краю мира вряд ли найдется что-то подходящее – обычно тут не живут змеи, да еще и в таких количествах, поэтому никто не озабочен производством дорогостоящих антидотов. К тому же, я не уверен, какая из этих тварей меня укусила.

Вся надежда на крепкий организм. Я знал одного парня, пережившего сто двадцать укусов и умершего в почтенном возрасте глубоким стариком, неудачно споткнувшись о ножку кровати. У него не хватало двух пальцев на руке из-того, что их пришлось ампутировать в спешном порядке.

У меня есть образец для подражания».

«...Стало гораздо хуже. Появились рвота и тошнота. В целом, обычное дело, но мой привыкший к ядам организм ре-

агирует бурно. Кажется, проблема серьезней, чем я предполагал. Симптомам полагалось быть намного менее выраженными.

Продолжаю надеяться».

«...Выступила кровь на деснах. Надежды на лучшее не оправдываются. Если так и пойдет дальше, домой я не попаду».

«Удалось поспать около часа. Проснулся я из-за сильного кровотечения из носа. Едва не захлебнулся. На лбу выступил липкий пот. Несколько раз терял сознание. Писать становится тяжелее.

Пытался позвать на помощь, но не могу встать – голова кружится. Если не умру от яда, есть шанс погибнуть от неудачного удара в висок».

«Жаль, не успел вернуться домой.

Кажется, это оказался бумсла...»

Тальберг оторвался от тетради. Текст закончился, дальше шли выпачканные кровью страницы. Он посмотрел на Безуглого, словно ждал его заключения по поводу прочитанного.

– Меня, кстати, на прежней работе восстановили, – внезапно сказал Валентин Денисович. – Скоро возвращаюсь назад, к семье. Надоело ездить домой по выходным раз в месяц.

– Поздравляю, – искренне порадовался за него Тальберг. – Тоже собираюсь переезжать.

– Знаю. Еще слышал, что Мухину звонили, за тебя спрашивали. Он расстроился, но характеристику на тебя хорошую дал.

Безуглый с виноватым видом отобрал тетрадь:

– Я бы тебе ее оставил, будь моя воля. Но ты же понимаешь, это теперь вещдок международного значения.

– Понимаю. Впрочем, что хотел, я прочитал.

Постучались и вошли мужчина и женщина в костюмах, похожих на те, которые по обыкновению надевал Шмидт при работе со змеями.

– Это специалисты-герпетологи из областного центра, – представил Безуглый. – Пришлось вызывать издалека, в городе у нас ни одного не нашлось. Точнее, был, да и тот... – он обреченно махнул рукой, намекая на Шмидта.

Мужчина кивнул и рассказал, заикаясь через слово:

– Ба-ба-большое количество экземпляров разных видов. Я не всте-те-тречал такого обилия в одном ме-ме-месте. Если бы еще ми-милиция не ме-мешала проводить осмотр...

– Да, – подтвердила женщина. Она, к счастью, заметными дефектами речи не обладала, поэтому строчила, как из пулемета. – Я тоже никогда такого не встречала. Однажды ездила на международную выставку, и нам показывали огромные коллекции, обслуживаемые персоналом из нескольких человек, хотя кажется, что тут побольше будет. Просто не

укладывается, как с этим хозяйством можно управляться в одиночку. Здесь надо жить, как минимум.

– Так он и жил, – сказал Тальберг и грустно добавил: – И умер тоже.

– Мы вычитали, что его змея укусила, – поддакнул Безуглый. – Какой-то бу... бум... Как там дальше?

– Бумсланг. Первый раз, кстати, слышу о таком. Кобры есть, знаю, ужи, гремучие... – перечислял Тальберг.

– Тогда все просто, – обрадовалась женщина. – Обычное отравление гемотоксином.

– Я физик. Мне это ни о чем не говорит.

– Яд, убивающий путем разрушения кровяных телец, – пояснила герпетолог. – Кровь перестает сворачиваться, все органы в теле кровоточат и жертва умирает, захлебнувшись.

– Должно быть, ужасно неприятная смерть, – Валентина Денисовича передернуло. Видимо, наглядно представил, что чувствует человек, укушенный бумслангом.

В коридоре послышался шум. Тальберг прислушался и едва не оглох, когда зазвонил телефон.

Безуглый ответил на звонок, громкий голос что-то неразборчиво прохрипел. Из-за плохого качества динамика ничего нельзя было разобрать, однако сильно помрачневшее лицо Валентина Денисовича говорило, что дело плохо.

– Институт горит! – прошептал он, положив трубку и рассеянно глядя на Тальберга.

– Как горит?

– Синим пламенем.

ГЛАВА XIII. Твари

54.

Кап... кап... оп... ляп... ляп-ляп... бр...

Кто-то где-то и зачем-то, как-то ни при чем... Три на первых, семь налево... А там вдоль и под скос, два прыжка – и скис... И хромать – ковылять, рука на пульсе, глаз на тике, внутри ток, двойной приток и переток в неустойчивом равновесии. Упасть плашмя и проскользнуть, извиваясь на ложноножках.

И тихонько-тихонько, чтобы не заметили. Шажок, грибочек, прыжок, травинка. Шум песка, стук кустов. Никто не услышит, не станцует ни польку, ни вальс, ни фокстрот, ни балет. Ни тонкая сильная ножка балерины, взмывающая струной *à la seconde* на каждом повороте фуэте ан турнан, с переходом в *manège* в завершение коды, когда весь кордебалет бьет пуантами пол, словно конь перед скачками... Падам-падам, та-ра-ра-рам...

Кап... тз-з... кап... тз-з... оп... ляп...

Мерзнут руки, стынет тело. Микроскопические холодные иголки втыкаются в подушечки пальцев. Приятные нити холодка ползут по капиллярам, смешиваясь с интерстициальной жидкостью и уходя через посткапилляры в вены,

растягиваясь по венам хрустальной паутиной... В плазме монументально плывут гордые эритроциты, смерзшиеся в бугристые кластеры... Они парят, задевая стенки шершавыми боками, расталкивая на своем пути наглые лейкоциты и грубоватые тромбоциты. Холодно и щекотно.

Кап... оп... оп... ляп... хлоп...

Помнится сквозь трещины во льду, что чистое бытие образует начало, потому что оно есть и чистая мысль, и неопределенная простая непосредственность, а первое начало не может быть чем-нибудь опосредствованным и определенным. И если высказать бытие как предикат абсолютного, можно получить первую дефиницию абсолютного в том, что абсолютное есть бытие... И можно лежать тихо на полу, завернувшись в чистое бытие, словно в грязную простыню, и наслаждаться Абсолютом. Согреться бы только, тихо и незаметно.

Кап... кап... ляп... оп...

Башка трещит, мозг – вакуум. Мысли извиваются змеями, плывут в абсолютной пустоте разноцветными кругами вдоль черепа, трутся одна о другую с искрами... Те, которые запутываются, совершают фрикции в попытке вырваться. Маленькая юркая идея зарождается виртуальной частицей в поляризованном физическом вакууме и тут же распадается на множество измышлений. Квантовые флуктуации заставляют пустоту жить, дышать медицинским холодом. Мысль родилась, режь пуповину, пока не померла от отсутствия

воздуха.

Кап... кап... ляп...

Любить всех, здесь, немедленно, не откладывая ни на секунду, одним всеобъемлющим движением, убить в порыве страсти, задушить шелковой нитью. Но они мешают, не дают, смотрят в тридцать пар глаз, не моргая, в ожидании ошибки. Ждут неверную фрикцию, фальшивый вздох, непонятный звук, неуверенный всплеск.

Хлоп! Падает черная тень и сшибает крайнюю доминошку, возникает цепная реакция. Кость цепляется за другую, та – за следующую, и вот уже волна несется, набирая скорость, и никуда нельзя уйти, нужно бежать на перегонки на одну кость вперед... И последняя костяшка падает плашмя, сотрясая землю и вызывая цунами. Нет ни передышки, ни вдоха. Плыви, пока не накрыло.

Кап... кап...

Стоят кругом, сложив руки на груди, и оценивают тщетные попытки спастись. У них нет глаз. У них бессчетно глаз. Они видят каждый волосок, слепы, как амебы, гениальны, как кирпич, и бесчувственны, как поэт в звездную ночь. Они разрезают логику на маленькие кусочки, чтобы клеить из них праздничный оксюморон, катать его по полу головкой сыра, а потом разделить на ломтики и раздать детям для парадов в честь жизнерадостной скуки. Они требуют от него дать свободу, стереть ее с лица земли, посыпать солью, вырастить камни, чтобы расцвела безжизненность.

Цзынь!

Зазвенело стекло, осыпая дождем, рая осколками. Пу-
стяки, ему не нужно столько крови, пусть стекает.

– Что там случилось?

Твари! Они хотят, он должен.

Он не в состоянии противиться, когда тень требует невоз-
можного. Так просто – совершить три невозможности до зав-
трака. Нужно, сложно, но тотально, невозможно.

Края, края, вокруг края, острые, ни развернуться, ни раз-
бежаться. Но если ждать, все пропадет, все пропадут, на него
одна надежда.

Сердце жмет, нечем дышать, инфаркт. Мозг поплыл – ин-
сульт. Ноги не идут – судорога. Глаза не видят, уши заложены,
руки выставлены вперед. Выжить, жить, хотя бы чуть-
чуть. Не для себя – для других, ему до гробовой доски хвата-
тит.

Пальцы натываются на стены.

Он знает, твари рядом. Они смотрят, смеются, предвку-
шают, но он их не видит сквозь веки. Не открывать их нико-
гда, не открывать, пока глядят. Вдоль шлакоблочной кладки,
шаг за шагом, аккуратно, не спотыкаясь. Они ждут его паде-
ния, чтобы наброситься и растерзать.

Он понял. Они двигали его руками, ходили его ногами,
смотрели его глазами. Это их голос усыпляюще шептал, по-
ка он плыл сквозь воздух, что плотней воды. Они изуродо-
вали его, испортили ключ, порвали внутреннюю пружину, и

теперь он бессмысленно дергается на остатках завода, вызывая смех и жалость поломанной игрушки.

Взрыв, шум, радостные вопли. Твари хохочут, рассказывают анекдоты, играют в домино на чужие души, рассевшись у адского пламени. Знают, никуда он не денется. И он знает, что они не сбегут. Грубые крики, скабрзные шутки. Гнилостный запах преследует повсюду.

Открыть глаза, медленно идти вдоль стены, не оборачиваться, ступая тихо, чтобы волосок не шелохнулся в ухе самой чуткой и маленькой твари.

Дошел. Стол. Грубый, грязный, с облезшей краской, со скачущими тенями от пламени. Пульс долбит, руки перебирают, ни за что не цепляясь. Где ты? Шершавое, гладкое, крашенное, липкое. Не то, не то, глупости какие-то. Время летит, но не попадается нужного. Часы тикают, нет-нет, нет-нет, да-да, да-да... Где же оно? Обязательно быть. Прячется в тенях, языки пламени скрывают искомое.

Блеснуло. Острое, холодное, быстрое.

Первая невозможность.

Рука сжимает дерево. Крепко сдавливая ручку так, что белеют костяшки, а ногти до крови впиваются в ладонь, которая теперь не разожмется, она одно целое с первой невозможностью. Он проучит, он вынудит просить пощады. Будут плакать, исходить слезами, но ничто не заставит сжаться его сердце. Если дрогнет, он сам вырежет его за предательство.

Твари не ведают, что ему осталось две невозможности.

Снова шум, гам, бурная радость. Дьявольские пляски возле костра, от которых стынет кровь. Нужна тишина, нужно быть сама внезапность. Только так есть шанс сделать вторую невозможность до обеда.

Твари угомонились, крики прекратились, взрывы хохота превратились в шуршание пакетов. Расползлись по закуткам, ищут припасы. Грядет застолье.

Не беда. Снова соберутся у огня и начнут противно хрустеть костями, двигать челюстями, перемалывая запасы мертвых душ. Они беззащитны, поглощены трапезой и не слышат ничего вокруг. Шумят, радуются мясу, пьют воду, заедают хлебом, сыпят крошками, хвалятся мертвечиной, обмениваются добычей. А он уже за спиной, он готов.

Осталось единственное движение до второй невозможности. Он сделает все, чтобы твари не отобрали секреты, накопленные ценой жизни.

55.

– Что, товарищи, дерябнем? – робко предложил Клещ. – Оно, конечно, возбраняется, но не по-человечески как-то получается, человек преставился...

Они сидели на двух скамейках вдоль стены и отдыхали по случаю обеденного перерыва. Посредине лежала старая дверь на четырех стопках пустых перевернутых ведер, используемая в качестве импровизированного стола.

Между тем, производственный процесс шел вовсю. В емкостях продолжало кипеть содержимое, распространяя довольно неприятный приторно-сладкий запах.

– Мы же на работе ни-ни, – сказал Пепел. – За попытку – увольнение.

Повернулись к Костылеву, который должен разрешить ситуацию, высказав решающее заключительное слово. Он, в свою очередь, почесал затылок в поисках компромиссного решения.

– Короче, так, – определил он, – по пятьдесят и ни каплей сверху.

Михалыч бродил по помещению, переходя от одного аппарата к другому и наблюдая, как в емкостях булькает красноватая жижа. Он молчал, изредка двумя-тремя словами давая рекомендации, вроде «добавить сахару», «не хватает яблок». Какую-то непонятный порошок он добавлял собственноручно, не доверяя никому и определяя дозировку на глаз. Пыль хранилась в емкости, которую Костылев держал у себя, производя постоянные взвешивания. Платон объяснил, что ни один грамм не должен пропасть и за ее сохранность Костыль отвечает головой.

– Ну, помянем, – Клещ разлил бутылку и теперь возвышался над всеми со стаканчиком. – Не чокаясь.

Дружно выпили за упокой Антона Павловича, скоропостижно скончавшегося в расцвете лет.

– Золотой мужик, – сказал Андрюша. – Никогда не отка-

зывал, ежели к нему за помощью обратишься.

– Я ему две сотни задолжал, – вспомнил Пепел, – Отдать не успел, так он и не спрашивал.

– Говорю же, золотой человек, – повторил Клещ.

Помолчали, потом Лука выдохнул и предложил:

– Партийку в «козла» бы...

– Можно, – согласился Костылев. – По столу не надо бить с размаху, а то сюда академики сбегутся.

Игра пошла довольно резво. Давно не играли и соскучились по старым добрым временам. Платили им хорошо, но какой толк от полочки, если на нее нельзя гульнуть, как следует?

– Иногда хочется на недельку отпуск взять, – мечтательно говорил Клещ. – Отдохнуть от души – и снова на работу.

– Не заработал еще, – отвечал Костылев. – Наладим поточное производство, тогда и будете отдыхать поочередно.

В процессе игры общее настроение улучшилось, и в ход пошли шутки и анекдоты, слово за слово, набирая громкость.

– А Михалыч? – шепотом спросил Клещ.

– Работает.

Стеклодуд держался обособленно и в общественных мероприятиях участия не принимал. Никто не решался обращаться к нему без повода, кроме как по острой служебной необходимости. Он приходил в любое время, когда ему вздумается, и ходил вдоль «технологической линии», гипнотизи-

руя арендованное оборудование. К его поведению привыкли и не обращали на него внимания, подсознательно держась от него на почтительном расстоянии.

Громыкнуло.

– Что там случилось? – встревожился Пепел.

– Михалыч буянит. Ну его...

Пятьдесят грамм оказалось маловато, и Костылев разрешил еще по одной.

– Но больше ни-ни, – покачал он пальцем. – Ввиду исключительности повода.

Добавили. Игра оживилась, только Костыль время от времени прикрикивал на особо расшумевшихся.

Пепел быстро сдал кости и сидел, со скучающим видом наблюдая за партией со стороны.

– Перерыв кончается, а мы пайки еще не съели, – опомнился Клещ. – Увлечлись.

– Точно! Точно! – загалдели мужики, доставая свертки.

Пепел достал бутерброды с яйцом и принялся есть их всухомятку, уставившись на горку костей домино. Он жевал и думал, что Василиса как-то резко охладела к нему. Это радовало – он знал, что сделает с ним Костыль, если узнает.

Он поднял глаза на Костылева, сидевшего по другую сторону стола и уминавшего сухую гречневую кашу, запивая ее водой из алюминиевой кружки. Позади него стояла металлическая бочка, в которой горело пламя, отчего вместо лица, Пепел видел лишь контуры Костыля.

– Чего уставился, жри быстрее. У нас еще работы непочатый край.

Вдруг подозрительная тень одним большим прыжком подскочила сзади к Костылю, и через мгновение тот выгнулся, заревев не хуже медведя.

– Что ж творишь, б...

В наступившей суматохе Пепел не сразу разобрался, что произошло. Все резко повскакивали с мест, опрокинув импровизированный стол, и с криками бросились на помощь Костылю, который сумел встать и теперь боролся с Михалычем, весьма успешно сражавшимся со слабеющим противником, несмотря на малый рост.

– Я тебя прибую, мелкая скотина!

На мгновение перед Пеплом мелькнула спина Костыля, из которой торчал нож, использовавшийся для распечатки ящиков.

– Убивают, братцы! – закричал Клещ и бросился на помощь.

Их тела связались в стонущий и пытящий клубок.

– Помогайте! – прокричал задыхающийся Клещ, пытаясь оторвать руки Михалыча от Костыля.

Пепел глянул под ноги и увидел подходящий кирпич, использовавшийся для придавливания бумаг, чтобы их не унесло сильным сквозняком. Он понял, что пришла пора действовать.

– Берегись! – заорал он, схватил холодный шершавый ку-

сок керамики, и размахнулся, чтобы как следует врезать Михалычу по затылку.

Когда он опускал кирпич, стеклодув резко пригнулся, увлекая за собой дерущихся, и Пепел с опозданием заметил, что импровизированное оружие движется по траектории, заканчивающейся головой Костыля.

Костылев еще и повернулся на крик, и угол кирпича попал ему точно в висок.

– Ух ты, – промолвил он на выдохе и обмяк.

– Дурак! Имбецил! – заорал Клещ на растерявшегося Пепела.

Воспользовавшись внезапным преимуществом, Михалыч вырвался на волю, но не рассчитал и со всего размаху врезался в металлическую бочку, которая глухо упала и покати-лась, рассыпая пламя по полу.

– Гаси ее!

Алеша принялся топтать огненные языки огромными ботинками, но огонь распространялся дальше, на глазах съедая пустую тару.

Кто-то побежал к выходу в надежде найти огнетушитель, но тщетно. На пожарном щите сиротливо висел ржавый крючок с наколотым уведомлением об успешном устранении замечаний инспекции.

Сейчас оно выглядело, как насмешка.

Клещ в этом аду забыл про Михалыча и склонился над Костылем, нащупывая пульс и прикладываясь ухом ко рту,

чтобы услышать дыхание.

– Окочурился, – объявил он.

Пеплу стало дурно.

– Надо его вытаскивать на улицу!

– Да как его вытащишь, он же тяжелый, что бегемот!

Пламя дошло до спирта и теперь ревело, угрожая сожрать здание целиком.

Васька закашлялся, в глазах появилась резь. Он инстинктивно прикрыл ладонью рот, но это не спасало.

– Сматываться надо, пока не задохнулись!

Все бросились к выходу, перепрыгивая через пустые ящики и мешая друг другу. Пепел бежал с мыслью «Только бы не потерять сознание». Сгореть живьем он не планировал. Он спотыкался, ободрал локоть, но жажда жизни не давала ему замечать ничего, кроме белого прямоугольника открытой двери.

– А Костыль?

– Нет его уже, – Клещ задыхался от бега. – Считай, в крематории.

Наконец, пробрались к выходу и высыпали на улицу, громко кашляя и отплеываясь.

Охрана двора смотрела с любопытством, но когда дым повалил через щели в крыше, догадалась, что дело – труба. Пепел увидел, как охранник куда-то звонит, бросая на них встревоженные взгляды.

– Что же делать? – повторял Клещ, ходя по кругу.

– Бежать врассыпную! Фирма на Костыле. С него пусть и спрашивают.

– Правда, точно, – галдели остальные. – Пусть у него и выясняют.

– Ну да, – бубнил кто-то недовольным тоном, – потом милиция всех найдет и припаяет «скрытие с места происшествия».

– Это же не дорожно-транспортное!

– Называется по-другому, а суть та же.

Остались стоять.

– Славно помянули, – вставил Лука. После первых пятидесяти грамм он вышел во двор подышать свежим воздухом и успел задремать на разваливающемся стуле, поэтому ничего не видел, а узнал уже в пересказе Алеши.

– Кто-то заметил, куда Михалыч делся? – спросил Клещ, до сих пор поражающийся тому, насколько сильным оказался косоглазый карлик.

В пылу борьбы с огнем никто не обратил внимания на обезумевшего старика. Сгорел, должно быть. Или в лес убежал.

– Увидел бы, задушил, – процедил Клещ. – Чувствовал, что добром не кончится!

Последнюю фразу он произнес для красного словца. Ничего такого он не ощущал, и работа его полностью удовлетворяла.

Послышался вой сирен, с громыханием открылись ворота и в институтский двор въехали пожарные автомобили. Во-

круг развилась бурная деятельность, сопровождаемая суматохой и беготней, в которой работников ООО «Вектор» оттеснили от здания. Началась безуспешная борьба с огнем, не желавшим гаснуть. Хотя снаружи все казалось безумно сырым и не склонным к горению, даже во дворе стоял жар, от которого ручьями бежал пот.

– Перекидывается на здание рядом!

– Давай туда, сгорит ведь к чертовой бабушке!

Пепел обратил внимание, как болят ушибленные колени и левое плечо. Пока присутствующие глазели на продолжающийся разрастаться пожар, он думал, что кроме директора, в ООО «Вектор» имеется еще и главный бухгалтер, то есть он, Васька Пепел. Тот самый, который своими руками случайно убил Костылева.

– У вас там склад керосина? – спросил подошедший пожарник.

– Бери выше. Пищевого спирта.

– Зачем в институте спирт?

– Контакты протирать, – пошутил кто-то.

«Надо лететь домой и собирать вещи, – подумал Пепел, – и бежать далеко-далеко». Не успел он додумать эту мысль до конца, как ноги повернули и направились за ворота. Пока он шел, уставившись в землю, его случайно задевали суетящиеся пожарники. Один раз сильно попали по ушибленному плечу.

«Нужно бежать», подумал он снова, оказавшись за преде-

лами институтского двора.

Двумя этажами выше кто-то тихо шумел. Несколько человек неразборчиво переговаривались между собой полупотом.

Пепел вдохнул полную грудь воздуха, будто перед прыжком с трамплина, и нажал на кнопку звонка, соображая, как правильной сообщить о трагическом происшествии. Дверь с громким скрипом открылась, и на пороге предстала улыбающаяся Василиса, вытирающая руки о полотенце, перевешенное через плечо. Она что-то готовила, надев запачканный мукой передник. Однако увидев Пепла, недовольно нахмурилась.

– Чего тебе? – спросила она грозно. – Быстро, а иначе придет Толик и спустит тебя с лестницы.

Он сглотнул. Предстояло самое сложное, а Василиса, кажется, пребывала не в духе. Нет ничего страшнее женщины в дурном настроении.

– Тут какое дело... – он запнулся, – Не придет Толик-то.

– Почему? – не поняла она, хмурясь еще сильнее и гневаюсь, что он мямлит и не может договорить.

– Умер он, – Пепел поник.

– Как?

Глаза ее расширились, и в них показался неподдельный ужас.

– Несчастный случай, все загорелось, Михалыч с ума со-

шел. Еще раз, – произнес он, холодея от мысли, что с ним может сделать Василиса, если узнает, что это он, Пепел, фактически своими руками убил Костыля, хоть и случайно. – Ты же хотела, чтобы он умер. Теперь твоя мечта осуществилась.

По ее гневному виду он понял, что сказал лишнее.

– Мало ли чего я говорила! – закричала она, и он вздрогнул от громкого эха, разнесшего ее слова по подъезду. – Сборище недоумков! Вы, вместе взятые, и одного его пальца не стоите!

– Не кричи ты так, – утихомиривал Пепел, пребывая в недоумении. – Ты же столько раз говорила «чтоб он сдох»!

– Придурок! – ответила она. – Это ничего не значит!

«Не понимаю женщин, – подумал он. – Сами не знают, чего хотят»

– Теперь же квартира твоя, – сказал он растерянно.

– Уйди, – потребовала Василиса. – Чтоб никогда не видела и не слышала о твоём существовании.

Она захлопнула дверь перед его носом, оставив Пепла наедине с мыслями о непостоянстве и нелогичности женщин. Сквозь замочную скважину до него доносились всхлипы Василисы.

Он понуро поплелся к себе домой тремя этажами выше и на последнем пролете он увидел двоих человек в милицеской форме.

– Здравствуйте, – отдал честь один из них и протянул удостоверение. – Вы Василий Иванович Пеплов? – он сверился

с бумажкой в черной папке.

– Я, – Пепел побледнел на глазах и стал похожим на при-
ведение.

– Вы главный бухгалтер ООО «Вектор»?

– Я, – снова подтвердил он, чувствуя, как подкашиваются
ноги.

– Тогда нам надо серьезно и обстоятельно поговорить...

56.

– Черт! Черт! Черт! – повторял Платон, бегая по кабинету Демидовича, словно лев по клетке в зоопарке. Он нервно запускал пядь в редеющие волосы, и они торчали, как у Михалыча.

Перепуганная Валентина наблюдала за ним издалека, не решаясь ничего сказать. Она никогда не видела его в таком состоянии.

– Чувствовал, что этим закончится! – он бил кулаком по столу. В приемной подпрыгивала и неистово крестилась Валентина. – Вокруг они уроды, ни на кого положиться нельзя!

Главный корпус института пылал и не желал гаснуть. Съе-
хались пожарные со всех частей города и района, но пока
особых результатов не добились – огонь продолжал распро-
страняться дальше, захватывая помещения одно за другим.

Мухин оказался не Кольцовым – он не хотел денег, его
скорее интересовало место директора само по себе. Возмож-

но, когда-то он привыкнет к новой роли, у него проснется денежный интерес, но вчера он с негодованием отвергнул предложение Платона о продолжении сотрудничества. Этот Безуглый еще влез... Обидно, что самолично добился, чтобы этого сующего нос не в свои дела следователя уволили с выговором, и тому пришлось согласиться на работу охранником в каком-то мухосранске без перспектив карьерного роста. Кто же знал, что они встретятся здесь, в Лоскутовке.

Безуглый теперь вцепится и не отпустит из чувства мести. Платон успел заметить его радость во время вчерашнего допроса. Мелкая шавка, ухватившая слишком большую кость, с которой не справится и подавится.

Костыль мертв, Михалыч пропал, наверное, тоже сдох.

Ничего не клеилось и разваливалось. Это стадо идиотов испортило все, а теперь еще и институт угрожал сгореть к чертям собачьим. Кольцов спрятался в психушке, с него взятки гладки, Костыль помер, Саня сбежал. Говорят, заболел. Врут.

Трусы и подлецы, готовые умереть, лишь бы избежать ответственности!

– Мрази! – прокричал он, открывая сейф Демидовича и доставая спрятанную на черный день бутылку. – Предатели!

Вокруг одни изменники, ждущие, чтобы он оступился и сделал какую-то глупость. Попробует еще кто-то сказать о доверии к людям! Если любое дело пустить на самотек, тебе обязательно на шею сядут и ножки свесят! Это надо же, со-

творить из него посмешище!

Он, Платон, не привык, чтобы об него вытирали ноги. Он не какая-то беззубая офисная крыса! Он акула, он хищник, рожденный рвать других в клочья, а не изображать из себя сардину, годную только для заполнения места в консервной банке.

– Предатели! – пробормотал он, выпивая очередную рюмку. Солнце на миг закрылось облаком, и в потемневшем окне промелькнуло его отражение. Увиденное его испугало, и на мгновение он протрезвел, но вскоре взор снова затуманился.

Все норовят обмануть, продолжал думать он. Без исключений.

Тальберг подвел еще тогда, осенью. Жаль, кстати, не успел его уволить с выговором, чтобы попал в черный список по ведомству. Говорят, рассчитался по собственному желанию. Ну-ну, пусть теперь попробует найти работу получше, связи-то везде есть, мимоходом можно человека отовсюду «достать».

Лизка строит из себя верную жену, хотя понимает, что Тальберг неудачник. Красивая она, но дура и не разбирается, кто в жизни хозяин, а кто так – небо коптит. Пожалее еще, но будет поздно. Вдобавок, ни разу эта сволочь не обмолвилась о его дочери.

Платон покопался во внутренних ощущениях на предмет того, что чувствует к Ольге, но не смог ее представить. Он не знал о ней ничего, кроме имени и возраста, а к абстрактной

личности можно испытывать только абстрактные чувства.

Не стоило доверять Костылеву. Следовало догадаться, что человек, по глупости лишившийся ноги, в следующий раз может и жизнь потерять. Набрал задрипанных алкашей, спаливших институт к чертовой бабушке. Талантливый менеджер. Тьфу. Чувствовал, нельзя ничего пускать на самотек – едва расслабишься и на кого-то понадеешься, так обязательно получишь или кукиш, или нож в спину.

Николай Константинович притворился психом, теперь отдыхает в одной палате с зятем. Делают вид, что не ничего помнят и не знают. Как удобно! Никогда не доверял Кольцову, скрывалось в нем нечто подозрительное, словно косит под дурачка, а сам «стучит» в центр.

– Ненавижу, – прокричал он и ударил кулаком по столу.

Испуганная Валентина еще сильнее вжалась в стул, опасаясь, что в порыве гнева Платон может сотворить что-нибудь из ряда вон выходящее.

– Шалава! – процедил он, вспомнив о Маринке.

Что ей от него надо? Понятно, секс и переезд в столицу, сына выучить, в университет какой-нибудь по блату сдать. Удобно устроилась. Такая же мразь, как и остальные.

К ней он не испытывал особенной злости. Он считал ее редкостной тварью и по совместительству разведенкой с прицепом, но откровенно ненавидеть не получалось.

– Твари.

Зазвонил телефон Демидовича, не имеющий ни диска, ни

кнопки – по нему можно только ответить на вызов.

Платон никогда не видел, чтобы кто-то воспользовался этим аппаратом, поэтому от внезапности неприлично высоко подпрыгнул на стуле. Он поразмышлял, нужно ли отвечать на звонок, ведь кабинет чужой.

– Слушаю.

На том конце мог оказаться кто угодно, включая руководство из министерства.

– Кто это? – спросил знакомый старческий голос.

– Иван Демидович! Здравствуйте! Это говорит Талаев.

Демидович закашлялся. Платон отодвинул трубку, чтобы не оглохнуть, и терпеливо ждал, пока не закончатся лающие звуки.

– Хорошо, что ты на месте. Меня сейчас привезут, поговорить надо.

– Как ваше самочувствие? – спросил Платон. Ему меньше всего хотелось видеть Демидовича.

– Не дожدهшься, – сказал голос в трубке. – Ни разу не проведаль, ни позвонил, а теперь отчего-то решил поинтересоваться здоровьем. Мой старческий маразм еще не настолько плох, чтобы не понимать, что к чему.

«Вредный старикашка, – подумал Платон. – Тебя давно пора сдать в утиль вместе с Лужиным».

– Я был занят, – сухо ответил он, – выполнял ваше же поручение.

– Мне доложили. Из окна больницы видно, как оно дого-

рает.

Платон пожалел, что не может схватить с трудом разговаривающего военного пенсионера и вытрясти из него душу, случайно за что-то зацепившуюся и не сумевшую сбежать из рыхлого тела.

– Из министерства звонили. Даже там знают, что ты организовал притон из забулдыг на территории института.

Платон молча слушал, громко сопя.

– И как ты, наверное, догадываешься, наверху требуют крови, здесь и сейчас, – продолжал Демидович. – Будь на месте, приеду.

Осторожно положил трубку на рожки и сглотнул. Во рту в момент пересохло, и закружилась голова. Впервые в жизни затряслись руки.

Конец, провал, тупик. Через несколько минут Демидович будет отчитывать его, как мальчишку. А то, что случится потом, вовсе не хотелось представлять. Он встал со стула и бродил кругами по кабинету, заводясь все сильнее.

Ну уж нет, он не даст списать себя со счетов так легко. Он разработает план. Из любой ситуации найдется выход. Полез в шкаф. Демидович никогда не хранил важные вещи в сейфе – там всегда ищут в первую очередь.

– Должно же быть хоть что-нибудь, – бормотал он.

Он не представлял, что пытается найти. Какие-нибудь бумаги, справки, способные скомпрометировать Демидовича. Используя их для шантажа, посадит его с собой в одну лодку

– тонуть, так вместе.

Маленький червячок в мозгу нашептывал, что за оставшиеся минуты невозможно разобраться ни в каких в бумагах, даже если они и существуют. Но сдаваться нельзя, ведь он никогда не отступает и обязательно добивается желаемого.

Пролистал папки – хлам от предыдущего владельца кабинета. Должно же найтись хоть что-то! Не бывает безвыходных ситуаций. Простучал ящики, прощупал карманы, просмотрел переписку, выгреб вещи из шкафов и свалил на пол. Пусто. Ни единой зацепки.

– Не может такого быть.

Повторил обыск заново с тем же успехом. В одном из ящиков затарaxтело что-то тяжелое – табельный пистолет Демидовича. Платон схватил его и трясущимися пальцами засунул в магазин патроны, лежавшие тут же в коробке. Каждую секунду он ждал, что войдет Демидович с криком «Ты чем занимаешься?»

Успел. С облегчением ткнул пистолет за пояс и прикрыл пиджаком, чтобы скрыть выступавшую рукоять. Теперь он готов к любой неизвестности. У него есть железный аргумент.

Принялся ждать, поглядывая через окно на улицу.

Напротив входа остановился черный автомобиль, из которого услужливый водитель извлек едва шевелящегося Демидовича.

Платон уселся на стул для гостей и нетерпеливо ожидал, пока старик поднимется по ступенькам – судя по медлительности его движений, ждать придется долго.

– Чай, кофе? – спросила заглянувшая Валентина, заметив наступившую тишину.

Отмахнулся, словно отгонял муху.

– Не надо ничего.

Она исчезла, а вскоре он услышал ее кудахтающий голос. По-видимому, Котов добрался до приемной и теперь выслушивал пожелания долголетия и крепкого здоровья. Платон, успевший успокоиться, опять разнервничался. В висках бился пульс.

В дверях появился Демидович. Платон бессознательно нащупал правой ладонью прохладную поверхность пистолета.

– Натворил ты делов! – вместо приветствия сказал Котов с порога. – Теперь долго разгребать будем.

– Произошедшее связано с объективными внешними трудностями, – хмуро ответил Платон.

Демидович, пошатываясь и тяжело дыша, прошел к креслу и расплылся в нем бесформенной кучей.

– Тебе сказать, куда ты можешь засунуть свои объективные трудности? – риторически спросил он. – Никому неинтересно, кто виноват. Они разбираться не станут.

– Откуда в центре так быстро узнали, да еще с подробностями?

– Не знаю. Вдруг ты кому дорогу перешел?

Кольцов? Безуглый?

– Обиженных много, на всех не угодишь.

– Кто-то тебя особо невзлюбил, и радостно отрапортовал прямо наверх.

Платон задал самый главный вопрос, мучивший его второй день:

– Что дальше?

– Дальше, уж извини, нам придется расстаться.

Платон морально подготовился к чему-то такому, поэтому никаких эмоций не проявил, а лишь спросил:

– Куда меня переводят?

– Переводят? – Котов снова закашлялся. – Никуда. В министерство тебе вход заказан. Можешь приступать к поиску новой работы. В охранную службу института, например. Там на этой неделе вакансия образовалась.

– Да что я такого сделал? – возмутился Платон. – Пожар – простая случайность.

– Хрен с ним, с пожаром. Спишут, восстановят, кто-то даже заработает. Ты лучше скажи, что с программой, которую ты контролировал с Лужиным?

Платон поник. Лужин в последние недели занимал место на самой дальней полке насущных интересов.

– Пока я лежал на больничной койке, мне принесли отчеты за три месяца действия мероприятий по выводу региона из депрессии, – продолжал Демидович. – Многого не требовалось, всем ясно, тут процветания никогда не будет. Зада-

ча стояла элементарная – показать пару процентов улучшения. Народ бы вздохнул, мол, лучше – это не хуже, а насколько – дело пятое. Но вот смотрю в бумажку и читаю, что количество преступлений в среднем увеличилось на четверть! Убийства, грабежи, изнасилования – куча строчек с циферками, одна другой краше. Средний доход населения упал на пять процентов. Молокозавод перестал уделять время молоку и занимается разливом платоновки...

«И про платоновку знает, старый хрыч, – подумал Платон. – Наверное, друзья-алкаши рассказали». Словно прочитав его мысли, Демидович добавил:

– Про платоновку уже в центре всем известно. Пошлятина! Особенно в бутылках из-под молока. Ничего доверять нельзя!

Последние слова задели за живое. Платон побагровел и громко, даже Валентина расслышала, прокричал:

– Я, в отличие от вас, на кровати в больничке не отлеживался, а хотя бы пытался что-то делать.

– Попытки мало, – спокойно ответил Демидович.

– Что вы от меня хотите? – вскипел Платон. – Почему крайним должен быть я? Лужина берите и наказывайте.

Котов поглядел на него.

– Лужина я держу, потому что он верный, а тебя – за исполнительность, – сказал он тихо. – Лужин по-прежнему верный, а ты свою исполнительность не доказал.

– Может быть, я тоже верный.

– При малейшей возможности ты от меня избавишься. По глазам вижу.

Демидович открыл нижний ящик стола. Платон похолодел. Котов продолжал шуршать всякой мелочью, вроде корбочек, кульков и прочего хлама, но то, что он искал, не хотело находиться. «Где же оно?», бормотал он. Когда стало понятно, что ящик пуст, посмотрел на Платона.

– Где? – спросил хриплым голосом. – Тут, кроме тебя, никто не ошивался!

Платон откинул борт пиджака и достал пистолет, направив дуло на Котова. Большим пальцем машинально отключил предохранитель, как учили во время стрельб.

– Отдай, мальчишка! – потребовал Демидович. – Это мое табельное оружие! Я за него головой отвечаю, сосунок! Я тебя за него сгною!

– Прочь! Убирайтесь! – Платон почувствовал, как к лицу прилила кровь, и все вокруг поплыло по часовой стрелке. Он никогда не испытывал подобного состояния, но оно ему понравилось. Он чувствовал себя всемогущим и готовым на любой поступок. – Никому не позволю называть меня сосунком!

Демидович вскочил, перегнулся через стол и слабой стариковской рукой ухватился за дуло.

– Отдай, – процедил он сквозь зубы. – Тебя не учили в школе, что нельзя брать чужие вещи?

Платон подергал пистолет, однако Котов упорно не желал

сдаваться, но при этом тряся, словно тряпичная кукла.

– Я выстрелю. Мне терять нечего. Какого-то старого алкаша никто жалеть не станет.

– Черта с два, – прохрипел Демидович, – ты только чужими руками можешь что-то сделать. Отдай, тебе говорю!

Он еще раз сильно потянул пистолет на себя, и Платон почувствовал, как его палец дернулся и нажал спусковой крючок. Хватка Демидовича ослабла. Платон вскочил, продолжая держать оружие.

– Я же предупреждал, – сказал он с обидой, – вы никогда не слушали, что я вам говорю!

Генеральный инспектор походил на рыбку, беззвучно открывающую и закрывающую рот за стеклом аквариума.

– Вы сами виноваты! – крикнул Платон. – Думаете, меня можно отправить на свалку? Ошибаетесь! Я не какой-то мусор!

Демидович упал навзничь, зацепившись за кресло.

Валентина вызвала вооруженную охрану после звука выстрела. Перед этим из кабинета доносились крики, поэтому она поняла, что дело плохо.

Только она положила на телефон трубку, как в приемную вышел Платон с пистолетом в руке. Валентина разглядела оружие. Она едва не потеряла сознание от испуга и осторожно встала на колени, надеясь, что сегодняшней день не станет последним рабочим днем в ее неинтересной, но все-таки

жизни.

Платон не обратил на нее внимания. Ему нужно быстро покинуть здание, пока его не остановили.

– Стоять! – прокричал молодой охранник.

Платон направил на него пистолет, удовлетворенный тем, как тот побледнел.

– С дороги! Я не шучу!

Парень поднял руки и отошел в сторону.

– Спасибо за содействие, – поблагодарил Платон, оттолкнул охранника и захлопнул за собой дверь.

Валентина бросилась в кабинет и увидела лежащего на полу раненного Котова. Он тяжело дышал, обреченно глядя в потолок. Красная от крови дрожащая рука лежала на судорожно сокращающейся груди. Она схватилась за сердце и простионала:

– Ой, мамочки! Что ж творится?!

– Сукин сын, – прошептал Демидович и закрыл глаза.

57.

Он бежал по коридорам, не узнавая ничего вокруг, словно в лабиринте, выступая в роли подопытной крысы в поисках выхода.

Прыгал по ступенькам, натыкался на монстров с дубинками, пытавшихся его остановить. Видя их, он разворачивался и устремлялся в противоположную сторону.

Твари, испуганно смотревшие на него из полуоткрытых дверей, оказались относительно безопасны и быстро отскакивали при виде пистолета. Он взмахивал рукой, и они с визгом забивались под столы и стулья.

Бежать, нужно мчаться, не задерживаясь ни на мгновение. Стоит замешкаться, как его свяжут и упекут куда-нибудь подале, где света белого не увидишь.

Он продолжал бег, тяжело дыша. Его бесили истеричные крики. Он выстрелил в потолок, чтобы визг прекратился, но вопли стали громче. Сверху посыпалась штукатурка и попала в глаза.

– Твою мать! – выругался, вытирая левой ладонью лицо.

Впереди по коридору стояла целая толпа тварей. Они держали в руках оружие, но в их неуверенных движениях читался страх – они боялись стрелять и с ужасом смотрели на дуло пистолета, словно на готовую к атаке ядовитую змею.

Ударил ногой в дверь справа от него. Хлипкая дверца провалилась внутрь, отозвавшись звоном разбитого стекла. Он вошел и оказался в офисном помещении, пока кучка трусливых придурков продолжала трястись в коридоре.

На него смотрел очередной комплект перепуганных лиц.

– Выход! – потребовал он. – Быстро!

Тонкая, словно соломинка, девушка, которой не повезло оказаться поблизости, показала дрожащим пальцем в дальний конец помещения.

– Там проход на пожарную лестницу, – пролепетала она.

– Если соврала, найду и обязательно прибую, – сказал он вместо благодарности и ринулся в указанном направлении, успев заметить искажившееся от ужаса лицо девушки. Так и надо, подумал он. Только страх может заставить этих тварей делать, что нужно.

Он бежал, опрокидывая мебель. Кружились бумаги, и он на секунду позволил себе отвлечься и представить, как, должно быть, красиво смотрится со стороны.

Он слышал крики, призывавшие остановиться и сдаться, но еще одно поражение не входило в его сегодняшние планы. Главное, чтобы эта выкрашенная в синий цвет металлическая дверь открывалась изнутри.

К счастью, поворот ручки сработал, и он оказался на пыльной лестничной клетке. Так как тут никто не ходил месяцами, ступени покрылись слоем грязи и мусора. Он бросился вниз с возрастающей решимостью не дать себя живым.

– Черт!

В самом низу ждала еще одна дверь, ведущая на улицу. По инструкции ей предписывалось без проблем открываться изнутри, но вместо этого была надежно закрыта и опечатана.

– Придурки.

Он пнул ее ногой, не надеясь ни на какой результат, а лишь для того, чтобы выплеснуть злость.

Он выскочил в коридор, планируя добраться до парадного входа. Вахтерша ему не сможет помешать, особенно если учесть, что у него – пистолет, а у нее – газетка с недоразга-

данными кроссвордами.

Где-то вверху лестницы зашумело. Преследователи не сильно торопились, боясь его сильнее, чем он их.

По почти пустому коридору до самого выхода он добежал беспрепятственно. По пути едва не сшиб какого-то старичка в зеленых очках, шедшего навстречу, перебирая в руках мятые справки и читая таблички.

Осталось немного – десяток шагов, а там бесконечность.

– Что происходит? – грозным голосом спросила вахтерша, заметив взъерошенного мужчину, бегущего с неприличной для взрослого человека скоростью. – Неужели пожар?

– Да, – сказал он, не взглянув на нее. – Срочно идите помогать.

Последняя дверь. За ней целый мир. За ней свобода, солнце и возможности. Он сбежит, он скроется, спрячется, сделает новый паспорт, поменяет личность и начнет сначала. Во второй раз проще, если ты это однажды совершил. На самом деле, такой пустяк, если ты умеешь управлять людьми и можешь заставлять их делать, что надо не им, а тебе.

Мир большой, найдется, где спрятаться. Можно уехать к морю и пальмам ил замечательно прожить остаток жизни на родине и у Шмидта. Он язык выучит, внешность поменяет, но счастье выцарапает.

Надо найти Тальберга, достать из-под земли, вытряхнуть из него душу. Это из-за него жизнь пошла наперекосяк, должен же он заплатить за незаслуженное удовольствие быть с

Лизкой эти годы. Магазин полон патронов, на всех обидчиков хватит.

– Не дайте ему уйти! – закричал голос далеко позади.

Он с разбегу попытался вышибить плечом дверь. Со второго удара она с громким стуком распахнулась, и яркий свет ударил в глаза вместе с сильным порывом ветра. Плечо онемело, он ослеп и несколько секунд моргал, отгоняя бегающие пятна. Но еще до того, как к нему вернулось зрение, он почувствовал, что не один.

Со всех сторон его окружали они – бесполые, безликие, похожие друг на друга. Они брели к нему, словно зомби, волоча ноги, вылезали из люков, выползали из щелей и собирались в одну огромную недовольную толпу. Они становились в ряды, и каждый занимал свое место согласно установленному порядку. И молча смотрели на него.

Их лица искажались от ненависти, которую он к ним испытывал, и чем сильнее он их ненавидел, тем страшнее становились их оскалы. Оборванцы, калеки, нищие, убогие, отбросы общества и просто обычные люди, умеющие существовать и делать вид, что радуются жизни, сидя по уши в дерьме. Без смысла, без надежды, без стремлений, всего лишь высохшие ветки больных деревьев, пригодные только для того, чтобы быть сломанными и брошенными в костер. Они появились в этом мире, чтобы утянуть с собой, сделать таким же безликим, лишит карьеры, средств к существованию, умения распоряжаться собственной жизнью.

Его самый большой страх пульсировал в немигающих глазах каждого из них. Они воплощали его ночные кошмары.

Сильнее всего он боялся стать никем, ничем, просто жить, ожидая смерти. Ведь это абсолютно невозможно для него и сродни гибели, а то и хуже. Не для того он появился на свет, чтобы быть простым человеком. Не для того взращивал в себе амбиции, холил чувство собственной важности, чтобы прожить серую беспомощную жизнь, закончившуюся превращением в перегной и забвением через поколение.

Ему необходимо войти в учебники, он обязан существовать в памятниках, он должен смотреть с газетных полос, чтобы доказать всему миру, себе и Краю, что достоин вечной жизни. Он знает, он может.

Солнце внезапно исчезло, скрытое быстрой тучей. Платон посмотрел в небо, чтобы увидеть, как со стороны Края ползут огромные пугающие облака, обещаая проливной дождь из запасов, накопившихся за последние месяцы. Следом пришел холод, и страх стал еще сильнее и, казалось, можно было физически осязать его дыхание.

Он сбежал со ступенек, судорожно пытаясь увидеть хоть какой-то просвет в этом сборнике уныния и отчаяния, но наткнулся лишь на сплошную черноту зрачков.

– Он опасен! – кричал голос, звоном отдаваясь в ушах. – Будьте осторожны! Не дайте ему скрыться!

И вдруг среди всей этой толпы уродов он увидел человеческое лицо, не обезображенное яростью. Она стояла без-

мятежным парусником в бушующем море тянущихся рук и искореженных оскалов. Волны тел метались вокруг, но ни одна капля ненависти не смела попасть на нее, словно она пришла сюда по радуге прямиком из другого мира, и Платон был готов поклясться, что она шла босиком. Смелая, красивая, сияющая уверенностью с гордым лицом и суровым взглядом ярко-голубых глаз, не тронутых ни возрастом, ни тяжкой жизнью, не сломленных и потерявших надежду. Она походила на бронзовую статую древней богини, и только шевелящиеся волосы выдавали, что она человек.

Платон зарычал, собрал силы и бросился сквозь толпу к ней, по пути пытаясь оторвать от себя тянущиеся к нему руки. Он спотыкался, падал, но поднимался и продолжал идти. Каждый следующий шаг давался с еще большим трудом, на нем висли гроздьями убогие, сырые, немощные, ненавидимые и презираемые им всю свою жизнь, а теперь и вовсе превратившиеся в болотную трясиину, которая засасывала, чтобы переварить и впитать то хорошее, что осталось в Платоне.

Он задыхался и приготовился сдаться, упасть, рухнуть, распластаться и быть затоптанным, но поднимал голову, видел ее лицо и снова вставал, чтобы сделать следующий шаг в бесконечном путешествии к недостижимому.

Женский голос, иногда переходящий в громкий визг, неустанно повторял:

– Держите его. Осторожно, он может быть опасен...

И когда вечность хрустнула и сломалась, словно пружина

в старых часах, он упал в шаг от заветной цели и, понимая, насколько жалко он выглядит, протянул руку, чувствуя, как покидают последние силы.

– Марина, – почти прошептал он. – Спаси меня.

Она посмотрела с грустью и сказала голосом, которым врачи сообщают диагноз смертельно больному:

– Ты все-таки оказался тварью.

И не было в ее словах ни капли ненависти, ни щепотки презрения, а только бесконечное сожаление по поводу прошедшего и несбывшегося. Она неспешно повернулась и пошла прочь, и толпа расступалась перед ней, чтобы незамедлительно сомкнуться и навсегда отделить ее от Платона. Это было то самое «нет», в котором оказалось просто «нет» без всяких надежд и скрытых смыслов.

Вспыхнула молния, прокатился гром, и он почувствовал на лице холодные капли начинающегося дождя.

– Крути его! Руки держи крепко, чтобы не вырвался!

Он в последний раз поглядел на ее силуэт, прежде чем тот исчез, растворившись в заблудившемся луче солнечного света, а потом поник, перестал сопротивляться, и тысячи рук схватили его за рукава пиджака, за штанины, за воротник рубашки и утянули за собой в серое и будничное никуда.